

Ф. К.
КАСТ

БОГИНЯ МОРЯ

ЭКСМО
Москва
Санкт-Петербург
ИД АОМИНО
2010

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
К 28

P. C. Cast
Goddess of the Sea

© 2003 by P. C. Cast

All rights reserved including the right of reproduction
in whole or in part in any part.

This edition published by arrangement with The Berley Publishing
Group, a member of Penguin Group (USA) Inc.

Составитель серии *Александр Жикаренцев*

Оформление серии *Сергей Шикина*

Художник *Екатерина Платонова*

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИД «Домино»

Каст Ф. К.

К 28 Богиня моря / Ф.К. Каст ; [пер. с англ. Т. Голубе-
вой]. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2010. — 480 с.

ISBN 978-5-699-42168-8

Кики очень хотела, чтобы в ее жизни появилось хоть чуть-чуть волшебства. И вот однажды ночью она произнесла вслух воззвание к Гее, отдавая себя во власть этой древнейшей из богинь. Произнесла, несколько не веря в успех взятого из книги ритуала. Ну откуда ей было знать, что богов и магию очень опасно недооценивать, иначе можно запросто оказаться в чужом архаичном мире? Более того, оказаться в теле мифической русалки Ундины!

Но теперь раскаиваться поздно, надо срочно приспосабливаться к новой среде обитания, изобилующей столь же опасными, сколь и легендарными формами жизни...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Т. Голубева, перевод с английского, 2010
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2010

ISBN 978-5-699-42168-8

Дорогой читатель!

У авторов есть любимые книги. Согласно, согласна — книги как дети, и трудно признать, что одного любишь больше, чем других, но это так. Книги о богинях — мои любимые дети.

Как и другие мои сочинения для молодежи, например серия «Дом Ночи», книги о богинях прославляют независимость, ум и красоту современных женщин. Мои герои сходны в одном: им нравятся сильные женщины, и они достаточно мудры, чтобы ценить ум так же, как и красоту. Разве умная женщина не может быть сексуальной?

Изучать мифологию и пересказывать древние мифы очень увлекательно! В «Богине моря» я изложила историю русалки Ундины, поменявшейся местами с современной девушкой, сержантом Военно-воздушных сил США, которой нужно было разобраться в себе. В «Богине весны» я взялась за миф о Персефоне и боге подземного царства Гадесе и отправила современную женщину в ад! Кто бы мог подумать, что ад и его тягостный заботами правитель могут быть такими интересными?

А потом мы отправимся на чудесные каникулы в Лас-Вегас с божественными близнецами, Аполлоном и Артемидой, это уже в «Богине света», и, наконец, перейдем к моей любимейшей волшебной сказке, «Кра-

Ф. К. Каст

савица и Чудовище». В «Богине розы» я рассказала свою версию этой чудесной истории, выстроив волшебный мир, в котором возникают мечты — добрые и злые — и рождаются существа, от которых у меня захватывает дух.

Я надеюсь, что вам понравятся мои миры, и я желаю вам обнаружить божественную искру в вас самих!

Ф. К. Каст

*Посвящается Ким Донер, музе и другу.
Спасибо за то, что идеально решаешь
все проблемы*

Благодарности

Спасибо тебе, Мередит Бернштейн, за то, что ты замечательный агент. Твоя поддержка и вера в меня бесценны.

Кристина Зика, с тобой так приятно работать! Твоя интуиция неоценима; ты воистину богиня редакторов!

Спасибо, мама, за то, что разрешила воспользоваться твоей девичьей фамилией.

Рэйчел Райан, спасибо за твой энтузиазм; ты великий первый читатель.

И особая благодарность — студентам моего творческого семинара для молодых авторов за помощь в «мозговом штурме». Надеюсь, вам понравились ваши эпизодические роли.

*Ложбинный дух бессмертен,
Его называют Сокровенной Самкой.
Врата Сокровенной Самки — Корень
Неба и Земли.
Как нить, в бесконечность тянется он,
Используй его без усилий!*
Лао Цзы, «Дао де Цзин»

Часть первая

Глава первая

Руки были заняты целой охапкой покупок, но Кики умудрилась вытащить ключ из замка и ногой захлопнула за собой дверь. Она привычно глянула на часы, висевшие в холле ее просторной квартиры. Уже половина восьмого. Ей понадобилась целая вечность, чтобы закончить дела в Центре коммуникаций, а потом заехать в винный магазин и в военторг.

По дороге от базы военно-воздушных сил в Тинкере она чуть не утонула в непролазной грязи. Вдобавок ко всему она попыталась сократить путь к дому, ошиблась поворотом и безнадежно запуталась.

Добрая душа на Квик-Трип подсказала ей верное направление, и Кики решила объяснить этому человеку: она заблудилась лишь потому, что перевелась в Тинкер всего три месяца назад и еще не успела как следует запомнить окрестные дороги.

Тот мужчина похлопал ее по плечу и спросил:

— И что же такая юная малышка делает в военновоздушном флоте?

Кики сочла вопрос риторическим, поблагодарила и поехала дальше, пылая от смущения.

Настойчиво зазвонил телефон — Кики аж подскочила.

— погоди! Я иду! — крикнула она и бросилась в кухню, бесцеремонно свалив все пакеты на безупречно чистую стойку; потом метнулась к телефону.

— Алло! — выдохнула она в трубку, но услышала лишь гудки и ритмичное побрякивание автоответчика. — Ну, хоть сообщение оставили...

Кики вздохнула и, нажав кнопку прослушивания, прихватила телефонный аппарат с собой в кухню. Одной рукой придерживая телефон, другой она извлекла из пакета две бутылки шампанского.

— Получено два новых сообщения, — возвестил механический голос. — Первое новое сообщение принято в семнадцать тридцать.

Кики внимательно слушала, обдирая фольгу, скрывавшую опутанную проволокой пробку.

— Привет, Кристина, это твои родители! — Голос матери, записанный на пленку, звучал неестественно и тонко, искаженный расстоянием.

— Привет, Кристина! — До нее донесся голос отца, еще более далекий, но бодрый.

Кики улыбнулась с легкой снисходительностью. Ну конечно, это ее родители; на всей земле только они называли ее по имени.

— Мы просто хотели сказать, что не забыли про твой великий день.

Тут мамочка ненадолго умолкла, и Кики услышала, как рядом с ней хихикает папочка. То есть они могли забыть о ее дне рождения? Ей такое и в голову не приходило... до этого момента.

Голос матери продолжал:

— Просто мы тут немножко поскандалили, собираясь в следующий круиз! Ты же знаешь, как долго укладывает вещи твой отец. — Это было произнесено доверительным шепотом. — Но не беспокойся, милая, даже если ты еще не получила подарок, мы уж постарались подготовить маленький сюрприз для нашей дорогой доченьки к двадцатипятилетию.

— Двадцать пять? — Отец, похоже, был искренне удивлен. — Вот ведь, а я думал, ей только двадцать два!

— Время просто летит, дорогой, — проницательно заметила мама.

— Чертовски верно, милая, — согласился отец. — Именно поэтому я тебе и говорю, что нам следует больше путешествовать... именно поэтому!

Отец хихикнул.

— Ты абсолютно прав, дорогой, — чуть задохнувшись, ответила мама, и ее голос вдруг стал лет на десять моложе.

«Да они там флиртуют, пока наговаривают сообщение! — разозлилась Кики. — И они действительно забыли о моем дне рождения!»

— Ну, в общем, мы уже готовы отправиться в аэропорт...

Голос отца прозвучал с еще большего расстояния:

— Элино! Прощайся, машина из аэропорта уже пришла.

— Да, нам пора ехать, именинница! Ох, вот еще: желаю тебе отлично провести время в твоём малень-

ком военно-воздушном приключении. Ты ведь улетаешь через пару дней?

Кики вытаращила глаза. Командировка на базу ВВС в Эр-Рияде — это, между прочим, Саудовская Аравия, там все время воюют с террористами. И кем? Сержантом — Центр коммуникаций, отдел контроля качества. Это они называют просто «маленьким военно-воздушным приключением»?

— И еще, милая, забудь о своих страхах перед полетами. Ты уже достаточно взрослая, чтобы переживать о таких глупостях. К тому же ты ведь теперь служишь в военно-воздушном флоте!

Кики передернула плечами, подумав, что лучше бы мать не напоминала об этой фобии — боязни самолетов: ведь вскоре предстояло пересечь половину мира, над океаном... Это было единственное, что не нравилось Кики на службе в ВВС.

— Мы тебя любим! Пока!

Сообщение закончилось, и Кики, в изумлении покачивая головой, выключила автоответчик и поставила телефон на кухонную стойку.

— Поверить не могу, ребята, что вы забыли о моем дне рождения! Вы всегда говорили, что о нем забыть невозможно, потому что я родилась почти в канун Дня всех святых! — сказала Кики телефону, открывая застекленный шкаф, чтобы достать бокал для шампанского. — Вы даже не помните номер моей почты, — продолжила она, сражаясь с пробкой.

За те семь лет, что Кики служила в Военно-воздушном флоте Соединенных Штатов, родители ни разу не забывали о ее дне рождения. И вот сегодня... Ее двадцать пятый день рождения — она прожила уже четверть века. Это была воистину знаменательная да-

та, и Кики намеревалась отпраздновать ее, хотя и не получила подарка от родных.

— Это же семейная традиция! — пробормотала она, вытащив наконец пробку и держа пенящуюся бутылку над раковиной.

Кики вздохнула от неожиданной тоски по дому.

Нет, решительно напомнила она себе, ей нравится военная служба, и она никогда не сожалела о решении, внезапно принятом сразу после окончания высшей школы. В конце концов, оно ведь увело ее из милого, заурядного, тихого маленького городка. Нет, ей не удалось «повидать мир», как обещала рекламка. Но она пожила в Техасе, в Миссисипи, в Небраске, в Колорадо, а теперь вот — в Оклахоме; а пять штатов — это уже гораздо больше, чем видывало большинство самодовольных жителей ее родного Гомера в штате Иллинойс, и больше, чем им когда-либо удастся увидеть.

— Хотя это, безусловно, не относится к моим родителям! — Кики налила шампанское в бокал, отпила немного и топнула ногой, снова взглянув на телефон. Кажется, за последний год ее родители провели в турах «Серебряного Путешествия» больше времени, чем это вообще возможно. — Они, должно быть, хотят поставить рекорд. — Кики припомнила игривый тон их голосов и очень живо представила себе картинку.

— Но, мама, — продолжила она, по-прежнему обращаясь к телефону, — неужели на этот раз не будет твоего домашнего шоколадного печенья? — Она сделала еще глоток шампанского и обнаружила, что бокал пора наполнить снова. — Интересно, и как я устрою праздничный пир без подарка ко дню рождения? — Кики сунула руку в один из пакетов и достала короб-

ку с цыпленком по-кентуккийски, приготовленным разумеется, по оригинальному рецепту. Переведя взгляд с цыпленка на шампанское, она продолжила монолог: — Итак, у меня есть жареная курятина с приправами для лучшего пищеварения, есть фрукты, есть мое любимое шампанское. Но как я должна завершить кулинарный ансамбль дня рождения без сладкого? — Кики негодуяще махнула рукой в сторону телефона.

Сняв крышку с коробки, девушка подцепила жареную ножку и впилась в нее зубами. Потом, размахивая надкусанной ножкой, она продолжила:

— Вы ведь и сами знаете, ребята, что всегда должны присылать мне что-нибудь абсолютно бесполезное, что меня развеселит и напомнит о доме. Где бы я ни была. Как несколько лет назад, когда вы прислали дворовый дождемер в форме лягушки. И это при том, что у меня нет собственного двора! А тот камень с надписью «Благослови Бог этот дом!»? Мне пришлось повесить его на стену служебной квартиры, потому что дома у меня тоже нет! — Негодующее выражение лица Кики сменилось улыбкой, когда она припомнила все нелепые подарки родителей. — Наверное, вы пытались намекнуть, что мне пора выйти замуж или, по крайней мере, стать домовладелицей.

Некоторое время она задумчиво жевала, потом снова вздохнула, рассердившись из-за того, что ведет себя скорее как подросток лет пятнадцати, чем как особа двадцати пяти лет от роду. Потом вдруг она взбодрилась.

— Эй! Там ведь есть еще одно сообщение, а я и забыла! — сообщила она телефонному аппарату, хватая его и включая перемотку ленты автоответчика.

— Второе новое сообщение. Принято в восемнадцать тридцать две.

Наверное, это Сэнди, ее самая давняя подруга... вообще-то единственная, оставшаяся со студенческих лет. Они дружили с первого курса, и Сэнди редко что-либо забывала, не говоря уж о дне рождения любимой подруги. Обе они со смехом вспоминали, как им удалось «сбежать» из городка Гомера. Сэнди нашла прекрасную работу в огромной больнице в веселом славном Чикаго. Она теперь носила звание «специалист по связям с кадрами», что в действительности означало: она просто отвечает за подбор медперсонала; однако Кики и Сэнди просто обожали солидно звучащие титулы. На этой работе Сэнди «закадрила» парня, с которым уже три года состояла в счастливом браке.

— Привет, Кики! Давненько не созванивались, девочка!

Вместо знакомого, с западным акцентом, голоса Сэнди из телефона зазвучал протяжный, ленивый южный говор.

— Это я, Хэлли! Ох, мне пришлось так тяжело потрудиться, пока я отыскала твой новый номер телефона! Как ты могла забыть обо мне, когда уезжала из Джорджии?!

Улыбка соскользнула с лица Кики, как капля воска с тающей свечки. Хэлли была из тех немногих людей, без кого Сэнди вполне могла бы обойтись на предыдущем месте службы.

— Я только на минуточку. Звоню, чтобы напомнить: до моего тридцатилетия осталось всего полтора месяца. Это пятнадцатого декабря, если точнее, и я хочу, чтобы ты отметила это в своем календаре.

Кики недоверчиво слушала сообщение.

— Нет, это все равно что сбой в расписании на железной дороге! С каждой минутой становится все хуже и хуже!

— Я намерена устроить праздник всех праздников, и ты должна быть обязательно! Так что запиши как можно скорее. Я пришлю официальное приглашение через неделю-другую. И конечно, подарки приветствуются. — Хэлли хихикнула. — Увидимся! Пока!

— Нет, я просто не могу поверить! — Кики с силой ткнула в кнопку выключения. — Сначала родители забывают о моем дне рождения. Потом не только моя лучшая подруга тоже забывает о нем, но я еще и получаю приглашение от весьма неприятной особы на ее вечеринку! — Кики опустила телефонный аппарат на стойку. — Да еще за полтора месяца!

Кики сунула в холодильник вторую бутылку шампанского.

— Считаю, что ты ждешь на взлетной полосе, — мрачно сказала она бутылке.

Прихватив с собой открытую бутылку, полупустой бокал и коробку с жареной курятиной, она решительно направилась в гостиную, где расставила свой «пир» на кофейном столике, а потом вернулась на кухню за салфетками. Пройдя мимо обманчиво затихшего телефона, она вдруг остановилась и обернулась.

— Ох, нет. Я еще с тобой не разобралась, так что пойдешь со мной. — Она бросила аппарат рядом с собой на кушетку. — Ты просто посиди здесь. А я за тобой присмотрю.

Кики извлекла из коробки еще кусок восхитительно жирной курятины, щелкнула пультом телевизора...

и тут же разочарованно застонала. На экране виднелись только искры статических разрядов.

— Ох, нет! Кабель!

Поскольку Кики уезжала из страны на три месяца, она решила, что кабельное можно временно отключить, и даже гордилась собой за такую рассудительность и экономность.

— Только не сегодня! Я же им говорила — отключить с первого ноября, а не с тридцать первого октября! — Она оглянулась на притихший телефон. — Это, наверное, ты подстроил. — И тут она расхохоталась чуть ли не истерически. — Я разговариваю с телефоном! — Она налила себе еще шампанского, отметив, что бутылка уже наполовину опустела. Задумчиво прихлебывая пузырящийся напиток, Кики опять заговорила вслух, демонстративно не обращая внимания на телефон. — Все это требует экстренных мер. Пора утешиться любимым девичьим фильмом!

Зажав в зубах цыплячью ножку, она вытерла руки бумажной салфеткой и открыла шкафчик с видеокассетами, стоявший рядом с телевизором. Не выпуская цыпленка, она бормотала названия фильмов, просматривая свои сокровища.

— «Грязные танцы», «Вестсайдская история», «Унесенные ветром»... — Она замолчала, жуя и раздумывая. — Нет, слишком длинный... и вообще он не для дня рождения. Хм... — Она снова стала читать названия. — «Супермен», «Гордость и предубеждение», «Последний из могикан», «Случайный путник», «Пурпур», «Иствикские ведьмы»... — Она остановилась. — Вот, это как раз то, что мне нужно! Девичья сила!.. Она сунула кассету в проигрыватель. — Нет! — поправила она себя. — Это куда лучше, чем сила. Это власть

женщин!* — Кики подняла бокал, приветствуя каждую из кинобогинь, появлявшихся на экране. Они были удивительными и прославленными.

Шер была загадочной и экзотичной — с полными безупречными губами и роскошной гривой соблазнительных локонов, волнами обрамлявших ее лицо.

Кики вздохнула. Сама она ничего не могла сделать со своими маленькими губками; а если бы и рискнула, это выглядело бы как антинаучный эксперимент. Ведь она и вся была невелика... Но, возможно, ей пора отказаться от короткой мальчишеской стрижки.

Мишель Пфайфер... да, это была воистину великолепная женщина. Ее светлая неземная красота не меркла, оставаясь все такой же воздушной, даже когда она играла роль матушки мисс Фертил.

Вот уж никто не назвал бы ее просто хорошенькой.

А Сьюзан Сарандон? Одета как пожилая школьная учительница музыки, она тем не менее не казалась старомодной или непривлекательной.

Ни один парень не смог бы и подумать о ней как о друге. По крайней мере, парень с нормальной ориентацией.

— За трех изумительных женщин, в которых есть все то, чем я хотела бы обладать!

Кики просто поверить не могла, что ее бокал уже пуст... и бутылка тоже.

— Чертовски хорошо, что у нас есть еще одна! — Кики нежно погладила телефон, прежде чем спасти от одиночества бутылку, лежавшую в холодильнике.

* «Девичья сила!» («Girl power!») — девиз неофеминисток, авторство приписывается английской женской поп-группе «Спайс герлз». (Прим. ред.)

Не обращая внимания на то, что ее шаги стали очень уверенными, девушка вернулась назад, схватила очередную порцию курятины и бросила косой взгляд на упорно молчавший телефон.

— Могу спорить, ты просто потрясен тем, что такая миниатюрная девушка, как я, так много ест!

Телефон ответил пронзительным звонком.

Кики подпрыгнула, чуть не подавившись цыпленком.

— Боже мой, да ты меня напугал до полусмерти!

Телефон снова заблеял.

— Кики, это просто звонок! Ответь, сержант! — Кики покачала головой, дивясь собственной глупости.

Телефон успел прозвонить еще раз, прежде чем девушка вытерла руки и успокоилась.

— А-алло? — осторожно произнесла она.

— Будьте любезны, могу я поговорить с Кристиной Канади?

Женский голос был совершенно незнакомым, но звучал приятно.

— Это она и есть. — Кики щелкнула пультом, останавливая «Иствикских ведьм».

— Мисс Канади, это Джесс Браун с курорта «Лесные дали» в Брансоне, штат Миссури. Я звоню, чтобы сообщить вам: ваши родители, Элинора и Герб, дарят вам уик-энд в нашем прекрасном отеле в честь вашего двадцать второго дня рождения. С днем рождения, мисс Канади! — Кики просто видела, как эта Джесс Браун сияет улыбкой в Брансоне. Где бы тот ни находился.

— Двадцать пятого, — только и смогла сказать Кики.

— Простите?

— Это мой двадцать пятый день рождения, а не двадцать второй.

— Нет... — В трубке зашелестели бумагой. — Нет, здесь сказано именно так — Кристина Канади, двадцать второй день рождения.

— Но это не так.

— Вы не Кристина Канади? — Джесс встревожилась.

— Мне не двадцать два! — Кики посмотрела на только что открытую вторую бутылку шампанского. Может, она уже напилась и у нее галлюцинации?

— Но вы Кристина Канади?

— Да.

— И ваши родители — Элинора и Герб Канади?

— Да.

— Ну, раз это действительно вы, полагаю, остальное не имеет значения. — Джесс, безусловно, стало легче.

— Полагаю, да. — Кики беспомощно пожала плечами и решила, что вполне может поучаствовать в этом безумии.

— Отлично! — К Джесс полностью вернулось самообладание. — Ну а теперь несколько деталей, которые вам следует знать. Вы можете провести у нас уик-энд в любое время в следующем году, только вы должны позвонить заранее, чтобы мы оставили вам домик...

Домик? В голове у Кики все перепуталось. Что это они задумали?..

— ...по меньшей мере за месяц, иначе мы не сможем ничего гарантировать. И конечно, это подарок для вас лично, однако если вам захочется пригласить кого-то из друзей, курорт будет рад принять его или ее за минимальную плату... или вообще бесплатно, если он или она пожелают посетить короткий информационный

семинар по использованию компьютерного оборудования.

Кики закрыла глаза и потерла правый висок, где уже начинала пульсировать боль.

— А кроме уик-энда в прекрасных «Лесных далах», — продолжала декламировать Джесс Браун, — ваши родители оплатили для вас билет в театр Энди Уильямса «Лунная река», на одно из наиболее популярных представлений в Брансоне!

Кики не смогла удержать тихий стон.

— О, я вполне понимаю ваш восторг! — выдохнула Джесс. — Мы вышлем вам полную информацию почтой. Только позвольте проверить ваш почтовый адрес...

Кики услышала собственный неживой голос, подтверждающий почтовый адрес.

— Отлично! Думаю, это все, что вам необходимо знать. Желаю вам отлично провести вечер, мисс Канади, и еще раз — с двадцать вторым днем рождения! — И Джесс Браун бодро отключилась.

— Но где он вообще находится, этот Брансон? — спросила Кики у телефона.

Глава вторая

— Вот это отлично! — закричала Кики, глядя на экран. Она драматическим жестом подняла бокал, расплескивая шампанское. — Вырубай его, девочки! Джек Николсон все равно не слишком хорош... а вот вы трое! Вы действительно владеете магией!

Кики почти не заметила собственной неустойчивости, когда вскочила на ноги, чтобы исполнить Победный Танец Женской Магии, пока по экрану плыли финальные титры.

— Мистер Телефон! — Кики на минутку остановилась, чтобы отдышаться. И мимоходом удивилась тому, что кто-то съел всю курятину из коробки.

Мистер Телефон, похоже, улыбался, поглядывая на Кики с кушетки.

— Ты знаешь, что все женщины — ведьмы?

Он не ответил.

— Конечно, откуда тебе знать... ты же телефон! — Кики расхохоталась, потом фыркнула. — Но теперь тебе это известно. После

Богиня моря

того как ты посмотрел этот блистательный фильм, тебе следует понимать, что женщины обладают магической силой!

Мистер Телефон как будто бы не поверил.

— Но это правда! Разве Шер, и Мишель, и Сьюзан не доказали это только что? — Кики пошатнулась, но всего лишь чуть-чуть. — Ох, я понимаю, что ты имеешь в виду. Ты думаешь, что только они обладают магией, но ты не веришь, что ею могут владеть обычные женщины вроде меня, ведь так?

Кики не была уверена, но вроде бы телефон слушал внимательно.

— Отлично. Возможно, ты и прав. Но если нет? Что, если у женщин действительно есть какая-то скрытая сила и нам нужно просто отыскать ее? Вот как они нашли. — Девушку вдруг осенила идея, и она нахмурилась, пытаясь сосредоточиться. — Они ведь тоже сначала не поверили, но их это не остановило. Может быть, не имеет значения, что ты выглядишь совсем обычно, или очутился в новом месте, или у тебя пока что нет друзей... — Или, мысленно добавила Кики, о твоём дне рождения забыли. — Может быть, все, что нужно, — это поверить изю всех сил?..

Краем глаза она вдруг заметила странный молочный свет.

Что это за...

Легкий холодок беспокойства пробежал по шее.

Свет проникал снаружи, сквозь задернутые занавески, прикрывавшие дверь на балкон.

Кики посмотрела на часы видеоплеера. Десять ноль пять вечера.

— Должно быть, это с улицы, — сообщила она мистеру Телефону, не отрывая взгляда от зачаровыва-

ющих отсветов. Серебряный свет выглядел как-то странно, он совсем не походил на стерильно-яркий свет уличных фонарей.

— Наверное, фары какой-нибудь машины, стоит себе неподалеку...

Но, говоря так, она уже знала, что это не фары. Ее квартира расположена на последнем этаже. Автомобили не светят вверх. И в свете фар нет такого странного тепла, в котором хочется искупаться.

Ноги понесли девушку к занавеске прежде, чем она успела отдать им приказ двигаться.

— Ты же сама хотела какого-нибудь волшебства, — прошептала она. И медленно, как будто пробираясь сквозь сладкие сумерки между сном и явью, Кики протянула руку и раздвинула шторы.

— О-о-ох... — выдохнула она. — Это и вправду волшебство...

Полная луна, безупречная и сияющая, повисла над парком, как будто сама богиня Диана вышла в небо, чтобы сделать подарок ко дню рождения Кики. Ее свет заливал многочисленные цветы в горшках, толпившиеся на балконе, опалесцирующим сиянием. Кики быстро отперла стеклянную дверь и вышла в мягкую теплоту октябрьской ночи.

Балкон у Кики был огромным, он выходил на лесополосу, окружавшую жилой комплекс. Именно из-за этого прекрасного балкона Кики решила урезать другие расходы и позволить себе снять дорогую квартиру. Ей нравилось сидеть здесь, прислушиваясь к шуму деревьев, который снимал напряжение после рабочего дня и звучал в ней даже на тренировках по кикбоксингу и в теплой пенной ванне, которую она принимала после занятий. Кики провела здесь много вечеров,

в мягком кресле-качалке — по правую руку стоял маленький, выдавший виды столик, на него можно было положить книгу и поставить стаканчик чего-нибудь прохладительного. Среди пышных растений спрятался самый любимый предмет балконной обстановки — маленький камин на мраморной подставке.

Этим вечером кремовый камин отражал нежные лунные лучи, как отражает свет луны песок какого-нибудь далекого пляжа.

Кики вскинула голову и подняла руки, как будто желая обнять ночь. Полная луна плыла перед глазами, и девушка почувствовала, как тело загорается огнем, словно пропитываясь насквозь светом иного мира.

— А ведь это действительно правда, — сказала Кики, обращаясь к сияющей ночи. — Это должно быть правдой!

Сейчас у нее окончательно созрела идея, навеянная шампанским и лунным светом. Кики усмехнулась и ринулась обратно в квартиру. Она вприпрыжку побежала в спальню, на ходу расстегивая военную форму. Синяя юбка и светло-голубая блузка упали на пол вместе с колготками и бюстгалтером.

— Шаг первый!

Полностью обнаженная Кики открыла комод и принялась рыться в белье. Наконец она отыскала длинную шелковую ночную рубашку, что лежала на самом дне, под более практичными хлопковыми ночными одежками. Военная форма хороша для работы, но не для волшебства, сказала себе Кики и через голову натянула светлую рубашку; ей понравилось эротичное ощущение скользкого по обнаженному телу шелка.

— Я буду надевать ее почаще, — пообещала себе Кики. — Теперь шаг второй.

Она решительно направилась в пустую пока что комнату, которую собиралась приспособить под рабочий кабинет. Правда, до сих пор у нее хватило времени и денег только на то, чтобы купить стол для своего пятилетнего компьютера и кресло. Книги лежали на полу аккуратными стопками, ожидая появления книжных полок, которые Кики им обещала. Кики включила верхний свет и начала просматривать пачки старых учебников, скопившихся за семь лет, пока она бессистемно посещала разные курсы в колледже, не зная еще, на чем остановиться. Все лежало по алфавиту, начиная с «Анатомии и физиологии».

— А, вот ты где!

Кики вытащила средних размеров книжку, прятанную под огромным томом «Гуманитарных наук». На обложке красовалось название: «Мифы и легенды эпохи матриархата». Кики с удовольствием припомнила тот семестр, когда она посещала курс «Женщины в науке», и остроумие профессора Терезы Миллер, сделавшее эти уроки одними из самых любимых для Кики. Она до сих пор как наяву слышала выразительный голос мисс Миллер, читавшей вслух тексты, написанные в древние времена, когда женщин почитали и даже боготворили.

— Ну где же, где... — бормотала себе под нос Кики, ведя пальцем по алфавитному указателю; миновав длинный ряд имен, она наконец остановилась на букве «Г».

— Гея!

Девушка присела на корточки, нашла страницу семьдесят шесть и прочитала вслух:

— Гея, или Гайя, была богиней земли, Великой Матерью, и известна как древнейшая из божеств. Она

отвечала за магию, пророчества и материнство. Хотя с победой патриархата ее святилища были разрушены в угоду Зевсу и другим мужским божествам, все равно люди клялись ее именем, признавая таким образом главенство ее закона.

Кики энергично кивнула. Именно это она и искала. Гея была Матерью Магии. Снова заглянув в указатель, Кики нашла букву «Р».

— Ритуалы! Ритуал Земли, страница сто пятьдесят два... — Перелистав гладкие белые страницы, Кики издала победный вопль, отыскав нужное место. — Ха! Я так и знала!

Она внимательно прочитала текст древнего обращения к богине, от усердия покусывая нижнюю губу. Дочитав, девушка положила книгу на стол и некоторое время сидела молча; потом с довольной улыбкой записала на чистом листе бумаги одно-единственное предложение и сложила лист. Загнув страницу, чтобы отметить нужное место в книге, Кики вернулась в гостиную, прихватив с собой листок и книгу.

На этот раз она вышла на балкон, вооруженная книгой, сложенным листком, бокалом холодной воды, коробком длинных спичек и решимостью, которая отчетливо читалась в ее расправленных плечах.

Камин был достаточно велик, чтобы вместить не большой кусок душистой сосновой древесины. Девушка ловко всунула полешко в маленькое отверстие камина и подожгла сухое дерево. Потом она подошла к высокому растению, что красовалось в горшке, подвешенном к железным перилам балкона. Нежно погладив бархатистые листья, Кики наклонилась, чтобы вдохнуть пряный мятный аромат.

— Очень удачно, что ты у меня есть. — Кики улыбнулась.

Она тщательно выбрала и сорвала несколько листьев покрупнее.

Пряный дым горящей сосны тянулся из камина, как туман, и расползлся по балкону. Отчетливо видимый в лунном свете, он покачивался на легком теплом ветерке, словно морские волны. Кики восторженно вздохнула, встав перед камином. Листья мяты она положила на столик рядом со стаканом воды и листком бумаги, а потом открыла книгу на загнутой странице. С нарастающим волнением она откашлялась и начала читать:

— Великая Мать, Гея, создательница всего живого, я взываю к тебе и прошу прийти сюда и сейчас...

По мере того как девушка входила в ритм древнего ритуала, ее голос утратил оттенок осторожности, ее охватила волна странных ощущений, прокатившаяся от макушки к обнаженным рукам, — как будто по телу пробежали электрические искры.

— Я нуждаюсь в твоём руководстве, потому что жажду духовного знания и роста. Помоги мне... — Кики сделала паузу. Здесь в тексте стояли в скобках слова: «Жрица сообщает о своих целях». Девушка глубоко вздохнула и закрыла глаза, полностью сосредоточившись умом и сердцем, и произнесла: — Помоги мне сотворить волшебство в моей жизни. — Снова открыв глаза, она продолжила читать: — Я всем сердцем стремлюсь к исполнению моих желаний ради добра. Укажи, какое направление выбрать. Я жду твоих наставлений и помощи.

Дыхание ветерка коснулось страниц открытой книги, они на мгновение затрепетали и ожили в руках Кики.

И Кики вздрогнула в ответ. Ночь замерла, как возлюбленная, ждущая своего милого.

— Я отдаю свои желания и мечты под твою власть.

Одной рукой девушка держала книгу. А пальцы другой медленно погрузила в клубы соснового дыма.

— Силой воздуха я создаю семя. — Дым струился медленными, ленивыми кольцами.

Той же рукой она потянулась к сложенному листку бумаги, на котором ее аккуратным почерком было записано одно-единственное предложение: «Я хочу волшебства в моей жизни». И это желание целиком захватило девушку. О, пожалуйста, прошу, молила она...

— Силой огня я согреваю его.

Листок упал в огонь и мгновенно вспыхнул яростным зеленым пламенем.

Мелькнула мысль, что такого быть не должно... это ведь просто лист бумаги для ксерокса. С чего бы вдруг огню стать зеленым? Сердце Кики билось все быстрее, но она собралась с силами, взяла хрустальный бокал, полный чистой холодной воды, и кончиками пальцев разбрызгала воду перед камином, очертив маленький круг.

— Силой воды я питаю его.

Кики шагнула в очерченный круг. Капли воды блестя в лунном свете, как кружевная кайма, сотканная из ртути. Девушка наклонилась к столу и собрала в ладонь листья мяты.

— Силой земли я побуждаю его к росту.

Она бросила хрупкие листья в огонь, и они зашипели и стали тлеть. Кики следила за ними, пока они не начали рассыпаться. На мгновение Кики показалось, что они похожи на водоросли, и она определенно уловила соленый запах океана.

— Из души я черпаю силу, чтобы сделать возможным все, потому что я сильна, как богиня. — От избыт-

ка чувств Кики бросила книжку на стол и завершила ритуал теми словами, что звучали в ее сердце: — Благодарю тебя, Гея, великая богиня-мать!

И будто в ответ на ее мольбу, ветер сменил направление и похолодал. Сосновый дымок потянулся вверх, прозрачный и светящийся, став голубым, как аквамарин. Кики завороченно следила, как он тает в небе, пронизанном лунным светом.

Ветер усиливался, и Кики импульсивно вскинула руки над головой, вытянув пальцы, словно пыталась поймать луну. Она начала медленно раскачиваться, позволяя ветру включить ее в симфонию ночи. Ее бо-
сые ноги двигались сами собой в причудливом танце, не выходя за границы влажного круга. Ветер облизывал ее тело, прижимая шелк ночной сорочки к теплой коже.

Кики посмотрела на свое тело — и ее глаза изумленно расширились. Обычно она считала себя слишком маленькой, чтобы выглядеть сексуально, но сегодня лунный свет бросил на ее тело таинственные чары. Сквозь тонкую ткань грудь Кики была отчетливо видна, и маленькие безупречные соски чувственно напряглись, прижавшись к мягкому шелку. Кики выбросила ногу вперед в грациозном шаге, как учили на уроках балльных танцев, которые она посещала в школе. Ночная сорочка сбилась к бедрам, и Кики почувствовала себя персонажем сладострастного полотна художника Максфилда Пэрриша. Лунный свет подчеркнул складки и волны шелка, оживив бледный цвет и превратив сорочку в клочья морской пены. Кики громко рассмеялась, радуясь своей неожиданной красоте, и закружилась, как будто обретя крылья.

— Я владею магией! — заявила она ночи.

По балкону скользнула тень, и, посмотрев вверх, Кики увидела легкие облачка, похожие на смутные мысли, — они набегали на лик спутницы Земли. Ветер стал еще сильнее, и танец Кики ускорился вместе с ним, повторяя темп танца раскачивавшихся деревьев.

Оглушительный раскат грома не испугал Кики — ей почудилось, что надвигавшаяся гроза зародилась в ее собственном теле. Голубовато-белый разряд молнии прорезал небо, и девушка радостно закричала, присоединяя свой голос к голосу бури.

Небо лопнуло, как перезревший фрукт, хлынул дождь. Кики огляделась и громко засмеялась. Растения как будто шевелили листьями в такт ее движениям, а капли дождя сверкали, как драгоценные камни. Площадка автостоянки возле дома была похожа на блестящую, как зеркало, загадочную, играющую тенями поверхность океана.

Кики танцевала, вскинув руки, а дождь окутывал ее мантией влаги. Она громко смеялась и была совершенно уверена, что слышит мелодичный смех еще одной женщины — в какой-то неуловимый момент их голоса слились, наполнив балкон радостью и любовью.

Небо прорезала новая вспышка молнии, дождь превратился в бешеный ливень. Кики вдруг заметила, что занавески внесло внутрь квартиры и дождь уже заливает ковер в гостиной. Все еще смеясь, она вбежала в распахнутую дверь и старательно закрыла ее за собой.

Она слегка поскользнулась на промокшем ковре — пора было наконец утихнуть, но ее охватило еще большее воодушевление. Кики раскинула руки и посмотрела на капли воды, сверкавшие, словно бриллианты, на мокрой ткани ночной рубашки.

— Я никогда не чувствовала себя такой живой...

Кики заставила себя произнести эти слова вслух. Встряхнула головой, рассыпав вокруг брызги, и провела рукой по коротким волосам.

— Я их отращу, — пообещала она.

Но тут же поняла, что пора менять не только прическу. Она вознамерилась сломать все стереотипы.

Девушка на цыпочках прошла в ванную и достала с полки мягкое полотенце. Потом, в спальне, зажгла и поставила на туалетный столик рядом с кроватью свечу, купленную когда-то в маленьком магазинчике со странным названием «Тайный Сад». Кики глубоко вдохнула изысканный, пьянящий аромат ванили. Сладкий дух поплыл по комнате. Кики сбросила с плеч тонкие лямки сорочки, позволяя той соскользнуть по телу. При свете свечи Кики вытерлась мягким полотенцем. Когда она, обнаженная, скользнула в прохладу чистых простыней, волосы были почти совсем сухими. Горячими кончиками пальцев Кики ласкала себя. Закрыв глаза, она стонала и выгибалась под собственными руками, восхищенная и изумленная необычными, острыми ощущениями, пронзавшими ее тело.

А потом, погружаясь в бархатный сон, Кики совершенно явственно услышала женский смех, тот самый, что донесся до нее, когда она танцевала под дождем на балконе. Губы Кики изогнулись в улыбке, и она заснула.

И уже во сне услышала мужской голос, низкий и чувственный, звавший ее. Ее сонное тело откликнулось на зов и потянулось вперед, но Кики чувствовала себя необычайно вялой. Во сне она открыла глаза. Ее окружало нечто текучее, голубое. Я под водой, подумала она.

— Иди же ко мне, любовь моя...

Низкий голос звучал прямо в ее голове, и сердце Кики подпрыгнуло.

— Да!

Она хотела выкрикнуть это, но не смогла, будто онемела, как это часто бывает во сне.

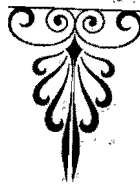
Над головой мерцал свет, и Кики напряглась, всматриваясь в него. Прямо над поверхностью воды возникла какая-то тень. Кики поплыла вверх, и тень обрела форму, превратившись в мужчину. Он был смугл, волосы черной волной спадали на широкие бронзовые плечи, а глаза смеялись, глядя на Кики. Сквозь подвижные прозрачные волны Кики видела, как он беспечно улыбнулся и протянул руку, зовя ее.

Она попыталась взять его за руку, но тело как будто налилось свинцом. Оно не хотело подчиняться желанию Кики.

Красивое лицо мужчины омрачилось грустью. Он, похоже, растерялся, и голос, звучавший в сознании Кики, наполнился тоской.

— Прошу, приходи ко мне...

Глава третья

Совсем другой свет заиграл алыми отблесками на закрытых веках. Что за странный сон, подумала Кики, с наслаждением потягиваясь всем телом. Ощущение гладких простыней, касавшихся обнаженного тела, усиливало острое неудовлетворенное желание. Кики все еще чувствовала себя возбужденной, кожу ее нагого тела показывало.

Нагого?

Она никогда не спала голый. Какого черта она без рубашки? Кики распахнула глаза и тут же зажмурилась, ослепленная ярким светом. Который час? Она что, не завела будильник? Опоздала на службу?

Нахлынули воспоминания о вчерашнем вечере... две бутылки шампанского, фильм, неожиданная идея провести ритуал... Тут Кики в ужасе съежилась и попыталась спрятаться в простынях, но память оказалась безжалостной.

— Вообще-то я выпила достаточно шампанского, чтобы все забыть! — простонала Кики.

Башня моря

Она покосилась на столик. Ванильная свеча догорела до конца. Ну, хоть не подожгла квартиру, и то хорошо. Ночная сорочка лежала бесформенным комом на светлом кремовом ковре.

Кики покачала головой и вздохнула. Две бутылки шампанского.., о чем она только думала?

— Я забыла, — пробормотала она. — Рациональное мышление отключается после бутылки номер один.

И нечего удивляться, что ей приснился такой причудливый сон; она же была просто непристойно пьяна.

Она повернула голову и прищурилась — стоявший на ночной тумбочке будильник показывал 11.42. Кики широко раскрыла глаза. В ужасе она мгновенно вскочила на ноги.

— Уже почти полдень! — взвизгнула девушка и бросилась к шкафу, чтобы достать чистую форменную одежду. И только тут вспомнила, что ей не нужно сегодня на службу. Завтра в путь, а это значит, что сегодняшний день следует посвятить укладке вещей и завершению всех дел.

Кики судорожно вздохнула и провела рукой по волосам. Вообще-то все равно придется ехать на базу — надо зайти в канцелярию подразделения и получить новый комплект жетонов и других знаков различия. Старые она потеряла во время переезда из Колорадо, и ее до сих пор мучила совесть. Кроме того, необходимо было купить кое-какие туалетные принадлежности в дорогу, перенести все растения с балкона в гостиную, чтобы соседка, миссис Руниан, могла поливать их, и еще уложить вещи. И конечно, надо не забыть оставить миссис Руниан ключ, прежде чем завтра утром отправиться в аэропорт.

Кики глубоко вздохнула. Что с ней происходит? Она всегда была такой организованной и логичной. Она намеревалась встать пораньше, закончить дела на базе, потом позаботиться о растениях, уложить вещи — и отдыхать остаток дня. Полет в Саудовскую Аравию — это долго и утомительно, и Кики вовсе не ждала его с нетерпением... не говоря уж о том, что она просто не навидела самолеты.

Девушка недоуменно покачала головой. Вместо того чтобы заняться делами, она позволила себе напиться... Кики отправилась в ванную и включила душ. Пока ванная наполнялась теплым туманом, Кики заглянула в шкафчик в поисках аспирина, ведь у нее ужасно болела голова... Но, не успев найти таблетки, Кики замерла.

Болит голова? Нет, теперь, когда ее сердце перестало нестись со скоростью сто миль в минуту от страха, что она половину дня провела в самоволке, Кики наконец осознала, что голова у нее не болит. Совсем не болит. На самом деле Кики чувствовала себя отлично. Она закрыла шкафчик и уставилась в зеркало.

Кики увидела яркие и чистые ореховые глаза — ни темных кругов, ни опухших век, никаких последствий пьянки. Взгляд девушки скользнул ниже — здоровая упругая кожа отсвечивала чудесным розовым цветом. Все выглядело так, словно Кики провела ночь в роскошном спа-салоне, а не выхлебала две бутылки шампанского, заев их тонной жареной курятины, и не пыталась простудиться, танцуя в лунном свете и угодив под дождь.

— Может быть... — прошептала она своему отражению.

Дрожь восторга пробежала по ее обнаженному телу, когда девушка вспомнила лунный свет и страсть, наполнявшую ее. Она словно опять почувствовала прошедшую ночь всей кожей.

Теплый туман, расплзавшийся от душа, окутал ее густыми ленивыми волнами.

— Как сосновый дым, — задохнулась Кики. — Помни, — сказала она отражению. — Ты обещала сломать все шаблоны.

Девушка осторожно подняла руки, пытаясь повторить ночной танец, и медленно повернулась в сонном пируэте. Туман кружился вокруг нее, облизывая обнаженную кожу текучим теплом, напомнившим о чувственном, нежном и горьком сне. Думая о красивом незнакомце, сотворенном ее воображением, Кики продолжала кружиться, поглядывая в запотевшее зеркало. Ее тело выглядело гибким и загадочным, как будто Кики сохранила в себе частичку магии лунного света.

— Ты поверила прошедшей ночью; поверь и сегодня!

И когда Кики произнесла это, внутри у нее что-то сдвинулось, как будто прозрачная волна набежала на речную гальку.

— Магия... — прошептала Кики.

Может быть, прошлая ночь и тот сон были знаками чего-то грядущего... каких-то перемен в жизни? Может быть, ей нужно просто открыться и ответить, когда прозвучит призыв?

— Магия... — повторила Кики.

Она, пританцовывая, встала под душ и долго наслаждалась теплыми струями воды, стекавшими по телу.

Кики не переставала улыбаться и тогда, когда одевалась и красилась. Это чувство уже не должно было уйти. Как будто кто-то подобрал ключ и отпер нечто внутри ее, и теперь *это* было открыто и отказывалось закрываться.

Она надела любимые джинсы на пуговицах. Прогноз погоды по радио обещал прохладный день, и она выбрала плотную серую трикотажную рубашку с эмблемой военно-воздушных сил на груди. Ноги как будто сами несли ее, когда она, прихватив из холодильника бутылочку «Сплэша», выбежала из квартиры.

Ступени лестницы, красивым изгибом спускавшейся от ее квартиры, были влажными после ночной грозы, и от этого улыбка девушки стала еще шире. Все вокруг выглядело сверхъестественно чистым и прекрасным. Машина Кики стояла почти под самым балконом, и, открывая дверцу, девушка посмотрела вверх. Свет полуденного солнца образовал гало вокруг пышной зелени, дождевые капли все еще поблескивали на листьях, и балкон казался плывущим в океане, а не висящим над землей.

Магия существует. Эта мысль возникла сама собой, и Кики, вместо того чтобы усомниться, лишь глубоко вздохнула и позволила волнующей идее укорениться в сознании.

Дежурный у северных ворот базы в Тинкере тщательно проверял документы; когда дошла очередь до Кики, она опустила стекло и обворожительно улыбнулась серьезному молоденькому рядовому.

— С добрым утром!

Каменное лицо проверяющего смягчилось, и он ответил милой, хотя и чуть кривоватой улыбкой.

— Вообще-то уже день, мэм, — вежливо уточнил он.

— О! — Кики рассмеялась. — Ну, все вокруг такое чистое и ясное, будто еще утро.

— Я об этом как-то не думал, но вы, наверное, правы. День и в самом деле отличный. — Он, похоже, был искренне удивлен. — Желаю хорошего дня, мэм.

Он пропустил девушку в ворота, проводив ее машину взглядом, и на губах молодого человека еще долго блуждала неуверенная улыбка.

Канцелярия связистов находилась в Управлении личного состава. Это было типичное военное строение, большое, квадратное, из красного кирпича. Кики с удовольствием отметила, что ближайшая ко входу стоянка свободна. Обычно здесь было битком набито, и машину приходилось ставить дальше, на улице. Газон, окружавший здание, и зеленая изгородь у входа были самым тщательным образом подстрижены. Внутри здания тоже царила маниакальная аккуратность.

Кики открыла дверь — навстречу хлынул знакомый запах военной чистоты. Да, мэм. Этот пол, стены, потолки, столы были стерильно чисты, хоть облизывай. Над большим зеркалом напротив входа были начертаны слова: «Отражает ли твоя внешность твою квалификацию?» Кики глупо ухмыльнулась, глядя на свое отражение — в джинсах и хлопковой рубашке, но, присмотревшись, удивилась — почему это ее глаза кажутся такими большими? Заинтригованная, она подошла поближе к гладкой поверхности зеркала. Мать всегда называла глаза Кики «умными» или «похожими на оленьи». Сама Кики обычно не уделяла им особого внимания, разве что радовалась, что зрение у нее отличное. Но сегодня они как будто заняли все лицо. А обычный светло-ореховый цвет стал...

— Могу вам чем-то помочь, мэм?

Грубоватый голос заставил Кики виновато вздрогнуть. Она обернулась и увидела немолодого старшего сержанта.

— Э-э... да. Не скажете, где я могу получить жетоны?

— Скажу, конечно. — Как только Кики заговорила, суровое лицо старшего сержанта смягчилось, он тепло улыбнулся девушке. — Канцелярия знаков различия и идентификации — на третьем этаже. Вы можете воспользоваться лифтом, он вон там. — Сержант показал направо.

— Спасибо, шеф! — сказала Кики и бросилась к лифту; ее щеки горели.

— До чего же хорошенькая девчонка, — изрек старший сержант, ни к кому не обращаясь.

Найти нужный офис оказалось совсем нетрудно — это был самый популярный офис во всем здании. Кики вздохнула, получив номер очереди и отыскав место, где можно было сесть. Что ж, сейчас ведь было время обеденного перерыва, вот и набралось народа. Ей бы следовало сообразить это раньше. Пытаясь найти интересную статью в старом номере газеты «Военно-воздушные силы», она пожалела, что не догадалась прихватить с собой какую-нибудь книгу.

Коридор уже почти опустел, а черные стрелки часов на стене утверждали, что прошло сорок пять минут, когда наконец на табло вспыхнул номер Кики и она получила свой комплект знаков различия. Наконец-то! Кики чувствовала себя так, словно вырвалась на свободу. Она подошла к лифту, нажала кнопку вызова и в ожидании стала загибать пальцы, подсчитывая, что еще ей необходимо сделать.

Первое: заехать в гарнизонный универмаг и купить туалетные принадлежности. Второе: купить удобрения для цветов... тут желудок Кики заворчал. И третье: купить что-то съестное для себя. Вчера она съела почти всю курятину, да и в любом случае, жареный цыпленок два дня подряд — это слишком. По крайней мере, для нее.

Подошел лифт, двери должны были вот-вот открыться, и Кики собиралась уже шагнуть внутрь, когда властный женский голос произнес одно-единственное слово:

— Стой!

Кики замерла, потом оглянулась. Женщина, стоявшая за ее спиной, была поразительно хороша.

— А что? — глупо спросила Кики, ошеломленная красотой незнакомки. Она была высокой, гораздо выше Кики. Ее роскошные волосы глубокого каштанового цвета волнами спадали до самой талии. Лицо женщины с высокими, безупречно очерченными скулами выглядело воистину царственным. Но больше всего Кики поразили глаза, она просто утонула в их синеве...

— Подожди, дочка. — Женщина улыбнулась, и Кики почувствовала, как от этой улыбки ее окутало теплом. Она хотела спросить, почему она должна ждать и почему эта невероятная красавица называет ее дочерью, но не смогла произнести ни слова. Она стояла и бессмысленно улыбалась, как перепуганный младшеклассник, налетевший на учительницу.

— Стойте, мэм!

Кики обернулась на крик и увидела мужчину в форме пожарного, который несся к ней. И в тот самый миг, когда дверь лифта открылась, пожарный прыгнул на девушку...

— Вы в порядке, мэм? — Он пытался поднять ее на ноги, одновременно стряхивая с ее джинсов несуществующую пыль.

Кики была ошеломлена. Он ударил ее с такой силой, что теперь девушка лишь жадно хватала воздух и тарасилась на мужчину.

— Простите, мэм. Я вовсе не хотел действовать так грубо, но я должен был вас остановить, не дать войти в лифт.

— Ч-чего? — Кики судорожно вздохнула и вытерла выступившие на глазах слезы. — О чем это вы?

— Ну, лифт, мэм. — Пожарный показал на все еще открытую дверь.

Должно быть, дверь заело, решила Кики.

— Вы меня так ударили из-за того, что дверь лифта застряла? — К счастью, она наконец обрела способность нормально дышать и говорить.

— Нет, мэм. Не в том дело, что она застряла. — Тут дверь лифта закрылась. — Сам лифт застрял. — Он немного помолчал, давая Кики время осмыслить его слова. — На первом этаже.

— Не может быть, — неживым голосом проговорила Кики. — Я же только что на нем поднималась.

Пожарный хмыкнул.

— Ну да, еще час назад он нормально работал. Всего минут пять, как застрял. Мы тут как раз проводили учения для новичков, а главный попросил дать кого-нибудь в помощь — развесить таблички и присмотреть, чтобы на этом этаже все знали о неисправности.

Только теперь Кики заметила, что в руке пожарный сжимает рулон желтой ленты, вроде той, какими полицейские ограждают место преступления.

— Поверить не могу... — пробормотала она.

— Ну, вы просто будьте повнимательнее. Поосторожнее. — Пожарный отступил назад.

Кики приблизилась к лифту и нажала кнопку вызова, точно так же, как несколько минут назад. Двери мягко скользнули в стороны — и Кики уставилась в темную пустоту. Голова у девушки закружилась.

— Хорошо, что я вас вовремя заметил, мэм. Подумать страшно, что могло бы случиться, запоздай я на секунду. — Пожарный покачал головой и сжал губы.

— Но это не вы, — дрожащим голосом проговорила Кики. — Я ведь уже собиралась войти в лифт. — Кики растерянно оглядела холл, устыдившись, что до сих пор не вспомнила о прекрасной женщине. — Здесь какая-то леди стояла, сзади меня. Она меня и предупредила... я потому и не успела шагнуть внутрь.

К горлу Кики подступила тошнота. Она ведь совсем не обращала внимания на окружающее; она была слишком занята подсчетом предстоящих дел...

— Э-э... мэм, — осторожно произнес пожарный, — вы уверены, что чувствуете себя нормально?

— Разумеется. Я в полном порядке. — Кики все еще смотрела в пустой холл, где не было ни следа таинственной незнакомки.

— Может, вам лучше немного посидеть?

— Да о чем вы говорите? — огрызнулась Кики. Сначала этот парень сбил ее с ног, а теперь решил заняться психоанализом. Кики глянула на нашивки на его рукаве. Ну да. Он еще и младше по званию. — Я просто хочу найти женщину, предупредившую меня, и поблагодарить ее.

— Я как раз об этом, мэм. Никого тут не было, кроме вас.

По телу Кики пробежал холодок. Она недоверчиво покачала головой.

— Нет, она тут была. Стояла за моей спиной. Я с ней как раз разговаривала, когда вы меня толкнули.

— Мэм. — Пожарный взял ее за руку и увел подальше от открытой шахты лифта. — Ни с кем вы не говорили. Вы просто стояли тут и собирались войти в лифт.

— Она была позади меня, — повторила Кики.

— Никого тут не было. И сейчас никого нет. — Он широким жестом обвел весь холл. — Здесь только один выход, кроме лифта, — лестница, вон там. — Он показал на дверь, из которой выбежал в холл. — Она бы прошла мимо меня, но она не проходила.

— Так вы ее не видели? — тупо спросила Кики.

— Нет, мэм, — тихо сказал пожарный. — А люди не могут появляться и исчезать как по волшебству.

По волшебству...

Магия...

Это слово звучало в голове Кики, пока она пыталась сосредоточиться на том, что говорил пожарный.

— Может, вы ударились головой? Вы могли на секунду потерять сознание. Я ведь действительно сильно вас ударил. Наши ребята могут отвезти вас клинику, на обследование.

— Нет! — Кики наконец пришла в себя. — Послушайте, со мной все в порядке. — Она провела рукой по коротко остриженным волосам, по лбу, но не нащупала ни шишки, ни царапины, вообще ни одной болезненной точки.

Дверь на лестницу открылась, в холле появился еще один пожарный и закричал:

— Эй, Стив, ты уже повесил ленту?

— Я как раз этим занимаюсь, — ответил пожарный, стоявший рядом с Кики.

— Ну так поспеши. Нельзя же дни напролет заигрывать с хорошенькими девушками! — Он улыбнулся и отдал честь, глядя на Кики.

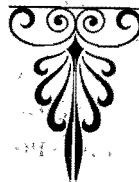
Стив покраснел, и Кики воспользовалась этим, чтобы отступить.

— Ну, не буду больше мешать вам работать. — Она быстро направилась к двери на лестницу, которую второй пожарный широко распахнул перед ней. — Большое вам спасибо, что спасли меня от падения в шахту.

Она скрылась на лестнице и не услышала, как Стив крикнул ей вслед: «Да не за что, мэм!» Она лишь повторяла снова и снова одну и ту же фразу, которую написала авторучкой с синими чернилами на простом листе белой бумаги:

Я хочу волшебства в моей жизни.

Глава четвертая

Кики ехала к гарнизонному универмагу, радуясь, что он находился как раз между зданием Управления личного состава и северными воротами базы. Она могла заскочить в магазин, быстро купить все, что нужно, и сразу поспешить домой. Ей необходимо было посидеть и подумать в одиночестве над тем, что произошло.

Она не могла просто вообразить ту женщину; она ее действительно видела. Кики была в этом уверена.

Кики заехала на битком набитую парковку перед универмагом и, проезжая мимо главного входа, внезапно заметила свободное место — ближайшее ко входу из тех, что не были зарезервированы для старших офицеров.

Кики в изумлении свернула туда.

— Сегодня мне просто невероятно везет с парковками, — пробормотала она.

Все гарнизонные универмаги, называемые военнослужащими просто «ГУ», напоминали Кики причудливую смесь универ-

сального магазина высшего класса и блошиного рынка. ГУ базы в Тинкере не был исключением. Сразу за входной дверью красовались ряды киосков, в которых продавалось все, что только можно, от разнообразных сэндвичей до «дизайнерских» сумочек и драгоценностей. Кики миновала эту живописную зону и нетерпеливо ждала, пока служащий ГУ проверит ее личный жетон. Она чуть ли не бегом бросилась в секцию, где лежали туалетные принадлежности, и почти не глядя нахватала всего, что могло ей понадобиться в поездке. Потом она ужасно разозлилась на кассиршу, целую вечность подсчитывавшую стоимость ее покупок.

Когда Кики уже направлялась к выходу, откуда-то запахло едой, и назойливое ворчание желудка заставило ее притормозить. Почему бы не купить что-то на ужин прямо здесь? Тогда не придется еще раз останавливаться по дороге домой. Кики двинулась на запах вдоль ряда полок и наконец отыскала стойку с сэндвичами. Она заказала горячий итальянский сэндвич.

Девушка ждала, пока выполнят заказ, и вдруг у нее возникло странное ощущение в шее. Как будто кто-то пытался взглядом просверлить в ней дырку. Раздраженно нахмурив брови, Кики обернулась — и увидела неподалеку, у витрины с драгоценностями, женщину, с улыбкой смотревшую на нее. Женщина была одета в свободное платье из бархата цвета сапфира. Она подняла ухоженную руку — пальцы были унизаны кольцами — и поманила к себе Кики.

— Иди сюда, — сказала она.

Кики открыла было рот, намереваясь отклонить «приглашение», но женщина снова заговорила:

— Нет. Не думай. Просто подойди. — Она произносила слова со странным акцентом.

— С вас пять долларов,— сообщил продавец сэндвичей.

Кики расплатилась, а потом сделала нечто совершенно необычное, абсолютно ей несвойственное. Не раздумывая, она позволила ногам понести ее через проход, к витрине с драгоценностями.

— Ах,— сказала женщина, беря правую руку Кики и переворачивая ее ладонью вверх.— Я так и знала. Она коснулась тебя.

— Она? — растерянно переспросила Кики.

— Великая Мать.— Женщина всматривалась в ладонь Кики и продолжала уверенно говорить с сильным акцентом: — Да, я увидела это в твоей ауре, и я отчетливо вижу это здесь. Она полюбила тебя.

— Но...— начала было Кики, но женщина еще не закончила.

— Однако твое путешествие будет долгим и трудным...— Она чуть прищурилась, словно увидела нечто, встревожившее ее.

— Ну да, я отправляюсь на три месяца в Саудовскую Аравию, завтра,— сказала Кики.

Взгляд женщины наконец-то оторвался от ладони.

— Нет, девочка, я имею в виду не расстояние. Я имею в виду путешествие духа.

Кики ошеломленно уставилась в глаза незнакомки... в них было что-то знакомое. А женщина неожиданно отпустила ее руку.

— Где же оно? — забормотала она себе под нос, перебирая висевшие на шее бусы и ожерелья.— А, нашлось! — И она с торжествующим видом сняла одно из украшений и протянула его Кики.

Оно было чудесным. На длинной, изящной серебряной цепочке висел серебряный же листок плюща, как

будто кружевной, и в его центре поблескивал камень цвета корицы. Камень был размером с ноготь большого пальца, в форме безупречной капли.

— Янтарь,— пояснила женщина.— Он возник из смолы, окаменевшей в сердце Земли.

— У меня никогда не было янтаря,— сказала Кики.— Но мне он всегда казался прекрасным.

— Он такого же цвета, как твои глаза.— Женщина улыбнулась.

Кики наконец решила, что просто попала на уловку продавца драгоценностей.

— И сколько это стоит? — спросила она, ответно улыбаясь необычной женщине.

— Это украшение не продается.

Кики нахмурилась. Может быть, женщина пытается просто ее зацепить и продать что-нибудь подороже?

— Эта подвеска — подарок.— И женщина быстрым движением надела цепочку на шею девушки.

— Но я не могу это принять! — вырвалось у Кики.

— Ты должна. Оно предназначено для тебя,— просто сказала женщина.— И мне почему-то кажется, что недавно произошло некое событие, которое вполне может быть отмечено подарком. Разве не так?

— Ну да, вчера у меня был день рождения,— призналась Кики.

— Ах, дитя Самхайна! Как это удачно! Ну, видишь, оно уже твое. Возьми его с собой в дорогу. И никогда не снимай. Янтарь — земной камень. Помни, что он обладает силой впитывать дурные энергии и превращать их в положительные.— Темные глаза женщины смотрели очень серьезно.— Тебе он может весьма пригодиться, малышка.— Тут ее взгляд просветлел, и она

Ф. К. Каст

обняла Кики. — Иди домой, собирайся. — Она чуть наклонила голову, как будто прислушиваясь к чему-то, и добавила: — Твои цветы зовут тебя.

— Спасибо, — пробормотала Кики, озадаченно моргая. Странная женщина развернула ее и подтолкнула к выходу. Янтарная капля, тяжелая и теплая, пристроилась на груди. Кики коснулась камня — и ее лицо расплылось в удивленной улыбке.

Глава пятая

Дорогая миссис Руниан!

Спасибо, что согласились присматривать за моими цветами, пока я буду в отъезде. Удобрения для них я поставила в кухне, возле раковины. Пожалуйста, не забывайте подкармливать их каждые две недели. И было бы просто замечательно, если бы Вы иногда немножко разговаривали с ними. Знаю, это звучит глупо, но я думаю, им это нравится. В конверте Вы найдете ключ от квартиры и подарочный сертификат в кафе «Луби». Надеюсь, Вам и Вашим подругам там понравится. Я вернусь через три месяца. Если что-нибудь случится, у Вас есть телефон моего командира в Тинкере.

Еще раз большое Вам спасибо!

Кики

P. S. И Вы можете брать мои кассеты! Наслаждайтесь!

Кики вложила письмо в конверт вместе с ключом и подарочным сертификатом от кафе «Луби» и сунула конверт под дверь

соседней квартиры. Миссис Руниан была милой старушкой примерно тысячи лет от роду, и она категорически отказалась брать деньги за поливку растений. Но Кики знала, что соседка с подругами обожают по воскресеньям после церкви ходить в кафе «Луби», и потому легко отдала сто долларов за сертификат. Кики пожалела, что ей приходится уезжать так рано и она не увидит выражения доброго лица миссис Руниан, когда та получит подарок. От этой мысли Кики улыбалась все время, пока тащила спортивную сумку, чемодан и еще одну сумку, с ремнем через плечо, вниз по трем пролетам наружной лестницы и закидывала все это в багажник машины.

Было еще действительно очень рано, и потому дорога на Тинкер оказалась почти пустой, так что мысли Кики вернулись к событиям последних суток. Ведь вчера, когда наконец покинула базу и вернулась домой, она была слишком занята: переставляла множество горшков с цветами и укладывала вещи.

А в этих занятиях не было абсолютно ничего волшебного. Правда, потом, попозже, Кики вышла на балкон, пытаясь уловить магию лунного света, как накануне, — однако небо скрывали облака, и ни лунного света, ни какой-либо мистики не наблюдалось.

Могла ли ей привидеться та леди у лифта вчера днем? Нет, Кики так не думала. Тем более что тяжесть янтарной подвески на груди говорила о том, что, по крайней мере, женщина в гарнизонном универмаге уж точно не была воображаемой. Впрочем, зачем задавать вопросы и пытаться как-то объяснить случившееся? Она хотела, чтобы все это было правдой; ей хотелось волшебства в жизни.

Кики потрогала янтарную каплю и обеспокоенно посмотрела на автомобильные часы. Было половина шестого, и Кики почти уже доехала до военной базы. Небольшой самолет, который должен был доставить ее из Тинкера в аэропорт в Уилл-Роджерсе, покидал базу в 6.15. Рейс из Уилл-Роджерса в Балтимор — в 8.25, затем еще один перелет — на военно-воздушную базу США в Италии. А уже оттуда она отправится на военном грузовике С-130 в Эр-Рияд, в Саудовскую Аравию. Итого более суток в дороге, и при этом около двадцати часов в воздухе.

А ведь она так не любила летать! До спазмов в желудке ей не хотелось отправляться в эту слишком долгую поездку.

Будь ее мама сейчас здесь, она бы в тысячный раз отругала Кики за то, что та пошла служить в военно-воздушные силы.

— Ох, милая, — сказала бы она, — ну как эта голубая форма могла убедить тебя поступить на такую службу, если ты боишься самолетов?

И Кики ответила бы, как всегда:

— Я все рассчитала, мама. В воздушных частях самое лучшее обмундирование и снабжение. К тому же там множество таких должностей, которые вообще не требуют полетов. Моя, например.

Конечно, мама бы негодуя фыркнула и покачала головой. Кики иногда задавалась вопросом — а понимают ли вообще ее родители, что их дочь в огромной системе военно-воздушного флота занимает должность вроде вольнонаемной в большом мультимедийном объединении? Она служила в Центре базовых коммуникаций. Или они предполагали, что Кики тайком от них уселась за штурвал военного истребителя?

На самом деле ей приходилось всего лишь пару раз в год отправляться в командировки... да, увы, самолетом, но ведь если бы она работала в какой-нибудь большой гражданской компании, ничего бы не изменилось. В очень многих фирмах служащим приходится периодически куда-то ездить.

Да, вот только гражданские наниматели обычно не отправляют сотрудников в зоны военных действий. Улыбка девушки увяла. Она была хорошим работником, прошла отличную подготовку и верила в то, что делает. Она вовсе не думала о каком-то там патриотизме или героизме — просто выбрала карьеру, дающую возможность послужить своей стране. И, призналась себе Кики, ей нравился слегка авантюрный дух, царивший в военно-воздушных подразделениях. К тому же у нее была возможность часто посещать новые места и знакомиться с новыми людьми. Кики радовалась переменам, она достаточно посидела на месте — целых восемнадцать лет своей жизни, живя в крохотном городке, и не хотела оставаться там до пенсии.

Кики дышала глубоко, ровно, стараясь успокоиться. Вообще-то она понимала, что почему-то боится сильнее, чем обычно перед полетами. Прямо сейчас она предпочла бы нос к носу столкнуться с каким-нибудь талибом, чем многие часы провести в воздухе. Странно, сказала себе Кики, чувствуя, как снова сжимается желудок. Может быть, это нечто вроде предчувствия? Может быть, она так сильно нервничает из-за того, что ее шестое чувство пытается сообщить ей что-то?

Желудок громко заворчал, сначала напугав Кики, а потом развеселив. Нет, куда больше похоже на то,

что ее огорченные внутренности напоминают — в спешке Кики забыла позавтракать. Ладно, придется постараться раздобыть что-нибудь съестное в самолете. Кики громко рассмеялась. Вот это действительно страшно — еда на борту...

Кики постоянно напоминала себе об этом, пока желудок продолжал бурчать во время полета над Америкой. Остановка в Балтиморе оказалась очень короткой, и Кики пришлось поспешно подниматься на борт военного чартера, который на деле оказался огромным коммерческим «Боингом-747», битком набитым военными служащими самых разных званий. Кики уткнулась в книгу и отчаянно старалась не обращать внимания на то, что неслась с сумасшедшей скоростью высоко над землей.

Командир экипажа сообщил по внутренней связи, что они приземлятся на военно-воздушной базе в Италии через двадцать минут. А также важным голосом доложил, что погода прекрасная, семьдесят пять градусов по Фаренгейту, небо чистое, а местное время — почти десять утра, хотя внутренние часы Кики утверждали, что сейчас никак не меньше двух часов. Она пригладила растрепанные волосы и потерла покрасневшие глаза, отчаянно желая расслабиться настолько, чтобы заснуть во время самого длинного перелета.

Остался всего один, последний, отрезок пути, твердила она себе. Кики достала из сумки папку с приказами и расписанием маршрута. Ну да, она все запомнила правильно. В Италии — остановка на час с небольшим. К сожалению, у нее не будет времени хоть что-то увидеть в этой стране, но она вполне успеет поесть и сменить гражданскую одежду на военную фор-

му — пустынный камуфляж, в котором ей следовало сесть на борт С-130.

От мысли о военном грузовике она содрогнулась и почти забыла, что ее самолет готовился к приземлению, то есть ко второму наиболее опасному моменту пути... хотя нет, взлет был еще опаснее. Кики уже дважды летала на С-130; оба раза путешествия были чрезвычайно неприятными. С-130 был огромным транспортным судном с гигантскими, больше человеческого роста, пропеллерами, и в нем не было настоящих пассажирских сидений, лишь длинные грубые скамьи. Поэтому самолет и назывался С-130, «С» означало cargo, «груз». И предназначался он именно для перевозки грузов, но никак не людей.

Кики подумала, что, наверное, в десять утра на воздушной базе невозможно найти бутылочку хорошего шампанского, — во всяком случае, в окрестностях взлетной полосы. Но решила все же попытаться — как только переоденется. Еда может и подождать. А вот шампанское — необходимый атрибут полета...

— Сержант! Просыпайся, пора на борт!

Здоровенная рука старшего сержанта тряхнула ее за плечо.

Кики растерянно огляделась, пытаясь вспомнить, где находится.

— Идем, идем! Все уже на борту, — продолжил старший сержант. — Мы должны взлететь с минуты на минуту.

Кики с трудом поднялась на ноги, чтобы поспешить за старшим сержантом. Она взъерошила волосы, пытаясь окончательно проснуться. Девушка пове-

рить не могла, что умудрилась так крепко заснуть. В орту было противно, в голове туманно, однако она быстро взяла себя в руки и вспомнила последние полтора часа. Она сменила джинсы и свитер на пустынный камуфляж, потом отправилась на поиски выпивки. Нет, она не нашла шампанского, ей удалось отыскать лишь холодный сэндвич с говядиной и теплое пиво. Наверное, пить это пиво не следовало, оно явно не подходило к ее организму, в отличие от шампанского.

Но все мысли о еде и выпивке разом вылетели из головы Кики, когда они со старшим сержантом подошли к С-130. Гигантский самолет возвышался над полем, как фантастическое насекомое-мутант. Он был покрашен в обычный для военной техники зеленый цвет и походил на страшного жука. Открытый задний люк таращился на Кики, и она увидела внутри чудовища множество огромных, обернутых пластиком тюков. Кики поморщилась от отвращения. Это выглядело так, словно гигантское насекомое готовилось отложить яйца. Громко звякнул гидравлический подъемник, и люк начал закрываться.

Старший сержант махнул рукой, приказывая следовать за ним.

— Не бойся, пусть себе закрывается. Поднимемся через переднюю дверь.

Он показал на узкую щель под левым крылом самолета. Оттуда выпала лесенка, и нужно было одолеть всего несколько ступенек, чтобы очутиться внутри грузовика. Кики прошла широким полукругом, опасно обходя неподвижные, зловещего вида пропеллеры, — один их вид пугал ее до смерти.

Старший сержант заметил ее испуг и рассмеялся.

— Черт, они тебя не укусят, пока не двигаются!

— Но они ведь уже готовы к запуску, разве не так? — возразила Кики.

— Это верно, сержант. Так что лучше поскорее подняться на борт. — Он поддержал ее под локоть, помогая вскарабкаться по ступенькам. — Головой не ударься!

— О-ох! — Поздно предупредил, подумала Кики, хватаясь за лоб, которым она врезалась в низко нависшую над входом полку для снаряжения.

Потирая голову, она повернула направо и вошла в грузопассажирский отсек самолета. Глаза слезились от боли, и она уже чувствовала, как под пальцами набухает шишка. Кики искренне жалела сейчас, что не умеет как следует ругаться; момент был весьма подходящим для того, чтобы не выбирать слова.

— Ну что за чертовски глупое место для... — Кики замолчала и отчаянно покраснела.

На нее оглянулись шестеро мужчин в камуфляжной форме песочного цвета. Нашивки и «крылышки» на их форме говорили о том, что это пилоты-офицеры.

— Привет, спящая красавица! — воскликнул молодой лейтенант с сияющим, как на рекламном плакате, лицом. — Рады, что ты наконец-то проснулась и присоединилась к нам!

Кики почувствовала, что краснеет еще сильнее. Лицо у нее было чумазым. Волосы после сна растрепались, к тому же в песочном камуфляже она выглядела лет на двенадцать. Нечего и говорить, что это был не лучший ее час. Глаза красные, изо рта несет, как из птичьей клетки. И при этом она должна сесть рядом

с компанией боевых летчиков... после того, как набила себе шишку при посадке в грузовик... А еще этот самолет собирался взлететь!

Она как будто провалилась в ад.

— Не обращай на него внимания, сержант... — заговорил полковник с тонкими седыми прядями в густых волосах; седина придавала ему весьма импозантный вид. Он на долю секунды умолк, читая имя на жетоне Кики. — Сержант Канади. Он просто расстроен, что во сне выглядит не таким симпатичным, как ты.

— Точно, — подтвердил худощавый капитан. — Он просто сплони распустил.

Пилоты взорвались хохотом, а Кики поспешила убраться в глубину грузовика и пристроиться на первом попавшемся месте. Она поставила сумку на пол и тщательно пристегнулась; ремень был такого же красного цвета, как откидные скамьи и грубая сетка, служившая спинкой. Всякий раз, когда Кики приходилось летать на С-130, она гадала: почему скамьи и сетки выкрашены в яркий красный цвет, притом что все остальное в самолете либо темно-зеленое, либо металлически-серое? От этого контраста, а еще от вида ничем не прикрытого внутреннего оборудования самолета — всех этих проводов, трубок и прочего — девушка чувствовала себя очень неудобно. Гражданские воздушные суда хотя бы прячут свою начинку за гладкими белыми стенками. А тут — все кишки наружу...

Вокруг, на одинаковом расстоянии друг от друга, красовались на прикрепленных к полу поддонах тюки с грузом, которые Кики уже видела снаружи. Они заполняли все внутреннее пространство самолета. Ки-

ки осторожно посмотрела на пилотов и с облегчением обнаружила, что ее могут видеть лишь трое из шестерых. Тюки закрывали ее от остальных. Как обычно, в С-130 никто не заботился об удобстве людей. Похоже, Кики заняла последнее из свободных мест — остальные скамьи были либо уже заняты, либо подняты и закреплены. Молодой капитан оказался совсем недалеко от Кики, справа. Он надел наушники и откинул голову на какую-то подушечку, но тем не менее коротко кивнул девушке в знак приветствия. Слева были три поднятых сиденья, а дальше расположился полковник — по всей видимости, командир группы. Он с кем-то разговаривал, но собеседника полковника Кики не видела — его загораживал громадный пластиковый тюк.

Еще один пилот, которого Кики могла хорошо видеть, сидел напротив, с другой стороны прохода и справа. Кики осторожно глянула туда — и увидела, что пилот смотрит прямо на нее, а его красивое лицо почему-то заливает румянец.

Боже ты мой, подумала Кики, он-то почему краснеет? Мужчина выглядел как внезапно ожившая великолепная статуя. Кики быстро отвела взгляд, но летчик заговорил, и ей пришлось снова посмотреть на него.

— Эй, привет, — сказал он. Голос у него был низким, но говорил парень не так отрывисто, как большинство военных. Он смотрел на шишку на лбу Кики.

Великолепно. Понятно, почему он краснеет. Он, конечно же, видел, что она врезалась лбом в полку, как дура, и, наверное, испытывал неловкость за нее.

— Я точно такую же шишку набил, — сообщил пилот, показывая на собственную голову; в центре его лба Кики заметила бледное розовое пятно.

Кики, наверное, не удивилась бы так, даже если бы пилот вдруг закудаhtал и снес яйцо.

— И меня ведь даже тем нельзя извинить, что я только что проснулся и плохо соображал. Моя шишка, сержант Канади, — это результат обычной неуклюжести.

Кики неожиданно хихикнула. Красавец пилот тоже засмеялся.

— Пожалуйста, — сказала она, — зовите меня Кики.

— Отлично. А я — Шон.

Кики сразу стала серьезной.

— Простите, а вам не кажется, что мне лучше называть вас капитаном?

То, что офицеры называли младших по званию по именам, было делом обычным, но со стороны Кики такое выглядело бы нарушением субординации... а в военно-воздушных частях весьма неодобрительно относились к фамильярности между офицерами и сержантским составом. Даже если офицеры выглядели как античные скульптуры, с сожалением подумала Кики.

Но Шон продолжал улыбаться.

— Вообще-то, нет. Я, как и все эти парни, служу в отряде F-16, это подразделение Национальной воздушной гвардии в Талсе, в Оклахоме. — Он наклонился вперед и оглянулся по сторонам, как будто делиась с девушкой большим секретом: — А у нас там немножко другие правила. Так что «Шон» будет в самый раз.

Кики не нашлась что сказать.

Конечно, она знала об этом гвардейском подразделении в Талсе — ей не раз приходилось отправлять туда сообщения и получать ответы. Но она никогда не встречала летчиков из этой части. Вообще-то, единственными боевыми пилотами, которых ей доводилось видеть, были ребята из Колорадо, Кики столкнулась с ними во время последней командировки. Но они выглядели уж очень высокомерными и самонадеянными и совершенно не заметили ни Кики, ни ее подруг. Кики и вообразить не могла, чтобы кто-то из них предложил обращаться по имени... во всяком случае, днем. К счастью, от необходимости отвечать девушку избавил тот старший сержант, что привел Кики к самолету.

— Итак, джентльмены... — Он покосился на Кики и добавил: — И леди. Мы готовы отправиться в путь. Я не должен был бы напоминать столь выдающейся группе, что нужно пристегнуть ремни и закрепить ручную кладь, но, думаю, лучше мне об этом все же сказать, потому что вы не привыкли сидеть на пассажирских местах. — Он хихикнул над своей простенькой шуткой и стал медленно пробираться по грузовому отсеку, проверяя, все ли в порядке и пристегнулись ли пилоты. Пилоты обратили на него внимания не больше, чем на тюки с грузом.

Кики вздохнула, когда послышался гул набирающих обороты винтов и самолет слегка завибрировал. Звук напомнил девушке, что беруши остались в сумке. Кики отстегнула ремень и нагнулась, чтобы вытащить сумку из-под сиденья. Роясь в боковом кармане, она обратила внимание на стенку за скамьей. И тут Кики недоуменно нахмурила брови. Странно...

она до сих пор не замечала, что металлические рамы скамей уж очень толсты, а на стенке начерчены красные полосы, между которыми по трафарету нанесены ярко-красные надписи: «ОПАСНО» и «ПРОПЕЛЛЕР». Они повторялись снова и снова.

— Сержант, надо это убрать и сесть на место. — Старший сержант добрался до Кики.

Кики нашла наконец беруши, затолкала сумку обратно и села. Но когда старший сержант хотел уже отправиться дальше по проходу, она окликнула его.

— Сержант! — Ей пришлось почти кричать, потому что гул стал уже слишком громким. — Что значат эти красные линии и эти слова? — Она ткнула пальцем через плечо.

— Они отмечают место, где пропеллер может врезаться в самолет, если слетит со своей оси. — Старший сержант ухмыльнулся, продемонстрировав желтые зубы. — Но такое не часто случается. — Он расхохотался и пошел дальше.

Кики не знала, что делать — заорать или заплакать... Она похолодела и замерла, выпрямившись, словно проглотила шомпол.

Шон, сидевший по другую сторону прохода, слышал весь разговор. Он поморщился, видя, как побелело лицо маленького сержанта, отчего ее большие янтарные глаза стали похожими на глаза напуганного олененка. Девушка была такой маленькой, такой юной... Она и без того уже испугалась, ударившись головой при входе, а теперь определенно была в настоящем ужасе. Что-то шевельнулось в душе капитана.

— Кики! — окликнул он ее.

Девушка не ответила.

— Кики! — повторил он. Ее остекленевшие глаза наконец встретились с его взглядом. — Не хочешь поменяться местами со мной? Я терпеть не могу сидеть с этой стороны. — Он подумал секунду, потом добавил: — Это один из пилотских предрассудков, конечно... — И Шон пожал плечами, как будто смущаясь такого признания.

— Поменяться местами? — переспросила Кики, как будто не расслышав.

— Ну да. Я был бы только рад. — И он просиял улыбкой идеального парня.

— Наверное, да... — медленно выговорила девушка. — Если вы действительно так хотите.

— Очень хочу, — заверил ее Шон.

Он расстегнул ремень безопасности и вытащил из-под скамьи сумку. Прежде чем Кики успела достать свои вещи, капитан уже одолел десять футов, разделявшие их.

— Давай я сам перенесу, — сказал он, забирая у Кики сумку.

Кики подняла голову и посмотрела на капитана. Вблизи он казался еще красивее. Мускулистый, высокий — невероятно. Короткие, по-военному стриженные волосы, золотистые, как луч солнца. Да и весь он был такой — словно сам бог солнца благословил его. Открытые части тела бронзовели неотразимым загаром. Карие глаза... Уверенные, волевые черты лица, а губы... Кики вдруг поняла, что она совершенно непристойно пялится на капитана, и жутко смутилась.

— Спасибо, — пробормотала она.

— Не за что. Это ты мне оказываешь услугу. — Он подхватил ее под локоть и проводил к своему месту.

— Эй, Аполлон, ты у нас джентльмен, как всегда? — Старший сержант фыркнул, проходя мимо них. — Давай-ка поторопись, усаживай ее и сам закрепляйся на месте. Мы убираемся отсюда к черту.

Кики поспешила сесть, но тут же вопросительно посмотрела на Шона.

— Аполлон?

— Это мой позывной. — Капитан развел руками. — Уж поверь, не я это придумал.

— А... — Это было все, что сумела произнести Кики. Даже если он не сам это придумал, идея была неплоха. Этот парень и вправду походил на греческого бога.

— Не забудь пристегнуться, — напомнил капитан и пошел через проход к своему новому месту.

Глаза Кики будто обладали собственной волей — они наслаждались видом Аполлона сзади. Да, это был необычайно интересный мужчина. Конечно, когда он повернулся и сел, Кики сделала вид, что старательно занимается ремнем и пытается устроиться поудобнее на сиденье, а вовсе не смотрит на него, разинув рот. Да и в самом деле, как можно проявлять такое неприличное любопытство? Мужчины с подобной внешностью, особенно боевые пилоты, не интересуются маленькими сержантами с заурядными физиономиями. Разве что могут проявить заботу о них, как о младших сестренках. Так оно и есть, сказала себе девушка. Наверное, дома у него младшая сестра, потому он и обратил внимание на Кики.

Гул пропеллеров превратился в оглушительный рев, и Кики сунула в уши затычки. С-130 двинулся вперед. Сначала он катился медленно, но вскоре набрал скорость, спеша к взлетной полосе. Кики почувствовала, как повлажнели ее ладони и сжался в комок желудок. Она закрыла глаза, мысленно повторяя снова и снова: «Военные самолеты редко терпят крушение. Военные самолеты редко терпят крушение. Военные самолеты редко падают...»

Слишком быстро они добрались до взлетной полосы. Пропеллеры крутились с безумной скоростью, самолет дрожал от желания оторваться от земли. Или, в отчаянии подумала Кики, от желания врезаться в землю и превратить их всех в шар обжигающего огня сразу после взлета. Она почувствовала, как поднялись закрылки — и самолет начал все ускоряющийся бег по взлетной полосе. Глаза Кики широко распахнулись. Она не хотела умирать с закрытыми глазами.

Кики посмотрела через проход на Шона. Он удобно развалился на скамье и показал ей большой палец с видом спокойным и безмятежным. Шон по-мальчишески ухмыльнулся, глядя на девушку, и одними губами произнес: «Все отлично!» А потом игриво подмигнул.

Ну и ну! Кики вспыхнула от удовольствия. Вряд ли он стал бы так подмигивать младшей сестренке. И то, как он продолжал улыбаться и смотреть на нее... нет уж, мужчины не смотрят так на женщин, которые просто напоминают им маленьких сестер. Ошеломленная, Кики вдруг осознала, что трепет в животе не имеет никакого отношения к страху перед полетом.

Через несколько секунд самолет оторвался от земли и Кики подумала, что она, похоже, только что пережила самый изящный и легкий взлет во всей истории Военно-воздушного флота Соединенных Штатов.

Как только самолет оказался в воздухе, нервные судороги в желудке Кики сразу утихли. Похоже было, что ей предстоял приятный полет. Они так плавно набирали высоту, что Кики полностью расслабилась, откинувшись на мягкую сетку, и с удивлением отметила, что ее веки потяжелели. Стараясь не заснуть, она посмотрела на Шона. Тот читал какую-то книгу, но, почувствовав взгляд Кики, поднял голову. Он внимательно посмотрел на девушку, а потом случилось нечто невероятное. Кики едва поверила собственным ушам, когда Шон отчетливо произнес:

— Спи... я в карауле!

И снова подмигнул ей, как будто заигрывая.

По спине Кики пробежали легкие мурашки. Он намеревался не спать и присматривать. За ней. И то, как он подмигивал, говорило, что Шон совсем не думает о ней как о сестренке. Веки Кики закрылись, и, уже засыпая, она подумала, что, пожалуй, командировка обещает быть интересной...

Шон смотрел на Кики, и его губы сами собой растягивались в улыбке. Он потер лоб и недоуменно усмехнулся. Что такое таится в этой девушке? С того самого момента, как он увидел ее спящей в зале ожидания, он только на нее и смотрел, только о ней и думал. Это было совсем не в его стиле. Обычно женщины сами вешались на него, а он, хоть и не жаловался на их внимание, но и не искал знакомств. Он не стал бы менять-

ся местами только из-за того, что кто-то выглядел испуганным, и даже не подумал бы утешать девушку, которая боится летать. Он снова потер лоб и попытался сосредоточиться на романе, который держал в руках, но вместо черных букв на белой бумаге видел янтарные глаза, обрамленные пушистыми ресницами темного песочного цвета.

Кики снилось, что она мягко покачивается в гамаке, висающем между двумя гигантскими пальмами, на берегу прозрачного океана. Теплый тропический ветерок щекотал кожу и мерно раскачивал гамак. Потом ветер внезапно переменялся, его ледяные порывы погнали к берегу волны, увенчанные белыми барашками пены. Волны накрыли гамак, он затрясся, подпрыгнул и...

Глаза Кики резко распахнулись. Она проснулась мгновенно. Это не было сном. С-130 бешено трясся, как будто угодив в зубы гигантского зверя. Кики подавила крик, и ее взгляд устремился к Шоно. Лицо капитана ничего не выражало, но Кики почувствовала напряжение, которое Шоно пытался скрыть. Кики схватилась за пряжку своего ремня. В голове билась мысль: надо быть рядом с Шоном.

— Нет! — Он резко помотал головой.

Кики вытащила из ушей беруши.

— Не вставай! Это слишком опасно! — прокричал капитан, перекрывая яростный рев моторов.

— Что происходит? — закричала она в ответ.

Прежде чем капитан успел ответить, тряска усилилась. Как это самолет еще не развалился — казалось, его уже должно было разнести на куски.

Дальнейшее произошло стремительно. Сквозь шум моторов они услышали металлический скрежет. Пока Кики в ужасе оглядывалась, нечто прорвалось сквозь обшивку самолета всего в нескольких футах от нее и понеслось через проход, как ракета. Оторвавшийся пропеллер задел Шоно лопастями, а потом пропорол обшивку самолета с другой стороны. Время как будто остановилось... из головы Шоно вырвался фонтан крови, капитан молча, безвольно согнулся...

Вопль Кики утонул в оглушительном реве воздуха, вырывавшегося из самолета, и девушка вцепилась в сетку, отчаянно пытаясь удержаться на месте в обезумевшем мире. Все, что не было хорошо закреплено, металось и кружилось внутри самолета в сумасшедшем вихре. Кики не могла даже видеть Шоно — между ними в воздухе носилось слишком много всякой всячины. Но она видела расширяющуюся лужу крови вокруг его скамьи.

Его скамьи? Но ведь там должна была сидеть она, Кики! Девушка почувствовала, как к горлу подступают рыдания.

Постепенно круговорот в самолете утих, но тряска была все еще очень сильной, и шум воздуха, врывавшегося в пробоины в бортах, все так же оглушал. С огромным усилием молодой капитан, сидевший с правой стороны от Шоно, отстегнул ремень и подобрался к неподвижному телу товарища. У капитана в руках был квадратный белый лоскут — Кики сообразила, что это, должно быть, наволочка с его подушечки. Точными, осторожными движениями пилот обернул лоскут вокруг головы Шоно и опустил сиденье рядом с ним. Затем ослабил ремень, державший Шо-

на, так, чтобы уложить пострадавшего на две скамьи. Потом застегнул ремни на груди и на ногах друга.

Кики не могла оторвать глаз от наволочки и от не-лепого красного пятна, расплзавшегося по ней; пятно было почти такого же цвета, как металлические рамы скамей.

Неожиданно сквозь адский шум Кики услышала звон колокола. Она насчитала шесть ударов. Потом она увидела, что полковник, отстегнув ремни, пробирается к ней по проходу; дойдя до Кики, он опустил-ся на соседнее сиденье и пристегнулся.

— Они сажают самолет на воду! — прокричал полковник в ухо девушке.

Глаза Кики расширились от ужаса. Не надо было быть пилотом, чтобы понимать: они просто падают в море.

— Все в порядке! Мы с этим справимся! — Он улыбнулся, надеясь успокоить девушку. — Вода теп-лая. Хорошо, что мы над Средиземным морем, а не в Атлантике!

Кики отчаянно хотелось поверить ему.

— Что мне делать? — крикнула она.

Прежде чем ответить, полковник обернулся назад и вытащил из-за сеток два спасательных жилета. Ки-ки заметила, что капитан напротив сделал то же самое и как раз пытался надеть жилет на неподвижное тело Шона.

— Надевай это. Тебе надо только набраться храбро-сти и крепче держаться. Когда мы ударимся о воду, все полетит кувырком. Будь готова уворачиваться. Не знаю, как долго эта штука останется на плаву.

— А Шон? — спросила Кики.

Лицо полковника помрачнело, он покачал голо-вой. Глаза Кики тут же наполнились слезами.

— Мы ничем не можем помочь ему. Побеспокойся теперь о себе, — грубовато сказал полковник. Самолет резко наклонился вперед. Полковник махнул рукой в сторону грузового отсека. — Помнишь, где открывает-ся хвостовой люк?

Девушка кивнула.

— Там два аварийных выхода, по оба борта само-лета. Через них мы и выберемся. Спасательные плоты вон в тех нишах. — Он показал на пространство над крыльями.

Кики надеялась, что полковник не стал бы объяс-нять все это, если бы был уверен, что им не выжить. И как раз в это мгновение из кабины самолета выска-чил старший сержант.

— Садимся! — закричал он и быстро пристегнулся к скамье справа от Кики и полковника. — Осторож-нее, не промочите ноги!

Кики не могла в это поверить, но сержант как буд-то был весел!

Самолет опять клюнул носом, и полковник сжал плечо Кики.

— Готова? — прокричал он.

За прошедшие семь лет Кики не раз проходила тре-нировки на случай авиакатастрофы. И она вниматель-но просматривала все специальные ролики, снятые авиационными службами безопасности. И всегда ра-зумно одевалась, отправляясь в полет, — джинсы и крос-совки, никаких туфель на каблуках и голых ног. Она всегда считала количество сидений, отделявших ее от ближайшего аварийного выхода, и выслушивала все инструкции, которые зачитывались на борту.

Но она прекрасно знала, что не готова. Она просто оцепенела от ужаса. Кики кивнула полковнику, а тот попытался изобразить бодрую улыбку. Сквозь рваную дыру в борту С-130 Кики видела ярко-голубое утреннее небо. Она закрыла глаза и попыталась прочесть молитву, но в голове бушевала буря. Кики могла думать только о том, как ей не хочется умирать.

И вдруг она ощутила странное тепло на груди. Первой мыслью было, что ее ранило каким-то обломком и она истекает кровью. Открыв глаза, Кики стремительно ощупала себя сквозь форму. Нет, прорех не видно, и определенно нигде нет крови. Только какая-то выпуклость.

Ох! Кики наконец осознала, что выпуклость под ее пальцами — это янтарный листок, висящий на цепочке на шее, как раз под опознавательным жетоном. Кики, сама не зная почему, надела янтарную подвеску, когда переодевалась в форму, но, конечно же, подобные украшения никак не сочетались с камуфляжем, и потому Кики спрятала янтарь под одежду. И теперь он грел ее, тепло распространялось по всей груди...

Если и есть в жизни подходящий момент для волшебства, то он наступил, подумала Кики.

— Держись! — закричал полковник.

Кики едва успела ухватиться за сетку и упереться ногами в пол, как мир взорвался. Самолет рухнул в воду с отчаянным металлическим визгом, как будто понимая, что его часы сочтены. Сквозь пробоины в бортах видны были фонтаны белых брызг. Но на этом дело не кончилось. Кики почувствовала, как С-130 подпрыгнул, а потом снова упал с еще более противным скрежетом. Так они еще несколько раз прыгали

по волнам, как плоский камешек, пущенный умелой рукой. И каждый раз, когда самолет сталкивался с поверхностью, пассажиров и груз бросало вперед. Кики видела, как майор врзался в переборку, когда его ремень безопасности не выдержал и лопнул. И еще она увидела, как один из тюков с грузом сорвался с места и припечатал майора к металлической стенке.

Кики оглянулась на Шона, но поспешила отвести взгляд. Его тело, безвольное, как тряпичная кукла, было все так же пристегнуто к сиденьям. Его руки и ноги болтались в такт содроганиям самолета, словно он был марионеткой, у которой оборвались все нити.

Что-то острое ударило Кики в левое плечо. Она не почувствовала боли, только по руке потекла кровь. Грузовик наконец утомился и лег на воду. Сквозь дыру в борту просвечивала морская синева.

Полковник вскочил первым, но Кики видела, что и все остальные, кроме Шона и майора, уже поднимались на ноги.

— Выходим! Выходим! Быстрее! — командовал полковник, пробираясь туда, где в щелях под крыльями скрывались спасательные плоты. — Айк, Тиман, Кац! Открывайте задние люки!

Два капитана и лейтенант полезли через сорвавшиеся с мест тюки с грузом, спеша добраться в заднюю часть самолета.

— Сержант! — рявкнул полковник на девушку. — Выходи! Быстро!

Кики трясущимися руками расстегнула державший ее ремень, изумляясь, что еще способна встать. Она почувствовала, как самолет наклоняется вперед все сильнее.

— Майор мертв! — прокричал старший сержант. Он присел рядом с телом майора, придавленного тюком.

— Оставь его! — приказал полковник, вытаскивая из щели в стенке самолета нечто туго свернутое, ярко-оранжевое; Кики сообразила, что это, должно быть, и есть спасательный плот.

— Дверь в кабину не открыть! — Старший сержант уже перебрался от тела майора ко входу в кабину экипажа. К этой двери привалился еще один тюк с грузом.

— У них там есть другой выход, — ответил полковник. Он жестом приказал старшему сержанту двигаться в хвост самолета, а потом заметил все так же стоящую на месте Кики. — Шевелись, сержант!

Он повернулся и направился к выходу, предполагая, что девушка последует за ним.

Кики и хотела поскорее добраться до выхода, ведущего к спасению, но вместо того вдруг обнаружила, что карабкается через свалку грузов и оборудования... и очутилась рядом с телом Шона. Кики судорожно сглотнула, борясь с тошнотой. Вокруг была кровь. Два ремня не дали телу капитана сорваться с места в момент столкновения самолета с водой, и повязка, теперь уже целиком пропитавшаяся кровью, осталась на голове Шона... Он лежал лицом к борту, и Кики видела лишь красивый подбородок и шею парня. Кики заставила себя прижать два пальца к той точке на шее, где должна была биться артерия. Кожа Шона теперь не казалась золотисто-коричневой — она приобрела пепельный оттенок и была уже холодной.

Самолет еще сильнее накренился. Теперь Кики видела волны, плещущиеся вровень с пробоиной в борту.

— Сержант! — проревел полковник. — Куда ты провалилась?

— Я здесь, полковник! — ответила девушка, забираясь на какой-то тюк, чтобы ее увидели.

Хвост самолета, казалось, торчал почти вертикально, но оба аварийных выхода были открыты... Пока Кики смотрела на все это, один из капитанов закрепил канат на сложенном спасательном плоту, дернул за шнур, запускающий насос, и выбросил плот наружу. С громким шипением плот надулся.

— Иди сюда, скорее! Мы слишком быстро тонем!

Кики оглянулась на тело Шона. На его месте следовало быть ей самой. Он просто по доброте поменялся с ней местами, а теперь ему предстоит погрузиться в одинокую морскую могилу. Эта мысль была просто невыносимой.

— Мы должны забрать с собой Шона! — закричала девушка мужчинам.

— Некогда! Парень мертв! Мы ничего не можем для него сделать, — ответил полковник. И тут же по его сигналу старший сержант выпрыгнул из самолета.

— Я не пойду без него! — заявила Кики, сама удивившись тому, как спокойно прозвучал ее голос. Ведь сердце у нее бешено колотилось, а руки дрожали... но почему-то, вопреки всякой логике, она была совершенно уверена, что поступает правильно.

— Сюда, сержант! Это приказ!

— Нет, сэр. Я не оставляю его здесь.

Внезапно раздался скрежет рвущегося металла, и на лицо Кики упал солнечный луч. Она посмотрела вверх и увидела прямо над собой громадную щель в

потолке самолета. Нос С-130 погрузился еще глубже, и Кики с трудом удержалась на ногах.

— Черт тебя поberi! Провались ты в ад!

Кики сначала услышала, как к ней приближается полковник, а потом уже увидела его. Он шипел и ругался как сумасшедший и выкрикивал приказы:

— Отстегни парня и будь готова убираться на хрен отсюда!

Кики бросилась расстегивать пряжки ремней, удерживавших Шона, и как раз справилась с ними, когда полковник перелез через кучи всяких обломков. Не глядя на девушку, он схватил тело Шона и перекинул через плечо, как делают пожарные, спасающие людей из огня.

— Держись рядом со мной! — рявкнул он.

Кики была только рада выполнить этот приказ.

Они уже почти добрались до выхода, когда вся передняя часть самолета отломилась и мгновенно затонула. Хвостовая часть до этого торчала высоко над водой, но теперь, когда исчез противовес, она тяжело хлопнулась на волны. Кики как будто очутилась в лифте, сорвавшемся с привязи и пролетевшем несколько этажей вниз. Они с полковником рухнули на пол. Вода хлынула сквозь открытый люк.

Полковник мигом вскочил на ноги. Он схватил Кики за шиворот, а Шона за ногу и поволок к выходу.

У Кики не было времени, чтобы хоть что-то подумать. Полковник грубо вышвырнул ее наружу. Девушка сильно ударилась о воду и пошла вглубь, но спасательный жилет вернул ее на поверхность, и она вылетела из-под воды, как живая пробка. Фыркая и моргая, Кики чуть не ослепла от блеска соленой воды и сол-

нечного света. Рядом послышались еще два громких всплеска, и на волнах закачались полковник и безжизненное тело Шона.

— Туда! — крикнул полковник, и Кики увидела впереди, футах в сорока от них, ярко-оранжевый спасательный плот. — Плыви! Нам нужно уйти как можно дальше от самолета.

И он поплыл к плоту, сильно взмахивая одной рукой, а другой волоча тело Шона.

Отчаянно жалея, что не научилась как следует плавать, Кики заколотила ногами по воде и неловко двинулась за полковником. Чудовищный взрыв раздался за спиной, и Кики, оглянувшись, увидела шар огня и света. Самолет превратился в гигантское чудовище, которое как будто отчаянно сопротивлялось смерти. А Кики была так близко к нему...

От страха Кики бросилась вперед изо всех сил. Она больше не оглядывалась, она просто плыла.

А потом она ощутила *это*. Какой-то обломок крушения обвился вокруг ее лодыжки, как механическое щупальце. Испуганная девушка снова и снова била ногами, но не могла освободиться. Она попыталась дотянуться до «щупальца» рукой, но ее тянуло под воду с такой силой, что нога, казалось, вот-вот выскочит из сустава.

Кики пыталась бороться, но все было бесполезно. Ее лодыжка была в крепком капкане, и девушку увлекло к океанскому дну весь вес тонущего самолета.

Она поняла, что утонет.

Ее охватила паника, и Кики протянула руки к угасающему над ней свету, все еще пытаясь стряхнуть невероятную тяжесть, тащившую ее навстречу смерти.

Она не хотела умирать... не сейчас... не такой молодой... В этот момент Кики вовсе не увидела всю свою жизнь, ее просто охватило отчаяние оттого, что ей придется умереть так рано, не успев еще толком пожить. У нее не будет любимого мужа; она не увидит, как растут и обзаводятся семьями ее дети... В груди у девушки горел огонь, и она знала, что всего через несколько секунд непроизвольно вдохнет смертельную воду.

Кики закрыла глаза. Пожалуйста, помогите мне, отчаянно взмолилась она. Кто-нибудь, умоляю, помогите мне!

И каким-то чудесным образом тяжесть, что тащила ее ко дну, вдруг исчезла, Кики охватило неописуемое спокойствие. Она открыла глаза — и увидела, что плывет в пузыре мягкого голубого света. И она была не одна. В воде прямо перед ней — так близко, что Кики, казалось, нужно было лишь протянуть руку, чтобы коснуться ее, — плыла невообразимо прекрасная молодая женщина. Длинные волосы колыхались вокруг нее, как поблескивающая вуаль. Кики подумала, что цвет этих волос был бы точь-в-точь таким, как цвет лютиков, растущих в садике у матери, — если бы лютики могли светиться и искриться. Лицо женщины было безупречным, совершенным. Четко очерченные скулы, чудесные аквамариновые глаза, почему-то показавшиеся Кики знакомыми. Кожа гладкая, как у фарфоровой куклы. Женщина была обнаженной до пояса. Кики отчетливо видела большие груди прекрасной формы. Но что это надето на незнакомке внизу? Что-то блестящее и как будто унизанное бусинками, а цвет переливается, меняясь от голубого к бирюзовому и аметистовому. Одевание плотно прилегало к телу,

доходя до... Кики вздрогнула от изумления. Большие плавники! Это была не женщина; это была русалка!

Кики уставилась на невероятное существо, понимая — то, что она видит и ощущает, никак не может быть реальностью. Легкие больше не болели. Но она ведь не могла дышать, потому что по-прежнему оставалась под водой; однако в нее как будто бы влили порцию кислорода... Кики решила, что наверняка уже умерла или близка к смерти и у нее просто галлюцинации.

Русалка осторожно улыбнулась ей.

Кики улыбнулась в ответ.

— *Хочешь остаться в живых, какова бы ни была цена?*

Эти слова прозвучали прямо в голове девушки. Она понимала, что их должна была произнести русалка, но ее чувственные губы даже не шевельнулись.

— *Ох, конечно хочу!* — подумала Кики и энергично кивнула головой.

Робкая улыбка русалки сменилась облегчением и радостью. Странное существо протянуло руки и заключило Кики в нежные объятия. Кики даже не захотелось оттолкнуть русалку. Вместо того чтобы испугаться и отшатнуться, она была очарована. Русалка мягко прижала ее к себе, и Кики ощутила, как обнаженная грудь существа тесно прижалась к ее форменной рубашке. Облако русалочьих волос окутало их обеих, хвост русалки обернулся вокруг ног Кики. Кики всегда интересовалась только мужчинами и очень удивилась, ощутив, как что-то в ней отозвалось на объятие, когда ее собственные руки легли на обнаженные плечи русалки.

Внезапно Кики поняла, что это не просто сексуальное переживание; это было некое магическое влива-

ние чувств. Точно так же, как лунный свет наполнил ее энергией в вечер дня рождения, русалка теперь возвращала ее к жизни. Каждый дюйм тела Кики как будто наполнился электричеством. Ей захотелось откинуть голову и закричать от нахлынувших невероятных ощущений.

Потом русалка склонилась к лицу девушки. Кики закрыла глаза, когда их губы соприкоснулись в глубоком нежном поцелуе. У Кики отчаянно кружилась голова, а когда ее глаза наконец открылись — она увидела перед собой свое собственное лицо.

Ничего не понимая, Кики моргнула и потрясла головой, но образ маленького мокрого сержанта не исчез, а просто улыбнулся ей.

Улыбнулся ей? Как такое могло быть? Кики оглянулась, чтобы отыскать спрятанное зеркало, и заметила облако светлых волос, плывущих в воде вокруг нее. Кики протянула руку и коснулась их гладкой массы.

— *Теперь мы должны расстаться.*

Голос опять прозвучал прямо в ее голове, и ошарашенная Кики снова уставилась на свое отражение. Кики видела, как руки, которым следовало быть ее собственными, коснулись ворота форменной рубашки и через голову сняли серебряную цепочку с подвеской. Потом то, что выглядело как Кики, надело цепочку ей на шею.

— *Береги это. Это твой талисман, часть твоей магии,* — произнес внутренний голос.

Женщина, выглядевшая как Кики, вскинула руки и подняла голову, похоже, собираясь вынырнуть.

— *Желаю тебе удачи. Будь благословенна, сестренка.*

Мягкий свет внутри пузыря вдруг взорвался яростным синим огнем. Тело, в котором следовало находиться Кики, скрылось в сверхъестественном аквамариновом сиянии и вместе с бешеным всплеском света устремилось к поверхности воды. Кики, отброшенная мощным толчком, завертелась, как сорвавшийся с креплений пропеллер. Все вокруг перепуталось и расплылось. Кики не понимала, куда ее несет. Она как будто попала в подводный смерч. Водоворот уносил ее все дальше и дальше в океанские глубины, и хотя дышалось ей легко, она все еще боялась темной бездны. Поэтому Кики боролась, пытаясь вырваться из водоворота, прорваться сквозь мощь подводных потоков...

Наконец она выскочила из бешеного течения и обнаружила, что находится будто в туннеле из спокойной воды. Измученная, она позволила себе на мгновение расслабиться, пытаясь собрать разлетевшиеся мысли. Что с ней случилось? Она умерла? Что ей делать дальше?

Вода в нешироком спокойном туннеле была теплой, голубой, как джинсы, но снаружи продолжало бушевать темное течение, сквозь которое Кики недавно прорывалась. Кики видела, как там угрожающе бурлит и пенится вода.

Она оглянулась назад — но увидела лишь темноту. А впереди, далеко, мигал слабый свет. Значит, туда, утомленно подумала Кики и ударила ногами о воду. И уже с первым движением удивленно отметила, что никогда прежде не плавала так легко и быстро; а сейчас ею как будто выстрелили из водяной пушки. Темные стенки туннеля сливались в полосы, когда она неслась между ними.

Ф. К. Каст

Светлая точка была впереди, совсем недалеко, и Кики быстро достигла ее — и, выскочив на поверхность воды, обнаружила, что находится в ярко освещенном гроте. Перед глазами все расплывалось от усталости, и она думала лишь о том, чтобы выбраться на выступ, вокруг которого мягко плескалась вода. Кики заставила измученное тело повиноваться, и с усилием, от которого задрожала с головы до ног и задохнулась, она выбросила свое тело из воды. Свернувшись клубочком, Кики наконец позволила себе расслабиться — и заснула.

Часть вторая

Глава шестая

Ее разбудил ритмичный шум волн, бьющихся о камни. Кики медленно открыла глаза — и ее приветствовал мерцающий свет голубых кристаллов. Девушка повернулась и огляделась вокруг, ошеломленная красотой камней. Если бы смех имел цвет, подумала она, он был бы точно таким же голубым. Она коснулась стены пещеры безупречно красивой рукой с кожей нежного сливочного цвета... и замерла.

Это были не ее пальцы. Взгляд Кики скользнул выше, от кисти к локтю... Рука была длинной, изящной, как будто высеченной из живого мрамора. Потрясенная, Кики села. Густая масса роскошных светлых волос упала на плечо и тут же соскользнула на грудь, укрыв тело, как шелковая шаль. И сквозь этот покров Кики увидела темно-розовые соски. Дрожащими руками Кики отодвинула невероятную гриву и оглядела «свое» тело.

Безупречная кожа, сладострастно изогнутая талия... Но там, где должны начи-

наться бедра, кожа переходила в плотно прилегавшие друг к другу чешуйки. А там, где следовало быть ногам, Кики увидела хвост, заканчивавшийся огромным раздвоенным веером плавника.

— Твою мать! Я — рыба?!

Кики, не привыкшая к грубым выражениям, машинально прикрыла рот ладонью и нервно оглянулась, чтобы убедиться: мать не слышит ее... но это резкое движение заставило хвост шевельнуться. Это было похоже на то, как если бы Кики дернула сжатыми вместе ногами, стремясь сохранить равновесие.

— Пожалуй, выражения — это не все, что пришлось бы объяснить маме, очутись она здесь, — пробормотала Кики. Голос тоже звучал непривычно — красиво, сексуально, с придыханием... — И подумать только, я ведь всегда хотела быть похожей на Мэрилин Монро! — Кики насмешливо покачала головой. — И вот теперь я... я... я...

Она рассмеялась почти истерически.

Подавив желание захохотать во все горло, Кики закрыла глаза и заставила себя успокоиться. Дыши глубже, дыши глубже, твердила она себе... никакого толку не будет, если ты сейчас ударишься в панику. Еще один глубокий вздох — и Кики снова открыла глаза, еще раз посмотрела на русалочье тело. От хвоста невозможно было оторвать взгляд. Кики попыталась шевельнуть ногами — и хвост в ответ грациозно изогнулся. Голубой свет, заливавший грот, отражался в чешуйках, и хвост переливался мириадами бриллиантовых искр. Кики была вынуждена признать, что выглядит он очень красиво. Она робко протянула дрожащую руку и коснулась поверхности рыбьей плоти —

и удивилась, ощутив ее мягкость и теплоту. Теперь, дотронувшись до хвоста, Кики поняла, что он вовсе не покрыт чешуей, а скорее напоминает кожу дельфина, но в синих и пурпурных пятнах. Кики погладила себя, наслаждаясь новой кожей, скользкой и гладкой. Ее как будто закутали в текучее серебро, только яркое, многоцветное.

И к тому же она чувствовала себя невероятно сильной. Девушка ощущала, как энергия бурлит в теле. Кики вскинула голову, словно прислушиваясь к своей новой силе, и вдруг осознала, что вода как будто зовет ее. Кики почти слышала где-то в глубине голос, подстрекавший к проказам.

Возможно, она спала, а может, даже и умерла, но почему-то эта мысль не пугала. Что бы с ней ни случилось, она была в своем уме, но, безусловно, ей досталась такая огромная доза волшебства, какой Кики и вообразить не могла в прежней жизни.

Кики опустила плавник вниз, так, чтобы он коснулся поверхности манящей к себе воды, хлопнула хвостом по воде... потом еще и еще раз... Теплые соленые брызги взлетели в воздух; и там, где они падали на кожу, Кики ощущала их прикосновение как нежную ласку.

Наклонившись, она всмотрелась в тихую воду грота, изучая свое уж слишком изменившееся отражение. Единственным, что было ей знакомо, оказалась янтарная капля, висевшая между обнаженными грудями.

— Я стала ею. — Прекрасные губы отражения шевельнулись, когда Кики заговорила. — Каким-то образом я превратилась в русалку. — Тут Кики вспомнила, как она провожала взглядом собственное тело, поднимавшееся к поверхности океана. — А она стала мной.

Легкая дрожь пробежала по телу, когда девушка подняла руку и коснулась собственной безупречной щеки. Полностью углубившись в изучение себя, Кики не обратила внимания на плеск воды неподалеку.

— Ундина, должен ли я напомнить тебе об уроке, который преподавал богам Нарцисс?

Услышав низкий насмешливый голос, Кики задохнулась и вздрогнула от изумления. Неподалеку плавал огромный мужчина. Его мощный торс был обнажен. Волосы были настолько светлыми, что казались белыми, и падали на плечи пышной волной. Мужчина был бы весьма хорош собой, если бы не язвительное, недоброе выражение лица.

— Но, разумеется, я вынужден признать, что ты воистину ослепительна. — Его голос изменился, превратившись в сладострастное урчание. Потом, заметив выражение лица девушки, он добавил: — Ты что, удивлена моим появлением, милая сестра? — Он подплыл поближе к уступу. Его пронзительные серые глаза внимательно смотрели на Кики. — Разве ты сомневалась, что я последую за тобой?

— Че... чего? — Кики отшатнулась, губы у нее онемели.

— О, прошу, не надо снова затевать эту утомительную игру. Наш отец требует, чтобы ты вернулась, а ты и сама знаешь, как гневается Лир, если его приказам не повинуются. — Он не спеша подплыл еще ближе к ней.

Кики была смущена и напугана. О чем говорит этот человек и кто такой Лир?

— Когда Лир заметил, что ты снова исчезла, я любезно вызвался отыскать тебя и вернуть домой.

Он не смотрел в глаза Кики; его взгляд обшаривал ее тело, от груди до того места, где начинались бы ноги, если бы они были у девушки. Этот пылающий взгляд вогнал Кики в такое смущение, словно она стояла абсолютно голой посреди площади. Она все пятилась и пятилась, пока не уперлась наконец в стену пещеры.

Незнакомец ухватился за край выступа, на котором сидела Кики. Подтянувшись на сильных руках, он наполовину поднялся из воды... и Кики снова задохнулась.

Его мускулистый торс обтягивала обычная человеческая кожа. Но ниже она переходила в блестящую кожу морского обитателя. Кики потрясенно вытаращила глаза. Это же морской мужчина, русал... то есть *тритон*, мысленно поправила себя девушка, увидев пульсирующую плоть, показавшуюся из складки в том месте, где у мужчин располагается соответствующий орган. Да, это определенно было существо мужского пола.

— Ну же, — снова заговорил тритон, и его голос теперь прозвучал зловеще. — Мне надоело за тобой гоняться. Я устал за тобой ухаживать. Устал тебя уговаривать. Мне надоело даже умолять тебя. Ничего же не помогает. Ты продолжаешь отталкивать меня. Твое упрямство не оставляет мне выбора. Ты просто заставляешь меня сделать то, что мне хочется.

— Держись от меня подальше! — Кики и сама удивилась силе, прозвучавшей в ее новом голосе.

— Нет уж, моя дорогая. Я больше не намерен ждать. — Он потянулся к ней и погладил густую прядь волос, падавших на ее грудь. — Какие они чудесные! — Дыхание тритона стало тяжелым.

Кики дернулась, уходя от его прикосновения, и это разъярило тритона.

— Ты будешь моей! — закричал он ей прямо в лицо. Потом, с трудом совладав с собой, он сменил тон на более рассудительный. — Почему ты делаешь вид, что ничего не понимаешь? Наш отец где-то занят делами, и ему уже надоели твои постоянные побеги. Он не прислушается к твоим жалобам. — Тритон ухмыльнулся. — А твоя привязанная к земле матушка-богиня не услышит тебя в моей прекрасной маленькой пещерке, уж я об этом позаботился. Тебе нравится мой подарок? — Сильная рука широким жестом обвела грот. — Будь разумна, и это доставит удовольствие нам обоим. Ты должна понимать, что отец на самом деле будет рад, если мы соединимся. Я уверен, он даже предполагает пожаловать нам какое-нибудь королевство.

Мысли в голове Кики неслись как сумасшедшие. Неудивительно, что прекрасная русалка с такой легкостью поменялась с ней местами! Кики тоже предпочла бы остаться простой, обычной человеческой девушкой, чем быть волшебной русалкой, которую намерен изнасиловать братец-извращенец!

Морской житель окончательно выбрался на каменный выступ. Тело тритона было почти вдвое больше русалочьего тела Кики. Грудь и плечи бугрились мускулами, а мощный хвост был раскрашен яркими алыми и темно-зелеными полосами.

— Ты оценила, что в этих кристаллах я повторил цвет твоих глаз? — И снова его голос звучал заискивающе и мягко. Мужчина наклонился к Кики. — Но с красотой этих глаз ничто по-настоящему не сравнится!

Он отодвинул волны волос с груди Кики, полностью обнажив ее. А потом бесцеремонно обхватил ее

грудь огромными ладонями и сжал соски большими и указательными пальцами, причинив девушке боль. Но прежде чем Кики успела опомниться и оттолкнуть его, тритон насторожился.

— А это еще что такое? — резко спросил он. — Похоже, сделано человеческими руками.

Тритон выпустил грудь Кики, чтобы взять янтарную каплю, мягко поблескивавшую на цепочке.

Однако, прикоснувшись к янтарю, он громко вскрикнул от боли и выронил подвеску. Ошеломленная, Кики молча наблюдала, как он трясет рукой, а все его тело судорожно изгибается. Тритон стонал, изо рта летели брызги слюны.

В памяти Кики всплыли слова той леди, что стояла у витрины с драгоценностями: «Помни, что он обладает силой впитывать дурные энергии и превращать их в положительные. Тебе он может весьма пригодиться...»

Она должна была что-то предпринять. Пещера оказалась тюрьмой; нужно бежать! Кики двинулась вперед, пробралась мимо тритона, бившегося в конвульсиях, и вниз головой бросилась в воду. Паника сразу отступила. Повинуясь инстинкту, тело русалки действовало само по себе, и Кики быстро ушла на глубину и поплыла прочь от тюрьмы, наполненной голубыми кристаллами.

Девушка ожидала, что ее снова захватит буйный поток темной воды, — но с удивлением обнаружила вокруг только безмятежную синеву. Она не нашла никаких следов туннеля, по которому добралась до грота. Плывая без малейших усилий, она подняла голову и увидела на поверхности воды дневной свет. Кики

изогнулась, один мощный удар хвоста — и она прорвала текучую границу.

Оглядевшись, она увидела далеко позади, на горизонте, темные очертания скалы, под которой скрывался грот. Кики удивилась, как быстро она умчалась от него. Впереди же океан будто поднимался вверх... Кики недоуменно протерла глаза и поплыла вперед. Нет, конечно же... Просто это был огромный коралловый риф. Рядом с ним вода сияла бездонной сапфировой синевой. Белые барашки волн разбивались о преграду. Кики ударила хвостом и приподнялась над водой. По другую сторону рифа виднелась спокойная бирюзовая гладь, а за ней — сердце девушки забилось быстрее — песчаный берег!

Тот страшный тритон сказал, что надежно спрятал ее от «привязанной к земле матушки-богини». Но раз он считал, что русалку нужно прятать, значит, он боялся. Может ли мать настоящей русалки помочь Кики? Если да, то, поскольку она «привязана к земле», Кики стоит поискать ее на берегу.

Странное ощущение в затылке прервало мысли Кики. Ей показалось, что кто-то пристально смотрит на нее...

Она быстро обернулась, оглядывая океан в поисках своего преследователя. Нет, ничего не видно. Ничего, кроме волн. Кики легко взмахнула хвостом — так же легко, как она отступила бы назад на собственных ногах, — и ушла в глубину. Там было светло и достаточно далеко видно, однако Кики и здесь не нашла ничего страшнее дрейфующих медуз. Она вернулась на поверхность.

Возможно, ей действительно удалось сбежать и пока что она была в безопасности, но одно Кики знала

наверняка: она не может просто плавать тут и ждать, пока этот подонок снова поймает ее.

Так что нужно было придумать что-нибудь получше. Сильно всплеснув хвостом, она рванулась вперед, перелетела через коралловый риф и врезалась головой в прозрачную воду по другую его сторону, подняв фонтан брызг и угодив прямо в огромную стаю крупных ярких рыб.

Сначала Кики испугалась — рыбы были довольно большими, и она махнула рукой, пытаясь их отогнать. Но они не захотели разбегаться. Вместо того они замельтешили вокруг нее, суется, как маленькие щенки. Удивленная, Кики осторожно протянула руку и коснулась одной из флюоресцирующих рыб. Ошалевшая от восторга рыбина заметалась, как обрадованная собачонка. Кики рассмеялась, и тут уже вся стайка как будто взбесилась от радости.

Кики только успела подумать, что ничего более странного и вообразить не могла, как столкнулась нос к носу с молодым дельфином.

— Ах! — Кики шарахнулась назад, изо рта вылетели пузырьки воздуха. Но дельфин совсем не казался удивленным появлением русалки, окруженной стайкой веселых дурачащихся рыбок.

— *Им явно не хватает чувства собственного достоинства.*

Эта мысль негромко прозвучала в голове Кики. Она уставилась на дельфина. Ей никогда не приходилось так близко видеть этих морских животных. Ну да, однажды она ходила в океанариум в Сан-Антонио, и там были дельфины, и можно было поплавать вместе с этими красавцами, но цена билета оказалась слишком высока для Кики. Но это существо не было приру-

ченным, и выглядел дельфин ошеломляюще. Его гладкая кожа сияла жизненной силой, а в выразительных глазах светился ум.

— Прости меня, принцесса Ундина. Я не хотел тебя испугать.

— Я... э-э... я просто не ожидала... — растерянно подумала Кики.

Дельфин грациозно наклонил голову, принимая объяснение.

— Могу я чем-то помочь тебе, принцесса?

Она может мысленно разговаривать с этим прекрасным существом? Вот это да, просто невероятный дар!

— Мне нужно найти мою мать.

Кики быстро сообразила, что нет смысла посвящать дельфина во все подробности. Но все эти животные, похоже, знали ее... и, возможно, могли ей помочь.

— Конечно, принцесса Ундина. — Кики была почти уверена, что дельфин усмехнулся. — Гей часто приходит к этим берегам, как тебе хорошо известно. Для меня... — Дельфин оглянулся на стайку рыб, замерших в ожидании, и Кики показалось, что в его глазах вспыхнуло милое выражение ласкового терпения. — И для этих малышей было бы честью проводить тебя к берегу.

Гей! Так значит, богиня Гей была матерью русалки! Что за странное совпадение. Кики вспомнила о лифте и о той леди, что говорила с ней у витрины с драгоценностями... нет, наверное «совпадение» — не то слово.

Она благодарно улыбнулась прекрасному созданию.

— Да, прошу, отведи меня к моей матери.

Они вместе поплыли в теплой прозрачной воде. Океанское дно было совсем близко, и Кики отчетливо видела глыбы кораллов, громоздившиеся на белом песчаном дне, как причудливые каменные замки. Ярко раскрашенные рыбки металась между изящными ветвями водорослей, словно осенние листья на ветру. Кики никогда не испытывала подобного восторга. По правде говоря, она всю жизнь слегка побаивалась воды; даже никогда не ныряла с аквалангом. Надо же, снова и снова думала она, какой красоты я себя лишала!

В нескольких футах от береговой линии дельфин поднялся на поверхность, всплыв рядом с подмытым волнами длинным камнем. Его плоская верхушка выступала над водой и уходила далеко вперед, образуя нечто вроде мостика между океаном и маленькой бухтой. Кики, как будто проделывала подобное уже много раз, скользнула на гладкую поверхность камня и всмотрелась в роскошный берег. Сверкающие волны мягко облизывали бархатный песок неширокого пляжа, и земля с океаном будто сливались воедино, как любовники в нежном объятии. А за пляжем высились огромные деревья, оплетенные цветущими лианами. Легкий ветерок донес до Кики нежный цветочный аромат, смешанный с соленым запахом океана. Бухта выглядела такой тихой и мирной... Кики почувствовала, что могла бы остаться здесь навсегда — купаться в лучах теплого солнца, в насыщенном медовой сладостью воздухе...

— Принцесса?

Дельфин выжидающе посмотрел на нее, вернув к реальности.

И тут же Кики охватил ужас; она вспомнила о преследовавшем ее тритоне. Девушка быстро оглянулась через плечо, но увидела только безмятежную гладь океана. Сможет ли она заметить его приближение? Она постоянно плыла под водой, кроме того момента, когда перепрыгнула через коралловую преграду, и не знала, не мчится ли за ней как раз в эту минуту ее преследователь... Глупо было так расслабляться, как будто она приехала в отпуск на Карибские острова.

И что теперь делать?

Она снова посмотрела на берег, не позволяя себе отвлечься его красотой. Но богини нигде не было. Кики нервно сжала в пальцах янтарный амулет. Нет, это далеко не то же самое, что взять телефонную трубку и позвонить маме. Но может быть, мамы везде обладают по меньшей мере одной общей чертой: сразу понимают, когда дети зовут их?

Кики расправила плечи и откашлялась.

— Мать-богиня! — закричала она, сама удивившись тому, каким мелодичным оказался ее голос, разнесшийся над волнами. — Богиня Гея! Это я, твоя дочь, Ундина. — Она оглянулась на дельфина, бесшумно кружившего рядом и смотревшего на берег. — Мне нужна твоя помощь!

Прошу, откликнись, молча взмолилась Кики.

В густом переплетении вьющихся цветов ее взгляд уловил какое-то движение. Глаза Кики изумленно расширились. Среди лиан она увидела прекрасную женщину. Та сидела на качелях, сплетенных из живых плетей.

— Доброе утро, дочка. — Голос женщины прозвучал над водой.

Кики вздрогнула, узнав женщину.

— Вы — та леди, что спасла меня от падения в шахту лифта!

Знакомая улыбка скользнула по губам Геи.

— Да, я слышала тот особый призыв, с которым ты обратилась ко мне в ночь полнолуния. Мне он доставил удовольствие, а мне нравится заботиться о тех, кто помнит меня. — Она немного помолчала, ее улыбка стала шире. — Даже если эти существа живут в весьма далеких мирах. — Она показала на янтарную подвеску на груди Кики. — И мне приятно видеть, что ты оценила мой дар.

Кики с трудом проглотила комок, откуда-то взявшийся в горле, и ее пальцы сами собой сжались вокруг теплого камня. Она разговаривала с настоящей богиней! Или же она просто умерла. В любом случае, ощущения были из ряда вон.

— Да, спасибо тебе. Он прекрасен и обладает силой. — Кики откашлялась. — Но тогда тебе известно, что я не настоящая Ундина.

Глаза богини наполнились слезами, но выражение лица оставалось мягким, добрым.

— Конечно, я это знаю, малышка. Ундина моя родная дочь, она плоть от моей плоти. А ты Кристина Канади, сержант Военно-воздушных сил Соединенных Штатов, которая предпочитает, чтобы ее звали Кики... и ты моя духовная дочь.

— Но как?..

Кики была слишком ошарашена.

Гея едва заметно шевельнула рукой, и живые качели опустились ниже, дав ей возможность ступить на землю. Гея легко зашагала к воде. Кики не могла отвести глаз от богини. И поняла, что видение возле лифта

было лишь слабой тенью истинного облика богини земли. Сейчас она была невероятно величественна. Волосы сияли глубоким каштановым цветом, цветом плодородной почвы, и пышными завитками спадали до самой талии. В них были вплетены цветы и драгоценные камни. Кики подумала, что лицо Геи могло бы послужить образцом для бесчисленных классических скульптур... впрочем, наверное, оно и послужило. Кики не слишком хорошо помнила, во что была одета Гея в день их первой встречи в Тинкере, но сейчас ее безупречные формы укрывала полупрозрачная зеленая ткань, точно такого же оттенка, как пышная растительность вокруг.

— Как ты прекрасна! — невольно брякнула Кики и тут же ужасно смутилась.

Гея мелодично рассмеялась.

— Иди сюда, дочка, — сказала она, подходя к воде и садясь на песок; ее босые ноги тут же лизнула прозрачная волна. — Подойди поближе.

Дельфин радостно зачирикал и помчался в бухту, а Кики соскользнула с камня и поплыла к богине. Гея не отрывала от нее взгляда, и только теперь Кики поняла, почему ярко-голубые глаза Ундины показались ей такими знакомыми: они были точно такими же, как у богини. Кики неловко вытолкнула свое тело на песчаный берег, очутившись на расстоянии вытянутой руки от прекрасной бессмертной.

Кики виновато склонила голову.

— Уверена, Ундина куда лучше меня справляется с этим. — Она показала на свой хвост.

— Тебе не нравится это тело? — В голосе богини не слышалось ни осуждения, ни гнева, лишь мягкое любопытство.

— Ох, нет! Мне оно кажется изумительным. Просто это совсем не то же самое, что иметь две ноги, — ответила Кики. — И потом, оно такое большое, я ведь куда меньше. Или была. Или... — Кики умолкла, смущенная неловкостью ситуации.

— Думаю, ты себя недооцениваешь, малышка. Но я рада, что ты довольна. — Взгляд богини стал отстраненным. — И я уверена, что моя дочь Ундина тоже довольна своим новым обликом.

— Так она теперь стала мной? — спросила Кики, удивляясь, как легко ей говорить с Геей.

— Да. Она заняла твое место в том мире.

— Я что же, умерла?

Богиня рассмеялась.

— Ох, нет. Ты очень даже жива.

— Тогда я ничего не понимаю, — сказала Кики, окончательно растерявшись.

Богиня протянула руку и нежно, по-матерински погладила Кики по щеке.

— Должно быть, все это нелегко для тебя, бедная девочка. Я попытаюсь объяснить. Ундина — мое дитя, но она также и дочь своего отца.

— Лира, — тихонько произнесла Кики.

Гея бросила на нее удивленный взгляд и кивнула.

— А... а кто он такой, этот Лир? — спросила Кики.

Богиня улыбнулась.

— Лир — величайший бог всех морей. Ты можешь знать другие его имена. Он известен также как Тетис, Понтос, Нептун, Баринтус, Энки, Посейдон и так далее.

Кики широко раскрыла глаза.

— Отец Ундины — Посейдон?

Взгляд Геи устремился в океанский простор.

— Всем известно, что море и земля не предназначены друг для друга, но однажды я купалась вот здесь, в этой самой бухте, и повелитель морей заметил меня. — Глаза Геи затуманились от воспоминаний. — На одну короткую ночь я позволила ему овладеть мной, и от этого союза родилась Ундина.

Кики внимательно слушала историю, которую рассказывала богиня.

— Ундина родилась русалкой, и потому ей было предназначено судьбой жить во владениях отца, но ей там не нравилось. Она стремилась к земле и к своей матери. — Лицо Геи стало печальным, и Кики ощутила, как на ее собственных глазах выступают слезы сочувствия. — Я пыталась убедить Лира позволить мне даровать дочери человеческое тело, чтобы она могла жить со мной на суше, но он обожал свое дитя и не желал расставаться с малышкой. — Гея схватила руку Кики и сжала. — Только не подумай, что он жесток. Лир любит свою дочь. И она не всегда была несчастна. Она обожала отца, и ей нравился подводный мир, она не раз приплывала сюда, садилась вот тут, где ты сейчас сидишь, и рассказывала мне фантастические истории, происходившие в хрустальном замке, в котором она жила, и о морских чудесах... Лишь недавно все изменилось. — В глазах богини вспыхнуло что-то новое. — Иной раз я находила ее плачущей вон на том камне. И она неустанно умоляла меня даровать ей человеческое тело.

Кики содрогнулась. Она подумала, что вполне понимает отчаяние Ундины.

— А она рассказала тебе, что случилось?

Гея грустно покачала головой.

— Нет. Я расспрашивала ее, но она лишь отвечала, что хочет всегда быть рядом со мной. — Слезы напол-

нили глаза богини, но Гея, похоже, и не заметила этого. — Я боялась, что она что-нибудь сделает с собой. Да, я богиня, но ее отец тоже принадлежит к бессмертным, и я не могла изменить тело дочери без его согласия, так же как и он не смог бы этого сделать, родись дочь в человеческом теле. — Глаза Геи решительно сверкнули. — Но я ведь мать, и я не могу допустить, чтобы мое дитя страдало. Я навела на нее чары, даровав Ундине возможность обрести человеческое тело... но это могло случиться, только если кто-то из людей согласился бы поменяться с нею жизнью. — Гея заглянула в глаза Кики. — И я знала, что тебе понадобится ее помощь, так же как ей понадобится твоя, малышка.

— Не понимаю, — сказала Кики.

— Тот древний кельтский ритуал, Самхайн, был проведен так искренне, а я всегда откликаюсь на зов моих детей из других миров, даже таких миров, в которых обо мне давно забыли. Ты порадовала меня в ту ночь, и я коснулась тебя.

Кики залилась краской, вспомнив сладострастное ощущение лунного света на своей коже.

Богиня подцепила подбородок девушки безупречным пальцем и заставила ее поднять голову.

— Никогда не стыдись дара богов. — Прежде чем Кики успела что-либо ответить, Гея продолжила: — Я обратилась к паркам, богиням Судьбы, и попросила их показать мне твое будущее. И я увидела, что твоя жизнь должна скоро оборваться в морской пучине. — Богиня печально вздохнула. — Я мало что могла сделать, чтобы помочь тебе, и так же мало я могла сделать для родной дочери, но вы вполне могли помочь друг другу... Поэтому она теперь там, а ты — здесь.

— А где это — «здесь»? — сорвался с губ Кики первый из множества возникших у нее вопросов.

— Здесь, в мире, где до сих пор живут боги и богини. Кики устала на нее в изумлении.

Гея попыталась объяснить:

— Эта бухта — мое собственное творение, и она не имеет ничего общего со всем тем, что тебе знакомо. Но вон там, за ней, ты найдешь землю, которую в твоём мире называли бы средневековым Кимру*. — И Гея широким жестом показала вдаль, за деревья.

Кики почувствовала, что бледнеет.

— Ты про компанию «Кимру Электрик», что в Калифорнии?

Гея улыбнулась.

— Вообще-то я уверена, что из книг ты знаешь кое-что о землях бриттов, или, точнее, о старом Уэльсе.

— То есть ты хочешь сказать, что я провалилась напрямик в средневековую Европу?!

Гея утешающе похлопала ее по руке.

— Знаешь, на свете существует много такого, о чем историки не упоминают в своих трудах. — Богиня подмигнула Кики. — Вроде магии, дочь моя.

— Но как же я...

Гневное бормотание дельфина помешало девушке задать вопрос. Она оглянулась через плечо — и окаменела.

В центре бухты появился тот самый тритон.

— Уймись, болтливая тварь! — рявкнул он на дельфина.

Кики боязливо придвинулась поближе к Гее.

— Богиня Гея, что за неожиданная радость — встретиться с тобой! — Голос тритона превратился в шелк.

* Кимру — валлийское название Уэльса. (Прим. ред.)

— Почему же ты не ожидал этого, Сарпедон? — Гея любезно улыбнулась тритону. — Это моя бухта; всем известно, что я частенько прихожу сюда.

— Твоя бухта? — Сарказм, прозвучавший в голосе Сарпедона, ошеломил Кики. — Я думал, все водные пространства принадлежат Лиру.

— Это было бы верно, юный Сарпедон, если бы твой отец не даровал мне все водное пространство вот этой самой бухты. — Глаза Геи сузились. — И тебе следовало бы не забывать о том, что воды могут набегать на землю, а могут и отступать от нее, и везде, где ты найдешь сушу, ты всегда обнаружишь и мои владения.

— Прощу, прости меня, богиня Гея. Я совсем не хотел быть грубым, — неожиданно покаянным тоном произнес Сарпедон. — Я явился в твою бухту по поручению самого Лира.

Гея промолчала, и Сарпедон продолжил, подплыв ближе к богине и русалке.

— Мой отец просил доставить к нему мою сестру. Ундина в последнее время так часто отсутствовала, что по ней соскучились, — сообщил он, уставившись на Кики.

— Нет.

Это слово едва слышно сорвалось с губ Кики. Она посмотрела на богиню, пристально наблюдавшую за ней. Осмелев от присутствия Геи, Кики откашлялась и повторила громче:

— Нет!

— Ты должна повиноваться нашему отцу, — пропел Сарпедон сквозь стиснутые зубы.

— Должна ли? — Богиня наконец вмешалась. И ее понимающий взгляд переместился с Кики на тритона.

— Да! — Сарпедон старался сдержать охвативший его гнев. — Богиня, ты знаешь, что Лир скучает по своей дочери.

— Я знаю, что Лир любит свою дочь и не позволит, чтобы ее преследовали, — резко бросила Гея.

— Я только хочу выполнить повеление нашего отца. — Сарпедон вскинул руки в беспомощном жесте.

И Кики отчетливо увидела красный след на его ладони, там, где кожа соприкоснулась с амулетом.

Мысли Кики неслись стремительно. Она уже поняла, что русалка, должно быть, не посвятила мать в свои проблемы. Ну, возможно, Ундина и готова была потратить жизнь на то, чтобы скрываться от сводного брата, но Кики последние семь лет провела в авиации, где преобладали мужчины. И еще до того, как ее коснулась богиня, она отлично умела постоять за себя. Да, если этот мир стал теперь ее миром, она должна будет принять здешние правила. Но Кики была абсолютно уверена, что совсем не обязана играть по правилам Сарпедона. Она вскинула голову и решительно посмотрела в его миндалевидные глаза.

— Ты лжешь, — заявила она.

— Ты слишком долго не появлялась в его доме. — Сарпедон подобрался еще ближе, между ним и Кики оставалось всего несколько футов. Лицо тритона угрожающе потемнело. — Ты забываешься!

— В самом деле? — язвительно спросила Кики. — Знаешь, я могу отсутствовать хоть целую жизнь, и все равно пойму, что такое попытка изнасилования, если столкнусь с этим.

Гея внезапно стремительным движением поднялась на ноги. И заговорила с пугающим спокойствием:

— Ты осмелился коснуться моей дочери против ее воли?

— Он пытался, но меня защитил твой амулет, — сказала Кики до того, как Сарпедон успел издать хоть звук. И тут же шепнула на ухо богине: — Думаю, именно его Ундина и боялась так сильно.

— Убирайся с моих глаз, Сарпедон! — Голос богини многократно усилился, заполнив всю бухту. — И предупреждаю: держись подальше от моей дочери!

Но вместо того чтобы внять предостережению, тритон поднялся над водой, балансируя на мощном хвосте и возвышаясь над Кики, словно башня. Девушка отшатнулась.

— Она будет принадлежать мне! — На губах Сарпедона выступила пена, его глаза бешено горели. — Мой отец — повелитель всех морей... у тебя нет надо мной власти, богиня суши!

Последние слова он выкрикнул как проклятие.

— Глупое существо. Даже повелитель всех морей знает, что не следует пробуждать гнев богини!

Гея направила тонкий палец на песчаный берег и очертила в воздухе небольшой кружок. Песок зашевелился. Гея слегка взмахнула рукой — песок взвился воронкой и метнулся в лицо Сарпедону, заставив того задохнуться и прикрыть глаза руками. Он опрокинулся спиной в воду, отплевываясь и ругаясь. А Гея широко развела руки, как будто желая обнять бухту. И заговорила голосом низким и властным:

— Ветры, что проносятся над моим телом, которое есть сама живая земля, придите ко мне сейчас же и унесите этого негодяя с моих глаз!

Богиня округлила полные губы и легонько дунула в сторону Сарпедона. И это слабое, почти незаметное дуновение привело к невероятному. Казалось, что все окружавшие бухту потоки воздуха внезапно ринулись

Ф. К. Каст

вперед, чтобы слиться с дыханием Геи. Мощный порыв ветра ударил Сарпедона, как невидимый кулак, и, подняв над водой, швырнул на коралловый риф.

— Нарушь еще раз границу моих владений, и я уничтожу тебя! — От мощи, звучавшей в голосе богини, по спине Кики побежали мурашки. — Я так сказала; так и будет!

Воздух вокруг богини задрожал, ее обещание казалось осязаемым физически...

Преисполненная благоговения Кики могла лишь молча смотреть на Гею во все глаза. Богиня стала огромной, могучей... девушка была просто раздавлена ее величием.

Но Сарпедона, похоже, не слишком впечатлила сила Геи.

— Не забывай, что Ундина — морское существо, жительница глубин! Она должна жить в моем королевстве, земная богиня! — прокричал Сарпедон, прежде чем перепрыгнуть через коралловый риф и исчезнуть в синей воде.

Кики смотрела ему вслед, похолодев от зловещего предчувствия.

Глава седьмая

— Ты храбро держалась. — Голос Геи снова звучал как голос матери, хвалящей своего ребенка.

— Ну, прямо сейчас я себя особенно храброй не чувствую, — неуверенно ответила Кики, потрясенная силой Геи.

Богиня наклонилась и погладила мягкие волосы Кики.

— Я горжусь тобой. В тебе есть характер, которого не хватало Ундине.

Кики смущенно улыбнулась, услышав такое.

На поверхность бухты всплыл дельфин, подняв фонтан брызг и забормотав, как расстроенная нянюшка.

Гея со смехом отряхнула капли воды с платья.

— Тебе бы лучше успокоить его; он не утомится, пока не будет точно знать, что тебе ничто не грозит.

Кики, поначалу не слишком уверенно, соскользнула с песка в воду. И опять по ее спине пробежали мурашки, как будто за

ней кто-то пристально наблюдал. Нет, решительно сказала она себе, Сарпедон ушел. И он не может вернуться в бухту Геи. Просто у нее началось нечто вроде паранойи... но кто бы осудил ее за это? К счастью, как только девушка очутилась в воде, страхи утихли. Она подплыла к расстроенному дельфину и погладила его по гладкому боку.

— Эй, прелесть моя, — вслух сказала Кики. — Гея его прогнала. Он ничего не сможет сделать здесь.

— *Мы испугались за тебя, принцесса.* — Дельфин ткнулся в Кики носом, потом повернулся к Гее и поклонился ей. — *Спасибо тебе, великая богиня, за то, что защищаешь нашу принцессу.*

Гея торжественно наклонила голову, принимая восхищение дельфина.

Кики заметила тени рыб, робко прятавшихся за глыбами ярких кораллов.

— *Эй, можете выбираться оттуда!* — позвала она рыбью мелочь и с восторгом увидела, как рыбы рванулись к ней. Одной рукой обняв дельфина, другой она поглаживала перепуганных рыб, стараясь их успокоить.

— В одном Сарпедон был прав, — сказала Гея.

— В чем? — Кики отвлеклась было на игривых рыбок, но от слов богини она мгновенно похолодела.

— Я не могу защитить тебя *там*. — Гея показала в сторону бесконечного океанского простора. — А ты не можешь вечно жить в моей бухте.

— И что же мне делать? — Кики понимала, что богиня права. Разве она смогла бы провести всю жизнь в этой крошечной бухте? Это было бы то же самое, что оказаться запертой в небольшой квартирке. И неваж-

но, как она красива и хорошо обставлена. Все равно Кики оказалась бы в ловушке.

— Мы сделаем то, что должно обеспечить тебе безопасность, — сказала Гея.

— И что это такое?

Гея посмотрела на Кики особым, казалось, проникающим в самую душу взглядом. Да, девушка была сильной. И еще она была искренней и храброй. Но обладает ли она должной мудростью? У нее есть знания и опыт другого мира; возможно, ей хватит мудрости и терпения, чтобы пережить предстоящие здесь испытания. Богиня решила.

— Ответ может быть только один. Я должна забрать тебя из моря.

Глаза Кики расширились от удивления.

— Но я думала, что как раз в этом и загвоздка. Ты не можешь забрать Ундину из моря без разрешения Лира. — Тут девушку осенила идея. — А почему бы нам не получить согласие Лира прямо сейчас? Ты говоришь, он любит Ундину. Разве это не значит, что ему не понравится, если Ундину изнасилует ее родной брат?

— Но Сарпедон — тоже дитя Лира. — Лицо Геи померкнуло. — Возможно, Лир сам дал разрешение на ваш союз.

— Ух... до чего же противно... союз брата и сестры! От одной этой мысли девушку замутило.

— Боги и богини совсем иначе смотрят на такие вещи, — просто сказала Гея.

— И ты думаешь, если он захотел меня, то это в порядке вещей? — Кики была потрясена.

— Ничего подобного, — решительно ответила Гея. — Но это лишь потому, что ты его отвергаешь, а следова-

тельно, у него нет права на тебя. Пойми, родственные отношения между богами совсем другие.

— Поверю тебе на слово,— пробормотала Кики.— Значит, мы не можем обратиться к Лиру. Тогда как мне сбежать от Сарпедона?

— Есть один способ, но он может оказаться достаточно трудным.

— Что, это хуже, чем быть изнасилованной Сарпедоном? — поинтересовалась Кики.

— Только ты сама можешь ответить на этот вопрос, малышка.— Богиня принялась расхаживать взад-вперед по берегу, объясняя Кики свой замысел.— Я могу дать тебе человеческое тело, но оно не будет постоянным. Ты останешься привязанной к морю.— Гея чуть виновато посмотрела на Кики.— Твое тело будет отчаянно стремиться к воде; это может оказаться даже болезненным. И ты должна будешь возвращаться в море и в тело русалки каждую третью ночь, а иначе заболеешь и умрешь.

— Ну, полагаю, это все-таки лучше, чем оказаться навеки запертой в этой бухте,— с легким сомнением произнесла Кики.

Богиня остановилась и горячо заговорила:

— Но есть и способ превратить твоё человеческое тело в постоянное. Ты должна найти возлюбленного, которого не испугало бы, что ты — дочь моря так же, как дочь земли. И тогда даже Лир не сможет разорвать узы истинной любви, а тебе будет навсегда дарован человеческий облик.

— Ох, Гея,— простонала Кики.— У меня ведь нет особого опыта общения с мужчинами. Они вообще-то вечно обращались со мной как с младшей сестрен-

кой.— И она быстро добавила: — А в том мире, откуда я пришла, это значило, что они совершенно не испытывали ко мне романтических чувств!

— Но тот красивый молодой пилот в вашем самолете... он ведь желал тебя.

Слова Геи больно ранили девушку. Ее глаза наполнились слезами, стоило ей вспомнить о нежности Шона.

— Да, и что с ним случилось в результате?

— Он просто встретил свою судьбу, дитя.— Гея говорила мягко, стараясь утешить.— Твоей вины здесь нет. Он должен был погибнуть в этом путешествии. И он погиб как герой. Тебе следует чтить его память.

— То есть он все равно бы умер? — спросила Кики.

— Да. Не ты причина его смерти. Просто нить его жизни закончилась.

При этих словах богини Кики почувствовала, как с нее свалился огромный груз вины. Она закрыла глаза и прочитала короткую молитву, благодаря Шона за храбрость. Потом Кики решительно посмотрела на богиню.

— Скажи, что я должна делать.

— Я наведу чары. А ты должна будешь просто найти мужчину, который примет и полюбит тебя.

— Погоди! Но ведь это должно быть легко в этом мире? Ты говоришь, здесь живут боги и богини. И разве люди здесь не привыкли к волшебству? — спросила Кики.

— Так было, возможно...— Гея замялась, как бы взвешивая свои слова.— В твоём мире есть ведь священники.

Гея произнесла это совсем не как вопрос, но Кики тем не менее кивнула.

— Вот и здесь они тоже есть. И многие из них — хорошие люди, которые служат своему богу с любовью и преданностью. — Богиня немного помолчала, а когда заговорила вновь, в ее голосе послышалась неприязнь. — Но не все они — люди чести. Недавно среди священников возникла новая секта. Это учение утверждает, что магия есть зло и что истинная вера может быть только одна... и это их вера. Они считают, что красота, особенно красота женского тела, греховна и порочна. — Гея сухо, невесело рассмеялась. — Они глупы, они страшатся собственных желаний. И конечно же, им хочется, чтобы люди шарахались от красоты. Гораздо легче властвовать над людьми, лишенными надежды. — Богиня печально качнула головой. — К несчастью, слишком многие прислушиваются к их ядовитым речам.

— Не хотелось бы мне быть с человеком, который верит в подобное, — сказала Кики.

— Не суди их слишком строго. Даже хорошие люди могут заблуждаться. Просто будь осторожной в своем выборе, и все кончится хорошо.

— Ха! Мой выбор? Да меня уже полгода никто не приглашал на свидания! — брякнула Кики и тут же залилась краской.

— Дочь моя, — богиня благодушно улыбнулась, — обещаю, мужчины будут желать тебя.

Кики посмотрела на сладострастные изгибы своего тела.

— О! Так у меня останется ее тело?

Смех Геи разнесся над бухтой.

— То, что принадлежало ей, теперь стало твоим, Ундина.

— О-о-о...

Кики изумленно открыла рот. Так значит, она будет прекрасной! Невероятно, потрясающе прекрасной, неотразимой, как Мэрилин Монро!

— Ты должна появиться в облике принцессы, спасшейся при кораблекрушении.

Теперь, когда решение было окончательно принято, Гея заговорила быстрее.

— Но...

Гея вскинула руку, заставляя девушку молчать.

— Боюсь, мне придется вызвать бурю... — Гея чуть прищурилась, глядя на Кики. — Ты умеешь плавать?

— Да, но не очень...

И снова богиня не дала ей продолжить.

— Хорошо. — Гея говорила уверенно, наставляя девушку. — Изобразишь потерю памяти. Ты должна делать вид, что отчаянно желаешь отыскать своих родных...

Кики хотелось спросить, как же она сможет найти истинную любовь, если будет постоянно лгать и изображать амнезию, но она не решилась перебить богиню.

— ...и это отчаяние позволит тебе оставаться неподалеку от океана — чтобы посланники от близких могли без труда найти тебя. А я уж постараюсь, чтобы ты выбралась на берег в подходящем месте, окруженном водой. — Гея пристально посмотрела на Кики. — Но не забывай, что ты просто обязана находиться поблизости от воды, или погибнешь. — Тут богиня смягчилась. — Но ты уже все понимаешь, дитя. Тебя будет тянуть к воде. Надо лишь проявлять осторожность, меняя облик. Следи за тем, чтобы тебя никто не увидел, и всегда держись поближе к берегу. Если Сарпедон заманит тебя в ловушку вдали от земли, я не смогу помочь.

— Но ты будешь рядом со мной, когда я окажусь на суше? — Кики была близка к самой настоящей панике.

— Я буду присматривать за тобой. — Богиня мягко улыбнулась. — Никогда не снимай амулет. Если тебе действительно понадобится моя помощь, я приду, но ты должна идти собственным путем, Ундина. И выбери его с умом.

Прежде чем ее успели охватить сомнения, Кики сказала:

— Я постараюсь.

— Ты готова, Ундина? — спросила великая богиня.

Кики постаралась подавить страх, готовый захлестнуть ее. Она едва не передумала, уже хотела умолять богиню оставить ее в закрытой бухте, где она чувствовала бы себя защищенной и любимой... Но она ведь не аквариумная рыбка и однажды уже поменяла жизнь в тихом городке на службу в авиации. Так не все ли равно?..

— Я готова, Великая Мать, — решительно ответила девушка.

Богиня отошла от воды и направилась к зарослям, что окружали песчаный берег. Встав под зеленые своды, богиня обернулась лицом к океану. Потом подняла руки над головой и заговорила, и Кики вздрогнула от силы голоса богини, заполнившего бухту:

— Я взываю ко всем стихиям, находящимся под моей властью. Воздух, что проносится над мной и сквозь меня, вездесущий и вечно благословенный! Огонь, питаемый и рождаемый мною, истинный помощник и уважаемый друг! И земля — мое тело и моя душа! Благодаря вам было рождено мое дитя, и к вам оно когда-то вернется...

Воздух вокруг Геи наполнился светом, и Кики почувствовала, как нижнюю часть тела начало покалывать.

— Эти чары земли я налагаю на мое дитя. И велю, чтобы только истинная любовь завершила их... и только смерть их разрушила. Так я сказала; так и будет.

Свет, окружавший Гею, взорвался, и огненное сияние устремилось напрямик к девушке. Она закрыла глаза и прижала ладони к лицу за мгновение до того, как угодила в ослепительный фейерверк цвета и ощущений. Ее как будто подбросило в воздух, а все тело охватило огнем. Кики ничего не видела и оглохла от бешеной какофонии завывающего ветра.

Время исчезло. Кики пыталась позвать Гею, но ветер срывал слова с губ, и они терялись в сверхъестественном водовороте шума и света.

А потом она снова упала в воду. Вот только ее тело уже не обладало удивительной силой русалки и не повиновалось ей безоговорочно. На этот раз она почувствовала, как беспомощно колотит по стремительно несущейся воде обычными человеческими ногами, вырываясь на поверхность. Она задыхалась, легкие стискивала боль. Но наконец она вынырнула и жадно вдохнула.

Небо было черным и безумевшим. Мирной бухты нигде не было видно, исчезли и дельфин, и богиня. Кики увидела впереди, ужасно далеко, полосу незнакомаго берега. Стараясь не поддаваться панике, она поплыла к земле.

Небеса разверзлись, на девушку обрушился дождь. Пенящаяся волна ударила ее, Кики захлестнуло с головой. А когда она, отчаянно сражаясь, выбралась из-под обвалившейся на нее горы, оказалось, что в тем-

ноте она потеряла направление. Все мысли мигом вылетели из головы, и, охваченная ужасом, Кики отчаянно барахталась, не зная, куда двигаться в этом всепоглощающем мраке.

Чьи-то сильные руки подхватили ее за талию и приподняли над бурлящими волнами, давая возможность наполнить воздухом горящие легкие. Кики закашлялась, соленая морская вода, которой она все-таки наглоталась, хлынула из желудка. Кики тряслась с головы до ног. Но она чувствовала руки, крепко державшие ее. Обнаженная спина была надежно прижата к мускулистой мужской груди... Кики даже ощущала глубокое, ровное дыхание своего спасителя. Кики подумала, что человек, должно быть, стоит на твердой почве, раз так уверенно держит ее. Трясущейся рукой она протерла глаза, но по-прежнему увидела лишь темную полосу вдаль.

Растерянная, Кики повернулась — и обнаружила, что находится в руках странно знакомого незнакомца. Его черные волосы стекали на широкие плечи. Он молчал, но темные глаза внимательно смотрели на нее.

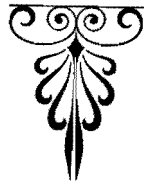
В голове Кики завертелись вопросы. Почему он кажется ей таким знакомым? Как это может быть? Разве Гея не отправила ее в Средневековье? Неужели богиня ошиблась?

А потом Кики вдруг вспомнила, и от изумления у нее закружилась голова. Он казался ей знакомым потому, что был похож на мужчину из ее сна! На того самого, который с таким отчаянием звал ее в ночь полнолуния, когда она призывала богинь и танцевала под дождем.

Кики уставилась на него как зачарованная. Его широкая грудь была обнажена, и Кики ощущала силу

мускулов и теплоту кожи собственной обнаженной грудью. Руки незнакомца напряглись, удерживая Кики над поверхностью воды. Но... голые ноги девушки не ощутили мускулистых мужских ног, а прижались к гладкой, теплой коже чего-то слитного, единого, уверенно сопротивлявшегося течению... Кики посмотрела вниз. Даже сквозь темную бурлящую воду она смогла рассмотреть светящийся оранжевым золотом толстый хвост.

Глава восьмая

Кики задохнулась от ужаса. И первой ее мыслью было: бежать! Кики яростно оттолкнулась от груди незнакомца, вырываясь из его рук. И в то же мгновение ее ударила волна, снова накрыв с головой. Когда Кики опять почувствовала на талии руки спасителя, она заставила себя успокоиться и подавить желание вырваться. И позволила ему вынести ее к поверхности.

На этот раз он не стал прижимать ее к своей груди, а, обхватив за талию, держал на вытянутых руках, как можно дальше от себя. Кики видела, как его толстый хвост с силой бил по воде, удерживая их обоих над волнами.

— Если ты не позволишь мне помочь тебе, ты утонешь. — Низкий голос прозвучал неожиданно вежливо. — Твое новое тело не может дышать под водой.

— Кто ты? — задыхаясь, спросила Кики, перебрасывая мокрые волосы вперед, чтобы прикрыть нагую грудь.

— Меня зовут Дилан.

— Я не вернусь к Сарпедону!

Тритон сдвинул брови и покачал головой.

— Я не друг сыну Лира.

— Это не он послал тебя сюда? — Кики все не могла унять дрожь.

— Нет, — резко ответил тритон.

— Тогда Гея?

Он покачал головой.

— Но... — снова заговорила Кики, однако тритон настойчиво перебил ее:

— Ундина, я должен доставить тебя на сушу. — Он замолчал и внимательно заглянул ей в глаза. — Будет лучше, если ты положишь руки мне на плечи. Я... — Он снова ненадолго умолк, пытаясь восстановить дыхание, потом продолжил, виновато пожав плечами: — Я не смогу донести тебя до суши вот так, как сейчас держу.

Он задышался, руки дрожали от напряжения. Кики видела, каких усилий ему стоило поддерживать их обоих на плаву в такую бурю. Она присмотрелась к нему повнимательнее. Если бы он был человеком, он был бы высоким мужчиной. Торс тритона был безупречной формы; руки были сильными, живот плоским, мускулистым. Но его мышцы не бугрились такой мощью, как у Сарпедона, и он был не таким огромным. Видимо, тритоны точно так же различались между собой, как и люди.

— Клянусь, что не причиню тебе зла, Ундина. — Дилан говорил медленно, отчетливо произнося слова между прерывистыми вздохами. — Посмотри... — Он оторвал одну руку от ее талии, другой продолжая поддерживать над водой голову и плечи девушки, и потянулся к ее груди.

— Стой! — Кики резко отпрянула.

— Ты меня не поняла, — быстро сказал он. — Я хочу всего лишь прикоснуться к амулету богини. Если он меня не обожжет, ты увидишь, что у меня нет дурных намерений.

Кики заставила себя не шевелиться, пока рука тритона медленно приближалась к ее груди. И вот Дилан сжал в ладони янтарную подвеску.

Ничего не случилось. Дилан выпустил амулет и показал девушке раскрытую ладонь. На ней не было никаких следов.

— Теперь ты мне веришь, принцесса Ундина? — спросил тритон.

Она кивнула.

— И что мне нужно делать?

— Возьмись за мои плечи и ляг мне на спину. Тогда я смогу поплыть под водой так, чтобы ты оставалась на воздухе.

— Ладно, — согласилась Кики, подавляя страх.

— Тогда вперед.

Тритон отпустил ее и быстро повернулся спиной. Кожа у него была смуглой, длинные волосы, густые и тяжелые, влажно блестели, как крылья ворона. Дилан опустился в воду, чтобы Кики было удобнее дотянуться до его плеч.

Она еще секунду-другую колебалась, боясь коснуться его. Но он ведь просто хочет помочь, подумала Кики и заставила себя схватиться за его плечи.

— Ты должна держаться как можно крепче, — через плечо сказал ей тритон.

— Я стараюсь, — ответила Кики.

Руки у нее онемели и не слишком хорошо слушались. Губы замерзли, кожа, где она могла ее видеть, сильно побледнела.

Дилан протянул руки назад и крепко прижал девушку к спине. Кики всем телом ощутила тело тритона. Она чувствовала, как напряжены его мышцы. Дыхание Дилана было неровным, а кожа оказалась невероятно теплой... Он повернул голову, и их взгляды встретились. Глаза Кики были огромными от потрясения; глаза тритона потемнели от скрытых чувств.

— Тебе нечего бояться. Я тебя не потеряю, — просто сказал Дилан.

Сильный удар хвоста бросил тритона вперед. Он опустил голову и поплыл под самой поверхностью воды. Кики висела на его спине, задыхаясь, когда их накрывало волной. Девушка чувствовала ритмичные движения хвоста тритона — они стремительно неслись к суше.

Когда они были уже недалеко от берега, дождь прекратился. Небо начало проясняться, волны стали меньше. Через несколько минут уже казалось, что никакого шторма и не было. Дилан обогнул острые нагромождения кораллов и обломков скал, и Кики увидела, что до суши осталось всего несколько ярдов. Изящно изогнув хвост, тритон приподнял торс над водой. Кики, все еще задыхаясь, продолжала держаться за него. И тритон с некоторым колебанием, как будто не желая расставаться, отпустил девушку. Ноги Кики сразу нащупали песчаное дно, и она сняла руки с плеч тритона.

В то самое мгновение, когда ноги Кики коснулись твердого дна, ее как будто пронзило электрическим током. Перед глазами вспыхнул свет. Яркие лучи ослепили ее, она словно угодила в сверкающую паутину. Потом свет исчез так же внезапно, как и появился.

Кики стояла по грудь в воде и чувствовала себя как-то странно. Девушка посмотрела на себя — и вскрикнула. Она была одета в прекрасные одежды, и ее платье сверкало и переливалось теми самыми оттенками, какими играл ее русалочий хвост. Ткань была тяжелой, мокрой, но Кики прекрасно видела затейливую вышивку, почти полностью покрывавшую платье. На руках Кики красовались кольца и браслеты. Она в изумлении покачала головой и почувствовала, как в ушах качнулись длинные серьги, а волосы показались неестественно тяжелыми... Кики подняла руку — пальцы коснулись унизанных драгоценностями нитей, которые чудесным образом оказались вплетенными в ее локоны... с шеи свисали ожерелья...

— Богиня Гея заботится о своих родных, — сказал Дилан. Тритон свернул хвост кольцом под собой, и казалось, что он стоит на дне рядом с Кики. Потом он немного отодвинулся, словно желая оценить магическое превращение, но не удивляясь внезапно обретенному девушкой наряду.

— Спасибо тебе, Гея! — сказала Кики. Она посмотрела на зеленые деревья на берегу, но богини не было. Потом ее взгляд вернулся к тритону. — И тебе спасибо, — поблагодарила она. — Похоже, я обязана тебе жизнью.

Солнце уже выглянуло из-за облаков, и его лучи согрели девушку. Она чувствовала себя измученной, все тело как будто налилось свинцом, но дрожать перестало, и теперь, будучи одетой, Кики уже не чувствовала себя такой беспомощной.

Дилан отмахнулся от благодарности.

— Нет, Ундина. Ты мне ничем не обязана. Я просто предложил помощь, когда она была нужна.

— Ну, все равно спасибо.

Она протянула тритону руку, а он, после краткого колебания, взял ее. Но вместо того чтобы обменяться с девушкой рукопожатием, он медленно поднес ее пальцы к губам и поцеловал. Кики задохнулась. Губы Дилана были теплыми... и это тепло вдруг проникло во все ее тело. Их взгляды встретились, и Кики лишь теперь осознала, как хорош собой подводный житель.

Кики вдруг поняла, что ей хочется прошептать: «Мне кажется, я видела тебя во сне...» — но его взгляд заморозил ее, и она просто молча смотрела ему в глаза.

Он все еще держал ее за руку, и Кики почувствовала, как он осторожно поглаживает ее ладонь большим пальцем. Вся ее кожа как будто натянулась от этой ласки, а дыхание внезапно стало прерывистым. Улыбка, скользнувшая по губам тритона, отразилась в его темных выразительных глазах. И когда он заговорил, его голос звучал хриловато от переполнявших Дилана чувств:

— Ундина, ты самая...

Крик, раздавшийся на берегу, заставил обоих вздрогнуть. Дилан мгновенно отпустил руку девушки и ушел под воду, сразу исчезнув в волнах.

Кики повернулась к берегу и увидела, что из-за деревьев выезжает на огромном черном коне какой-то мужчина. Она шагнула ему навстречу — ноги тут же запутались в пышных складках юбки. Девушка упала в воду и беспомощно забилась, не в силах справиться с весом одежды. Но прежде чем она сумела встать на ноги, ее вытащили на поверхность и понесли к берегу, как ребенка. Кики капляла и терла глаза, думая о том, что слишком уж устала, слишком уж наглоталась соленой воды...

— Ты спасена, моя леди, — пылко произнес мужчина.

Осторожно опустив девушку на песок, он встал рядом с ней на колени.

— Спа... спасибо, — прокашляла Кики.

Она посмотрела на мужчину — и уже не могла отвести от него глаз. Он выглядел точно так, как она представляла себе древних рыцарей. На нем был остроконечный шлем из серебристого металла, — шлем оставлял открытым почти все лицо, только нос прикрывала специальная полоска. Длинная кольчуга, сплетенная из серых цепочек, свисала до колен. На талии висел огромный меч, алую накидку удерживала на плечах большая оловянная брошь в виде ревущего льва. Светлые локоны падали из-под шлема на плечи. Мужчина был похож на юного бога войны.

Но он не смотрел на Кики. Он внимательно вглядывался в море.

— Моя леди, кто-то еще, кроме тебя, спасся с твоего корабля?

— Нет, — быстро ответила Кики. Потом вспомнила слова Геи, прижала ладонь ко лбу и тяжело откинулась назад, как бы собираясь потерять сознание. — Я н-не знаю. Я ничего не помню. — Она почувствовала, как тело задрожало от пережитого потрясения, и с губ сорвалось вполне натуральное рыдание. — Я ничего не могу вспомнить.

Рыцарь наконец посмотрел на спасенную — и его глаза расширились, когда он вдруг осознал, какую красоту держит в руках.

— Прости, моя леди, — поспешно сказал он, неловко поглаживая девушку по плечу. — Море так бушевало... Мне на мгновение почудилось, будто я вижу кого-то еще рядом с тобой в воде.

Из-за деревьев на берег вырвались еще два всадника. Воин, вытащивший Кики из воды, закричал им командирским голосом:

— Мартен, Гилберт! Осмотрите берег, поищите других спасшихся! Эта леди пострадала. Я должен доставить ее в укрытие.

Воины отсалютовали ему и отправились выполнять приказ, но Кики не могла не заметить, как их глаза обшарили ее с головы до ног. Они буквально раздевали ее взглядами. Ее спаситель тоже, видимо, заметил эти взгляды — он передвинулся, закрывая Кики от всадников.

— Ты можешь ехать верхом? — вежливо спросил он.

Кики посмотрела на гигантскую черную тварь, стоявшую неподалеку. На передней луке седла висел большой серебряный щит, похожий на чудовищного воздушного змея. Сам конь выглядел угрожающе. Кики сидела в седле лишь однажды, да и то на карусели, много лет назад.

— Сама — вряд ли...

Девушке даже не пришлось изображать дрожь в голосе.

Рыцарь стремительно поднял ее с песка и подошел к ожидавшему коню; тот фыркал и косил глазом на мокрое тело в руках хозяина. Ни слова больше не говоря, мужчина забросил Кики в седло, потом, схватившись за пышную темную гриву, вскочил на спину коня позади девушки. Наклонившись вперед, он подобрал поводья, ударил пятками по конским бокам — и жеребец рванулся вперед.

— погоди! — Кики охватила паника, когда они направились к лесу, прочь от океана. Что-то внутри де-

вушки перевернулось, волна тошноты подкатила к горлу. — Куда ты меня везешь?

— Не бойся, моя леди. Тут неподалеку есть монастырь. Добрые монахи окажут тебе помощь.

— Но я не могу уйти от берега! — отчаянно вскрикнула Кики. — Мои родные...

Она замолчала, судорожно всхлипнув.

Руки молодого рыцаря крепче обхватили ее, когда воин подумал о милой беспомощности девушки. Вообще-то он не обращал особого внимания на чувства женщин, но сейчас юная женская красота как будто зачаровала его. И когда мужчина заговорил, его голос звучал немного хрипло:

— Мы не уходим от океана. Монастырь Калди совсем близко, немного выше по берегу. — Он заставил себя говорить мягче, пытаясь успокоить девушку: — Да нам и не удалось бы уйти от океана далеко. Монастырь Калди построен на острове Калди. Океан окружает нас со всех сторон. — Они уже скакали под деревьями по раскисшей проселочной дороге, и рыцарь повернул коня направо. Откашлявшись, молодой воин продолжил: — Мое имя — сэр Андрас Ап Кайр Лайон, старший сын великого лорда Каэрлона. Я буду рад служить тебе, и я клянусь, что никому не позволю причинить тебе вред. — Его теплое дыхание коснулось щеки девушки. — Окажешь ли ты мне честь и назовешь ли свое имя?

Кики с трудом отвела взгляд от синевы, видневшейся сквозь деревья. Ее мысли неслись как сумасшедшие. Ей хотелось только одного: вырваться из рук рыцаря и сломя голову броситься назад, к океану, чтобы прыгнуть в воду.

«Ты будешь отчаянно стремиться к воде...»

Слова Геи всплыли в ее памяти, пока Кики сражалась с желаниями тела.

— Твое имя, леди? — настойчиво повторил рыцарь.

Кики глубоко вздохнула, стараясь хоть немного расслабиться. Солнечные лучи сквозь деревья освещали грязную дорогу и могучего жеребца, ровно скакавшего вперед, играли на серебряном шлеме и золотистых волосах рыцаря... На Кики нахлынули другие чувства. Сначала ее спасло существо из сна, потом — настоящий рыцарь в сверкающих доспехах...

И при этом ее тело болело и рвалось к морю.

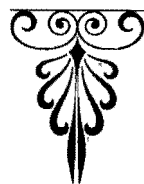
— Меня зовут принцесса Ундины, и я не могу жить без воды, — прошептала она, закрывая глаза и позволяя голове опуститься на сильное плечо спасителя.

Отплыв от берега на безопасное расстояние, Дилан наблюдал, как человек увозил Ундину. Руки тритона сжались в кулаки, он стиснул зубы так, что заболели челюсти. И неважно было, что он знал: она сама хотела этого. И не имело значения, что ему было известно: в теле его детской подружки Ундины живет человек. Его просто влекло к ней. Он помнил выражение ее глаз, когда он поцеловал ей руку, ее неожиданный ответ на его прикосновение. Глядя, как конь уносит ее прочь, он чувствовал, будто потерял какую-то очень важную часть себя.

Сквозь деревья он заметил, как конь повернул и поскакал параллельно берегу. В отчаянии тритон поплыл в ту же сторону, стараясь не упускать девушку из виду.

Возможно, она все еще нуждается в нем. Он не сумел помочь ей там, в гроте; но больше он не отступит.

Глава девятая

— Эта принцесса — с потерпевшего крушение корабля! — закричал рыцарь одетому в рясу монаху, беспокойно топтавшемуся за закрытой решетчатой дверью. — Я — Андрас, сын лорда Каэрлона! Я требую впустить меня и предоставить убежище этой леди!

— Я должен спросить настоятеля...

Невысокий монах скрылся из виду.

Сэр Андрас сердито фыркнул, и черный жеребец ответил тем же. Кики закрыла глаза, борясь с приступом тошноты. Она больше не видела океанских вод. Монастырь стоял на вершине утеса, крутой склон сбегал к неровной береговой линии. Хотя Кики и не видела моря, она слышала, как волны бьются о камни, и когда она как следует сосредоточивалась на этих звуках, ей становилось легче.

— Еще немного, принцесса, — сказал сэр Андрас. — Аббат Уильям хорошо знает мою семью. Нас тут примут.

Битва моря

Кики хотела сказать, что монахи вообще-то должны бы помогать всем людям, знакомы они с их родными или нет, но у нее не было сил разговаривать. Ей просто хотелось сбросить мокрую одежду и спать несколько дней подряд... и не обязательно именно в таком порядке.

Но больше всего ей хотелось, чтобы море перестало требовать ее к себе.

— Андрас! Ты ли это, сын мой?

Мягкий голос с каким-то акцентом, смутно напоминавшим британский, раздался из-за стены монастыря.

— Да, отец. Мне нужна твоя помощь.

— Конечно, конечно, — поспешно ответил голос. — Брат, отопри ворота и позволь нашему другу войти.

Ржавые петли жалобно скрипнули, ворота распахнулись. Кики попыталась выпрямиться, смущаясь своего потрепанного вида. Но прежде чем она успела хотя бы пригладить волосы, Андрас соскользнул со спины коня и снял девушку из седла. Кики в ужасе поняла, что не в силах стоять на ногах. Перед глазами все расплылось, став серым и туманным, колени подогнулись... Воин подхватил ее на руки.

— Принцесса нуждается в отдыхе и заботе. Я нашел ее у берега неподалеку отсюда.

— Брат Питер, вели, чтобы приготовили гостевую комнату для этой леди, и позови кого-нибудь с кухни, чтобы прислужили ей. — Кики услышала шорох рясы, когда кто-то бросился выполнять повеление настоятеля.

— Нашли еще кого-нибудь из спасшихся, сын мой?

Кики почувствовала, как молодой рыцарь покачал головой.

— Бедное дитя...— Священник говорил спокойно и тихо, но даже не пытался скрыть любопытства, отчетливо прозвучавшего в его голосе.— Так ты говоришь, она какая-то принцесса?

— Она вспомнила свое имя, но, боюсь, вряд ли сможет сказать что-нибудь еще,— ответил сэр Андрас.

— И как же ее зовут?

— Это принцесса Ундина.

За словами рыцаря последовало долгое молчание, и Кики отчаянно захотелось открыть глаза и увидеть выражение лица настоятеля. Но здравый смысл предостерег ее, и она сделала вид, что все еще не пришла в себя.

— Ундина? — Настоятель тщательно выговорил это имя.— Ты уверен, что она сказала именно «Ундина»?

— Думаю, да,— ответил сэр Андрас.— Ну да, я уверен, она так и сказала: что ее зовут принцесса Ундина. А тебе знакомо это имя, отец?

— Я знаю только то, что на некоторых языках слово «ундина» означает морского духа. Как это странно...

— Аббат Уильям! — Монах уже вернулся.— Гостевая комната готова для леди, ее там ждут.

— Давайте-ка осторожненько внесем ее внутрь,— сказал сэр Андрас.— Успеем еще расспросить об имени и прочем, когда придет в себя. Посмотри на нее, аббат! Можно не сомневаться в том, что она принцесса.

И руки сэра Андраса обхватили девушку, как будто она была его собственностью.

— Не позволим себе обмануться красотой, сын мой.— Тон настоятеля был снисходительным.— Но ты прав, надо дать ей отдохнуть, а уж потом она объяснит нам все. Иди за мной, я провожу тебя в гостевую комнату.

Голова Кики лежала на плече сэра Андраса, и девушка, продолжая делать вид, что ей совсем плохо, чуть приоткрыла глаза, пытаясь рассмотреть окружающее. Она увидела зеленую траву, когда они пересекли внутренний двор, и удивилась, обнаружив, что дневной свет угасает. Да, наступали сумерки, но девушке казалось, что всего несколько минут прошло с того момента, когда тритон вынес ее к берегу. Рука Кики слегка вздрогнула при этом воспоминании. Его поцелуй все еще горел на коже.

Когда они вошли в монастырь, каблуки сэра Андраса громко застучали по каменному полу, и теперь сквозь полуопущенные ресницы Кики видела только серые каменные стены темного узкого коридора.

— В эту дверь, сын мой,— сказал наконец священник.— Положи ее на кровать. Женщина позаботится о ней.

Сэр Андрас осторожно опустил Кики на жесткую кровать и неохотно разжал руки. Кики перевернулась на бок, все еще не открывая глаз.

— Изабель! — Сгорничной аббат Уильям говорил холодно и жестко.— Принеси ей воды, чтобы она могла умыться, и рясу, пусть наденет ее, пока ее платье будут чистить и сушить. Если она сможет поесть, предложи ей немного бульона и вина с водой. Потом сообщи мне, как она себя чувствует.

— Да, настоятель.

Кики услышала, как зашелестели юбки служанки, когда та присела в реверансе и вышла из комнаты.

— А мы с тобой пойдем ужинать, сын мой. У нас будет более чем достаточно времени завтра, тогда мы и побеседуем с этой юной особой. — Голос священника сразу смягчился, стоило ему заговорить с молодым воином. — Твоя принцесса в прекрасных руках, сын мой, и, как ты сам сказал, ей нужен отдых.

Дверь плотно закрылась за ними. Кики облегченно вздохнула и открыла глаза. Комната оказалась маленькой и почти пустой. Стены были сложены из больших серых камней. Кики обхватила себя руками, чувствуя, как ее пробирает холод; только что разоженный огонь не согревал. Меблировка состояла из узкой жесткой кровати, покрытой грубым коричневым одеялом, и небольшого комода, на котором стоял керамический таз. Над изголовьем кровати висело единственное украшение — деревянный крест с деревянными же кольшками, видимо изображавшими гвозди, в тех местах, где следовало быть рукам и ногам распятого Христа.

Кики встала и подошла к распятию. За годы службы в военно-воздушных силах она посетила многие церкви на разных базах и заглядывала к представителям самых разных конфессий, к баптистам и методистам, к протестантам и католикам, — но нигде не встречала таких вот крестов с гвоздями. От вида этого странного креста Кики сделалось неуютно и одиноко.

Дыхание свежего ветра ворвалось в комнату, взъерошив волосы девушки. Кики глубоко вдохнула — в воздухе пахло солью, водой, жизнью... Девушку захлест-

нуло желание немедленно оказаться в воде. И, будто следуя за звуком волшебной флейты, она повернулась к стене напротив двери. В ней, высоко-высоко, было пробито узенькое окно, наверное, меньше трех футов в ширину. Кики замерла, наслаждаясь запахом моря. Она почти слышала шорох волн, набегавших на песок... Она почти ощущала теплые руки океана, гладившие ее тело...

Она как наяву увидела Дилана, касавшегося губами ее руки. Кики погладила тыльную сторону ладони, вспоминая бурный всплеск чувств, вызванный его лаской.

Дверь распахнулась, и Кики виновато вздрогнула. В комнату, прихрамывая, вошла невысокая сутулая женщина, одетая в грубый шерстяной балахон неописуемого коричневого цвета. Лицо служанки было так густо покрыто морщинами, что казалось искалеченным. Кики подумала, что это, должно быть, самая уродливая женщина из всех, кого ей когда-либо приходилось видеть. На одной костлявой руке она удерживала поднос с кувшином, кубком и миской. В другой руке служанка несла сверток какой-то материи. Женщина вздрогнула всем телом, увидев, что Кики очнулась, и поспешила присесть в неловком реверансе, расплескав красную жидкость из кубка.

— О! Прости меня, принцесса! — Она бросилась к комоду и поставила поднос. В спешке она чуть не уронила глиняный таз. — Ты меня испугала. Я думала, ты еще спишь.

— Это мне следует извиниться, — быстро возразила Кики, стараясь не показать, насколько она потрясена внешностью женщины. — Я не хотела тебя пугать.

Старуха наклонила голову, избегая взгляда Кики. Она еще раз неловко присела в реверансе и замерла, свободной рукой теребя свое платье. Кики подождала, полагая, что та скажет еще что-нибудь, но женщина просто стояла молча, как будто не зная, чего ей больше хочется: сбежать или упасть в обморок.

Кики откашлялась и показала на кувшин. Как можно мягче она произнесла:

— Я просто умираю от жажды.

— Да, конечно, моя леди! — Дрожащей рукой женщина схватила с подноса кубок и протянула его Кики. Девушка приняла кубок с благодарной улыбкой и сделала несколько жадных глотков. В кубке оказалось вино, разведенное прохладной водой, сладкое и очень вкусное.

— Если принцесса позволит помочь ей раздеться, я заберу платье, чтобы вычистить и просушить. — Старуха скрюченными пальцами аккуратно развернула принесенный сверток и предъявила девушке кусок ткани размером с небольшое полотенце и длинный балахон. — Я помогу тебе смыть соль с тела, а потом ты сможешь надеть вот эту рясу, пока сохнет твоя одежда.

Кики окинула взглядом свое платье; оно на самом деле оказалось несколькими тонкими платьями, надетыми друг на друга. И даже будучи мокрыми насквозь, юбки спадали изысканными складками, а расшитые концы пышных рукавов почти доставали до пола. Да, все это выглядело прекрасно, вот только Кики не обнаружила ни одной «молнии» или пуговицы. Она представления не имела, как все это снять без посторонней помощи, и слишком устала, чтобы беспокоиться об этом...

— Да, пожалуйста, — благодарно произнесла Кики. — Мне бы не помешала твоя помощь.

Ноги Кики дрожали от усталости. Старуха быстро, проворно двигалась за ее спиной. Кики чувствовала, как та тянет за какие-то шнурки и как с ее тела слой за слоем падает одежда. Когда Кики осталась в одной лишь белой рубаше из полупрозрачного льна, женщина поспешно отвела взгляд.

— Даю слово, что не взгляну на тело моей леди. Я просто подам полотенце, если моя леди пожелает обтереть свое тело под сорочкой.

Кики была сбита с толку. Обтереть тело под сорочкой? Но эта штукавина насквозь мокрая, пропитана солью, просто отвратительно! Уставший мозг Кики ничего не соображал. Как это, интересно, она сможет помыться, если не снимет всю одежду?

— Но мне необходимо снять все, и только потом я смогу помыться и надеть этот балахон! — заявила Кики, чувствуя себя ужасно глупо из-за того, что приходится объяснять совершенно очевидные вещи.

Женщина была поражена.

— Ты наденешь рясу без нижней сорочки?

Кики провела ладонью по тонкой рубаше, которая начала уже подсыхать и сморщиваться от морской соли.

— Как тебя зовут? — спросила девушка.

Старая служанка изумленно уставилась на нее. Глаза старухи почти полностью скрывались за тяжелыми складками морщин.

— Изабель.

— Так вот, Изабель, — спокойно произнесла Кики. — Эту сорочку необходимо постирать. И мне необходимо помыться. Но сделать это одновременно не-

возможно. А поскольку мы с тобой обе — женщины, я ничего не имею против того, чтобы ты увидела меня обнаженной. — Кики с трудом улыбнулась. — Я действительно благодарна тебе за помощь, и я совсем не хочу тебя обидеть, но, боюсь, если я как можно скорее не сниму эту штукюину и не сяду, я просто потеряю сознание.

Изабель вытаращила глаза, резко повернулась, налила воды из кувшина в таз, обмакнула в воду «полотенце» и, не глядя на Кики, протянула ей мокрую ткань.

— Спасибо, — поблагодарила Кики.

Что за глупейшие взгляды на жизнь, думала девушка, смывая соль. Служанка буквально перепугалась до полусмерти при одной только мысли о том, что увидит нагое тело другой женщины. Кики вспомнила зеленый шелковый наряд богини. Он ничуть не скрывал прелести Геи, ее роскошные сексуальные формы. А на русалке и вовсе ничего не было, кроме ее собственной кожи. Что тогда говорила великая богиня?.. О том, как некоторые священнослужители боятся красоты? Кики через голову накинула рясу из грубой некрашеной шерсти цвета пергамента и поморщилась, когда колючая ткань коснулась голой груди. Она оглядела свое соблазнительное тело; в бесформенном балахоне вид у нее стал... бесполом. Кики ощутила укол странной неуверенности. Она вспомнила, что когда-то, в колледже, в учебниках по гуманитарным наукам читала, что в Средневековье люди считали обнаженное тело, особенно женское, греховным и полным зла.

— Ты прикрылась, моя леди? — спросила Изабель.

— Да, полностью, — ответила Кики, стараясь скрыть охватившее ее беспокойство.

Изабель повернулась и осмотрела девушку.

— Могу ли я зачесать тебе волосы назад, принцесса? Очень уж необычно, что они просто падают вот так... — Тут Изабель ненадолго замолчала и неуверенно показала костлявой рукой на собственные волосы, сильно стянутые назад и прикрытые простым белым чепцом. — Вот так свободно.

Кики подняла руку, потрогала густые, тяжелые пряди, спускавшиеся до талии. Пальцы девушки скользнули по драгоценным камням, которые Гея вплела в ее волосы. От мысли, что ей предстоит прятать эти роскошные локоны и прочие щедрые дары матери-богини, у девушки похолодело в животе.

— Нет, — сказала она. — Думаю, на сегодня пусть останутся так, как есть.

Изабель бросила на нее мрачный взгляд и открыла рот, чтобы возразить. Но прежде чем она успела что-либо сказать, Кики любезно улыбнулась старой женщине.

— На моей родине девицы носят волосы вот так, распущенными.

Да, вот только где должна быть ее родина, тут же озадаченно подумала Кики. Впрочем, она была рада, что сказала так, хотя на возражения старухе ушел последний остаток сил. Колени задрожали, и совершенно неожиданно для себя Кики обнаружила, что сидит на краю жесткой кровати, а комната вокруг нее ходит ходуном.

— Моя леди! — Голос старой служанки снова звучал тепло и заботливо. — Ты очень уж измучена. Вот,

Ф. К. Каст

выпей этот бульон, он поможет тебе восстановить силы.

Изабель вложила в руку Кики чашку, и девушка сделала глоток теплой жидкости, удивившись ее чудесному вкусу.

Когда чашка опустела, Изабель взяла ее из рук Кики и подобрала с пола мокрую одежду.

— А теперь спи, моя леди. Утром ты почувствуешь себя гораздо лучше.

Не добавив ни слова больше, служанка захромала прочь. Кики показалось, что она слышала, как снаружи задвинули засов, но она слишком устала, чтобы думать об этом. Она заснула, прислушиваясь к ласковому плеску волн, бившихся о далекий берег.

Глава десятая

Ее разбудил чистый, дразнящий запах моря. Не открывая глаз, Кики глубоко вдохнула. В комнате было очень тихо. Где-то вдали слышалось блеяние овец, крики чаек и плеск волн, бьющихся о камни. Кики почувствовала, как все тело задрожало от желания очутиться в воде. Где-то в глубине души появилось беспокойство, как от необходимости удержать в себе невыносимую тайну. Кики открыла глаза и тут же посмотрела на окно. Неуверенно поднявшись на ноги, которые все еще толком не вспомнили, как именно нужно двигаться, она, пошатываясь, подошла к окну. Но даже вытянувшись во весь рост, она не смогла выглянуть наружу.

Кики оглядела голую комнату. Рядом с кроватью стоял большой ночной горшок. К счастью, он был пуст. Кики подтащила его к окну и перевернула вверх дном. Ухватившись за подоконник, чтобы не потерять равновесие, она взобралась на горшок.

Стена комнаты была частью наружной стены монастыря, выходявшей прямо на океан. Вид отсюда открывался потрясающий. Под окном Кики увидела лишь узкую тропинку, а потом земля как будто падала — обрывистый утес возвышался над величественным океаном. Кики видела каменистый берег внизу, видела белые барашки игривых волн.

Костяшки пальцев побелели — с такой силой она вцепилась в подоконник, заставляя себя справиться с настойчивым зовом тела.

Два быстрых удара в дверь отвлекли ее внимание от окна. Кики поспешила передвинуть горшок на место.

— Да? — откликнулась она, усевшись на кровать.

— Это Изабель, моя леди. — Дверь медленно отворилась, и старуха, прихрамывая, вошла в комнату и осторожно улыбнулась девушке. — Я вижу, ты неплохо отдохнула.

— Да, я себя чувствую намного лучше. — Кики обрадовалась, увидев, что Изабель несет узел с ее постиранной и просушенной одеждой.

— Аббат Уильям приглашает тебя присоединиться к нему за ужином, если ты достаточно отдохнула.

Желудок Кики тут же заворчал, и девушка внезапно осознала, что просто умирает от голода.

— А разве обязательно ждать вечера, чтобы поесть?

Изабель удивилась.

— Но ведь уже вечер.

Кики испуганно уставилась на нее.

— А сколько же я спала?

— Ты проспала две ночи и сегодня весь день, — ответила Изабель. — Если позволишь, я помогу тебе одеть-

ся, и тогда ты сможешь прямо сейчас присоединиться к отцу настоятелю.

Кики словно со стороны наблюдала, как Изабель надевает на нее платье. Теперь понятно, почему все ее тело просто кричало от боли. Близилась третья ночь! Она должна была найти способ добраться до воды сегодня, чтобы обязательно вернуться в тело русалки. При одной только мысли об этом сердце Кики бешено заколотилось.

— Ну вот, моя леди, — сказала Изабель, покончив с последним шнурком. — А теперь иди за мной, прошу тебя.

Они покинули комнату и пошли по длинному темному коридору. Кики с облегчением заметила, что с каждым шагом ноги двигаются все более уверенно, потому что, хотя Изабель и шла весьма медленно, будучи старой и хромой, все же сначала Кики нелегко было угнаться за ней. Они миновали небольшую прихожую и очутились в поросшем травой дворе; в дальнем его конце виднелись запертые ворота, через которые Кики попала в монастырь. А точно посередине двора располагался большой круглый колодец, сложенный из таких же громоздких серых камней, как и все здание. Когда женщины проходили мимо колодца, Кики ощутила дуновение холодного воздуха — и у нее вдруг отчаянно закружилась голова.

— Принцесса Ундина! — встревоженно окликнула ее Изабель, заметив, что подопечной нет рядом.

Кики потеряла глаза.

— Я как-то странно себя чувствую.

Изабель обхватила ее за талию.

— Ты просто сильно ослабела после всего, что на тебя свалилось. Позволь, я тебя поддержу.

Через несколько шагов головокружение прошло. Кики снова могла идти самостоятельно. Она подумала, что, наверное, голова так кружится от голода.

Они прошли под низкой аркой и очутились в большой комнате, где стояли длинные деревянные столы. За столами сидели монахи, одетые в одинаковые шерстяные рясы тусклого кремового цвета, подпоясанные огромными деревянными четками. Кики быстро подсчитала, что монахов тут человек двадцать или тридцать, но при этом в комнате, полной народа, было неестественно тихо. Разговаривали только за одним столом, где сидели хрупкого телосложения мужчина в ярко-алой рясе, двое монахов в простых шерстяных одеждах и рыцарь, сэр Андрас.

Как только рыцарь заметил девушку, он вскочил и поспешил ей навстречу. Кики снова поразилась тому, каким красивым и сильным был молодой воин и как он был обаятелен.

— Принцесса Ундина, — воскликнул он, галантно целуя ей руку. — Ты прекрасно выглядишь! — Он провел гостью к столу. — Принцесса, я рад представить тебе старого друга нашей семьи, аббата Уильяма. Калди — его монастырь.

Но настоятель, не обратив внимания на Кики, улыбнулся сэру Андрасу.

— Сэр Андрас, на самом деле Калди принадлежит тебе в такой же мере, как и мне. Ведь это твой великий отец даровал монастырь нашему святому ордену. И мне было бы приятно, если бы ты, посещая Калди, считал его своим домом.

Настоятель наконец перевел взгляд на Кики, и вся теплота разом исчезла из его глаз.

Что-то в холодном лице настоятеля подсказало девушке, что не стоит протягивать ему руку. Она сочла более благоразумным присесть в коротком реверансе, хотя и не была уверена, что делает его правильно.

— Я очень рада познакомиться с тобой, аббат Уильям. Огромное спасибо за гостеприимство.

Настоятель был невысоким, худощавым, с острыми чертами лица и редеющими волосами. Руки у аббата Уильяма были очень белыми, маленькими и выглядели мягкими. Кики отметила, что он любит подчеркивать свои слова жестами. На среднем пальце правой руки он носил большой перстень с квадратным ржаво-красного цвета камнем и постоянно держал этот палец выпрямленным, как будто боялся, что кольцо может соскользнуть. Камень подмигивал злобными огоньками в тусклом освещении столовой. Но больше всего поразили Кики глаза аббата, необычайного ярко-голубого цвета. Кики подумала, что он бы выглядел интересным мужчиной, если бы не такое изможденное и суровое лицо.

— Это я рад знакомству. — Священник изобразил улыбку. — Прошу, присоединяйся к нам. — Он показал на пустое место напротив. — Ты, должно быть, очень голодна.

Сэр Андрас вернулся на прежнее место рядом с аббатом Уильямом. Два других монаха, сидевших за этим столом, сдержанно кивнули девушке и снова принялись за еду. Какая-то старуха поспешила положить на тарелку перед Кики щедрую порцию ароматного тушеного мяса. Когда Кики благодарно улыбнулась ей, старая женщина бросила на нее удивленный взгляд и поспешно отошла.

— Нам больше не удалось найти ни единого спасшегося, принцесса.

Тихий голос аббата Уильяма казался вежливым, но взгляд был холоден и насторожен. Девушка заставила себя взять немного мяса и тщательно жевала, оттягивая время и пытаясь найти наилучший ответ, который мог бы устроить этого пугающего чужака.

Она никогда не умела как следует врать, а семь лет в военно-воздушных силах только усилили ее неприязнь ко лжи. Нечестность порождала неприятности, и даже могла привести к концу карьеры. Кики давно уже решила для себя, что куда лучше говорить правду, чем разгребать последствия собственного вранья. К несчастью, подумала она, сейчас уроки прошлого не помогут. Она посмотрела на настоятеля Уильяма. У нее сложилось впечатление, что, если она скажет ему правду, он вполне может зажарить ее на вертеле.

Поэтому Кики решила просто не отходить слишком далеко от истины.

Проглотив мясо, она сказала:

— Мне грустно это слышать, настоятель. Я надеялась, что кто-нибудь еще выжил и что мне помогут вспомнить мое прошлое.

— Так к тебе до сих пор не вернулась память? — спросил сэр Андрас. Наклонившись, он протянул руку через стол и коснулся пальцев девушки.

Кики заметила, как при этом жесте рыцаря что-то сверкнуло в глазах священника. Да, у него определенно были трудности в общении с женщинами... и серьезные трудности. Кики не хотелось делать священника своим врагом, но ведь Гея весьма четко объяснила ей, что она должна найти человека, который ее полюбит...

И прямо сейчас сэр Андрас был лучшим, если не единственным шансом добиться этого. К тому же, призналась себе Кики, рыцарь был определенно красивым мужчиной и явно заинтересовался ею.

Но где-то на задворках памяти то и дело возникал образ тритона, поцеловавшего ее руку... однако Кики постаралась его отогнать. Гея ведь говорила о человеке, а не о тритоне. И кроме того, Дилан давно уже исчез где-то в океане и ничем не мог ей помочь. Стараясь не замечать ненавидящего взгляда аббата Уильяма, Кики тепло улыбнулась воину и чуть сжала его руку, прежде чем отпустить.

Потом она прищурилась, словно изо всех сил пыталась сосредоточиться.

— Нет. Я знаю свое имя, но ничего больше не могу припомнить. — Она прикусила нижнюю губу. — Я даже не помню, какой сейчас год. — Она наивно похлопала глазами, глядя на мужчин, но ее сердце бешено колотилось.

— Сейчас одна тысяча четырнадцатый год после рождения нашего Господа. А ты находишься на острове Калди, неподалеку от материка, именуемого Кимру. — Голос настоятеля был таким же холодным, как и его взгляд.

Кики нервно сглотнула. Она изо всех сил старалась скрыть потрясение; но, увы, она уже услышала то, чего так боялась: ее действительно забросило прямоком в европейские Темные Века. Кики заставила себя благодарно улыбнуться настоятелю.

— Спасибо. Чем больше я узнаю, тем больше, наверное, смогу вспомнить... Я еще помню ужасный шторм и страшный ветер. — Она раскрыла глаза пошире. — Ветер подхватил меня и бросил прямо в оке-

ан! Я помню, как тонула, — сообщила чистую правду девушка и дрожащей рукой схватила кубок с вином.

— Что ж, нечего и удивляться, что после таких чудовищных испытаний ты потеряла память, — поспешил сказать сэр Андрас.

— И больше ты ничего не помнишь об этом путешествии, принцесса Ундина? — Аббат Уильям тщательно выговорил ее имя. — Может, ты вспомнишь, почему вы оказались так близко к нашему острову?

Кики почувствовала, как настоятель впился в нее взглядом, и заставила себя посмотреть ему в глаза, а потом грустно покачала головой.

— Нет. Но мне очень хочется вспомнить.

— И ты ничего не помнишь о своей семье или о своей родине?

Кики даже не знала, что раздражает ее сильнее — грубость, сквозившая в снисходительном тоне настоятеля, или то, как он подчеркивал свои слова жестами, словно они были истиной в последней инстанции. Женщине двадцать первого века, прятавшейся в ней, хотелось рявкнуть на аббата, чтобы сбить спесь с этого ничтожества, но Кики быстро подавила неподходящее желание. Она ведь находилась не в родном мире; она очутилась в древнем Уэльсе, а этот человек дал ей убежище. И разве для него не естественно проявить некоторую подозрительность по отношению к незнакомке? Кики ведь в буквальном смысле выбросило из моря к его дверям; он совершенно ничего о ней не знал.

Девушка с нежной виноватой улыбкой глянула в холодные голубые глаза настоятеля.

— Я помню свое имя и то, что родители меня очень любили. Я действительно хочу все вспомнить... — И до-

бавила после небольшой паузы: — Я уверена, что мои родные будут меня искать, и они, конечно, вознаградят любого, кто окажет мне помощь.

Губы настоятеля сжались в ниточку. Их углы чуть приподнялись в пародии на улыбку.

— Те, кто избрал путь монашества, ищут вознаграждения, недоступного в этой жизни.

— Разумеется, аббат, — быстро согласилась Кики, в очередной раз пораженная ледяным, презрительным тоном аббата. — Я просто хотела сказать, что мои родные будут очень благодарны за то, что ты помог мне, только и всего!

— Я велю расспросить людей в ближайших портах материка. Может быть, там слышали что-нибудь о твоих родных, — сказал молодой рыцарь.

— Но ты ведь не оставишь меня, нет? — жалобно спросила Кики. Ей определенно не хотелось оставаться наедине со священником.

Сэр Андрас снова взял ее за руку и улыбнулся.

— Я ведь обещал быть твоим защитником. И если хочешь, чтобы я остался, я просто отправлю туда своих людей.

Не глядя на священника, Кики энергично кивнула.

— Я была бы рада.

— Да. — Аббат Уильям вдруг сменил тон на заискивающий. — И я был бы рад, если бы ты погостил здесь. Я так редко получаю новости с материка. И ты до сих пор не сказал мне, что привело тебя на наш остров?

Сэр Андрас беспечно пожал плечами.

— Мой отец объявил о турнире, и я согласился поискать новых рыцарей, готовых в нем участвовать. — Сэр Андрас тепло улыбнулся настоятелю. — А когда

поиски привели к побережью неподалеку от Калди, я понял, что должен явиться сюда и повидаться с моим старым учителем. — Тут он снова перевел взгляд на Кики. — Но разве мог я знать, что в путешествии найду подобное сокровище?

— О, турнир в Кайр Лайоне! — Глаза аббата Уильяма вспыхнули, но он демонстративно не обратил внимания на последние слова сэра Андраса. — И как только я мог забыть об этих великолепных игрищах! Ты должен рассказать мне обо всех, кто туда приглашен.

Поскольку настоятель полностью завладел вниманием сэра Андраса, Кики воспользовалась моментом и принялась за еду, радуясь, что ей не нужно пока что придумывать ответы. И, стараясь не выглядеть слишком уж глупо, время от времени украдкой косилась на воина. Это был великолепный мужчина. Сегодня на нем не было плетеной кольчуги и серебряного шлема. Вместо них его сильное тело облегла простая, открытая коричневая рубаша из отличного льна, подвязанная на поясе. Кики стоило немалых трудов, чтобы не пялиться на рыцаря во все глаза. Она просто не привыкла видеть столь откровенные мужественность и силу. Да, конечно, в воздушных частях было достаточно интересных и хорошо сложенных парней, но они ведь не ходили полуголыми, играя огромными мышцами... ну, разве что в спортзале. Но здесь-то был не спортзал...

И еще ей были непривычны взгляды, что бросал на нее сэр Андрас. Если бы даже она умудрилась забыть, в каком именно теле нынче обитает ее сознание, неприкрытое восхищение рыцаря напоминало об этом. Потом их взгляды встретились, и Кики почувствова-

ла, как запылали щеки, когда она сообразила, что сэр Андрас обращается к ней... а она и понятия не имела, что именно он спросил!

— Прости меня, сэр Андрас, я задумалась... Что ты сказал?

— Я спросил, не согласишься ли ты немного погулять со мной, прежде чем вернешься в свою комнату.

— Думаешь, это разумно? — спросил аббат Уильям тоном, в котором слышалось слишком много сарказма, чтобы принять его вопрос за заботу о здоровье девушки. — Принцесса еще не вполне оправилась после тяжких испытаний.

Кики вытерла рот салфеткой и встала.

— Спасибо за сочувствие, настоятель, но думаю, прогулка пойдет мне на пользу. Я люблю гулять.

— Значит ли это, что ты начала вспоминать свое прошлое, принцесса? — тут же спросил аббат Уильям.

— Нет, — ответила Кики, одаряя настоятеля бодрой улыбкой. — Просто я чувствую себя здоровой. — Приняв предложенную рыцарем руку, она грациозно склонила голову в сторону священника. — Спасибо за замечательный ужин.

И Кики пошла с воином к выходу из обеденной палаты.

— Прогуляемся по двору, принцесса? — спросил сэр Андрас.

Взгляд Кики через зеленое пространство двора устремился к закрытым железным воротам. Безупречность лужайки нарушал только большой каменный колодец, торчавший посреди двора. В воздухе витал ветерок, и Кики глубоко вдохнула соблазнительный запах соленой воды.

— Вообще-то, сэр Андрас, мне бы хотелось взглянуть на море. — И девушка решительно двинулась в сторону ворот.

— О! — Рыцарь удивился, но быстро совладал с собой. — Разумеется, принцесса.

— Мне было бы приятно, если бы ты звал меня Ундиной, — сказала Кики, пока они пересекали двор.

— Это честь для меня, Ундина. — Рыцарь заглянул ей в глаза, повторяя имя. — А мне было бы приятно, если бы ты называла меня просто Андрасом.

— Ладно, буду. — Они обменялись улыбками.

Когда они проходили мимо колодца, Кики вдруг пронзило холодом. Холод был таким сильным и таким болезненным, что кровь отлила от щек девушки. Колени подогнулись, она споткнулась. И если бы не сильная рука сэра Андраса, девушка наверняка бы упала.

— Ундина! Что случилось?

— Мне просто нужен свежий воздух, — с трудом прошептала она, и рыцарь повел ее к воротам.

Через несколько шагов холод отступил, Кики почувствовала, как щеки снова потеплели. Но что с ней случилось? Возможно, ее тело стремилось вернуться к своему истинному виду? Нет, вряд ли. Это ощущение было совсем не похоже на болезненное стремление к морю, постоянно жившее в ней.

— Наверное, аббат Уильям был прав, ты еще недостаточно окрепла для прогулки.

В глазах сэра Андраса светилась тревога.

— Нет, мне уже лучше. У меня просто немножко закружилась голова. Я хочу погулять. И если я буду держаться за тебя, уверена, все будет отлично. — Кики улыбнулась и крепче ухватила за локоть воина.

Сэр Андрас накрыл ее руку теплой ладонью.

— Значит, я должен всего лишь присматривать, чтобы ты держалась покрепче.

Пытаясь избавиться от щекочущего ощущения, которое, казалось, застряло где-то в позвоночнике, Кики пошла вперед. Андрас отодвинул засов и распахнул ворота.

Вдоль дороги, начинавшейся сразу за воротами, стояли высокие, необычного вида сосны, и все вокруг казалось девушке смутно знакомым, как будто она видела это во сне. Но сейчас не дорога и не сосны интересовали ее. Она, как стремящийся в свою голубятню голубь, уже шла к воде... ноги сами несли ее, отыскав узкую тропинку вдоль стены монастыря. Кики потянула Андраса за собой.

— Ундина, эта тропа может быть опасной. Она ведет к вершине утеса. Там очень крутой обрыв над океаном.

— Я буду осторожна, — задыхаясь, пообещала девушка.

Она заставила себя сбавить шаг, сдерживая желание пуститься бегом за поворот тропы и скорее увидеть океан.

Наконец они миновали поворот, и Кики охватила дрожь наслаждения. В бескрайний океан опускалось солнце, окрашивая волны золотом и янтарем. Зубцы скал торчали вдоль неровного берега, и даже в угасающем свете Кики видела белые барашки пены на волнах. Ей хотелось спуститься с утеса и позволить пенистым волнам омыть ее тело. Тогда, наверное, прекратится не отпускавшая ее внутренняя боль... она очутится в родной стихии.

— Как это прекрасно, — сказала она, не в силах скрыть тоску.

— Да, я никогда не видел ничего столь же прекрасного.

Голос сэра Андраса странно изменился, и Кики, отведя взгляд от волн, увидела, что молодой рыцарь пристально смотрит на нее. Что-то дрогнуло в его глазах, они вспыхнули таким огнем, что Кики растерялась. Со сдавленным стоном рыцарь схватил руку девушки, лежащую на его локте, и поднес к губам. Закрыв глаза, он прижался к ней так, словно умирал от жажды, а с кожи Кики стекала вода.

Губы воина были мягкими и теплыми. Кики поразила такая страстность. Но это было и все. От его прикосновения ничто в ней не дрогнуло; разве что она оценила мужественную красоту воина...

Сэр Андрас поднял голову, и их взгляды встретились. Страсть так откровенно горела в воине, что на мгновение его глаза вспыхнули каким-то неестественным огнем. Даже его красивое лицо исказилось и потемнело. Дыхание прерывалось. Кики вздрогнула от дурного предчувствия. Человек, стоявший перед ней, совсем не походил на галантного рыцаря, спасшего ее и пообещавшего защиту. Это был могучий незнакомец, охваченный похотью. Кики задохнулась, увидев эту перемену.

Внезапно взгляд рыцаря прояснился. Он выпустил руку Кики и отступил на шаг назад, смущенно моргая.

— Прости меня, принцесса, — сказал он, проводя ладонью по лбу, как будто отирая обильный пот. — Я совсем не хотел воспользоваться случаем...

— Ты и не пользовался, ты просто поцеловал мою руку, — ответила Кики, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно спокойнее.

— Если я тебя напугал... — начал было воин, но Кики его перебила:

— Нет, ты просто меня удивил.

Она испытала немалое облегчение, видя, что рыцарь стал самим собой, но все же продолжала настороженно наблюдать за ним. Он выглядел растерянным, как будто только что проснулся после ужасного кошмара. И снова Кики ощутила дрожь дурного предчувствия.

— Так ты не гневаешься на меня? — спросил рыцарь.

— Нет, я не гневаюсь.

— Значит, ты меня прощаешь? Уверю, обычно я не веду себя столь бесчестно.

— Тут нечего прощать. Ты всего лишь поцеловал мне руку.

Но хотя Кики и сказала так, она понимала, что в поступке рыцаря было нечто большее, чем просто импульсивный поцелуй.

— Благодарю, моя леди, — сказал сэр Андрас, склоняя голову в коротком поклоне. — Желаешь ли ты продолжить прогулку? — неуверенно спросил он.

Кики посмотрела на тропу, потом снова на рыцаря. Ей просто необходимо было пройти дальше. Наступил вечер третьего дня; она должна была изучить местность вокруг монастыря и выяснить, как она будет добираться до океана. Рыцарь вроде бы пришел в норму, снова став галантным, огонь в его глазах угас, дышал он ровно. Может быть, она преувеличила... В конце концов, мужчины не слишком часто вот так на нее реагировали. Ладно, призналась она себе, мужчины вообще никогда не реагировали на нее так страстно.

И разве не предполагалось, что она должна найти истинную любовь? Так как же она собирается выполнить это условие, если начнет бегать и прятаться от мужчин и их желаний? Ну-ка, сержант, держись! Кики глубоко вздохнула, стараясь укрепиться духом.

— Да, мне бы очень хотелось продолжить прогулку.

Рыцарь с явной неохотой предложил ей руку, и они пошли дальше по плавно выходящей тропе, пока наконец не добрались до того места, где утес обрывался почти вертикально. Кики остановилась, глядя на манившее ее море.

Сэр Андрас молчал, и Кики сделала вид, что любит закатом; она почти забыла о рыцаре, пытаясь придумать, как пробраться на берег. За их спинами замер монастырь, темный и притихший. С того места, где стояла Кики, открывался знакомый вид, так что Кики не сомневалась: одно из окон в ближайшей стене должно быть окном ее комнаты. У стены монастыря лежали груды камни и бревна. Наверное, она сможет выбраться из окна, спуститься по ним, а потом подняться обратно. Кики осмотрела крутой каменистый склон утеса. Из ее комнаты обрыв казался непреодолимым, но теперь, очутившись рядом с ним, девушка видела, что тут есть множество пересекающихся дорожек, по которым можно спуститься к воде. Вдали слышалось непрерывное блеяние овец, и Кики молча поблагодарила их за то, что они протоптали эти тропинки. Если она будет осторожна, она вполне сможет и сама добраться здесь до воды. И тут, как будто в ответ на ее мысли, в последний раз бросив ответ на воду, солнце погрузилось в океан.

— Нам пора возвращаться, Ундина, — сказал сэр Андрас.

Кики неохотно кивнула и позволила рыцарю провести ее назад к тропе, по которой они пришли. Девушка настолько углубилась в мысли о том, что и как ей предстояло сделать ночью, что не заметила, как они очутились уже у двери ее комнаты.

— Благодарю тебя, Ундина, что оказала мне честь и провела со мной вечер.

Рыцарь отвесил ей официальный поклон. И так быстро повернулся, чтобы уйти, что девушке пришлось протянуть руку и схватить его за локоть, чтобы остановить. От ее прикосновения он замер, но тут же повернулся к ней лицом.

— Я еще не поблагодарила тебя за то, что ты меня спас. — Ей пришлось приподняться на цыпочки, чтобы легонько чмокнуть его в щеку. — Спасибо.

Застывшее лицо молодого воина слегка оттаяло, он улыбнулся.

— Я только рад, что мне повезло и ты вошла в мою жизнь.

Кики понимала, что сейчас самый подходящий момент для того, чтобы сказать рыцарю что-нибудь ободряющее, но память о перемене, случившейся с ним так недавно, все еще висела в воздухе между ними. И когда Кики заговорила, она только и смогла, что вежливо произнести:

— Спокойной ночи, Андрас. Ты не мог бы прислать ко мне Изабель? Я очень устала.

— Разумеется. Ты должна отдохнуть и набраться сил. Увидимся завтра. — На этот раз поклон сопровождался улыбкой. — Спокойной ночи, Ундина.

— Спасибо, Андрас. Ты очень добр, — сказала девушка, прежде чем войти в свою комнату.

Она закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Что с ней такое происходит? Андрас был хорош собой, мил и явно интересовался ею. Ну да, на какое-то мгновение он перепугал ее, но, может быть, она испугалась лишь из-за отсутствия должного опыта?

— Но я же ничего не почувствовала, когда он поцеловал мне руку,— прошептала Кики.— По крайней мере, ничего приятного.

Да, все это выглядело так, словно Кики пришла в музей и восхищалась прекрасной скульптурой. На нее приятно смотреть, но вряд ли со статуей захочется лечь в постель.

— Ну, Гея ведь не говорила, что я тоже должна полюбить этого мужчину. Может быть, чары сработают, если только он будет любить меня,— сказала Кики, обращаясь к пустой комнате... но она боялась, что ее надежда тщетна. Гея сказала, что Лир не может разорвать узы истинной любви, а Кики подозревала, что «истинная любовь» и «одностороннее желание» — вовсе не синонимы.

Я присмотрюсь к нему получше, пообещала себе девушка. В следующий раз я постараюсь подсунуть ему губы вместо руки. И не позволю его страсти обжечь меня. Кики покачала головой. Она ведь не была глупым подростком. Она была сержантом Военно-воздушных сил Соединенных Штатов и совершенно не боялась мужчин.

И тут на нее нахлынули непрошенные воспоминания о тритоне, о его поцелуе... От одной лишь мысли о нем все тело затрепетало...

Глава одиннадцатая

На этот раз Изабель не затеяла с Кики спора из-за прически. Видимо, старую служанку смягчило согласие девушки надеть белье под грубую ночную рубашу, а проблеме мытья Кики решила, заявив, что слишком устала сегодня для вечернего купанья и лучше сделает это утром. Изабель даже как будто посочувствовала Кики и ворчливо сказала, что незачем было так много бегать, не придя в себя как следует. Кики с готовностью согласилась и выразила надежду, что ночью ее никто не побеспокоит и она хорошенько отдохнет. Довольная, старуха захромала прочь, а ее подопечная сделала вид, что заснула еще до того, как служанка сложила ее одежду и сгребла в кучу угли в очаге.

Как только дверь за Изабель закрылась, Кики выскочила из постели, стянула кусачий балахон и надела башмаки. Ее многочисленные браслеты зазвенели в тишине, как сигнал тревоги, и девушка быстро сняла все украшения, кроме амулета Геи, и

оставила сверкающую горку на кровати. Прижавшись ухом к двери, она внимательно прислушалась. Но ничего не услышала, даже шелеста монашеских ряс.

— Наверное, они все в церкви или еще где-нибудь, — пробормотала Кики.

Она подошла к узкому комоду и аккуратно сняла с него кувшин и таз, поставив все на пол. Потом, очень медленно, чтобы не шуметь, передвинула тяжелый комод к окну. Используя нижние ящики как ступеньки, Кики взобралась на комод и облегченно вздохнула. Комод оказался достаточно высоким. Ей оставалось только протиснуться сквозь узкое окно и нащупать опору.

Девушка выглянула наружу. В небе вставала почти полная луна, ее отражение сияло в затихшем океане, как сигнальный огонь маяка. Когда Кики посмотрела на воду, боль во всем теле стала просто невыносимой. Снаружи не было заметно никакого движения. Кики взобралась на подоконник. Башмаки у нее были мягкими, похожими на мокасины, и она легко нашла опору, а потом прыгнула на траву. Кики двигалась легко и стремительно, быстро, но осторожно спускаясь к берегу по хорошо утоптанной овечьей тропе. И слышала, как ее собственное дыхание эхом повторяется в дыхании волн.

И вот наконец ее ноги коснулись песка; она стояла у самой воды, дрожа от нетерпения.

«Но что мне делать теперь?» — мысленно закричала девушка. Ей было больно, все ее чувства пребывали в смятении.

— Просто призови свое истинное тело, дочь моя.

Весело улыбаясь Гея сидела неподалеку от кромки воды на толстом стволе давным-давно упавшего дерева.

— Но я не знаю, как это сделать, — выдохнула Кики.

— Твое тело само знает. Тебе нужно только прислушаться к нему, — заверила ее богиня.

Кики попыталась прислушаться, но слышала только зов воды.

— Вот и следуй этому зову, — сказала Гея, как будто прочитав мысли девушки.

Кики шагнула было вперед, но остановилась, услышав, как богиня сказала:

— Сними сорочку. Монахи не должны догадаться, что ты уходила.

Кики сбросила тонкую льняную сорочку. На ней остался лишь амулет богини, и Кики шагнула навстречу объятиям океана. Подняв руки над головой, она погрузилась в волны прибоя. «Я хочу, чтобы вернулось мое истинное тело!» — в отчаянии подумала она. Кики почувствовала покалывание вокруг талии, потом это ощущение распространилось ниже по телу, и вот уже сильный хвост заменил ноги. Мощный удар хвоста стремительно бросил девушку вперед. В следующее мгновение она легко развернулась и с визгом выскочила на поверхность. Кики встряхнула головой, разбрызгав вокруг капли воды, и искала взглядом богиню, но та исчезла.

Кики хотела крикнуть вслед Гее слова благодарности, или прощания, или еще что-нибудь, — но тут у нее возникло странное ощущение в затылке. Как тогда в подводном гроте, подумала она. Кто-то наблюдал за ней.

Знакомое чириканье за спиной заставило Кики вздрогнуть, но она тут же обернулась с радостным возгласом.

— Это ты! Как же я рада тебя видеть! — Кики подплыла к дельфину и погладила его гладкий бок.

— *Я скучал по тебе, принцесса.* — Дельфин ткнулся в нее носом.

— Я тоже по тебе скучала, — сообщила Кики. — Плавай со мной... мне хочется погрузиться в воду.

— *Разумеется, принцесса!*

Дельфин весело подтолкнул девушку и нырнул в глубину. Кики со смехом последовала за ним. К ее удивлению, под освещенной луной поверхностью воды не было темно. Прозрачная вода, казалось, улавливала лунный свет, и все вокруг было серебристым. Кики пришла в восторг, легко догнав дельфина, и наслаждалась силой своего тела, когда они вдвоем кружили среди камней, торчавших на отмели, а потом мчались к разноцветным глыбам кораллов, росших дальше, на глубине. Кики хотела бы плавать тут вечно. Чем глубже она забиралась, тем сильнее ей хотелось умчаться в шелковые воды океана и никогда не покидать их.

Сильная рука схватила ее за руку, вынудив остановиться. Кики резко развернулась, снова испугавшись и разгневавшись. Но это был Дилан, и он тревожно хмурился.

— *Богиня ведь говорила тебе, что ты должна держаться поближе к берегу.*

Слова прозвучали прямо в голове Кики.

Девушку пробрала дрожь. Как она могла забыть о Сарпедоне? Кики испуганно огляделась по сторонам.

— *Сарпедона сегодня здесь нет, но он постоянно ищет тебя, так что тебе следует быть поосторожнее, куда бы ты ни направлялась.*

— *Откуда ты обо всем знаешь?* — мысленно спросила Кики.

— *Вернемся к берегу, и я все тебе объясню.*

Дельфин втиснулся между ними, беспокойно щелкая и посвистывая. Кики увидела, как смягчилось лицо тритона, когда он нежно погладил голубовато-серый бок прекрасного существа.

— *Я теперь сам присмотрю за принцессой, преданный друг.*

Дельфин ткнулся носом в Кики — и исчез в глубине.

Дилан показал рукой в сторону берега, и девушка кивнула. Она последовала за тритоном, наблюдая, как отсветы лунных лучей играют огненно-оранжевыми и золотыми всплесками на его хвосте и тот как будто светится изнутри...

Они всплыли на поверхность возле одного из огромных камней, что выступали из воды вдоль всей отмели. Кики посмотрела на тритона. Сегодня его густые темные волосы были собраны на затылке. Он плыл рядом с ней, касаясь девушки плечом, его грудь приподнималась над водой. Луна освещала обнаженное тело, четко очерчивая выпуклые мускулы. Кики все еще немного смущалась собственной наготы и лишь радовалась тому, что волосы прикрывали грудь.

— Ладно, а теперь расскажи мне, откуда ты знаешь так много, — потребовала Кики, стараясь скрыть волнение за военной строгостью тона.

— Я плыл вслед за тобой.

— Это после того, как ты случайно оказался поблизости, чтобы спасти меня и вынести на берег? — Кики покачала головой. — Нет, это не объяснение. Ты был там, когда я тонула, и сейчас ты опять очутился рядом. Слишком много совпадений, я в это не верю.

— Я плыл за тобой от самого грота, — признался тритон, отворачиваясь от Кики; его лицо исказилось

болью. — Я не знал, что Сарпедон запер тебя в той пещере. Я просто понимал — что-то случилось, потому что весь день не мог тебя найти. И только когда ты сбежала из грота, я нашел тебя снова. И поплыл за тобой к бухте богини, и наблюдал, как ты изменилась. Потому-то я и знал, что надо будет помочь тебе, когда ты станешь тонуть.

— Так тебе известно, что я не настоящая Ундиная?

— Мне известно, что в теле Ундины живет теперь другая душа, — просто ответил тритон.

— Ты так легко говоришь об этом, будто все, что случилось, — совершенно обычные вещи. Ты, ясное дело, и раньше знал Ундину. И неужели все это тебя не удивило, или не расстроило, или не рассердило? Почему ты захотел помочь мне, если ты знал, что я — не она?

— Мы с Ундиной знаем друг друга с детства. Мы много времени провели вместе, — объяснил тритон, осторожно подбирая слова. — Но она не была счастлива здесь. Она стремилась к суше задолго до того, как Сарпедон ее возжелал.

— Ты любил ее? — спросила Кики, внезапно поняв, что означало выражение лица Дилана.

Дилан стиснул зубы, но кивнул.

— Да, но она не позволила бы себе полюбить морского жителя.

— Но она же сама русалка, то есть определенно жительница моря.

— Когда ты находилась на земле в последние дни, твое тело было человеческим, ведь так? — спросил Дилан.

— Ну да, конечно.

— Однако ты постоянно стремилась к воде?

Кики сразу вспомнила эту чудовищную, опустошающую боль.

— Да, постоянно...

Улыбка Дилана была печальной.

— Вот то же чувствовала и Ундиная. И я рад за нее. Ее желание наконец исполнилось, ее страсть удовлетворена.

— Так ты помогаешь мне из любви к ней? — Кики тут же устыдилась того, что почувствовала укол ревности.

— Вряд ли я смог бы чувствовать себя хорошо, если бы позволил тебе утонуть. — Дилан вдруг совсем по-мальчишески усмехнулся. — К тому же ты не знаешь, каково это — быть морским жителем.

Кики, неожиданно для самой себя, игриво хлопнула его по руке.

— А ты намерен мне все показать?

Тритон лихо вскинул брови.

— Именно так, моя принцесса.

Сердце Кики дрогнуло. Был ли в словах тритона скрытый смысл, или ей просто почудилось?

Кики решительно приказала себе не быть дурочкой. Он был добр к ней потому, что любил Ундину. Ну, все равно она может позволить себе насладиться его обществом... ей ведь действительно необходимо узнать побольше об этом мире. Она широко раскинула руки, как будто желая обнять весь океан.

— Отлично! Я хочу знать все!

— Все? — Он сложил руки на груди. Кики подумала, что если бы у него были ноги, он бы сейчас, наверное, слегка притопывал.

— Для начала все, что в этой бухте!

— Ну, это нетрудно. — Он протянул девушке руку, воодушевленный ее наивным энтузиазмом. — Идем со мной; я покажу тебе чудеса нашего мира.

Кики вложила пальцы в его ладонь. От этого прикосновения девушку словно пронзило током. Тритон мгновенно нырнул в глубину, увлекая ее за собой.

Рука об руку они поплыли вдоль отмели. Дилан, похоже, отлично знал, где играют самые необычные рыбы и где растут самые нарядные кораллы. Он показал девушке длинные оранжевые трубы, ярко-красные веера и пурпурные треугольники — и это, объяснил он, были всего лишь разные виды губок. Потом они встретили огромного крючконосого осьминога, безмятежно отдыхавшего на песчаном дне; Кики весело подумала, что осьминог похож на сварливого старика. Осьминог как будто услышал ее, обиделся и выпустил облако темных чернил. Русалка и тритон расхохотались. Веселые рыбки молчаливо проплывали мимо — они светились и казались бесплотными, как подводные ангелы. Огромные пузатые актинии очаровали девушку своим сиреневым цветом, и еще ее заинтересовали приятели актиний, пестрые рыбки-клоуны.

А Дилана очень интересовала эта новая Ундина. Да, конечно, поначалу он наблюдал за ней только потому, что она имела облик русалки, которую он знал и любил всю свою жизнь. Настоящая Ундина была прекрасным существом, добрым, но далеким от него. Да, они дружили, но она всегда жаждала быть кем-то другим, очутиться в каком-нибудь другом месте. А теперь Ундина оказалась совсем иной. Она просто искрилась энергией и любопытством. Она словно стре-

милась обнять океан целиком. Ее бесконечные вопросы звучали весело и ласково, и все это трогало тритона куда сильнее, чем он готов был признать.

Но ведь она была жительницей земли, напоминал себе Дилан. Она принадлежала суше; он принадлежал морю.

Дилан долго и терпеливо отвечал на бесчисленные вопросы, но вдруг отвлек ее от компании морских звезд и заставил всплыть на поверхность.

— Что... — начала было она, но посветлевшее перед рассветом небо сразу объяснило ей все. — Ох! А я и не думала, что так много времени прошло.

— Вот-вот рассветет, — сказал Дилан. Его лицо как будто застыло. — Ты должна вернуться на сушу.

Девушка кивнула, прикусив губу.

— Ты просто идеальный учитель. Спасибо.

Короткая улыбка Дилана согрела ее.

— Мы в океане говорим, что учитель может быть хорош лишь настолько, насколько хорош ученик.

— Ну надо же, еще одно совпадение! — усмехнулась Кики. — Мы на земле говорим точно так же!

Смех Дилана, низкий и мелодичный, разнесся над водой. Они все еще держались за руки, и Кики ладонью свободной руки хлопнула по воде, обрызгав тритона.

— Не слишком-то достойно учителя смеяться над ученицей!

Дилан попытался сделать серьезное лицо, но его глаза сияли, когда он склонил голову перед русалкой, как бы поддразнивая ее.

— Прости меня, моя принцесса. Для меня честь — быть твоим наставником.

Дилан собрался было легко и галантно поцеловать ее руку, но когда его губы коснулись кожи Кики, все веселые мысли вылетели у него из головы. Он судорожно вздохнул — ее кожа была нестерпимо мягкой, ее нежный аромат вскружил ему голову, и Дилан, не владея собой, перевернул ладонь Кики и прижался губами к ее запястью. Почувствовав, что она дрожит, он медленно поднял голову, боясь увидеть презрение в глазах Ундины. Но в ее взгляде он прочел страсть, а не отвращение. Тритон слишком хорошо знал, что не должен касаться принцессы, не должен позволять себе любить ее, но удержаться он не мог. Она смотрела на него так, что сердце тритона едва не разорвалось от счастья.

— Когда ты прикасаешься ко мне, — тихо сказала Кики, — я вся дрожу.

Все еще не отпуская ее руку, Дилан придвинулся чуть ближе, и теперь их тела почти соприкасались.

— Это потому, что я тебя пугаю? — спросил он. Может быть, он неправильно понял выражение ее глаз?.. Сердце тритона замерло в ожидании ответа.

— Нет, — ответила она чуть слышно, как будто не дыша.

Очень медленно она подняла руку и коснулась его щеки. Ее пальцы скользнули по его шее, по плечу и замерли на груди. Тритон всем телом вздрогнул от ее ласки.

— Это потому, что я пугаю тебя? — шепотом повторила она его вопрос.

— Нет, — быстро ответил он. А потом посмотрел ей прямо в глаза. — Как тебя зовут?

Вопрос удивил Кики, и, не понимая, что имел в виду Дилан, она молчала.

— Я хочу знать твое настоящее имя, — пояснил он. — Мне не хочется, чтобы ты думала, будто я забочусь о тебе только потому, что желаю быть с Ундиной.

Кики почувствовала, как ее щеки заливают краска. Она ведь об этом и не думала; она вообще ни о чем не думала, когда Дилан касался ее.

— Мое настоящее имя — Кристина Канади, но почти все называют меня просто по инициалам, Кики.

Он вопросительно поднял брови.

— Почти? А кто называет тебя иначе?

— Мои родители.

— Тогда я попрошу и мне даровать такую привилегию. Могу я звать тебя Кристиной?

— Да... — Кики подумала, что собственное имя никогда еще не казалось ей таким прекрасным.

— Кристина, когда ты вернешься в воду? — И снова Дилан попытался сделать равнодушное лицо, но Кики слышала страсть в его голосе.

— Я должна возвращаться каждую третью ночь. — Кики чувствовала, как под ее ладонью, все еще лежавшей на груди тритона, тяжело бьется его сердце. — Ты будешь здесь?

Он нежно погладил ее руку большим пальцем, точно так же, как в день их первой встречи.

— Я буду здесь каждую третью ночь, пока не кончится само время.

От этих слов сердце девушки куда-то провалилось, и пронеслась мысль, что ей совсем не хочется уходить от Дилана, но выбора нет. В воде ей грозила опасность. Дилан сказал, что Сарпедон продолжает ее искать... и когда он ее отыщет, лишь вопрос времени. Сможет ли Дилан ее защитить? Кики вспомнила, как огромен

Сарпедон, какой бешеной силой он обладает. Она не станет подвергать Дилана опасности.

— Мне пора снова измениться, — сказала она вслух. И как только она произнесла эти слова, в талии началось знакомое покалывание. Волна жара пронеслась по телу, а мгновением позже она уже беспомощно колотила по воде ногами и цеплялась за Дилана, чтобы не уйти на дно.

— Извини, — сказала она. — Я и не знала, что так легко сменить тело.

Его сильные руки обвились вокруг ее талии, он держал ее крепко, надежно.

Однако улыбка тритона была печальной.

— Я понимаю. Тебе пора уходить.

Но ни один из них даже не шевельнулся.

— Мне хочется, чтобы ты меня поцеловал, — быстро сказала Кики, не позволив себе задуматься.

Он со стоном наклонил голову — и их губы соприкоснулись, сначала осторожно... Кики вздрогнула всем телом.

И Дилан спросил в последний раз:

— Не от страха?

Вместо ответа Кики крепко поцеловала его в губы. Закинув руки ему на шею, она прижалась к тритону, раскрываясь навстречу его поцелую. Его руки сначала гладили ее спину, потом соскользнули ниже, потом снова поднялись вверх, и пальцы Дилана начали ласкать грудь девушки. Кики как будто полностью погрузилась в вольный, соленый привкус губ тритона. Ее тело горело огнем, его губы захватили ее...

Звон колокола, призывавшего монахов на раннюю мессу, разбил вдребезги их волшебный мир. Дилан ото-

рвался от Кики и на миг прижался лбом к ее лбу, восстанавливая дыхание.

— Я донесу тебя до берега.

Он откинулся назад и прижал девушку к груди, чтобы ей было удобнее. И, сильно взмахивая хвостом, поплыл спиной вперед, крепко держа Кики. Когда они выбрались на мелководье, Дилан отпустил ее.

— Мне хочется еще раз поцеловать тебя, — сказал он. — Но боюсь, что если я сделаю это, то уже не смогу отпустить тебя.

Кики подавила готовый вырваться горестный крик и лишь кивнула, не в силах говорить. Она вышла из воды, туда, где лежали ее смятая рубаха и башмаки, боясь оглянуться. Она не хотела видеть, как тритон исчезнет в волнах. Кики оделась и направилась к тропинке.

— Кристина... — прозвучал над волнами голос Дилана.

Она обернулась. Тритон был на том самом месте, где они расстались.

— Помни, что я буду здесь, — твердо сказал он. — Вечно, Кристина. Я буду ждать тебя до скончания веков.

Она снова кивнула и начала карабкаться по крутому склону утеса. Но теперь не темнота мешала ей рассмотреть тропу, а слезы.

Дилан провожал ее, не отводя глаз от девушки до тех пор, пока она не превратилась в смутное светлое пятно, поднимавшееся все выше и выше. Его сердце сжалось от боли, когда девушка окончательно исчезла. Но что же он с собой делает? Почему с ним произошло такое? Он провел рукой по волосам. Неужели он,

Ф. К. Каст

как и его мать, будет вечно стремиться к недостижимой любви?

Он все еще чувствовал нежные губы, прижимавшиеся к его губам. Тритон стиснул зубы. Он желал ее, и не потому, что она обладала телом Ундины. Он хотел именно Кристину, нежную и веселую, полную жизни.

Он думал о ее невинной доверчивости, о том, как она уютно сидела в его руках, о том, как страстно отозвалась на его прикосновение. И сердце Дилана само сделало выбор. Даже если он сможет видеться с ней только каждую третью ночь, пусть будет так. Он будет любить ее и, возможно, на этот раз сумеет разорвать круг и встретит ответную любовь.

Глава двенадцатая

Кики проснулась с мыслями о Дилане. Непрерывная внутренняя боль, напоминавшая, что ее человеческое тело — лишь позаимствованная на время оболочка, и желание снова увидеть Дилана перемешались настолько, что девушка уже и сама не могла понять, где начинается одно и заканчивается другое. Выдержать сегодняшнюю ночь, потом еще завтрашнюю — и она сможет снова уплыть в море и увидеть тритона. Кики вздохнула и коснулась пальцем губ. Они стали такими чувствительными...

Он снился ей прежде. Каким-то образом в другом мире, в другом времени, он позвал ее, и теперь она не хотела ничего, кроме как вернуться в океан и ответить на его зов.

Два удара в дверь заставили ее подпрыгнуть. Она откашлялась.

— Да, я проснулась!

Изабель, прихрамывая, быстро вошла в комнату. Кики уже начинала думать, что эта женщина вообще никогда не ходит медленно.

— С добрым утром, принцесса, — сказала Изабель хрипловатым голосом, заменяя кувшин с водой на новый. — Сэр Андрас просит тебя позавтракать с ним. Похоже, он задумал что-то особенное.

— Что-то особенное? — Кики села и отвела волосы за спину.

— Да, моя леди. А теперь позволь, я помогу тебе надеть платье. — Изабель покачала головой и издала кудахтающий звук, что, видимо, означало нечто вроде мягкого укора, потому что она заметила, что именно надето на Кики... точнее, чего на ней не надето. — Не подобает тебе спать в одной только легкой сорочке.

— Почему? — не удержалась от вопроса Кики, ступая в круг мягких шелковых юбок, составлявших ее наряд. — Та рубаха, что ты мне дала, очень жесткая, царапается, и в ней жарко. А увидеть меня может только один человек — это ты.

Изабель, разбираясь в шнуровках, заговорила тоном школьной учительницы:

— Это как раз и правильно, потому что грубая ткань напоминает нам о наших неизбывных грехах, так что мы всегда должны думать о том, что нуждаемся в отпущении этих грехов. А если мы окружаем себя роскошью, это вводит нас в искушения, присущие телесному миру.

Девушке внезапно стало очень жаль старую служанку. Неужели эта женщина всю жизнь отвергала красоту из страха перед проклятием? Кики постаралась спросить как можно беспечнее:

— И кого же мы должны просить об отпущении?

— Нашего доброго настоятеля, конечно. — Изабель как будто даже удивилась, что кто-то мог задать подобный вопрос.

— Изабель, а что, если красота, окружающая нас, есть напоминание о множестве даров, которые мы получили, и о том, что мы должны благодарить за них? — Кики говорила медленно, как будто сама сомневалась в собственных словах.

Изабель как-то странно фыркнула, но когда Кики обернулась и посмотрела ей в глаза, то увидела, что старуха изучает ее с неприкрытым удивлением.

— Ну, я просто подумала так, — сказала Кики, пожимая плечами и одаря Изабель ослепительной улыбкой, пока старая служанка надевала на нее украшения, подаренные богиней.

Изабель старательно отводила взгляд от их сияющей красоты. Кики могла лишь догадываться, что стало бы со старухой, узнай та о происхождении украшений.

— Сэр Андрас ждет тебя в обеденном зале. Я провожу тебя туда через минуту, — сказала Изабель, начиная застилать постель.

— Не стоит... я помню дорогу. А ты можешь заняться своими делами, Изабель. Наверняка их у тебя множество. Спасибо, что помогла одеться.

Не обратив внимания на сердитый взгляд старой женщины, Кики бодро улыбнулась и быстро вышла из комнаты. Находиться рядом с Изабель было все равно что оказаться под присмотром строгой и скупной классной дамы. Похоже, старухе не нравилось выпускать девушку из виду. Кики вздохнула. Чему тут удивляться? Она выглядела роскошно, а Изабель слишком сильно верила, что красота и роскошь опасны и греховны.

— Должно быть, в ее глазах я воплощаю все, что ее научили считать плохим, — пробормотала Кики себе под нос.

Она вдруг поняла, что ее всерьез беспокоит, как относится к ней Изабель. Обычно Кики нравилась людям... большинству людей. Конечно, у нее не было роскошного тела Ундины, вызывавшего страсть, но прежде Кики легко находила друзей. И она ведь осталась все тем же человеком; просто ее тело изменилось. Кики мысленно дала себе обещание на следующее утро встать пораньше и самой прибрать постель. Надо показать Изабель, что на самом деле она вовсе не избалованная и капризная принцесса. Каким бы невероятным и сексуальным ни было теперь ее тело, Кристина Канади завоеует дружбу старой служанки.

Коридор как-то внезапно закончился, Кики очутилась во дворе. Солнечный свет показался таким ярким после полутьмы внутренних помещений, что Кики пришлось прикрыть глаза ладонью от этого сияния. Припугившись, она пошла через ухоженную лужайку к двери обеденного зала. Какое-то движение возле колодца привлекло ее внимание, и Кики пронзил страх. Над колодцем маячила тень, хорошо заметная на фоне залитого солнцем двора. Тень имела очертания мужского торса, хотя и бесплотного. Кики отчетливо видела сквозь него дальний конец двора. Тень стояла спиной к Кики, но в массивных плечах и волне призрачных густых волос было нечто ужасающе знакомое... волосы плавали в воздухе, как под водой...

Пока девушка рассматривала тень, та медленно повернулась — и Кики встретила пылающий взгляд Сарпедона. Морской житель увидел девушку, и на его лице появилась торжествующая улыбка. Кики не смогла удержать крик.

Из столовой во двор выбежал Андрас, а следом — аббат Уильям. Когда мужчины выскочили из арочно-

го дверного проема, призрак Сарпедона заколебался и исчез в глубине колодца.

Сэр Андрас поспешил к Кики.

— Ундина! Что случилось? Ты заболела?

— Я... я что-то видела... — Она показала на колодец. — Там, над колодцем.

Мужчины разом повернулись и всмотрелись в напугавшее девушку сооружение. Аббат Уильям даже подошел к нему. Кики съежилась, когда настоятель наклонился над колодцем и заглянул в него.

— Тут ничего нет, — сообщил он через плечо.

— Идем. — Сильной рукой сэр Андрас обхватил девушку за талию. — Позволь мне помочь тебе дойти до столовой, скрыться от солнцепека.

Аббат Уильям еще раз заглянул в колодец и последовал за ними.

— Принесите принцессе вина, — приказал сэр Андрас одному из слуг, помогая Кики сесть на скамью.

Слуга быстро вернулся с кубком. Руки у Кики так сильно дрожали, что она даже немного расплескала вино. Сделав большой глоток, она постаралась успокоиться, гадая, что можно рассказать этим двум мужчинам... и можно ли им рассказывать что-то вообще?

— Что именно ты видела? — спросил настоятель. Он рассматривал девушку со странным выражением, как будто его что-то развеселило.

Кики почуяла неладное. Настоятеля, похоже, обрадовал ее испуг?..

— Я не уверена, — медленно выговорила она. — Я только что вышла во двор и посмотрела на колодец.. И там что-то было, плавало прямо над ним. Какая-то темная фигура вроде тени, но похоже было, что это тень мужчины.

— А не могло это быть просто тенью причудливого облака? — предположил сэр Андрас. — День ясный, ты только что вышла на солнце... Твои глаза могли ошибиться.

Кики даже рассмеялась от облегчения, обрадовавшись тому, что рыцарь подсказал ей вполне приемлемый ответ.

— Похоже, ты прав, Андрас. Я просто по-глупому испугалась. Наверное, от страха и излишка воображения мне показалось, что я действительно что-то там вижу.

— Разумеется, — кивнул сэр Андрас и неловко погладил ее по плечу.

Кики чувствовала пристальный взгляд священника; однако настоятель хранил молчание.

— А я задумал удивить тебя, принцесса, — сказал сэр Андрас. — Ты так наслаждалась пейзажем прошлым вечером, что я велел уложить для нас завтрак в корзину. Я подумал, мы могли бы поесть где-нибудь на берегу, у океана, который так тебе нравится. Но возможно, сейчас для этого не самое подходящее время?

— Нет! — поспешно заверила его Кики. — Я уже чувствую себя гораздо лучше. Очень глупо было испугаться какой-то маленькой тени. Свежий воздух и красивый вид — это звучит прекрасно! — Одна только мысль о том, что она снова очутится поблизости от воды, заставило сердце Кики биться быстрее... и если Сарпедон сейчас где-то рядом, она наверняка будет в большей безопасности вне замкнутых монастырских стен, рядом с зелеными владениями великой богини.

— Ну, если ты уверена... — Лицо Андраса посветлело при мысли о предстоящей прогулке. — Я постараюсь, чтобы ты не слишком устала.

Он велел слуге принести заранее приготовленную корзину, но, прежде чем они покинули обеденную комнату, аббат Уильям заговорил со сдержанной резкостью:

— Принцесса Ундина, пока ты не ушла, я должен задать тебе вопрос об интересных орнаментах, украшающих твой наряд. Знаешь ли ты, каков смысл всех этих символов?

Кики посмотрела на свое сказочно прекрасное платье. Оно было сшито из нескольких слоев ткани, спадавших таинственными волнами шелка и кисеи. Кики улыбнулась при виде знакомых оттенков, повторявших цвета ее русалочьего хвоста. Верхняя юбка была покрыта серебряной вышивкой. Кики до сих пор не обращала на нее внимания. Это был повторяющийся рисунок из птиц и цветов. Но теперь, присмотревшись, Кики заметила среди изображений земных существ и символов Геи еще и маленьких дельфинов и морских звезд. Она осторожно провела пальцами по длинному серебристому рукаву.

— Нет, я не знаю, что они означают. Мне кажется, они просто прекрасны.

— Не будем забывать, что за красотой может скрываться многое, — с намеком произнес священник.

Кики одарила его сияющей улыбкой.

— Ну, не хочешь ли ты сказать, что под моим платьем можно спрятать больше, чем под твоей рясой? — Кики рассмеялась и показала на просторную юбку настоятеля. — Думаю, под ней может и небольшой человек укрыться!

— Ундина! — Голос сэра Андраса прозвучал чрезвычайно резко, такого Ундина еще не слышала. — Не подобает говорить такое настоятелю Уильяму!

Кики удержала на лице улыбку, но, взглянув на сэра Андраса, слегка растерялась. Она просто на мгновение забыла, где именно находится, а ведь это уж точно была не Америка двадцать первого века. В средневековой Европе женщинам не позволялось шутить с надутыми от важности аббатами, за это их вполне могли сжечь, или сунуть в кипяток, или... Кики прикусила губу.

— Ох, Андрас, ты прав. Полагаю, я просто слегка переволновалась из-за того, что мне почудилось во дворе. — Она повернулась и вежливо улыбнулась настоятелю. — Прости меня, аббат Уильям. Я совсем не хотела нанести тебе оскорбление.

Аббат Уильям небрежно взмахнул рукой.

— Незачем извиняться, принцесса. Я понимаю, что молодые женщины иной раз говорят нечто двусмысленное, хотя сами этого не осознают.

Глаза Кики расширились от откровенной грубости настоятеля, но девушка продолжала улыбаться.

— Это очень интересное наблюдение, тем более что я замечала: мужчины иногда видят скрытый смысл в таких словах женщин, за которыми совершенно ничего не кроется. Думаю, именно поэтому и возникают недоразумения между мужчинами и женщинами. Обещаю быть осторожной, чтобы между нами не возникло непонимания. — Она снова повернулась к сэру Андрасу и взяла его под руку. — Ты готов? Из-за всех этих переживаний я ужасно проголодалась.

Сэр Андрас улыбнулся и похлопал ее по руке. Он уже снова выглядел как хороший парень и верный друг.

— Конечно, Ундина. — Он почтительно наклонил голову, обращаясь к аббату Уильяму. — Буду с нетерпением ждать нашей вечерней партии в шахматы, отец.

— Я тоже, сын мой, — кивнул священник. И добавил, как будто только что вспомнив: — Кстати, о символах на твоём платье, принцесса Ундина. Они мне напомнили о рунах, которые я видел в капищах язычников. — Он сухо кашлянул, и Кики предположила, что это, видимо, заменяло ему смех. — Но, как ты и сказала, ты вряд ли можешь что-то об этом знать.

— Это верно, — абсолютно честно ответила Кики. — Я ничего не знаю о рунах в языческих капищах.

— Тогда ты, конечно, будешь не против присутствовать вместе с нами на вечерней службе в церкви? — Глаза настоятеля пылали, он пристально следил за реакцией девушки.

— Я уверен, принцесса будет счастлива посетить вечернюю мессу, — быстро сказал сэр Андрас.

Кики пришлось крепко стиснуть зубы, чтобы не сообщить рыцарю: она вполне способна отвечать самостоятельно. Она спокойно посмотрела в глаза священника.

— Это было бы просто чудесно. Спасибо, что пригласили меня.

— Буду рад увидеть тебя там, — сказала аббат Уильям.

Глава тринадцатая

Сэр Андрас не повернул к тропе, по которой они с Кики шли накануне вечером; вместо этого он зашагал по дороге. Дорога круто спускалась вниз, потом делала резкий поворот направо, а уж потом устремлялась к морю. По пути он рассказывал девушке об истории острова, о том, что больше четырехсот лет назад здесь уже стоял монастырь. Кики с трудом заставляла себя слушать спутника. Ее внимание все сильнее захватывало море, оно звало к себе... Кики старалась казаться внимательной, когда рыцарь объяснял, что он так хорошо знаком с аббатом Уильямом потому, что вот эти земли много веков принадлежали семье его матери. Когда его мать вышла замуж за его отца, земли перешли к лорду Кайру Лайону, и, естественно, главный священник владений его отца управлял монастырем Калди.

— А, так вот почему вы с настоятелем так хорошо знаете друг друга! — сказала Кики, изображая интерес к рассказу.

— Да, аббат Уильям учил меня читать и писать. Он выдающийся учитель, его желание наставлять никогда не ослабевает, — ответил сэр Андрас, не скрывая гордости за своего учителя.

Кики отлично помнила, как аббат Уильям смотрел на Андраса, и подумала, что вряд ли настоятель стал бы таким хорошим учителем для молодого рыцаря, если бы сэр Андрас не был так богат и хорош собой.

— Это просто замечательно, что у тебя был такой знающий наставник, — сказала она вслух.

Сэр Андрас улыбнулся ей. Кики невольно улыбнулась в ответ. Рыцарь был просто очарователен в своей наивности.

Когда они спустились с горы, дорога рассыпалась на несколько узких тропинок. Сэр Андрас повернул на ту, что вела через густую рощу высоких душистых сосен и сбегала к чистейшему песку аккуратного маленького пляжа.

Океан этим утром был таким синим, что дух захватывало, и Кики затрепетала от этой красоты. Ей захотелось сорвать одежду и нырнуть в пенистые волны.

— Тебе здесь нравится? — самодовольно спросил сэр Андрас. — Я выбрал это место для тебя.

Кики оторвала взгляд от чарующих волн и натянуто улыбнулась, пытаясь скрыть внезапно вспыхнувшую неприязнь к рыцарю. Что он мог знать об океане и о ней самой?..

— Я надеялся доставить тебе удовольствие.

Заметив сомнения девушки, сэр Андрас слегка растерял самоуверенность и снова стал просто мужчиной, которому очень хотелось произвести впечатление на женщину. Кики вздохнула. Загвоздка была не в том,

что рыцарь что-то делал не так, поняла наконец она. Просто он не был Диланом.

— Это прекрасно,— сказала она, и ее улыбка стала теплее.— Я люблю океан. Я себя чувствую дома, когда нахожусь рядом с ним.

Рыцарь удивленно посмотрел на нее и сказал:

— Мне это кажется странным, Ундина. Я бы скорее решил, что после недавних событий ты должна бояться океана.

— Но я его не боюсь... ну, больше не боюсь.— Вода притягивала ее взгляд, лицо девушки стало мечтательным. Она гадала, где сейчас может быть Дилан. Он сказал, что постоянно будет поблизости, пока она здесь... Вообще-то он сказал, что будет ждать ее вечно. Но это ведь не значит, что он день и ночь должен проводить у берега; он не ожидает, что она вернется в воду раньше третьей ночи. Но может быть, он все-таки неподалеку, наблюдает за ней? Кики вздрогнула при мысли о том, что Дилан может быть рядом.

— Ну вот, я же говорил тебе, что ты должна бояться,— сказал сэр Андрас, разворачивая извлеченное из корзины одеяло. Потом он начал доставать припасы, но ненадолго остановился и внимательно посмотрел на девушку.— Ты ведь дрожишь!

Он наклонился над корзиной, и взгляду Кики предстал его безупречно очерченный зад. И девушку вдруг охватило отчаянное желание дать хорошего пинка по этим идеальным ягодицам, чтобы посмотреть, как рыцарь воткнется в песок своей идеальной физиономией, а потом сказать, что там, откуда она родом, женщины не нуждаются в том, чтобы за них думали мужчины.

— Я дрожу просто потому, что вид океана и недавние грустные события напомнили мне о хрупкости

человеческой жизни... ведь неважно, какими сильными или какими мудрыми считают себя люди, могучий океан все равно всегда будет сильнее, чем они.

Сэр Андрас бросил на нее косой оценивающий взгляд, как будто вдруг обнаружил, что девушка оказалась куда умнее, чем он предполагал, но взгляд этот был мимолетным, и рыцарь продолжил распаковывать корзину.

Кики наблюдала, как сэр Андрас раскладывает поздний завтрак. Она понимала, что рыцарь не в силах изменить свое отношение к женщинам, вполне архаичное,— в конце концов, он ведь действительно был человеком прошлого. И притом он вовсе не был плохим человеком, на самом деле он был даже очаровательным. И не его вина, что со своими древними идеалами он пытается ухаживать за женщиной из другого времени. Он вытащил ее из воды, напомнил себе девушка, и он поклялся защищать ее. Этого достаточно, чтобы обходиться с ним любезно. Кики посмотрела на красивый профиль рыцаря. Может быть, они смогут стать друзьями?

Она уселась на край одеяла. Выбрав сваренное вкрутую яйцо и жареную ножку какой-то птицы, она с искренним удовольствием принялась за еду. Вообще-то, думала Кики, она ведь почти не спала в эту ночь, и ей бы следовало чувствовать себя утомленной, но вместо усталости ее наполняла бодрость, как будто она накануне целый день провела в спортзале, а потом отлично выспалась; ее тело требовало еды. Она покончила с яйцом и птичьей ножкой и взяла толстый кусок острого желтого сыра.

— Необыкновенно вкусно! — сообщила она с набитым ртом.

— Похоже, тебе нравится. Мне редко приходилось видеть леди, которые ели бы с таким аппетитом. — По тону рыцаря было совершенно ясно, что дамам не следует есть с *таким аппетитом* или, во всяком случае, не следует делать этого в присутствии джентльменов. Да он точь-в-точь как жители нашего старого Юга, весело подумала Кики, едва не хихикнув вслух.

— Ну, там, откуда я родом, леди любят поесть, — сказала она, подумав при этом, что иногда они даже могут слопать полную коробку жареной курятины... особенно в день рождения и выпив слишком много шампанского.

— Ундина, так ты начинаешь вспоминать что-то о своей родине? — тут же с любопытством спросил сэр Андрас.

Упс... Кики быстро откусила еще мяса, заставив рыцаря подождать, пока она все прожует и придумает подходящий ответ.

— Я иногда вспоминаю какие-то мелочи, просто по ходу разговора... а потом сама удивляюсь и думаю: «Откуда мне это известно?» Ведь больше-то я ничего вспомнить не могу! — Кики пожала плечами. — Вот, например, Изабель хотела зачесать мне волосы назад, а я вдруг сказала, что не надо этого делать, потому что девицы в моей стране носят волосы распущенными. Но я вспомнила только то, что горничные никогда не завязывали мои волосы, и ничего больше. — Кики задумчиво продолжила жевать, надеясь, что рыцарь удовлетворится ее неопределенным ответом.

Сэр Андрас протянул руку через разделявшее их пространство и, поймав ее блестящий локон, намотал на палец.

— Мне приятно, что ты вспомнила этот обычай твоего народа. Мне бы не хотелось, чтобы твои волосы были спрятаны.

Кики наконец осознала, что ей незачем беспокоиться из-за многочисленных вопросов рыцаря. Отличие от настоятеля Уильяма, сэр Андрас вовсе не был склонен к расследованию; его интересовало совсем другое. Кики осторожно стянула локон с его пальца и рассмеялась, надеясь, что этот взрыв хохота сойдет за девичью стеснительность.

— Ведь правда же, воспоминания — странная штука? — Она хлопнула в ладоши, потом оглядела все, стоявшее на одеяле. — А ты прихватил какое-нибудь питье? Мне после еды всегда ужасно хочется пить.

— Разумеется! Я прихватил бурдюк с вином, и мы его выпьем. — Сэр Андрас откупорил странную штучковину, похожую на кожаную сумку, и передал ее девушке. При этом рыцарь задержал пальцы на ее руке на мгновение дольше, чем было необходимо.

Кики подавила желание стряхнуть эти пальцы, как назойливого комара. Вежливость и еще раз вежливость, решительно напомнила она себе. Обращайся с ним как со старшим офицером, который слегка перебрал.

— Спасибо, — сказала она, улыбаясь с набитым ртом.

Недовольная гримаса рыцаря была ответом на ее недамское поведение, и Кики восприняла это как наград за нарушение правил хорошего тона. Она почувствовала, как отпускает напряжение, когда рыцарь отодвинулся подальше. А вот вино оказалось сладким и вкусным, приятное тепло сразу загорелось в желудке.

Они некоторое время ели молча, и Кики воспользовалась возможностью сосредоточиться на океане. Она была вынуждена признать, что сэр Андрас действительно выбрал отличное место. Этот участок берега был куда более ровным, чем каменистые склоны под монастырскими стенами. Волны здесь тоже были увенчаны белыми барашками, но они лениво набегали на песок, а не бросались с разбега на камни. И здесь, похоже, было совсем мелко. Вода, окружавшая пляж, отсвечивала бирюзой, а не сапфировой синевой больших глубин. Тут и там торчали небольшие коралловые рифы. Полные губы Кики чуть изогнулись при воспоминании... Прошлой ночью Дилан познакомил ее со множеством разноцветных рыбок, живших среди кораллов...

— Ты удивительно прекрасна, когда вот так улыбаешься. — Голос сэра Андраса ворвался в ее мысли. — О чем ты думаешь?

— Я думала о тех существах, что живут в море, и об их красоте, — ответила Кики.

Внезапно рыцарь потянулся к ней и схватил за руку, временно не занятую никакой едой. Кики отшатнулась, изумленная, но сэр Андрас держал ее крепко.

— Ни одна из морских тварей и мечтать не может о том, чтобы сравниться в красоте с тобой, — пылко воскликнул рыцарь. Он поднес руку девушки к губам и страстно поцеловал, оставив на коже влажное пятно.

Кики вся сжалась, боясь снова увидеть в правильных чертах молодого рыцаря ужасающую похоть, которая искажила его лицо, когда он впервые коснулся губами ее руки. И облегченно перевела дыхание, обнаружив в глазах сэра Андраса лишь горячее, неприкрытое восхищение. К несчастью для рыцаря, сама

она ничегошеньки не ощутила в ответ, кроме разве что смущения и неловкости. И только легкое чувство вины заставило Кики осторожно погладить рыцаря по щеке.

— Андрас, — осторожно заговорила Кики, — я не думаю, что тебе следует...

Ее перебило громкое чириканье, и удивленный сэр Андрас выпустил руку девушки. Кики повернулась к воде — и тут же с радостным смехом вскочила на ноги. Подобрал юбки, она побежала к кромке воды.

— Привет, славный малыш! — закричала она дельфину, который продолжал чирикать, весело подпрыгивая над волнами. — Правда, сегодня отличный денек? — Кики снова засмеялась и, не думая о том, что делает, закружилась, наслаждаясь ощущением того, как легкие юбки вздымаются над ее ногами.

Удар камня о живую плоть прозвучал громко и резко, оборвав радостный смех Кики. Пронзительный крик дельфина разрезал воздух, животное тут же скрылось под водой. Девушка стремительно обернулась и увидела, что сэр Андрас взвешивает на ладони второй камень.

— Что ты делаешь? — В командном окрике Кики прорезался весь ее семилетний опыт службы в военно-воздушном флоте.

Сэр Андрас удивленно моргнул.

— Но это дикая тварь; она могла повредить тебе.

— Разве ты не знаешь, что «дикий» и «злой» — не синонимы? — Кики заставила себя говорить более спокойным тоном. Рыцарь ведь просто испугался за нее. — Дельфин не собирался причинить мне зла. Это всего лишь прекрасное существо, которое наслаждается свободой.

— Аббат Уильям сейчас напомнил бы нам, что многие вещи на деле не так невинны, как выглядят, Унди-на, и что чрезмерной красоты следует опасаться, потому что за ней могут скрываться похотливые намерения, — возразил рыцарь.

Кики ушам своим не поверила. Похотливые намерения? У дельфина? Она глубоко вздохнула и сосчитала до десяти, прежде чем заговорить снова.

— Андрас, я высоко ценю помощь, которую вы с настоятелем мне оказали, и мне не хочется проявлять неуважение, но... ты никогда не задумывался, что некоторые люди обретаю власть, постоянно убеждая других, что им следует бояться всего на свете? — спросила она.

— Настоятель Уильям получил свою силу от Бога! — сообщил сэр Андрас, как будто повторяя урок, заученный в воскресной школе.

— Я и не утверждаю, что это не так; я просто говорю, что если ты видишь что-то красивое, или необычное, или даже дикое, то это не значит, что все оно опасно или греховно, — сказала Кики, стараясь заглянуть в глаза рыцарю.

Но сэр Андрас быстро отвернулся.

— А я думаю, что ты уже утомилась и нам пора возвращаться, — твердо сказал он. И тут же начал собирать в корзину все, что оставалось на одеяле.

— Наверное, ты прав. Можно и вернуться, — кивнула Кики.

Она смотрела на воду, стоя неподвижно, как статуя, не обращая внимания на то, с каким шумом рыцарь запихивал все в корзину. Она чувствовала себя потерявшейся и одинокой. Все ее существо стремилось броситься в волны. И тут... на мгновение ей по-

казалось, что она заметила вспышку оранжевого золота прямо под поверхностью прозрачной воды, и ей пришлось крепко зажмурить глаза. Действительно ли она видела его, или ей просто хочется, чтобы это было так? И сможет ли она справиться со своим стремлением к нему? И что будет с ними обоими?..

Не открывая глаз, она сосредоточилась и мысленно послала в океан три слова. *«Мне так жаль»*, — отчаянно думала она. Она и сама толком не знала, к кому обращена ее мысль — к дельфину или к Дилану.

Когда же она устало приняла предложенную сэром Андрасом руку и потащила прочь от воды, в ее уме билось только одно. Она должна поговорить с Геей.

Глава четырнадцатая

— Могу я проводить тебя до комнаты? Ты еще успеешь немного отдохнуть перед вечерней мессой и ужином.

Сэр Андрас повернулся к девушке, когда они уже вошли во двор монастыря. На обратном пути они не разговаривали, и напряжение, слышавшееся в голосе рыцаря, было под стать напряжению, сковавшему его тело. Кики понимала, что ее поведение должно было озадачить сэра Андраса, и ей было жаль, что между ними возник заметный холодок, но у нее так ужасно болела голова... Она устала от того, что в присутствии сэра Андраса ей постоянно приходилось следить за словами и жестами, но ей совсем не хотелось и оказаться запертой в своей маленькой комнатке.

— Нет, я думаю, мне лучше осмотреть монастырь. — Сэр Андрас открыл было рот, и Кики поспешила продолжить, пока он не предложил сопровождать ее. — И я думаю, мне необходимо побыть одной... э-э... и немного сосредоточиться и помолиться перед

Багния моря

вечерней службой. — Кики наивно хлопнула глазами, глядя на рыцаря.

— Разумеется. Я бы не хотел помешать тебе, если ты нуждаешься в молитве. — Голос рыцаря звучал ровно, однако взгляд стал жестким. Он неожиданно напомнил девушке аббата Уильяма.

— Я как будто бы видела еще один двор и что-то вроде сада позади обеденной комнаты? — спросила Кики.

— Да, верно. Туда можно выйти через холл в противоположной части монастыря. Или прямо через обеденный зал. И поскольку я должен отнести эту корзину обратно на кухню, я сам провожу тебя до того выхода. — Рыцарь улыбнулся, довольный, что девушке не удалось мгновенно сбежать от него.

Кики постаралась не вздохнуть, принимая предложенную руку. Она знала, что у рыцаря наилучшие намерения. Но у нее стучало в висках, голова болела... Ей действительно необходимо было остаться одной. Когда они проходили мимо колодца, Кики старательно спряталась за сэра Андраса, но ничего необычного не произошло. Кики осторожно покосилась на каменное сооружение. Колодец выглядел совершенно невинно. Может быть, ей просто почудилась тогда тень Сарпедона?

В обеденной комнате никого не было, и сэр Андрас быстро прошел через нее, ведя девушку в тускло освещенный коридор. В дальнем конце этого коридора очередная арочная дверь выходила на просторный двор. Сэр Андрас показал на выход:

— Там дальше — сады и пруд. А в самом дальнем конце — церковь. — Взгляд рыцаря пылал огнем, когда он взял руку девушки и крепко прижал к губам. — Бу-

ду с нетерпением ждать вечерней мессы; я сам провожу тебя туда.

Кики отобрала руку.

— Спасибо за прогулку и чудесный завтрак на берегу. А теперь я намерена углубиться в молитву, — напомнила она рыцарю на тот случай, если он задумал все же не отпускать ее. И тут же поспешила уйти.

Кики добралась до сада и быстро огляделась, но, кроме нее, в саду никого не было. Не осознавая, что делает, она сильно потеряла руку в том месте, где ее касались губы сэра Андруса. Ей необходимо было поговорить с Геей. Может быть, сегодня ночью ей удастся сбежать в лес. Может быть, она сумеет найти там богиню... Кики с отсутствующим видом продолжала потирать руку. И вздохнула, сожалея, что у нее нет пары таблеток от головной боли.

Кики медленно пошла по узкой дорожке, что петляла по монастырскому саду. Сад украшали затейливо подстриженные деревья и шпалеры, увитые душистыми цветами. Все было в идеальном порядке — ни единого увядшего листочка, ни единой плохо подрезанной веточки.

— Ничего дикого и естественного, вот уж точно... — пробормотала Кики.

Среди зелени там и тут стояли каменные скамьи, расположенные так, чтобы можно было сесть на них и сосредоточиться без помех. Кики подумала, что во всем этом есть что-то неправильное; все было слишком обдуманно, слишком тщательно распланировано. И вся эта ухоженная красота выглядела неестественной.

Легкий ветерок донес до девушки звон бегущей воды, и она пошла на звук, повернув налево на развилке

тропинки; эта дорожка привела ее к внешней стене монастыря, вдоль которой стояли дубы, намного более старые, чем все, что росло в саду. Кики улыбнулась деревьям. Они, похоже, оказались слишком велики для того, чтобы монахи могли подстричь их и привести в соответствие со своей идеей правильных растений. Вообще-то и весь этот уголок выглядел куда более естественным, чем остальной сад. Из травы выглядывали простые цветы, оранжевые, белые, фиолетовые; стену заплела жимолость, наполнявшая воздух сладким ароматом. И еще вдоль стены бежал ручеек. Он шумно прыгал по гладким камням, образуя небольшое озерцо, из которого уже уходил под стену и в лес. Здесь не было специальных скамеек, поэтому Кики смахнула пыль с большого неровного камня, торчавшего рядом с озерцом, и уселась на него. Она увидела, как с берега на лист кувшинки прыгнула маленькая лягушка, и позволила себе расслабиться под шум бегущей воды, надеясь избавиться наконец от головной боли.

— И что же мне делать? — прошептала она.

— О чем это ты, дочка?

Кики прижала ладонь к груди, словно не давая сердцу выскочить наружу. Чистый, прекрасный голос богини прозвучал откуда-то сверху. Кики подняла голову и увидела Гею, царственно возлежавшую на толстой ветви самого большого дуба. Сегодня Гея была одета в полупрозрачное платье цвета коры, но при этом темно-коричневые и серые оттенки тонкой ткани вспыхивали волшебными искрами, как будто платье было посыпано золотой пылью.

— Ты когда-нибудь доведешь меня до сердечного приступа, — сказала Кики.

Тростник и трава, росшие вдоль ручья, закачались в ответ смеху Геи. Девушка быстро оглянулась, тревожно нахмутив лоб.

— Не бойся, Ундина, — успокоила ее Гея. — Меня видит лишь тот, кто может увидеть и услышать. — Легкая гримаса скользнула по чудесному лицу. — И здесь меня никто не услышит, кроме тебя.

— Я удивлена твоим появлением. — Кики махнула рукой в сторону монастыря. — Во всяком случае, появлением здесь.

Глаза богини насмешливо прищурились.

— Ты еще больше удивишься, дочка, если узнаешь, что даже здесь обо мне не совсем забыли. Но я пришла не поэтому. — Она села на ветке. Сверкающая ткань платья чувственно обняла ее тело. — Мне кажется, ты просто умираешь от жажды, дочка. — Гея хлопнула в ладони и приказала: — Вина, пожалуйста!

В то же мгновение в ее руке появился оловянный кубок, украшенный изображениями виноградных лоз и цветов. Кики удивленно моргнула, а богиня показала на траву перед девушкой — там так же внезапно появился второй кубок.

— Думаю, тебе понравится этот вкус. Мне подарил это вино Цернунн, рогатый кельтский бог, на последнем празднике плодородия. — Гея сделала глоток и вздохнула со счастливым видом. — Он определенно разбирается в винах.

Кики взяла стоявший перед ней кубок и поднесла к губам. Вино было золотого цвета и холодное. Когда девушка сделала глоток, пузырьки, рванувшиеся к поверхности напитка, защекотали ее нос, и она едва не чихнула. Потом ее глаза широко раскрылись от изумления.

— Да это же шампанское! — воскликнула она. — И притом самое лучшее шампанское, какое я когда-либо пробовала! — Кики улыбнулась богине. — Я его очень люблю.

— Я так и думала, что ты его одобришь. А теперь, дитя, расскажи, что тебя тревожит?

Кики сделала еще глоток и сообщила:

— Андрас не может быть тем самым мужчиной.

— Андрас — это тот высокий, красивый рыцарь, который выудил тебя из воды? — промурлыкала Гея.

Девушка кивнула и вытаращила глаза:

— Ну да, только он не мистер Герой. На самом деле, чем больше времени я провожу с ним, тем больше он напоминает мне аббата Уильяма.

Богиня нахмурилась.

— Аббат Уильям! Это глупое дитя... Он боится всего, над чем не властен или чего не понимает, а это значит, что он полон горечи и злобы, особенно по отношению к женщинам. Он просто евнух. — Гея, казалось, хотела сказать что-то еще, но вместо того подняла кубок и сделала большой глоток. Встряхнув головой, словно желая избавиться от каких-то мыслей, она спросила: — Ты уверена, что они с тем воином очень похожи?

— Ну, я не думаю, что Андрас в точности такой же, как аббат; по правде говоря, иногда он бывает очень милым. И я понимаю, конечно, что здесь совсем другой мир и другие верования, но он относится к женщинам без уважения, а я ведь последние семь лет только и делала, что это самое уважение завоевывала... и это мое главное возражение против него. Но если честно, он мне просто неинтересен, хотя он и классический рыцарь в сверкающих доспехах. Мне просто тошно

представить его рядом. — Кики вздохнула и отпила еще немного удивительного шампанского. — А что, аббат Уильям действительно евнух?

Гея насмешливо фыркнула.

— В физическом смысле — нет... я всего лишь имела в виду, какую жизнь он для себя избрал. Он прячется за сутану священника, но на самом деле он не пригоден для служения какому бы то ни было богу. Будь с ним поосторожнее. Да, он отчаявшийся, одинокий человек, и его следовало бы пожалеть, но никогда не забывай вот чего: неосознанное отчаяние может делать людей опасными!

— Я буду осторожной. Совсем нетрудно заметить, что я ему не нравлюсь. И конечно, я не думаю, что Андрас его точная копия, хотя он и повторяет наставления аббата, как попугай, совершенно не желая думать самостоятельно.

Гея задумчиво прищурилась.

— Мне не нравится, как все это выглядит.

— А что, это должен быть он? — брякнула Кики.

— Объясни свое «должен быть», — предложила богиня.

— Ну, ты понимаешь, я об этой самой истинной любви. Должен ли это быть Андрас... или, точнее, если это должен быть он, достаточно ли будет, если он полюбит меня, а я его — нет?

Богиня отбросила роскошные волосы и расхохоталась; и хотя она уверяла девушку, что никто другой не сможет услышать ее, Кики все же встревоженно огляделась вокруг, боясь обнаружить какого-нибудь наблюдателя.

— Дочка, как же ты меня развеселила! Истинная любовь — это не зелье какое-нибудь, которое один че-

ловек проглотит, а другой откажется принять. Истинная любовь случается только тогда, когда два сердца сливаются в одно!

— Ну, я не думаю, что способна слиться воедино с Андрасом. Мне не понравилось даже то, как он целовал мою руку.

— Да, это не сулит истинной любви, — согласилась богиня.

Обе они задумались и в молчании выпили еще немного вина.

Наконец Кики слегка откашлялась и посмотрела на Гею.

— Э-э... кстати о поцелуях. Ты что-нибудь знаешь о тритоне по имени Дилан?

Богиня пристально посмотрела на Кики. Гея искренне интересовалась этим ребенком, и не просто потому, что чувствовала себя обязанной присматривать за девушкой. Эта юная особа была необычной... любопытной, открытой, остроумной. И было бы неплохо навсегда оставить при себе это замечательное дитя, оставить как собственную дочь. Но Гея уже видела страсть, которую пыталась скрыть девушка. Богиня грустно улыбнулась, подумав об иронии судьбы. Она наконец-то нашла дочь, которая могла бы обрести способность всегда жить на земле, — но дитя тут же влюбилось в жителя океана... Да, жизнь иной раз преподносит сюрпризы, даже богиням.

— Я хорошо знаю Дилана. Он самый давний друг Ундины. — Гея посмотрела на девушку, чуть приподняв тонкие брови. — Так что там насчет поцелуев?

Кики почувствовала, как вспыхнули ее щеки.

— Ну, я просто хотела сказать, что совсем другое ощутила, когда меня поцеловал Дилан... — Теперь она

уже просто горела огнем. Кики никогда не разговаривала со своей матерью о сексе... да, наверное, такой разговор вообще невозможен с матерью, даже если та — богиня...

— Значит, тритон поцеловал тебя?

Кики слышала улыбку в голосе богини, но боялась поднять голову и посмотреть на Гею. Вместо того она схватила кубок и выпила последние капли шампанского.

— Жаль, что оно кончилось, — сказала Кики, пытаясь уйти от темы поцелуев, которую сама же так глупо затронула. — Очень было вкусно.

Гея щелкнула пальцами — и кубок мгновенно снова наполнился до краев.

— Спасибо. — Кики сделала еще один основательный глоток. На этот раз она чихнула из-за пузырьков.

— Тритон поцеловал тебя? — настойчиво повторила вопрос Гея.

Девушка кивнула.

— И тебе было приятно его прикосновение? — спросила богиня.

Кики еще раз кивнула.

Богиня замолчала и глубоко задумалась.

— А что, это очень плохо? — не выдержав, спросила Кики, жалобно глядя на Гею.

— Нет, дитя, — ответила Гея. — Но ты должна понимать, что Дилан не имеет такого влияния, как Сарпедон. — Богиня вскинула руку, останавливая девушку, уже готовую броситься на защиту Дилана. — Я совсем не имею в виду, что Сарпедона больше уважают, это не так. Я лишь подразумевала, что Сарпедон обладает большей властью. Отец Сарпедона, как тебе известно,

великий бог Лир. А его мать — Морриган, богиня войны. Матерью же Дилана была простая речная нимфа Окинос. К несчастью, она покончила с собой, когда ее возлюбленный, обычный смертный, ставший отцом Дилана, отверг ее. Дилана нельзя назвать беспомощным, однако он может куда меньше, нежели сын Лира. Дилан мирно живет в водах океана только благодаря щедрости Лира и тому, что Сарпедон его не замечает...

— Но если Сарпедон обнаружит, что я люблю Дилана, он может его уничтожить... — договорила Кики за богиню.

Взгляд Геи стал острым, внимательным.

— А ты его любишь?

Кики подумала над вопросом, уставившись в маленький пруд. Она ведь никогда прежде не влюблялась. Девственницей она не была, но едва ли стоило считать настоящим опытом тот единственный раз, когда она приехала домой на каникулы из тренировочного лагеря и ее сокурсник, Джерри Бартон, опрокинул ее на заднее сиденье своей «импалы». Он просто вломился в нее... Кики слишком хорошо помнила вспышку боли, но все это, к счастью, быстро кончилось. Однако опыт оказался не слишком приятным... во всяком случае, Кики не спешила его повторять.

После Джерри у нее не было даже любовника, не говоря уж о настоящей любви. Она подумала о Дилане, о том, как он постоянно заставлял ее улыбаться. Он так терпеливо отвечал на все ее глупые вопросы... А когда он прикоснулся к ней, то ей показалось, что весь окружающий мир растворился в море обжигающих чувств.

Но значило ли это, что она его любит?

— Я не знаю,— честно ответила Кики на вопрос богини.— Мне нужно поближе с ним познакомиться. Думаю, я могла бы полюбить его по-настоящему, но слишком мало времени прошло, чтобы утверждать наверняка.

— Мудрый ответ для столь юной особы.

Взгляд Геи был нежным, материнским, и Кики вдруг охватила отчаянная тоска по дому, по своей родной маме...

— Так познакомься с ним поближе, дочка. Разберись в своих чувствах,— продолжила богиня.— Но и к воину тоже будь доброй. Позволь себе роскошь узнать побольше об обоих мужчинах. И не позволяй страсти повлиять на выбор твоего сердца. Не спутай простое желание с истинной любовью. И никогда не забывай, что море будет безопасным для тебя лишь неподалеку от берега, под моей защитой. И даже если ты решишь соединиться с тритоном, тебе придется оставаться в человеческом теле до тех пор, пока я не найду окончательное решение главной проблемы — Сарпедона. Этот злобный тритон куда более опасен, чем недоразвитый священник.

— Сарпедон! — Кики хлопнула себя по лбу.— Как я могла забыть? Мне кажется, я сегодня его видела, ну, по крайней мере, нечто похожее на него, вроде призрака!

Глаза богини широко открылись, когда она услышала это, но ответить Гея не успела — ей помешал раздавшийся неподалеку крик.

— Принцесса Ундина! — Изабель, задыхаясь и прихрамывая, почти бежала к девушке. В то самое мгновение, когда служанка вышла к дубам, кубок с изыс-

канным шампанским и богиня исчезли.— Ох, вот ты где! Я тебя искала, искала по всему саду! Сэр Андрас послал меня за тобой. Вечерняя месса уже начинается; тебе надо поспешить туда.

Кики неохотно позволила старой служанке помочь ей подняться на ноги.

— Сэр Андрас весьма одобряет твое благочестие, но ты все равно не должна пропускать службу, даже ради молитвенного уединения.— Изабель бросила на девушку острый взгляд.— По крайней мере, ты не должна пропускать ее еще раз.

— Похоже, я слишком углубилась в молитвы,— сказала Кики, следуя за старой женщиной по тропе, которая вела через сад к церкви.

— Я уверена, что тебе просто необходимо много молиться,— бросила Изабель через плечо.

— Да уж, если бы ты только знала...— чуть слышно пробормотала Кики.

Изабель выбрала самый короткий путь, и они очень быстро подошли к деревянным дверям весьма скромной церкви. Сама церковь была сложена из того же серого камня, что и все монастырские здания, но здесь каждый камень покрывала затейливая резьба. Кики присмотрелась к изображениям — и ее глаза расширились от потрясения. Сцены, начертанные на камнях, были чудовищны. Рогатые демоны пожирали обнаженных, бьющихся в отчаянии людей. Каменные языки огня обжигали пышнотелых женщин. Полумужчины-полукозлы избивали обычных мужчин, скованных между собой цепями; рты подвергавшихся пыткам людей были широко открыты, они словно замерли в вечном, неизбывном молчаливом крике...

Кики содрогнулась от ужаса и лишь порадовалась, когда Изабель буквально втащила ее в едва освещенную церковь.

Первым, что заметила Кики, был дым от ладана. Он был густым и едким и плыл живыми волнами над резными каменными скамейками, заполненными монахами; монахи уже опустились на колени и заунывно начитывали какую-то молитву. Светлые шерстяные рясы делали их похожими на привидения, витающие в тусклом дымном свете.

Кики чихнула. Несколько голов повернулись в ее сторону. Потом кто-то встал — высокий, светловолосый — и быстро пошел по проходу к девушке. Сэр Андас посмотрел на Кики и сразу покачал головой, как будто девушка только что завалила какое-то испытание.

— Почему ты не подготовилась к мессе? — спросил рыцарь, изо всех сил стараясь говорить как можно тише.

Кики недоуменно уставилась на него. Она ведь пришла сюда, не так ли?

Но прежде чем она успела спросить, что имел в виду рыцарь, Изабель вздохнула с крайне суровым видом.

— Принцесса, я поражена, что ты не догадалась захватить что-нибудь, чтобы прикрыться. — Хмыкая и покачивая головой, Изабель запустила руку в глубокий карман своего передника. — Как хорошо, что я догадалась прихватить лишний шарф, хотя он, конечно, и не так великолепен, как все то, что привыкла носить принцесса.

Изабель протянула девушке шарф цвета слоновой кости, сотканный из простого прочного льна. Голова самой Изабель была прикрыта таким же шарфом.

— Спасибо, — сказала Кики, быстро набрасывая шарф на голову.

— Спасибо, что позаботилась о принцессе, — сдержанно произнес сэр Андас.

— Я всего лишь хотела услужить. Иной раз люди очень молодые и очень красивые бывают еще и очень забывчивыми, — не слишком вежливо ответила Изабель, однако Кики была уверена, что ей вовсе не почувствовалась скрытая доброта в ворчливом голосе старухи.

Изабель повернулась и ушла к заднему ряду скамей, где собрались слуги.

Кики проводила взглядом старую женщину, исчезнувшую в полумраке. Да, похоже, ей удалось немного продвинуться в попытках завоевать доверие Изабель.

— Я ждал тебя и встревожился, когда ты не пришла вовремя, — сердито прошептал сэр Андас.

Кики постаралась изобразить нешуточное удивление.

— Но я молилась, Андас! Я забыла о времени. Она видела, что рыцарь наконец совладал с собой, умерив гнев.

— Разумеется. Я просто беспокоился, что тебя долго нет.

Да уж, беспокоился, подумала Кики. Наверное, именно поэтому у него такой вид, словно он готов придушить меня на месте.

— Идем, наши места впереди. Это большая честь.

Кики со вздохом пошла за ним в глубь церкви, но ненадолго задержалась у каменной чаши, в которой плескалась святая вода. И вспомнила, как однажды на военной базе она в воскресенье по ошибке забрела в католическую церковь вместо методистской и как

ей понравился этот небольшой обряд, через который ей случайно пришлось пройти. И, не боясь показаться глупой, она просто поддалась внутреннему толчку, опустила пальцы в святую воду и преклонила колени.

Ей пришлось поспешить, чтобы догнать сэра Андраса, уже подошедшего ко второму ряду скамей. Первый ряд оставался незанятым. Рыцарь жестом предложил девушке пройти вперед, и она скользнула вдоль пустой скамьи, стараясь не морщиться от прикосновения к холодному камню.

Вечерняя служба шла своим чередом, и Кики показало, что аббат Уильям бросил на нее быстрый пренебрежительный взгляд, однако в церкви было слишком темно, чтобы можно было сказать наверняка. Мягкий голос аббата гудел и гудел, произнося ритмичные фразы на языке, который Кики сочла за латынь. Священник стоял в нефе позади украшенного затейливой резьбой деревянного столика. На столе теснились золоченые предметы, блестевшие даже в весьма тусклом свете. Кики увидела там большую золотую чашу и такое же блюдо, на котором лежал каравай хлеба. Огромные канделябры стояли по обе стороны стола, но даже свет их многочисленных свечей не мог рассеять мглу в церкви.

Почти точно над головой аббата Уильяма располагалось золоченое распятие в человеческий рост. Кики прищурилась, пытаясь как следует рассмотреть его. Как и на распятии в ее комнате, единственными символами Христа были деревянные гвозди, вбитые в крест там, где следовало находиться рукам и ногам Спасителя. Разница была только в том, что на этом кресте были на золотом фоне нарисованы еще и капли крови, и их цвет напомнил девушке о рясе аббата

Уильяма... и она с трудом сдержала дрожь внезапного отвращения.

Что же они сделали с Христом? Почему его так демонстративно убрали с распятия? Это отсутствие фигуры и огорчило, и разгневало девушку.

Крест висел между двумя толстыми серыми колоннами. У основания колонн горели десятки высоких белых свечей. Но тень креста как будто проглатывала их пламя.

Кики, повторяя то, что делал сэр Андрас, преклонила колени и крестилась. Она даже умудрялась шептать нечто невнятное в те моменты, когда в тексте, произносимом на непонятном языке, возникали короткие паузы.

Кики уже начинало казаться, что колени у нее скоро окончательно онемеют, когда аббат Уильям повернулся спиной к пастве и вознес чашу к кровоточащему кресту, прося благословить причастное вино. Когда он поставил чашу обратно на стол и взял блюдо с хлебом, какое-то легкое движение слева привлекло внимание девушки. Тени, падавшие на церковные скамьи, были слишком густыми, но все равно она была уверена, что заметила кое-что в боковой нише святилища. Кики сосредоточилась, всматриваясь в мрачную темноту, и тут в дыме ладана проявилось нечто... У девушки перехватило дыхание, сердце бешено заколотилось.

— Теперь мы должны принять причастие, — шепнул ей на ухо сэр Андрас.

Кики огляделась, пораженная его словами. Монахи уже выстроились в очередь и медленно продвигались вперед, чтобы почтительно принять из рук аббата Уильяма кровь и плоть Христовы.

Кики решила мгновенно. Когда сэр Андрас поднялся, она тоже встала, но вместо того, чтобы пойти следом за рыцарем на манер послушного ягненка, она коснулась его руки и прошептала:

— Прошу, извини меня, Андрас. Я должна кое-что сделать.

И она скользнула к противоположному концу скамьи. Лицо рыцаря потемнело от гнева, но он не последовал за девушкой, а направился к очереди и покорно встал за монахами в грязно-кремовых рясах. Кики не обратила внимания на его раздражение и уверенно зашагала к заброшенной нише в боковой стене церкви.

Прямо в стене была вырезана из камня фигура Девы Марии. Ее обрамляла мраморная арка цвета слоновой кости. Заинтересованная девушка подошла поближе. Статуя была запущена, ее покрывали пыль и паутина, однако небольшая площадка перед Девой была гладкой, как будто сотни и сотни коленей когда-то опускались здесь на пол. Глаза Кики внимательно исследовали безупречно изысканную скульптуру. Одежды Святой Девы с изящной простотой спадали к обутым в сандалии ногам. Руки Девы были протянуты вперед, она как будто звала к себе. Кики ощутила нечто утешительное в этом жесте. Но вот девушка присмотрелась к Марии — и задохнулась от потрясения.

Лицо Девы Марии! Оно было почти нереальным в своей безмятежной красоте и... и пугающе знакомым.

— Гей! — выдохнула Кики.

У статуи было лицо богини земли. И тут же в памяти Кики прозвучали слова Гей: *«Ты еще больше удивишься, дочка, если узнаешь, что даже здесь обо мне не совсем забыли»*.

Шарканье ног монахов, подходящих к причастию, проникло в ее сознание, и Кики оглянулась назад. Многочисленные свечи подмигивали ей. Кики, ступая как можно осторожнее, на цыпочках прокралась сквозь туманную тьму, схватила в каждую руку по горящей свече и перенесла их к статуе. Она поставила свечи у ног Марии, с удовольствием отметив, что огонь как будто разгорелся намного ярче.

Поддавшись порыву, девушка опустилась на колени, сложила ладони перед собой и склонила голову.

— Великая Мать, — вслух сказала она, — помоги мне обрести мудрость. — Она посмотрела на лицо, которое, несомненно, было лицом великой богини, улыбнулась Гее и зашептала: — Прошу, защити меня от Сарпедона... думаю, я уж как-нибудь выдержу эту мессу до конца... А вот насчет Сарпедона я не уверена...

Кики так изумилась, услышав в мыслях ответ, что даже тихонько вскрикнула от потрясения.

— *Сарпедон близко, и он опасен, но держись поближе к моим владениям, дочь моя, и тритон не сможет овладеть тобой. Благословляю тебя...*

— Ундина! Что ты тут... — Гневный голос рыцаря затих, когда сэр Андрас рассмотрел статую, перед которой стояла на коленях девушка.

Кики крепко зажмурила глаза и стиснула зубы. Демонстративно не замечая сэра Андраса, она еще ниже склонила голову перед Марией. Ее губы беззвучно шевелились, мысленно она повторяла все молитвы, которые знала. А то, чего не знала, придумывала сама, попутно моля Деву-Гею о прощении за ненамеренное богохульство. Потом наконец посмотрела на рыцаря, все так же стоявшего рядом с ней, и моргнула, изобразив удивление.

— Ох, Андрас! — Она протянула ему руку, и рыцарь помог девушке подняться. — Прости меня. Я так углубилась в молитву, что и не слышала, как ты подошел. — Она оглядела опустевшую церковь и старательно сделала вид, что озадачена. — Что, месса уже закончилась? Жаль, что я пропустила самый конец, но, когда я увидела эту прекрасную статую Божьей Матери, я просто не смогла удержаться и подошла к ней.

По выражению лица сэра Андраса было совершенно понятно, что он, с одной стороны, очень хотел бы учинить девушке выговор за очередной неожиданный поступок, а с другой — испытывал удовольствие при виде столь определенного католического благочестия принцессы.

— Я просто удивился. Я раньше никогда не замечал эту статую Девы.

— Чему тут удивляться? — Кики постаралась скрыть раздражение. — Она так выглядит, словно о ней вообще все забыли. — Кики потянулась вперед и смахнула ком паутины с головы Марии. — Это просто позор, что фигура Божьей Матери находится в таком состоянии! Я намерена поговорить об этом с аббатом Уильямом.

Сэр Андрас, похоже, хотел что-то сказать, но никак не мог сформулировать свою мысль. И в конце концов он просто откашлялся и спросил:

— Могу я проводить тебя на ужин, принцесса Ундина?

Кики приняла предложенную рыцарем руку.

— Это было бы просто чудесно. Спасибо, сэр Андрас.

Глава пятнадцатая

Когда Кики и сэр Андрас вошли в столовую, ужин давно уже был накрыт. Кики старалась не замечать косых хмурых взглядов монахов, но чувствовала себя как нашкодившая школьница, которую вызвали в кабинет директора. Похоже, ей грозили неприятности из-за того, что она пропустила причастие.

Кики постаралась удержать на лице безразличное выражение, когда аббат Уильям встал и с преувеличенной теплотой приветствовал сэра Андраса, протянув рыцарю руку с кольцом, которое Андрас без колебаний поцеловал. Хотя настоятель не обращал на нее внимания, Кики, перед тем как занять свое место, присела перед аббатом в почтительном реверансе.

Слуга поспешил подойти к девушке и наполнил ее тарелку горячим рагу из барашка, от запаха которого рот Кики мгновенно наполнился слюной. Другой слуга налил в стоявший перед ней кубок сладко-

го белого вина. Кики тут же сделала большой глоток, наслаждаясь прохладным напитком.

— Я заметил, что ты отказалась принять святое причастие, принцесса Ундина. — Голос настоятеля прозвучал, как удар хлыста.

Кики недоуменно нахмурила брови.

— Отказалась? Зачем бы мне отказываться от святого причастия, настоятель? — Кики покачала головой. — Мне очень жаль, но ты неправильно меня понял. Я обнаружила там, в церкви, прекрасную статую Девы Марии, а когда увидела, насколько запущена эта статуя, меня просто захлестнули чувства... — Кики спокойно встретила ледяной взгляд настоятеля и добавила в голос уверенности. — Я знаю, что ты, должно быть, очень занят, настоятель, и потому не думаю, что за изображением Божьей Матери не ухаживают намеренно.

Лицо священника потемнело, он стиснул зубы.

Кики сжала руку сэра Андраса и одарила рыцаря улыбкой.

— Я понимаю, что настоятель просто не представлял, в каком ужасном состоянии находится статуя Марии.

— Как хорошо, что ты это заметила, — сказал сэр Андрас.

Кики просияла и рассмеялась, как маленькая девочка.

— У меня есть идея! Я позабочусь о статуе Пресвятой Девы! И пока я здесь, она будет под моим присмотром, и к ней вернется ее изначальная красота!

Аббат Уильям хотел что-то сказать, но сверкающая улыбка девушки остановила его.

— И не надо меня благодарить! — воскликнула Кики. А потом совершенно сознательно передразнила настоятеля, повторив слова, сказанные им днем раньше: — Ведь так я обрету вознаграждение, которого не найти в этом мире.

Глаза настоятеля сузились, но губы изобразили улыбку.

— Разумеется, принцесса. Это очень... — Он замаялся, тщательно подбирая слова. — Это весьма щедрый жест.

— Ну, я уже заметила, что здесь не так-то много женщин, и потому, полагаю, нет ничего удивительно в том, что статуя Пресвятой Девы случайно оказалась заброшенной. — Она посмотрела на сэра Андраса и раскрыла глаза как можно шире. — А может быть, я потому и попала сюда, именно для этого? Возможно, Божья Матерь привела меня к этому берегу не просто чтобы спасти меня, а как раз для того, чтобы спасти ее изображение? — И, мысленно добавила Кики, если рыцарь поверит в то, что принцесса находится под особым покровительством Пречистой Девы, он, пожалуй, проявит больше уважения к такой девице и не повторит попытку соблазнить ее.

На сэра Андраса ее слова произвели впечатление.

— Да, Ундина! Я совершенно уверен, что Божья Матерь благоволит к тебе!

Священник довольно резким тоном произнес:

— Как это замечательно — когда кто-то осознает свою цель в жизни!

Кики внимательно посмотрела на него через край кубка.

— Я совершенно с тобой согласна, аббат Уильям.

Взгляд священника был откровенно враждебным. Кики заставила себя улыбнуться в ответ.

— Отец, я тут раздумывал над тем ходом, которым ты поставил мне шах и мат во вчерашней партии... — заговорил сэр Андрас, совершенно не заметив напряжения, возникшего между его старым учителем и женщиной, сидевшей рядом.

Как только священник отвернулся от нее, Кики, облегченно вздохнув, сосредоточилась на второй порции бараньего рагу. Ей нужно было как следует поесть, чтобы набраться сил и избавиться от головокружения. Как много всего произошло за такое короткое время! Несмотря на уверенность, которую внушала ей Гея, Кики все же чувствовала себя немножко похожей на того голландского парнишку, который пытался заткнуть течь в плотине пальцем. Ведь ее средневековая плотина была очень, очень непрочной... Неудивительно, что Кики чувствовала себя слишком потрясенной. Она провалилась на тысячу лет назад, в загадочное прошлое, обменявшись телами с морской жительницей, она встретила богиней, целовалась с тритоном... Кики вся затрепетала от этой мысли и тут же напомнила себе, что надо жевать поэнергичнее.

Ей ведь теперь предстояло как-то справиться с откровенно ненавидящим ее властным настоятелем и с амурными притязаниями невероятно красивого рыцаря-мачо. И конечно, был еще Сарпедон. Кики подумала над словами богини, произнесенными там, в саду, и в очередной раз выбрала себя за то, что не упомянула о появлении тритона в монастыре в самом начале разговора. Но она ведь получила ответ в церкви... Сарпедон не сможет захватить ее, пока она находится

под защитой Геи. Кики потрогала янтарный амулет. Она должна быть осторожна и держаться поближе к супе, даже когда вернется в тело русалки, — держаться, как бы ни манили ее морские глубины...

Ее размышления прервал громкий топот подкованных башмаков по каменному полу столовой. Кики подняла голову и увидела одного из воинов Андраса, быстро шагнувшего к их столу. Он остановился перед рыцарем и коротко поклонился.

— Прости, что помешал тебе, сэр Андрас.

— Гилберт, ты принес какие-то новости о семье принцессы Ундины? — спросил рыцарь.

Кики задержала дыхание.

— Нет, сэр Андрас. — Воин оглядел комнату и понизил голос, не желая говорить при посторонних. — У меня сообщение для тебя с материка.

Сэр Андрас, извиняясь, посмотрел на аббата Уильяма и на Кики.

— Сожалею, но должен просить простить меня...

— Разумеется, сын мой, нам и в голову не придет помешать тебе выполнять свой долг. — Настоятель небрежным жестом указал на выход из обеденного зала.

— Я постараюсь не задерживаться слишком долго. — Андрас встал и поклонился обоим. И вместе с воином поспешно вышел из столовой.

Суходом рыцаря за столом повисло ледяное молчание. Если не считать редких неприязненных взглядов, настоятель как будто совершенно не замечал присутствия Кики.

Кики старалась вообще не смотреть в его сторону и сосредоточиться на вкуснейшем тушеном мясе. Она не желала доставлять ему удовольствия, не доев ужин и сбежав в свою комнату, как перепуганный ребенок.

Она отлично помнила реакцию настоятеля на ее страх, когда она увидела призрак Сарпедона. Священник просто кормился чужими страхами!

Девушка медленно жевала, запивая еду вином. Ей и раньше случалось попадать в трудные ситуации. Например, когда она была еще совсем юным младшим сержантом, а старшего сержанта Центра коммуникаций свалил чудовищный желудочный грипп — за полчаса до того, как он должен был проводить инструктаж по смене программ в новой компьютерной системе. Между приступами рвоты он приказал Кики самой провести инструктаж. В зале для собраний в тот день сидело двести человек, и Кики прекрасно знала, что как минимум сто девяносто семь из них старше ее по званию. Но она отлично справилась. Нет, она справилась лучше, чем отлично; ей даже объявили благодарность в приказе за умение держаться в сложных обстоятельствах.

Она не была нежным цветочком, склоняющимся перед властными людьми. Она не позволит настоятелю заметить ее страх. Нет, пожалуй, она сделает еще лучше. Она вообще не допустит, чтобы этот злобный священник ее пугал. Гея сказала, что его следовало бы пожалеть, а бояться того, кто должен вызывать жалость, просто глупо.

Наконец тарелка перед девушкой опустела, а в желудке образовалась приятная тяжесть. Кики с трудом сдерживала зевоту. И, в очередной раз ощутив на себе изучающий взгляд священника, девушка прямо посмотрела ему в лицо.

— Я тоже хочу попросить извинения, аббат Уильям. Я очень устала за день, и, боюсь, мне трудно будет дожидаться возвращения сэра Андруса. Не мог бы ты

передать ему мои сожаления и сказать Изабель, что ей не обязательно заходить ко мне до утра? Я знаю, у нее и так очень много дел.

Если уж Кики справлялась со сложнейшей системой военных коммуникаций, она наверняка сообразит, как самостоятельно расшнуровать платье... и ей действительно не хотелось видеть Изабель, такую скучную...

— Вполне понятно, что ты так утомилась. Женщины и были созданы как более хрупкие сосуды. — В голосе священника звучала все та же неприкрытая враждебность, но лицо выражало отеческую снисходительность. — Я дождусь рыцаря. Могу заверить, он не слишком огорчится твоим отсутствием. Он просто наслаждается нашими партиями в шахматы.

Боже праведный, он произнес это так, словно соперничал с Кики за внимание рыцаря!

— Я очень этому рада. Надеюсь, вас двоих ждет чудесный вечер, — сказала Кики, изображая самую искреннюю улыбку, на какую только были способны ее губы. — Доброй ночи, и еще раз спасибо за гостеприимство.

Кики присела в реверансе и поспешила к выходу из обеденной комнаты, прекрасно понимая, что ее провожает змеиный взгляд священника.

Она ненадолго задержалась в арочном дверном проеме. Был уже поздний вечер, и высокие, похожие на раскинутые крылья облака скрывали угасающий свет солнца, погружая во тьму маленький двор, отделявший обеденный зал от той части монастыря, где находилась комната Кики. Девушка ступила на мягкую траву и повела плечами, твердо решив расслабиться теперь, когда наконец избавилась от давящего

присутствия настоятеля. Она глубоко вдохнула прохладный влажный воздух. Пахло дождем. Мысль о воде, пусть даже льющейся с неба, улучшила настроение Кики. Она зевнула и потянулась всем телом, жалея, что у нее нет какой-нибудь книги, которую можно было почитать перед сном, свернувшись в постели.

Она уже миновала половину двора, когда ее заставил вздрогнуть некий звук. Это был низкий мужской смех, но совсем не веселый. Скорее, в нем звучал откровенный сарказм. Кики остановилась. Прищурившись, она неуверенно всмотрелась в темноту, не зная, где просто тени, а где чьи-то очертания.

— Ундина...

— Это ты, Андрас?

Один из сгустков тени шевельнулся и превратился в человека. Он стоял рядом с колодцем. Заговорив, он пошел в сторону Кики.

— Неужели ты думала, что сможешь спрятаться от меня?

Голос звучал неестественно гулко, как будто человек говорил с далекого расстояния, а не находился в паре футов от нее.

Что-то тут было не так. Сердце девушки сжалось от страха.

— Зачем бы мне от тебя прятаться? — Кики старалась говорить спокойно, уверенно. — Я только что попросила аббата Уильяма передать тебе мои извинения. Боюсь, он был прав, я слишком переусердствовала, не отдохнув как следует. Я ужасно устала.

Рыцарь уже стоял рядом, почти касаясь ее... И глаза сэра Андраса горели тем самым зловещим серебристым светом, который Кики увидела, когда рыцарь

впервые поцеловал ей руку. Парализованная ужасом, Кики смотрела на него, и вдруг красивое лицо рыцаря странно дернулось, исказилось, как будто стало жидким, текучим... От сэра Андраса проистекала физически ощутимая сила. Его губы искривились в непристойной ухмылке.

— Ты будешь принадлежать мне! — прорычал он и резко склонился вперед, схватив руки девушки железными пальцами. Он грубо прижал Кики к себе, и она сквозь тонкие легкие юбки ощутила его гигантскую восставшую плоть.

А потом вдруг Кики почувствовала взрыв бешеного жара у своей груди, когда тело рыцаря соприкоснулось с амулетом богини и из янтаря вырвалось нечто вроде обжигающей молнии. От крика сэра Андраса Кики чуть не оглохла; рыцарь с такой силой оттолкнул от себя девушку, что та хлопнулась задом на траву.

— Что все это значит? — раздался из ночи голос настоятеля.

Кики, оглушенная падением, могла только таращить глаза и хватать воздух открытым ртом. Силуэт священника вырисовывался в дверях обеденного зала.

Из-за его спины, как птенцы из-за спины матери, выглядывали несколько монахов. И как долго они за всем наблюдали?.. Кики, отчаянно пытаясь восстановить дыхание, посмотрела на сэра Андраса. Он стоял неподалеку от нее, потирая грудь; вид у рыцаря был такой, словно сэр Андрас только что очнулся от обморока.

— Колодец... — дрожащим голосом заговорил рыцарь. — В колодце что-то было... — Рыцарь тяжело дышал, и Кики видела, что его бледное лицо залито потом.

— Да! Это было ужасно! — быстро заговорила Кики, мгновенно опомнившись. Она нервно хихикнула и протянула рыцарю руку. После легкого колебания тот помог ей подняться на ноги.

— И что же там было, в колодце? — резко спросил настоятель, выходя во двор и быстро приближаясь к сэру Андрасу.

Рыцарь растерянно пожал плечами, не в силах произнести ни слова. Глаза у него были пустыми, остекленевшими.

Кики подобного смущения не испытывала. Она отлично знала, кто именно появился из колодца. Она поняла также и то, что, если настоятель узнает, что тут произошло на самом деле, это будет просто катастрофой.

— Летучие мыши! — неожиданно сказала она, и ей даже не пришлось изображать дрожь в голосе. — Я как раз шла через двор, когда заметила сэра Андраса, стоявшего у колодца. Он сказал, что заметил что-то и, после того что случилось утром со мной, решил, конечно же, присмотреться повнимательнее. — Кики быстро соображала, как соврать получше. — И вдруг... вдруг огромная летучая мышь вылетела из колодца! Она ударила сэра Андраса в грудь, а потом полетела прямо на меня. Я закричала и упала в траву. — Кики снова содрогнулась всем телом и скривилась. — Я ненавижу летучих мышей...

— Наверное, именно ее ты и видела утром, — медленно произнес сэр Андрас. С его лица сошло наконец недоуменное выражение, и он с готовностью принял историю Кики.

Девушка энергично встряхнула головой.

— Похоже на то. Ну, думаю, теперь тайна колодца раскрыта. Я просто ужасной дурочкой себя чувствую — подняла такой шум из-за пустяка. Аббат Уильям, прошу, прости меня, я снова тебе помешала.

Светлые глаза настоятеля прищурились, но он лишь коротко кивнул.

— Мы должны поговорить, отец, — сказал вдруг сэр Андрас. Кики с удовольствием отметила, что он уже говорит вполне связно и уверенно. — Я получил кое-какие новости с материка, и они касаются Калди: — И, как будто спохватившись, он повернулся к Кики: — Ундина, я...

Кики вскинула руки.

— У меня и в мыслях нет отвлекать тебя от важных дел. Я уже в порядке и без труда доберусь до своей комнаты. Доброй ночи, сэр Андрас, аббат Уильям.

— Идем, сын мой. Вернемся в мою келью, там мы сможем все обсудить спокойно.

И, даже не оглянувшись на девушку, настоятель и рыцарь поспешно покинули двор, а монахи вернулись в обеденный зал. Кики осталась одна рядом с затихшим колодцем.

Она провела по лицу дрожащей рукой. Колени у Кики все еще были слабыми, а во рту ощущалась горечь. Сарпедон последовал за ней, и он нашел способ выбраться за пределы своего мира. Кики охватил ужас при мысли, что она заперта в монастырских стенах рядом со злобным призраком тритона. Ей необходимо было свободное пространство. Нет, тут же мрачно призналась себе Кики, на самом деле ей необходим океан. Она стремилась к его покою, она принадлежала морю, ей нужно было погрузиться в его текучие объятия...

И еще Дилан, напомнило ей сердце. Она нуждалась в Дилане. Может быть, он сейчас там, в утешающей воде, ждет ее?

Кики задумалась, прикусив нижнюю губу. Да, конечно, океан — царство Сарпедона, и там она будет весьма уязвима перед ним, но эта уязвимость теперь распространилась и на монастырь! Кики внезапно охватил гнев. Да какое он имеет право охотиться на нее?!

Монастырские ворота были открыты, и куда легче было выйти через них, чем спускаться из окна комнаты. Она только немножко погуляет, пообещала себе Кики. Она вернется до того, как кто-нибудь заметит ее отсутствие. Упрямо расправив плечи, девушка пошла на звук плещущихся волн — за ворота, из монастыря...

Подобрав юбки, она вприпрыжку пустилась к тропинке, что шла вдоль внешней стены монастыря к краю утеса. Солнце висело в небе уже совсем низко, раскрашивая море розовато-лиловыми и шафрановыми полосами. На горизонте громоздились кучевые облака, похожие на гигантские горы; они постепенно поглощали вечерние краски. Кики осторожно шагала по извилистой тропинке, той самой, по которой шла прошлой ночью, и заставляла себя умерить шаг, чтобы не зацепиться юбками за колючие кусты и острые камни, окружавшие узкую дорожку.

Неожиданно от воды начал подниматься туман. Кики видела, как он все густел и густел, с неожиданной легкостью стирая роскошные краски вечернего неба. Словно плащ великана, туман накрыл склон утеса. Еще несколько шагов — и Кики оказалась со всех сторон окружена плотными клубами, и ей при-

шлось идти совсем медленно, нащупывая ногами тропинку, которая словно растворилась в этом мистическом тумане. Кики помахала рукой, с любопытством наблюдая, как влажные клочья кружатся у ее ладони. Она никогда прежде не видела подобного тумана; он слегка светился изнутри, как будто состоял из опалов и жемчугов. Наверное, Кики следовало бы испугаться, но она почувствовала себя скрытой в белесых клубах, защищенной.

Когда ее башмаки ступили на песок, туманная завеса перед ней шевельнулась, раздвинулась, как полупрозрачный занавес, — и навстречу девушке шагнула Гея. На этот раз ее платье было дымчатого цвета, и в нем сверкали огоньки звезд и бриллиантов.

— Добрый вечер, дочка. — Богиня по-матерински обняла девушку. — Я так и думала, что этим вечером тебе захочется сбежать из монастыря.

Кики замерла, опустив голову на плечо богини. От Геи пахло летней травой и сиренью.

— Это ведь был Сарпедон, да?

— Да. Он захватил рыцаря. — Гея ласково погладила волосы Кики.

— Я так испугалась! — всхлипнула девушка, чувствуя, что снова начинает дрожать всем телом.

Продолжая одной рукой обнимать Кики, другой Гея махнула в сторону большого камня, поросшего мхом, приглашая девушку сесть.

— Сарпедон всего лишь усилил желания, которые таились в этом молодом человеке, — сказала Гея. — Рыцарь — человек чести, но сын Лира весьма могуч. Ему нетрудно управлять страстью сэра Андраса. Рыцарю не выстоять против Сарпедона, а ты не можешь его предостеречь. Сэр Андрас — из тех людей, которых

научили презирать все сверхъестественное и непонятное.

— Он, похоже, совсем ничего не помнил. И согласился с тем объяснением, которое я придумала.

— Да, можно не сомневаться, что у Андраса остались лишь смутные, похожие на сон воспоминания о том, что он делал, пока находился под влиянием Сарпедона. Он из тех людей, которые ни за что не согласятся признаться в беспамятстве или утрате власти над собой... и случись с ним что-то такое, что ему не по силам принять, он будет цепляться за любое объяснение, какое только ему предложат, лишь бы не выглядеть глупо. Душа и воля этого рыцаря похожи на королевство, раздираемое гражданской войной, и он не способен выйти за пределы того, чему его учили, чтобы попросить о помощи.

— Но тогда что я могу сделать?

— Я не хочу сказать, что ты должна бояться Сарпедона, но я очень хочу, чтобы ты набралась мудрости. Пока что Сарпедон развлекается, играя с Андрасом. Ему забавно использовать желание воина, пока он ищет способы завладеть тобой. — Богиня говорила деловым тоном, и это так же успокаивало Кики, как и само присутствие Геи. — Но до тех пор, пока ты находишься под моей защитой, он не сможет завладеть тобой напрямую, и я не думаю, что ему удастся заставить рыцаря поступить вопреки его природе и причинить тебе вред, даже если его намерения выглядят именно так.

Кики посмотрела на богиню с нескрываемым сомнением.

— Помни, — продолжила Гея, — Сарпедон совсем не хочет как-то навредить тебе; он просто желает, что-

бы ты вернулась к нему. — Богиня нахмурилась с легким укором. — Разве ты не доверишь мне, дочка?

— Конечно я тебе доверяю! — поспешила ответить Кики, чувствуя, как ее страхи начинают таять.

— Вот и ладно. — Гея взяла девушку за подбородок. — Все будет хорошо, не сомневайся. — И она поцеловала Кики в лоб. — А сейчас я слышу, как воды зовут тебя. И знаю, что они утешат тебя куда лучше, чем я.

— Но разве Сарпедон не ищет меня? — спросила Кики.

— Этой ночью мой туман спрячет тебя от его глаз. А я уверена, тебе необходимо хорошенько разобраться в самой себе. — Гея вскинула безупречно очерченные брови и приглашающим жестом указала в ту сторону, откуда доносился мерный шум волн. — Пойми наконец, что таится в твоём сердце, дочь моя.

— А Дилан где-то там? — Голос Кики упал почти до шепота.

— Разве он не говорил, что будет ждать тебя?

— Да, но он ведь думает, что я приду сюда, когда мне будет нужно вернуться в тело русалки, а до того еще две ночи. — Кики провела рукой по пышным волосам. — Смогу ли я вообще измениться сегодня? — Она ощущала зов моря, как всегда, но сейчас он не был таким неистовым, как накануне вечером. Это было не непреодолимое желание, а всего лишь нечто вроде зуда под кожей.

— Да, ты действительно должна превращаться в русалку только каждую третью ночь... если ты станешь изменяться чаще, ты, возможно, окажешься не в силах преодолеть желание навсегда остаться в воде.

— И тогда Сарпедон меня поймает...

И еще он убьет Дилана, мысленно добавила Кики.

— Этой ночью можешь не тревожиться из-за Сарпедона. Сосредоточься на познании своего сердца.

— Но если я не могу стать русалкой...

— Если Дилан — твоя настоящая любовь, он должен принять и твою человеческую половину.

Кики показала на свои пышные юбки.

— Я одета совсем не для плавания.

Гея улыбнулась игриво.

— Я всегда думала, что для того, чтобы броситься в объятия океана, не обязательно вообще быть хоть как-то одетым. — Тонким пальцем она коснулась затейливых шнурков на спине девушки. И те мгновенно распустились, платье соскользнуло с плеч Кики, как будто его сняли многочисленные невидимые служанки.

Кики перешагнула упавшие с нее волны шелка и разложила платье на гладком камне. Но прежде чем снять сорочку, она посмотрела на Гею:

— А как же я снова надену все это?

Улыбка Геи стала шире, и она провела прекрасной рукой над платьем, негромко говоря:

— Когда она захочет, твои шнурки зашнуруются сами. Так я сказала; так и будет.

Воздух вокруг платья задрожал, и Кики ощутила вспышку магической силы Геи.

Кики усмехнулась, глядя на богиню.

— Спасибо!

Потом через голову сняла сорочку и сбросила башмаки. Почти машинально она перекинула вперед длинные волосы, прикрывая обнаженную грудь.

— Разве ты стыдишься своего тела, дочь? — спросила Гея.

— Нет. Мне оно кажется прекрасным.

— Тогда, наверное, пребывание в монастыре породило в тебе мысль о том, что красота — это нечто такое, чего следует бояться и что необходимо скрывать? — Улыбка богини смягчила упрек.

— Вот уж нет! — решительно ответила Кики. Одним быстрым движением она забросила волосы за спину, оставив грудь на виду. И наконец, совершенно обнаженная, если не считать оставшихся на ней драгоценностей, девушка пошла навстречу зовущим волнам. Однако вскоре ее шаги стали неуверенными, она внезапно растерялась.

— Позови его, — раздался за спиной голос Геи.

— Просто позвать? — переспросила Кики, через плечо оглядываясь на богиню.

— Он услышит тебя. — Туман начал подползать к богине, сгущаясь, и ее последние слова донеслись как будто издали: — Ты не сможешь сегодня остаться здесь надолго. Надвигается буря, и монахи начнут искать тебя. Но помни, мое благословение всегда с тобой, дочка!

— Я буду помнить, — сказала Кики туману и повернулась к волнам. Она медленно пошла вперед, осторожно пробираясь между камней и раковин, усыпавших песок. Туман кружил возле нее, мягко касаясь лица влажными клубами, и на коже Кики вскоре образовалось множество мелких капель, украшавших ее тело, как жидкие драгоценные камни.

Когда ее босые ноги ступили в воду, она замерла, пристально глядя вперед, но не увидела ничего сквозь густой туман. Чувствуя себя немножко глупо, она приложила ладони ко рту и позвала тритона:

— Дилан! Ты здесь?

Но ей ответил лишь шум волн, набегавших на каменистый берег. Кики вздохнула и снова сложила ладони рупором:

— Дилан!

Кики ощутила его присутствие еще до того, как увидела. По коже пробежало нечто вроде легкого электрического разряда, затихшего где-то в животе... и она поняла, что Дилан уже здесь. Прямо перед ней туман над водой стал чуть более прозрачным.

Дилан вынырнул, отводя длинные черные волосы со сверкающих глаз. Его бросило в жар, когда он увидел девушку. Она выглядела такой чудесной в странном, необычном человеческом теле, линии ее фигуры были такими мягкими... Ее прекрасное лицо осветилось, а на пухлых губах заиграла восхитительная улыбка, — так могла улыбаться только Кристина, его живая, радостная Кристина.

Дилан заговорил, и в его голосе слышался смех:

— Тебе совсем не надо было так кричать, Кристина! Достаточно просто мысленно окликнуть меня. — Он улыбнулся и показал пальцем на свою голову. — Просто посылай мне свои мысли, как ты делала это под водой. Я услышу тебя.

— О!.. — глупо воскликнула Кики. Она была теперь уверена, что он слышит и то, как у нее в животе трепещет крылышками целая стая бабочек. — Я не знала. Гея просто сказала мне, что ты придешь, если я позову.

Лицо Дилана стало серьезным.

— Да, Кристина. Всегда. Я всегда отвечу на твой зов. — Он оглянулся на туман. — Так это твоя богиня устроила?

Девушка кивнула.

— Похоже, Сарпедон рыщет вокруг. Но Гея сказала, он не сможет найти меня в этом тумане. И в любом случае я думаю, он сегодня занят своими делами в монастыре.

— Это почти заставляет меня пожалеть монахов, — сказал Дилан, стараясь придать голосу беспечность, однако было ясно, что упоминание о Сарпедоне совсем не обрадовало тритона.

— Не спеши сочувствовать. Мне кажется, этому монастырю не повредит маленькая встряска. Или, по крайней мере, она будет полезна настоятелю.

Она зарылась пальцами ног в песок и опустила голову. Ей не хотелось рассказывать Дилану о том, что Сарпедон вселился в сэра Андруса. Она даже вообразить не могла, что должен был чувствовать при этом рыцарь... возможно, это было нечто вроде приступа безумия, ревности... и отчаяния из-за того, что он не в силах с этим справиться... Но ей совсем не хотелось, чтобы одержимый Сарпедоном воин помешал ее свиданию с Диланом.

Она посмотрела на тритона — и все мысли о Сарпедоне вылетели у нее из головы. Глаза Дилана не отрывались от ее тела. Кики ощущала этот пристальный взгляд. От него по коже побежали мурашки.

Он заставлял ее задыхаться и нервничать.

— Я знаю, что сегодня не третья ночь, потому и пришла вечером, и... ну... я не могу *измениться* сейчас, но я рада, что ты пришел.

Дилан улыбнулся.

— А я рад, что ты пришла пораньше.

— Даже если я... э-э... не могу сегодня стать русалкой?

Он вскинул бровь и по-мальчишески усмехнулся ей.

— Ты что, боишься, что я позволю тебе утонуть?

От этих слов напряжение сразу оставило Кики, и она наконец тоже улыбнулась.

— Ну, я отлично помню, сколько проглотила воды в тот раз, когда мы встретились впервые.

Тритон расхохотался.

— Да ведь это лишь из-за того, что я не был готов к тому, как ты начнешь брыкаться и вертеться. — Подплыв ближе к берегу, он протянул девушке сильную руку и низким, волнующим голосом сказал: — Сегодня я к этому готов; иди ко мне. Я не дам тебе утонуть.

Без малейших колебаний Кики вошла в воду. Когда ее ноги уже не касались дна, она поплыла вперед, но, прежде чем успела пару раз взмахнуть руками, Дилан подхватил ее.

— Думаю, будет надежнее, если ты позволишь мне плыть за двоих.

— А что ты будешь делать, если я начну брыкаться и вертеться? — поддразнила его Кики.

— Я же сказал, сегодня я к этому готов. — Руки Дилана обхватили обнаженное тело девушки, крепко прижав ее к груди тритона. Кики ощущала ритмичные удары его мощного хвоста, когда тритон разрезал воду, с легкостью удерживая их обоих на поверхности спокойного, окутанного туманом моря. — Я просто буду держать тебя изо всех сил.

— От этого мне только сильнее хочется вертеться и брыкаться, — сообщила Кики, задыхаясь; объятия Дилана пьянили ее.

— Ничего, я позабочусь о том, чтобы ты не утонула, — негромко сказал Дилан, склоняясь к ней.

Их пылающие жаром губы встретились, и Кики закинула руки на плечи Дилана, наслаждаясь ощущением крепких мускулов и гладкой влажной кожи...

— Ох, Дилан, — выдохнула Кики. — Я так по тебе скучала сегодня!

Дилан нежно поцеловал ее в лоб. Когда он заговорил, его голос звучал хрипло от охвативших тритона чувств.

— Я видел тебя.

Кики удивленно моргнула.

— Ты хочешь сказать, когда я завтракала на берегу?

— Да. С тем мужчиной.

Кики осторожно коснулась его щеки, желая прогнать боль из глаз тритона.

— И я видел, как он поцеловал тебя. — Тритон стиснул зубы. — Я никогда прежде не хотел иметь человеческие ноги, но сегодня я не желал ничего иного, кроме как выскочить из воды и отобрать тебя у него.

Странная волна пробежала по телу девушки при этих словах Дилана. Она обхватила его лицо ладонями и заглянула в самую глубину темно-карих глаз.

— Ты должен кое-что знать. — Она ощутила его напряжение, как будто он готовился к удару, и поспешила продолжить: — Я не слишком хорошо во всем этом разбираюсь. Я хочу сказать, у меня нет особого опыта отношений с мужчинами, так что многого я просто не знаю. Но одно я знаю наверняка. Я не хочу лгать тебе. Я верю в искренность и преданность. И я даю тебе слово, что мне не нужен Андрас. Этот человек не для меня.

Тритон расслабился под ее руками, но глаза все еще оставались печальными.

— Человек... — произнес Дилан, грустно улыбаясь. — Ты говоришь, этот человек не для тебя, и я рад это слышать. Но я-то ведь и вовсе не человек.

— Я не имела в виду...

Губы Дилана мягко коснулись ее губ.

— Тсс... Я должен кое-что тебе показать.

Прежде чем Кики успела что-то сказать, Дилан перевернулся на спину, уложив девушку на себя, так что она очутилась над водой. И быстро поплыл задом наперед, защищая Кики от волн; а она уютно устроилась в его руках.

— Я так по тебе скучала, — прошептала она ему на ухо.

Дилан не ответил, но Кики почувствовала, как он кивнул, а его рука ласково погладила ее спину.

Они некоторое время плыли вдоль берега, а потом Дилан остановился перед большим нагромождением камней и коралловых глыб, частично выходящих на сушу. Это было немного похоже на пещеру, только вход в нее был обращен к небу. Скалы и кораллы выстроились в круг, и Кики подумала, что все это напоминает загон для скота.

— Туда можно попасть только одним способом — из-под воды. Тебе придется задержать дыхание, но это совсем ненадолго.

Солнце уже село, вокруг было очень темно, туман скрывал и тот слабый свет, что струился еще в вечернем небе. Кики с легкой тревогой оглядела огромные глыбы, возвышавшиеся над водой.

— Ты уверен?..

Дилан подбодрил ее взглядом.

— А ты обещаешь не брыкаться и не вертеться?

— Я буду вести себя хорошо, — пообещала девушка, стараясь за смехом скрыть беспокойство.

Дилан осторожно поцеловал ее в лоб и взял за подбородок двумя пальцами.

— Я никогда не причиню тебе зла.

Взгляд тритона был теплым, и Кики в его руках почувствовала себя в полной безопасности.

— Я готова, — сказала она.

Дилан передвинул Кики так, чтобы она оказалась перед ним, и повернул спиной к себе. Его руки обхватили талию девушки, а руки самой Кики при этом остались свободными.

— Теперь глубоко вдохни и ныряй. А остальное я сделаю сам.

Кики сразу же, чтобы не передумать, набрала полные легкие воздуха, кивнула, подавая знак, и, вытянув руки над головой, ушла под воду. Дилан подталкивал и направлял ее сзади, и Кики в его руках чувствовала себя гибкой и сильной под водой... и она была почти разочарована тем, как быстро они повернули к поверхности и вместе выскочили из воды. Кики, смеясь, смахнула капли с лица.

— Ух ты! У меня как будто отрос собственный хвост!..

Девушка умолкла, когда осознала, какая невероятная красота окружает их.

Они с Диланом всплыли в центре кольца, образованного кораллами и скалами. Как уже с берега заметила Кики, это природное образование было открыто сверху, а в кольце возникло нечто вроде спокойного озера; скалы и коралловые глыбы защищали его от волн. Но не это было самым удивительным. Вокруг

Кики увидела сотни, если не тысячи светящихся голубых рыбешек, размером с ее палец, — они носились с места на место небольшими стайками, с безупречной синхронностью совершая повороты. Их огоньки наполняли водяной круг неописуемым бирюзовым светом, придавая этому маленькому кусочку океана вид волшебного бассейна, освещенного магическими живыми пузырьками. Это был настоящий оазис света в окутанном туманом мире.

— Дилан, — чуть слышно произнесла Кики, — я никогда не видела ничего подобного!

— Это еще не все.

Он увлек ее за собой к ограждающей озеро скале. И, показав на небольшое углубление в кораллах под водой, предложил:

— Присмотрись.

Кики всмотрелась в чистую, освещенную неоновым светом воду — и задохнулась от изумления. В подводном кармане она увидела двух морских коньков. Миниатюрные копии лошадей, не больше шести дюймов в длину, были окрашены в черные и бронзовые тона, — а сверху на них будто кто-то надел жилеты, разрисованные сверкающими розовыми, желтыми, голубыми и белыми пятнами. Пока Кики рассматривала их, морские коньки кружили друг возле друга, постепенно сближаясь. И наконец они встретились в подвижном объятии, слившись воедино.

— А там другие. — Губы Дилана шевелились прямо около уха девушки. Кики проследила взглядом за его рукой — и увидела вторую парочку морских коньков, начинавших свой грациозный брачный танец.

Кики прислонилась спиной к тритону, держа его за руки.

— Я и не знала, что в океане так много красоты. Я никогда не проводила у моря много времени и даже представить не могла, каким оно может быть невероятно прекрасным. — Кики быстро повернулась в объятиях Дилана. — Ты по-настоящему отличный учитель! Спасибо, что показал мне все это.

— Я просто представить не могу, что ты жила на суше.

— Знаешь, может, сейчас это и покажется глупым, но я всегда боялась воды. Ты ведь и сам уже заметил, я не слишком хорошая пловчиха.

— Так ты не была знакома ни с кем из тритонов или русалок в твоём прежнем мире?

Кики рассмеялась.

— В моём прежнем мире вообще нет никаких русалок и тритонов!

Дилан был поражен.

— Ты уверена?

— Да, вполне уверена. Их считают мифическими существами. Люди сочиняют о них разные истории, изображают их на картинах, но если они вообще когда-то существовали в моём мире, то это было никак не меньше тысячи лет назад.

Дилан совершенно по-новому взглянул на женщину, которую держал в объятиях. Он был ошеломлен осознанием того, что полюбил женщину, которая не просто была жительницей суши, но еще и пришла из непонятного мира, где таких, как он, не существует вовсе. И как же он мог надеяться завоевать ее любовь? Он видел, что девушке весело с ним, что она находит его интересным, а может быть, и необычным и привлекательным, но это не было теми чувствами, на которых строится вечная любовь; все это было мимолет-

ным, преходящим и могло растаять, как тает туман в лучах восходящего солнца. Тритон начал понимать то отчаяние, от которого погибла его мать.

— Должно быть, я кажусь тебе очень странным.

Кики услышала боль в его голосе, почувствовала, как он слегка отстранился от нее, — не настолько, чтобы она рисковала уйти под воду, но все же та интимность, с какой он ее держал, нарушилась, как будто тритону вдруг стало страшно находиться так близко от нее.

— «Странный» — это не то слово, которое я бы выбрала. — Кики прижала к себе его руки, заставляя снова приблизиться.

— А какое слово ты бы выбрала? — спросил Дилан, стараясь, чтобы голос звучал ровно, не выдавая охвативших его бурных чувств.

— Ну, не думаю, что мне удалось бы обойтись одним-единственным словом... мне пришлось бы подобрать несколько. — Кики одной рукой крепко держалась за плечо Дилана. А другой погладила Дилана по щеке. — Прекрасный, — негромко произнесла она, позволив своим пальцам скользнуть к шее Дилана, затем к его плечу. — Эффектный, — продолжила девушка, погладив мощный бицепс и затем коснувшись груди тритона. — Потрясающий. — Рука девушки спустилась к стройной талии. Когда ее пальцы ощутили, как человеческая кожа переходит в кожу подводного существа, Кики слегка заколебалась и посмотрела в глаза Дилану. Он пристально наблюдал за ней, дыхание тритона стало тяжелым. — У меня сейчас ноги, а не хвост, — сказала Кики.

Дилан грустно улыбнулся.

— Да, я это заметил.

— А тебе... э-э... приходилось прежде быть с человеческими женщинами? — спросила она.

На этот раз тритон даже не пытался скрыть удивление.

— Нет! Я никогда не знал женщин с суши. — Он немного помолчал, стараясь найти слова поточнее. — Ни знаком не был, ни... Я хочу сказать, я не...

Девушка быстро кивнула.

— То есть ты хочешь сказать, что у тебя никогда не было близких отношений с женщинами суши, ты даже знаком с ними не был, и все равно ты не считаешь меня отвратительной, хотя вот прямо сейчас у меня определенно человеческое тело.

— Я бы просто не смог счесть тебя отвратительной, — сказал Дилан, в его глазах постепенно разгорался свет понимания. — Несмотря на то, что я никогда не был знаком с существами твоего мира. — Надо же, подумал тритон, она тревожится о том, как он ее воспринимает! Она явно желает его! У Дилана зародилась надежда, что ему, может быть, и не суждено повторить трагическую судьбу матери. Он немного расслабился, улыбка из призрачной превратилась в настоящую.

— Тогда, думаю, тебе не стоит беспокоиться и о том, что у меня никогда не было знакомых подводных мужчин. В общем, если ты не заставишь меня думать, что мои ноги кажутся тебе безобразными...

Кики почувствовала, как расслабилось тело тритона, и прижалась к нему. Он провел рукой по ее спине, по талии... Девушка судорожно вздохнула от неожиданности, когда пальцы тритона скользнули по ее ягодицам и начали гладить ноги.

— Ноги у тебя мягкие и теплые... — Низкий голос тритона завораживал. — И я честно признаюсь, что мне хочется касаться их... очень хочется.

— Мне тоже хочется прикоснуться к тебе, — сказала Кики и осторожно, но уже чуть более уверенно потрогала необычную кожу морского обитателя. И заглянула в глаза Дилана. — Но мне хотелось бы еще и увидеть тебя. Поближе. Ты не возражаешь? — Тритон слегка нахмурился, и Кики поспешила продолжить: — Я хочу сказать, ты ведь видел меня... ну, всю меня, обнаженной. Я ведь совсем недавно стояла на берегу, и на мне не было ничего, кроме улыбки. Но, пожалуй, в тот момент я не совсем готова была увидеть... — Она глазами показала на воду, сквозь которую светился золотом и оранжевыми сполохами хвост тритона. — Увидеть *тебя*.

Дилан как-то странно хмыкнул, но кивнул.

— Я не возражаю, — сказал он.

Оглядевшись вокруг, Дилан довольно быстро нашел то, что искал. Не выпуская Кики из объятий, он пересек бирюзовое озеро и подплыл к гладкому выступу, возвышавшемуся примерно на фут над водой. Кики осмотрела площадку. В длину она была семь-восемь футов и плавно изгибалась вдоль коралловой глыбы. Площадка выглядела достаточно широкой для того, чтобы два человека могли лечь рядом, особенно если бы они лежали на боку и ничего не имели против близости.

Кики охватила нервная дрожь, смешанная с предвкушением, когда Дилан поднял ее над водой и осторожно посадил на край выступа. Кики подвинулась и легла на бок спиной к стене, наблюдая за тритоном.

Одним сильным движением Дилан, схватившись за край выступа, выбросил свое тело из воды, — и вот он уже лежал на боку, лицом к Кики.

Первым, что бросилось в глаза девушке, были размеры тритона — выбравшись на воздух, он стал выглядеть куда более крупным. Кики сразу почувствовала себя совсем маленькой, хотя Ундина в человеческом теле была высокой и роскошной женщиной.

— Какой ты здоровенный! — вырвалось у нее.

Дилан хихикнул, и это помогло девушке справиться с волнением.

— Кристина, я вообще-то точно такой же, каким был в воде.

Темные волосы Дилана падали вперед, и Кики отвела их с лица тритона. Он повернул голову и быстро поцеловал ее ладонь, заставив девушку улыбнуться.

Кики задержала руку на его груди, а потом, глубоко вздохнув, посмотрела вниз.

Бронзовая человеческая кожа продолжалась до подтянутой мускулистой талии, а ниже она сливалась с хвостом тритона. Его цвета были просто невероятными. То, что Кики до сих пор принимала за оранжевый с золотом, оказалось смешением множества разных оттенков желтого и кремового, чистого красного и цвета ржавчины, — и все это сливалось в сполохи пламени и солнечного света. А широкие золотые полосы казались металлическими, они шли поперек хвоста до самого конца, где хвост раздваивался, превращаясь в огромный золотой плавник, прочерченный полосками цвета черного дерева.

Кики потянулась вперед и погладила этот изумительный хвост. Как она уже знала по опыту изучения собственного русалочьего тела, хвост на самом деле

не был покрыт чешуей, хотя цветные пятна, отражая свет, создавали именно такое впечатление. Кожа Дилана под ее пальцами была теплой и мягкой. Рука девушки осторожно исследовала тритона, наслаждаясь ощущением твердых мускулов, выступавших под кожей, когда Дилан слегка вздрагивал от ее прикосновений.

Кики наконец заставила себя отвести взгляд от тела тритона и посмотрела ему в глаза.

— Ты изумителен, Дилан. Я могла бы смотреть на тебя вечно.

Дилану показалось, что его сердце вот-вот разорвется от счастья. Она принадлежала ему! Благодаря какому-то невероятному чуду она желала его так же, как он желал ее. Дилан со стоном обнял девушку и крепко прижал к себе. Он губами отыскал ее губы, и началось новое исследование — исследование вкуса друг друга. Руки опьяневшего от чувств Дилана гладили тело девушки, ее ягодицы, ее ноги...

Кики едва не лишилась дыхания, когда ощутила отвердевшее желание Дилана. И быстро отогнала от себя образ пульсирующей плоти Сарпедона, гигантской, восставшей из складки хвоста... Нет! Она не позволит воспоминанию о Сарпедоне все испортить. С ней был Дилан; она радовалась его прикосновению... и он никогда ее не обидит.

Рука девушки скользнула между их телами и обхватила плоть тритона... Кики пожалела, что у нее почти не было нужного опыта. То, что было в ее ладони, напомнило ей Джерри... это было то же самое сочетание твердости и бархатной мягкости, возбуждавшее ее, несмотря на то что попытка Джерри заняться с ней любовью была весьма и весьма неловкой.

Сначала очень осторожно Кики гладила его, давая себе время привыкнуть... Но в конце концов, он ведь просто мужчина, подумала Кики. Просто вот такой другой, невероятный мужской тип. Кожа Дилана была горячей, все его тело стало скользким от пота. Необычный запах тритона ошеломил чувства девушки. Он был морем и мужчиной, смешавшимися в единое целое, и Кики хотелось утонуть в нем.

Дилан внезапно прервал поцелуй, едва дыша.

— Не спеши, Кристина... — Он дрожащей рукой погладил ее по щеке. — Твои прикосновения воспаляют меня.

Кики быстро убрала руку.

— Извини... Я ведь говорила, у меня почти нет опыта общения с мужчинами... или представителями мужского пола... или...

Она окончательно запуталась и смутилась.

Дилан взял ее за подбородок, заставив посмотреть в глаза.

— Ты неправильно меня поняла. Опыт есть у меня. — Он приподнял бровь и совершенно по-мальчишески хихикнул. — Ты все замечательно делаешь для меня, но мне бы хотелось постараться и для тебя, любовь моя.

— Ох, я просто не знала... — пробормотала Кики, охваченная радостью от его нежности.

— Позволь мне изучить твое прекрасное человеческое тело. Может быть, я найду способ доставить удовольствие нам обоим.

И он начал собственное исследование. Сначала Кики закрыла глаза, когда губы Дилана скользнули от ее губ к шее, потом к груди... и там они задержались. И тут девушка решила, что глаза лучше держать от-

крытыми. И стала с наслаждением наблюдать за тритоном, склонившимся над ней... она видела его темные глаза, его лицо, напряженное от желания. Его губы изучили изгиб ее талии и двинулись дальше, к округлым бедрам, потом к ногам. Дилан поцеловал Кики под коленкой и потерся носом о нежную кожу.

— Они такие мягкие, что просто умоляют прикоснуться к ним, — промурлыкал Дилан, продолжая губами исследовать ноги девушки.

Тритону нравился отчетливый женский запах, исходивший от них. Тепло тела Кристины наполняло его страстью, ему пришлось изо всех сил сдерживать желание овладеть наконец принцессой... Но спешить было нельзя. Дилан глубоко вздохнул и коснулся языком бедра Кики.

— Твоя кожа как шелк, такой тонкий и нежный, какого не носят даже богини.

Кики прикусила нижнюю губу, сдерживая стон.

— Тебе это нравится, любовь моя? — спросил Дилан.

— Да... мне нравится, когда ты меня касаешься, — едва дыша, ответила девушка. — Где угодно... везде...

Руки Дилана теперь осторожно гладили внутреннюю сторону бедер Кики, подбираясь к влажному центру. Когда тритон наконец коснулся ее тайны, девушка невольно выгнулась под его рукой и громко застонала.

— Покажи мне, — попросил Дилан. — Я хочу знать, как доставить тебе удовольствие.

Кики дрожащей рукой направила его, и вот его пальцы отыскали правильный ритм. Когда она, доведенная до высшей точки, выкрикнула его имя, Дилан закрыл ей рот яростным поцелуем, — а когда мир во-

круг Кики перестал бешено вертеться, она обнаружила, что лежит на тритоне. Она чувствовала напряжение его мускулов, а его сердце бешено колотилось рядом с ее обнаженной грудью. Кики положила руки Дилана себе на талию и села на золотую кожу тритона. Глаза Дилана расширились от удивления, когда девушка чуть передвинулась, приподнялась — и направила его копые в свое святилище.

Кики стиснула зубы, ожидая ощутить ту же боль, какую она испытала с Джерри, и потому ввела его кинжал в свои ножны стремительным движением. Но вместо боли ее охватило такое наслаждение, какого она и представить не могла... они с Диланом как будто были созданы друг для друга.

Теперь уже Дилан бормотал ее имя, страстно стоял, крепко держа бедра девушки, выгибавшей спину и раскачивавшейся над ним. Настала его очередь направлять ее, и они снова и снова двигались вместе, и ритм движений ускорялся, пока наконец волна наслаждения не захлестнула их, и сначала Кики, а потом и Дилан достигли финала. Кики бессильно упала на него, и они сжимали друг друга в объятиях, пока их тела не перестали дрожать. А потом Кики заснула в руках Дилана.

Ее разбудило раздраженное чириканье. Она уютно лежала рядом с Диланом. Глаза тритона были закрыты, на губах блуждала довольная улыбка, он поглаживал ее волосы.

— Похоже, он на тебя сердится, — сказал Дилан.

Приподнявшись на локте, Кики через его плечо посмотрела в светящуюся воду. В середине тихого озера показалась дельфинья голова.

— Богиня послала меня за тобой, принцесса!

Кики испугалась.

— Я совсем забыла! Что, уже очень поздно?

— *Не беспокойся*, — успокоил ее дельфин. — *У тебя есть еще время.*

Дилан резко сел и одним движением посадил девушку себе на «колени».

— Что случилось?

— Я должна возвращаться. Гея предостерегала меня, чтобы я не задерживалась здесь надолго. Она сказала, что монахи будут меня искать.

Дилан стиснул зубы, но кивнул и вместе с девушкой скользнул в воду. И ласково, хотя и несколько рассеянно, погладил кружащего рядом дельфина.

— Спасибо тебе, преданный друг. Скажи богине, что я немедленно доставлю принцессу на сушу.

Дельфин зачирикал, ткнулся носом в Кики и исчез под водой.

Тритон поцеловал девушку в шею.

— Ты готова? — спросил он. — Точно так же, как в прошлый раз.

Она кивнула и сделала глубокий вдох; вместе со своим возлюбленным Кики погрузилась в воду, надежно охраняемая и защищенная.

Они не разговаривали, пока Дилан плыл к берегу. А Кики цеплялась за него, стараясь не думать о том, что вот сейчас им придется расстаться.

— Ты уже можешь встать, — с явной неохотой сказал наконец тритон.

Кики встала на дно, но продолжала держаться рядом с Диланом, не желая разрывать его объятия. Она слышала, как прибой бьется о берег неподалеку, но туман и темнота не позволяли увидеть сушу.

— Я должна идти, — сказала Кики, не в силах посмотреть в глаза Дилану.

— Я понимаю. — Он крепче обнял ее. — Ты вернешься завтра вечером?

— Не знаю, — ответила она. — Я постараюсь. Но если не завтра, то послезавтра все равно будет третья ночь, и я должна буду вернуться и сменить тело на русалочье.

Он наконец разжал руки и посмотрел на нее.

— Я буду здесь. Всегда. Тебе нужно только позвать меня.

Кики постучала себя по голове, пытаясь улыбнуться.

— Позвать вот так?

Дилан поцеловал ее в лоб.

— Да, и я услышу твой зов вот тут. — Он взял ее руку и приложил к груди напротив сердца.

Кики потянулась к нему, и они поцеловались отчаянно и страстно.

— Ты теперь — часть меня! — Оторвавшись от ее губ, Дилан сжал плечи девушки и заставил ее посмотреть ему в глаза. — Мы принадлежим друг другу. Мы найдем способ... — И он поцеловал ее в последний раз.

Стараясь скрыть слезы, Кики отступила на шаг назад. А он, прежде чем отпустить девушку, поднес к губам ее руку. Наконец она отвернулась и заставила себя направиться к берегу. Выйдя на песок, Кики оглянулась, но туман уже скрыл от нее Дилана.

— Кристина? — послышался из тумана его голос.

— Я еще здесь, — ответила она.

— Ты ведь хорошо знаешь, как ты себя чувствуешь, когда расстаешься с морем? Как твое тело томится по нему?

— Да. Я знаю это чувство, — сказала она в туман.

— То же самое я чувствую сейчас, когда тебя нет со мной. И если ты когда-нибудь вдруг усомнишься,

что я буду здесь, или подумаешь, что я не буду тебя ждать, вспомни это чувство и знай: я просто не могу без тебя. И это навсегда, Кристина. Я буду ждать тебя вечно... — Голос тритона утих. Дилан вернулся в океан.

— Я буду помнить, — сказала девушка ему вслед, с трудом сдерживаясь, чтобы не разрыдаться.

Прямо перед ней туман рассеялся, и Кики увидела камень, возле которого оставила одежду. Она быстро вытерлась сорочкой и, поморщившись, натянула ее на себя. Потом ступила в круг пышных юбок, лежавших на песке. И как только она просунула руки в рукава, многочисленные шнурки на спине завязались сами собой.

— Спасибо, Гея! — сказала девушка в молчаливую туманную ночь.

На этот раз богиня не ответила, но слева от Кики туман разошелся, и в темноте появился узкий светлый проход. Кики без сомнений пошла туда, стараясь не обращать внимания на чувство потери, усиливающееся с каждым шагом, уносившим ее от воды и от Дилана. Вскоре ей стало понятно, что тропа, по которой она шла, не из тех многочисленных тропинок, что вели к вершине утеса. Эта дорожка виляла между обломками скал и песчаными дюнами, и поначалу можно было подумать, что она уводит от монастыря. Но когда Кики начала уже беспокоиться, не понимая, куда ведет ее богиня, туман снова шевельнулся, — и совсем рядом Кики увидела знакомое место. Это была та тропинка, по которой они с сэром Андрасом проходили утром. Тропинка бежала между высокими деревьями и сливалась с хорошо наезженной дорогой. Кики повернула направо и облегченно вздохнула, сквозь туман увидев неподалеку огни монастыря. До

сих пор она не осознавала, насколько измучена, но теперь две бессонные ночи сказались разом. Кики мрачно усмехнулась. Да уж, сегодня она порадуетя даже своей узкой, жесткой постели. Девушка подобрала юбки и заставила уставшие ноги двигаться побыстрее.

— Давайте-ка, мои милые, шевелитесь, пока за нами не отправили поисковую группу.

— С кем ты разговариваешь, Ундина?

Кики вскрикнула от испуга, когда из тумана перед ней возник рыцарь.

— Андрас! Как ты меня испугал! — Ей показалось, что сердце сейчас выскочит из груди.

Но сэр Андрас не смотрел на нее. Он прошелся вокруг, изучая окрестности.

— С кем ты говорила, Ундина? — повторил он вопрос, на этот раз более настойчиво.

— Да ни с кем, просто с собственными ногами. То есть я хочу сказать, ты меня поймал на том, что я говорила сама с собой.

Она улыбнулась и помахала перед лицом рукой, как будто желая остудить вспыхнувшие от смущения щеки, но во рту у нее пересохло, когда рыцарь повернулся к ней. А что, если им снова овладел Сарпедон? Девушка нервно глотнула, стараясь подавить страх, и присмотрелась к рыцарю. Он с трудом сдерживал ярость, однако в глазах, к счастью, не было безумного серебристого блеска, и черты не исказились до неузнаваемости. Кики облегченно вздохнула. Она стояла перед обозленным мужчиной, а не перед злобным духом.

Кики отступила от него на полшага, но рыцарь грубо схватил ее за плечи мозолистыми руками.

— Где ты была? — требовательно спросил он.

— Нигде. Я просто решила немножко погулять. — Кики постаралась как можно спокойнее посмотреть в его полные ярости глаза.

— Одна, когда уже ночь наступает? С чего бы ты решилась на такое?

Мысли девушки бешено металась в поисках подходящего ответа.

— Та летучая мышь, что сегодня выскочила из колодца... она напугала меня куда больше, чем я думала. — Кики добавила в голос дрожи. — Ты был занят, ушел с аббатом, а я не могла сидеть одна в комнате, вот и подумала, что неплохо было бы вернуться в тот прекрасный уголок, который ты показал мне утром. — Девушка махнула рукой в сторону дороги и увидела, как глаза рыцаря слегка расширились, когда он узнал поворот на тропинку, по которой вел девушку на пляж. Кики мысленно возблагодарила Гею за то, что богиня вывела ее к такому месту, которое само собой подсказало объяснение столь долгому отсутствию. — Вот только туман поднялся, и я заблудилась. — Кики коротко всхлипнула. — А потом стемнело, и я вообще уже боялась, что не найду дорогу обратно.

Сэр Андрас всмотрелся в ее лицо, только теперь заметив темные круги под милыми глазами девушки. Она выглядела уставшей, измученной и совершенно растерянной. И разумеется, его охватило сильное желание защитить ее. Он готов был уже подхватить ее на руки, но тут вдруг заметил, что ее густые волосы промокли насквозь, хотя платье было как будто сухим. Рыцарь прищурился.

— А почему у тебя волосы такие мокрые?

Прежде чем он успел произнести вопрос до конца, с темных небес хлынул холодный дождь, сразу смыв туман.

— Да я вся мокрая! — воскликнула Кики, не в силах сдержать раздражение. — Туман вокруг, дождь! — Она передернула плечами. — Андрас, ты делаешь мне больно.

Сэр Андрас медленно отпустил ее плечи.

Кики обхватила себя руками и вздрогнула.

— Я замерзла, промокла и устала. Я заблудилась, я уже боялась, что мне придется всю ночь провести под открытым небом, а уж ноги у меня... Ты ведь сам слышал, я уже начала с ними разговаривать, так они болят! Так что не будешь ли ты любезен проводить меня в монастырь, или мне придется возвращаться одной?

Рыцарь молча протянул ей руку. Весь его вид говорил о том, что ему не нравятся ни эти слова Кики, ни тон, которым они были сказаны; однако она приняла его руку, и он не стал упрекать ее. Вместо того он, казалось, погрузился в свои мысли. Кики только радовалась, что рыцарь не задает вопросов, но в то же время ей не хотелось бы, чтобы он слишком много размышлял... по крайней мере, о ней или ее выдумках.

Дождь продолжал лить, пока они шли к воротам монастыря. Кики постаралась даже не смотреть в сторону колодца, но она все равно ощутила зловещее присутствие. Они с сэром Андрасом уже почти добрались до комнаты Кики, когда вдруг из глубины едва освещенного коридора возник настоятель.

— Я вижу, ты ее нашел, Андрас. — Аббат Уильям тепло улыбнулся рыцарю, но когда он повернулся к девушке, на его лице появилась презрительная усмешка. — Добрый рыцарь тревожился о тебе, принцесса, как тому и следовало быть. Я совершенно не представляю, что могло заставить тебя покинуть монастырь ночью, в одиночку.

Вежливость и еще раз вежливость, напомнила себе Кики. И постаралась, чтобы в ее тоне не было слышно сарказма.

— Я и не думала, что делаю что-то необычное. Может быть, там, откуда я родом, женщинам не приходится беспокоиться о своей безопасности, если им вздумается погулять? — Прежде чем кто-то из мужчин успел подхватить тему, она продолжила: — Нет, это не значит, что я вспомнила, где мой дом... к сожалению. Это лишь предположение. А теперь, если позволите, мне просто необходимо лечь в постель. Пожалуйста, пришлите Изабель, чтобы она помогла мне снять это мокрое платье!

Она повернулась и уже хотела открыть дверь, но ее остановил голос настоятеля.

— Изабель уже в твоей комнате. Именно благодаря ей мы узнали, что ты отсутствуешь. Когда она пришла, чтобы помочь тебе лечь спать, как ты и просила, она увидела, что тебя нет. Изабель тоже очень встревожилась и немедленно доложила мне, что ты исчезла.

Кики не поверила собственным ушам. Она ведь специально просила не присылать к ней Изабель! Видимо, настоятель хотел дать понять, что за ней присматривают, неважно, почему именно.

— Мне казалось, что я просила Изабель не беспокоиться и не ждать меня этим вечером... Ну, наверное, я так устала, что все перепутала. Я попрошу у Изабель прощения за то, что заставила ее волноваться. Обычно я внимательна к другим. — Она утомленно улыбнулась сэру Андрасу. — Спокойной ночи, Андрас. Прости, что и тебя тоже заставила тревожиться. — Она посмотрела на настоятеля и произнесла куда более решительным тоном: — Впредь я буду более осмотрительной.

На этот раз она уже взялась за ручку двери, когда ее опять задержал вопрос настоятеля:

— Принцесса Ундина, для тебя что-нибудь значит слово «уикинги»?

Кики устало оглянулась через плечо. Пылающий взгляд священника не отрывался от нее, а сэр Андрас таращился на аббата Уильяма, и по выражению его лица девушка поняла, что для него вопрос священника прозвучал совершенно неожиданно.

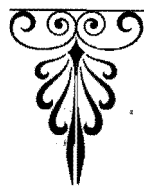
Произнесенное настоятелем слово было очень похоже на «викинги», а в этом определенно был смысл, сообразила Кики. Она ведь находилась на каком-то острове, а в период Средневековья викинги совершали множество набегов на европейское побережье... ну, по крайней мере, Кики вроде бы читала что-то об этом. Она открыла было рот, чтобы бросить короткий отрицательный ответ, сделав вид, что это слово ни о чем ей не говорит, но тут у нее возникла некая идея.

Кики медленно вскинула голову и расправила плечи. И, любезно улыбнувшись священнику, сказала:

— Если ты имеешь в виду викингов, — она тщательно, по слогам произнесла это слово, — то для меня оно означает высоких, светловолосых, мстительных воинов, которым не нравится, когда с чем-то, принадлежащим им, плохо обращаются другие. Спокойной ночи, господа. Даже принцесса может устать от бесконечных вопросов.

Высокая и белокурая, она грациозно шагнула через порог своей комнаты и плотно закрыла за собой дверь.

Глава шестнадцатая

На следующее утро Кики проснулась очень рано от безжалостной боли во всем теле. Боль начиналась в животе и оттуда волнами разбегалась по телу. Далекий шум океана вливался в окно, одновременно маня и терзая девушку. Она лежала с закрытыми глазами, глубоко дыша и пытаясь утихомирить внутреннюю пытку. Еще только одна ночь, твердила себе Кики, а потом она сможет отдохнуть в своем естественном виде... и сможет снова увидеть Дилана.

— Дилан, — прошептала она. И от одного только звука его имени внутри у нее все затрепетало.

Прошлым вечером она не успела хорошенько подумать о том, что произошло между ними. После стычки с сэром Андрасом и настоятелем она могла лишь с трудом удерживать глаза открытыми настолько, чтобы извиниться перед молчаливой, надувшейся Изабель, дожидаться, пока та снимет с нее платье, и рухнуть в постель. Кики показалось, что она заснула еще до того, как голова коснулась жесткой подушки.

Но теперь она отдохнула и окончательно проснулась. Рассвет наполнил комнату дымчатым светом, сглаживавшим краски, как вчерашний туман. Кики улыбнулась и потянулась всем телом, как кошка, вспоминая о полученном наслаждении. Ей страстно захотелось снова очутиться рядом с Диланом, и не только потому, что они могли бы заняться любовью, — хотя Кики призналась себе, что и этого ей тоже очень хочется. Но еще ей хотелось слышать его низкий, заботливый голос, его рассказы о чарующем подводном мире. И ей хотелось заставить его смеяться. Да, она стремилась к нему, ко всему в нем.

— Я люблю его, — вслух произнесла девушка и поспешно прикрыла рот ладонью, как будто нечаянно выдала какую-то тайну. — Ох, Гея! — вздохнула она. — И что нам теперь делать?

Сев в постели, она сбросила ветхое одеяло. Служба в военно-воздушных силах научила девушку действовать, когда возникала проблема, требующая решения, а не сидеть на месте, тревожась. И этим утром Кики мысленно поблагодарила своих наставников за многочисленные учения и тренировки. Она нуждалась в помощи Геи, и ее острый ум уже работал, придумывая некий план. Не желая ждать, пока Изабель решит явиться на помощь, Кики отвергла многослойное платье и набросила на себя грубый шерстяной балахон; она сняла все драгоценности, кроме амулета Геи. Потом Кики закатала длинные рукава балахона и воспользовалась одним из длинных жемчужных ожерелий как поясом. Довольная результатом, Кики аккуратно застелила постель и осторожно открыла тяжелую деревянную дверь.

Для начала она осмотрела коридор и внимательно прислушалась. Не было заметно никакого движения, не слышалось никаких звуков. Девушка на цыпочках прокралась по коридору, радуясь, что в ее мягких башмаках можно было шагать беззвучно. Добравшись до выхода во двор, Кики ненадолго заколебалась. Нет, строго сказала она себе. Разумеется, ей не хочется снова встретиться с Сарпедоном. Но ей необходимо попасть в кухню, а вход в нее находится в дальнем конце обеденной комнаты, которая, в свою очередь, располагается в противоположном конце двора. Кики закрыла глаза и представила себе обеденный зал. И мысленно подсчитала имевшиеся в ней двери. Первая — вход со двора, потом — дверь, которой пользовались слуги, подававшие еду, то есть это и должен быть вход в кухню; и там были еще две двери... Открыв глаза, Кики посмотрела в полутемный коридор, уходивший куда-то в глубь монастыря. В конце концов, здесь ведь был главный холл, и этот коридор должен куда-то вести, и он наверняка так или иначе приведет ее к кухне. Она определенно предпочла бы запутаться среди монашеских спален, чем нос к носу столкнуться с Сарпедоном.

Когда коридор разошелся в разные стороны, образовав нечто вроде буквы «Т», Кики свернула налево и с облегчением вздохнула, когда почуяла запах горячей овсяной каши. Она уже видела, что впереди коридор еще раз поворачивает влево, и подумала, что он выходит в обеденный зал или в какое-то из соседствующих с ним помещений. Обрадовавшись, она подобрала подол балахона и собралась уже пуститься бегом, но вдруг за дверью впереди услышала два очень знакомых голоса. Кики приостановилась, потом бесшумно прошла еще несколько шагов, пока голоса не стали

слышны лучше и она могла уже разбирать слова, — и замерла, напряженно прислушиваясь.

— Но уикинги? — Судя по голосу сэра Андруса, он сейчас был поражен ничуть не меньше, чем накануне вечером, когда священник впервые произнес это слово. — Я об этом вовсе не думал.

— Но после тех известий, что ты получил вчера вечером, как ты можешь в этом сомневаться? Язычники снова учинили набег на побережье материка. И было бы слишком невероятным совпадением, что девушка оказалась в море в то же самое время. Она, скорее всего, участвовала в набеге. Хорошо известно, что уикинги дают образование своим женщинам, так почему бы им не брать их с собой и в разбойничьи походы?

— Нет, мне очень трудно в это поверить. Ты уверен, отец? Она пришла на вечернюю службу. И посмотри только, как она благоговеет перед Пречистой Девой... да разве кто-то из язычников на такое способен?

— Она ведь принцесса. Ее вполне могла воспитывать какая-нибудь няня-рабыня, из тех, кого уикинги захватили в плен. И бедная женщина, наверное, постаралась обратить девушку в истинную веру. Однако ты должен помнить, что она отказалась принять святое причастие, — самодовольно произнес настоятель. — Сын мой, тебя вводит в заблуждение ее красота. — Голос настоятеля зазвучал тепло, по-отечески. — Я с первого взгляда понял, что в ней таится зло. Ты только присмотришься, как она выставляет напоказ свое богатство! А ее необычайно высокий рост? И вспомни, как резко и властно она вела себя прошлым вечером!

Кики закусила губу, сожалея о том, что не сдержалась и проявила характер.

— Ну, мне она просто кажется необычной и прекрасной.

Хотя Кики и не испытывала нежных чувств к рыцарю, ее укололо то, что сэр Андрас был готов предать ее.

— Язычники для того и существуют, чтобы прельщать нас и заставлять забытья,— последовал ответ аббата Уильяма.

— Тогда я понапрасну трачу время, мне не найти тут жену, приданое которой помогло бы вернуть Кайр Лайону его бывшее величие.

Кики удивленно моргнула. Так значит, сэр Андрас охотится здесь за женой, а драгоценности и титул Ундины сделали ее в глазах рыцаря безупречной добычей. Ну а чему, собственно, она удивляется? Знатные люди многие века подряд женились на состояниях и землях. На самом-то деле такие браки были обычными в древнем Уэльсе. А вот брак по любви выглядел бы странно. Кики испытала немалое облегчение. Рыцарь совсем не любил ее. Конечно, он желал ее физически, но ей, по крайней мере, не придется винить себя в том, что она разбила его сердце.

— Однако давай не будем столь поспешно отвергать кандидатуру принцессы,— продолжил тем временем аббат Уильям.

— Ты хочешь, чтобы Кайр Лайон вступил в союз с северными людьми?

— Возможно.— Кики услышала, как сэр Андрас собрался возразить, но аббат перебил его: — Разумеется, уикинг — варвары и убийцы, воры и подлецы, но они богаты. Владения Кайр Лайона находятся в глубине материка, и тебе незачем будет беспокоиться о том, что ее родственники вдруг появятся у ворот, так что такой союз будет носить формальный характер.

Другими словами, гневно подумала Кики, сэр Андрасу предлагается схватить деньги и девушку и попросту сбежать.

— Помни, как только она станет твоей женой, она превратится в твою собственность, и ты сможешь делать с ней все, что захочешь.— В голосе настоятеля звучало лукавство.— И она очутится вне досягаемости своего варварского народа. Конечно, тебе придется немедленно укротить ее слишком свободный дух и завершить ее религиозное воспитание должным образом.

— Я уже решил, что, если она станет моей женой, ей придется укоротить язычок и забыть о своих неприемлемых привычках.— Сэр Андрас издал саркастический смешок.— Одинокие прогулки по ночам — это совсем не то, что может позволить себе супруга доброго христианина!

— Главное — всегда помни правило большого пальца, сын мой.— Священник, похоже, был доволен услышанным.— Ты не вправе ударить ее чем-либо таким, что толще твоего большого пальца, как бы она тебя ни рассердила и как бы она ни заслуживала более сурового наказания.

Рот Кики сам собой раскрылся от изумления.

— Мне вообще не хотелось бы ее бить, но я понимаю, что это мой долг,— сообщил сэр Андрас.

— Я не сомневаюсь, что свой долг ты будешь исполнять.

Кики подумала, что настоятель как будто опьянел при мысли о подобных перспективах, но аббат мгновенно сменил тон и продолжил очень серьезно:

— Но есть кое-что, тревожащее меня очень сильно. Я совсем не уверен, что эти ее одинокие прогулки по ночам так уж невинны.

Кики задержала дыхание, чтобы не пропустить следующие слова.

— Возможно, она пытается как-то связаться со своими людьми.

Кики вытаращила глаза. Интересно, и как бы она могла это сделать?

— Но как бы она это сделала, действительно? — эхом повторил ее мысль сэр Андрас.

— Хотя она якобы и привязана к Пречистой Деве, я уверен: она настоящая язычница, а возможно, еще и колдунья.

Кики отчетливо услышала судорожный вздох перепуганного рыцаря.

— Она вполне могла навести чары, пытаясь докричаться до своего северного народа. Разве ты не заметил, как внезапно и загадочно туман окутал Калди? Это вполне могло произойти от заклинаний, так она могла прикрыть свое черное искусство. С того момента, как здесь появилась Ундина, весь монастырь наполнился странным ощущением тревоги, беспокойства. — Настоятель замолчал, и несколько секунд оба не произносили ни слова.

— Да, я тоже что-то чувствовал. — Сэр Андрас теперь говорил почти шепотом, но Кики его голос казался подобным звону церковного колокола. — Мне не хотелось говорить об этом, но мне чудится нечто не подобающее этим святым стенам.

— Не могу не согласиться с тобой, сын мой. Присутствие этой женщины каким-то образом приносит зло.

Кики показалось, что настоятеля это скорее обрадовало, чем огорчило.

— И ты, понимая это, все-таки думаешь, что мне следует на ней жениться?

— Правило большого пальца, сын мой! Не забывай о правиле большого пальца. И помни, что нельзя недооценивать власть сильного, покорного Богу супруга. Я уверен, что как только она очутится вдали от моря и у нее не будет возможности хоть как-то связаться с другими язычниками, с ней вполне можно будет справиться. Но конечно, ты можешь и не жениться на ней.

— Но тогда что будет с Кайр Лайоном? — спросил сэр Андрас.

— За принцессу можно потребовать выкуп. Конечно, приданое было бы выгоднее, да и с уикингами трудно торговаться, потому что они отъявленные обманщики, — но тогда ты бы избавился от всех сложностей, которые может создать эта женщина, и получил по крайней мере часть денег, необходимых для Кайр Лайона.

Священник рассуждал так, как будто речь шла о покупке животного или недвижимости.

— Ладно, я в ближайшее время решу, как поступить. Было бы не слишком честно делать вид, что я за ней ухаживаю, когда я на самом деле всего лишь хочу получить за нее выкуп.

Кики обрадовалась, услышав это; рыцарь искренне не хотел обманывать ее. Он не был плохим человеком; он был просто человеком своего времени, своей эпохи.

— Только не слишком тревожься из-за этого, сын мой. И не надо принимать поспешных решений. Если бы ее сила была настолько велика, чтобы послать зов своим язычникам, она бы наверняка не потерялась так легко, а точнее, вообще бы не потерялась. Так что разошли воинов, пусть распускают слухи о ее спасении, и эти слухи должны дойти до ее народа. Может быть, их отклик и поможет тебе выбрать правильный путь.

— Как всегда, отец, ты даешь мудрые наставления.

— А ты был мудр еще в детстве и теперь превратился в отличного мужчину. — В голосе священника послышался легкий отзвук тоски. — Я частенько жалел, что ты старший сын в семье — будь иначе, ты смог бы принять обеты и вступить в ряды духовенства. Но Кайр Лайон нуждается в тебе, и моим желаниям не суждено осуществиться.

Кики скептически вскинула брови. Она подумала, что можно не сомневаться в том, каковы истинные желания аббата Уильяма, — даже если сам сэр Андрас и не способен был прочесть их между весьма запутанными высказываниями настоятеля.

— Ты мне льстишь, аббат Уильям.

— А ты меня радуешь, сын мой...

Кики состроила гримасу и тихо отошла подальше от двери. Ей совсем не хотелось слушать продолжение беседы, ведь дальше должен был последовать обмен репликами типа: «Ах, ты такой замечательный», «Нет, это ты такой замечательный...» Да и в любом случае, она уже услышала все, что ей было нужно. Они верят, что их гостя — язычница из племени викингов, обладающая магическими силами.

Ну что ж, подумала она, хотя бы одно они угадали. Она владеет магией. Это Кики знала наверняка. Знала она и то, что не намерена становиться чьим бы то ни было движимым имуществом, будь то хоть сэр Андрас, хоть Сарпедон.

Она тихонько прошла по коридору еще несколько ярдов, а потом развернулась и направилась к двери обеденной комнаты, на этот раз стараясь производить как можно больше шума. Она даже начала вслух

напевать мелодию позывных военно-воздушного флота Соединенных Штатов, хотя слова повторяла только мысленно: «Взлетаем в синий свободный простор...» В столовой она сделала вид, что совершенно не замечает рыцаря и настоятеля, пока сэр Андрас не кашлянул, — и тогда Кики подпрыгнула на месте и глупо захихикала.

— Ох, как ты меня напугал! Я и не заметила, что здесь еще кто-то есть. Доброе утро, сэр Андрас, аббат Уильям. Правда, утро — замечательное время?

— Доброе утро, Ундина. — Голос рыцаря звучал несколько напряженно и неестественно.

— Я удивлен, видя тебя в таком наряде, принцесса. — Настоятель жестом обрисовал монашеский балахон. — Мне казалось, наши простые одеяния слишком грубы для твоего королевского вкуса.

Кики вздохнула и изобразила на лице страдальческое выражение.

— Ну почему большинство людей думает, что принцессы постоянно купаются в шелках и драгоценностях? Это ведь неправда. Как бы мы тогда могли работать?

Священник посмотрел на нее, надменно вскинув бровь.

— И какой же работой ты могла бы заняться здесь, принцесса?

— Я же дала обещание, что приведу в порядок статую Божьей Матери, — напомнила ему Кики. — Меня удивляет, что ты забыл о такой важной задаче.

На этот раз у священника не нашлось мгновенного ответа. Кики поняла, что он действительно забыл об этом, и поспешила закрепить свое преимущество, быстро направившись к двери для прислуги.

Ф. К. Каст

— Я только зайду в кухню и попрошу у служанок ведро и тряпку.

Сэр Андрас наконец обрел дар речи. И торопливо произнес:

— Ундина, я могу помочь тебе собрать и отнести в церковь все необходимое.

— Нет, Андрас, это я должна сделать сама. Я чувствую особую связь с Пресвятой Девой и думаю, для нее важно, чтобы о ней побеспокоилась именно женщина. Но все равно спасибо. Ты так обо мне заботишься! Я весьма ценю твое отношение. — Девушка тепло улыбнулась рыцарю и с удовольствием заметила, как тот с виноватым видом заерзал на месте.

— Принцесса Ундина, увидим ли мы тебя на вечерней службе? — спросил аббат Уильям.

— Да, настоятель. Рада сказать, что вы очень даже увидите меня в церкви. Статуя Божьей Матери пребывает в весьма печальном состоянии, и потребуются много времени и сил, чтобы привести ее в порядок, — сказала Кики через плечо и исчезла за дверью выхода для слуг.

Ох, ну что за мерзкий тип!

Глава семнадцатая

Короткий коридор привел ее в кухню, и это оказалось огромное помещение, безупречно чистое и симпатичное. На низких потолочных балках висели десятки пучков разных трав, и некоторые из них Кики узнала, что весьма ее порадовало. Вдоль стен кухни выстроились очаги, большие и маленькие. Изабель и еще три женщины, которых Кики до сих пор не видела, хлопотали, готовя поздний завтрак или обед. Ни одна из них не заметила девушку, остановившуюся в темном дверном проеме, и у Кики было время внимательно рассмотреть всех. Нетрудно было определить принцип, по которому женщин принимали на монастырскую службу. Каждая из них была старой и так или иначе искалеченной. У женщины, месившей в огромной бадье тесто для хлеба, правая сторона лица искалчилась и обвисла, придавая женщине такой вид, будто та собиралась вот-вот растаять. Женщина, резавшая картофель и лук, делала это одной рукой, а вторая, кривая и

беспольная, была прижата к телу. Третья женщина ошпыивала перья с жирной курицы; на спине этой рабоницы возвышался огромный горб.

Кики почувствовала, как в ней вскипает гнев. Настоятель мог совершенно спокойно повесить на грудь каждой из женщин плакатик с надписью: «Мне позволено находиться здесь только потому, что ни один мужчина никогда не сочтет меня привлекательной». Нечего было и удивляться тому, что Изабель невзлюбила гостью с первого взгляда.

Над одним из очагов, в котором горел несильный огонь, висел огромный котел. В него Изабель, стоявшая спиной к девушке, понемногу добавляла мелко нарезанный чеснок и листья базилика.

— Пахнет просто замечательно, — сказала Кики. Женщины разом вздрогнули от ее голоса. Кики тепло улыбнулась старой Изабель. — Я и не знала, что это ты готовила то рагу. Если бы знала, давно бы сказала тебе, как оно мне понравилось. Ты просто замечательная повариха!

На щеках Изабель вспыхнул легкий румянец от неожиданного комплимента. Кики повернулась и одарила улыбкой остальных женщин.

— С добрым утром! Как приятно видеть наконец женские лица. А то я чувствовала себя просто ужасно одинокой среди мужчин. — Она кивком указала на дверь за спиной. Женщины промолчали, они лишь тарасились на девушку, и Кики постаралась улыбнуться как можно шире: — Меня зовут Ундиной.

Похоже, это наконец подтолкнуло их к действию, и три женщины неловко присели в реверансе, бормоча приветствия. Изабель, прихрамывая, подошла к девушке.

— Принцесса, ты заблудилась?

— Нет, я искала именно кухню.

— Я не думала, что ты проснешься так рано, иначе пришла бы и помогла тебе одеться.

— Нет, мне не для этого кухня понадобилась. Мне нужно что-нибудь для уборки, чтобы взять в церковь. Я подумала, что в кухне можно будет найти какое-нибудь ведро и несколько тряпок, и мыло с водой тоже. Я угадала?

— Да, принцесса, но тебе нужно было только сказать об этом. Тебе незачем самой вникать во все детали. — Потрясение от внезапного прихода Кики прошло, и к Изабель вернулся едва прикрытый сарказм.

— О, но я совсем не хотела, чтобы вы этим занимались... я сама все сделаю. — Кики с удовольствием увидела, как расширились от изумления глаза Изабель. — Мне надо только, чтобы вы мне показали, где все это можно взять. — Кики окинула взглядом всех женщин по очереди и продолжила: — Вы знаете, что в церкви есть великолепная статуя Божьей Матери? — Женщины хранили молчание, но девушка кивнула так, как будто услышала ответ. — Похоже, никто о ней не знает. Это просто несчастье. Совершенно очевидно, что за ней никто не ухаживал уже много лет. Я ее обнаружила вчера, во время мессы, и дала Святой Деве обещание привести ее в порядок. — Она с улыбкой повернулась к Изабель, смотревшей на нее как на сумасшедшую.

— Ты будешь сама ее мыть? — спросила Изабель, не уверенная, что правильно поняла принцессу.

— Да. Я не боюсь намочить руки, — ответила Кики, развеселившись от собственной тайной шутки. —

Так что если вы мне покажете, где взять ведро и немного мыла, я займусь работой.

Изабель молча показала туда, где ошипывала курицу горбунья.

— Спасибо! — воскликнула Кики. И, решительно пройдя через кухню, взяла пустое ведро.

— Вода вон в том бочонке, а мыло и тряпки вот здесь, принцесса. — Горбунья показала на буфет, стоявший рядом с одним из маленьких очагов; он был устроен на манер духового шкафа.

Кики благодарно улыбнулась ей. Сбоку на бочонке со свежей водой висел большой ковш, и Кики быстро наполнила ведро, а потом взяла несколько чистых тряпок и брусок простого мыла с едким запахом.

— Как отсюда дойти до церкви? — спросила она Изабель.

— Вот через этот коридор выйдешь в сад. Найдешь дорогу сама, принцесса?

Девушка кивнула. Ведро оказалось тяжелым, и она порадовалась, что в теле Ундины была высокой и сильной. Но прежде чем выйти из кухни, Кики обернулась и сказала, обращаясь ко всем четверем женщинам:

— Спасибо вам за помощь. И прошу вас, не называйте меня принцессой, это совершенно лишнее. Меня зовут Ундиной... и я просто еще одна женщина в этом доме, битком набитом мужчинами.

Довольная своим последним замечанием, Кики, улыбаясь, зашагала через ухоженный сад, время от времени расплескивая воду на свой балахон и демонстративно не обращая внимания на изумленные взгляды монахов, занятых утренними трудами.

— Они как будто ни разу в жизни не видели женщин, — пробормотала она себе под нос.

Подходя к церкви, девушка изо всех сил старалась не смотреть на чудовищные картины ада, вырезанные вокруг входа, но глаза сами собой устремлялись к ним. Почему-то теперь, когда Кики видела их во второй раз, они встревожили ее еще сильнее, хотя она была уже готова увидеть все эти кошмары. Кики приостановилась, разглядывая барельефы, и попыталась найти в них хоть какой-то проблеск надежды или спасения, но в каждой сцене отражались лишь отчаяние и безнадежность; это были вечные проклятие и боль.

— Это что-то вроде кошмарной автомобильной катастрофы, от которой просто невозможно отвести глаза, — прошептала она, качая головой.

Слегка вздрогнув, она наконец отвернулась от страшных изображений и вошла в полутемное, пропахшее ладаном здание. Даже слабый сероватый свет раннего утра казался ярким по сравнению с тьмой, царившей внутри церкви, и Кики немного постояла на месте, пока глаза привыкали к этой мгле.

В церкви было пусто, если не считать двух монахов, которые стояли на коленях при свете свечей в правом приделе. Когда они обернулись и посмотрели на девушку, Кики приветственно улыбнулась. Они коротко кивнули в ответ и снова принялись что-то монотонно начитывать.

Кики, словно ее притягивало магнитом, пошла вдоль длинных рядов скамей в почти совершенно темную левую часть помещения. Две ярко горевшие свечи манили ее к забытой статуе. Кики остановилась перед ней, поставила на пол ведро и перевела дыхание. И еще раз внимательно посмотрела на Пречистую Деву. Нет, она не ошиблась. У чудесной статуи действительно было лицо Геи.

Прежде всего, решила девушка, ей нужно побольше света. Без малейших колебаний она направилась к столу, стоявшему в центральном нефе. На нем громоздились новые свечи и длинные сухие пруты, которые использовались для зажигания свечей. Набрал столько свечек, сколько вместил подол ее просторного балахона, девушка вернулась к статуе. Потом старательно расставила свечи вокруг Девы и зажгла их. Когда ее маленький уголок церкви засиял, она спиной ощутила взгляды монахов. Быстро оглянувшись через плечо, Кики увидела, что они действительно уставились на нее.

— Братья, прошу вас, помолитесь за обновление статуи Пресвятой Девы. Давно пора было это сделать.

И, не дожидаясь ответа, Кики повернулась к статуе, чтобы взяться за дело.

Все выглядело куда хуже, чем ей показалось днем раньше. Статую покрывали пыль и чешуйки отслоившейся краски, но это было не все. Судя по всему, вся эта часть церкви была давно заброшена. Здесь властвовали грязь и пауки. Когда же Кики окунула в воду первую тряпку, она отчетливо услышала, как кто-то проскользнул в темноте.

Стиснув зубы, она натерла куском мыла влажную тряпку, повторяя снова и снова, что ползучие твари в углах боятся ее куда больше, чем она их... хотя, по правде говоря, она не представляла, как такое может быть.

Работая, девушка размышляла и молилась. Она просила Гею о руководстве и пыталась разобраться в путанице собственных чувств. Ей не понадобилось много времени, чтобы понять: она влюбилась, но это не поможет решить все проблемы... скорее наоборот, проблем стало намного больше.

Скоро она вошла в ритм работы. Ей всегда очень нравилось наводить чистоту и расставлять все по местам; это, кстати, было одной из причин того, что служба в военно-воздушных силах ей весьма подходила. Военная аккуратность — отличная штука, и это был совсем не тот бездушный порядок, что царил в монастырском саду; просто все всегда было на своем месте и сохранялось в наилучшем виде. Кики оторвала от одной из тряпок длинную полосу и подвязала волосы. Ей пришлось трижды возвращаться через сад в кухню, чтобы набрать чистой воды. Женщины по-прежнему помалкивали, если Кики сама не обращалась к ним, но Изабель после второго возвращения девушки приготовила для нее большую кружку травяного чая и ломоть хлеба; а когда Кики явилась за водой в последний раз, старая женщина с дрожащими руками робко улыбнулась ей.

Кики заметила, что солнце уже высоко, а день просто замечательный, но она была слишком занята, чтобы обращать внимание на что-либо еще, — пока наконец не выпрямилась, застонав и схватившись за поясницу. Она отступила от статуи и изучила взглядом свою работу.

— О! — выдохнула Кики, пораженная внезапно открывшейся красотой статуи.

Отмытая Пресвятая Дева, казалось, лучилась жизнью. Теплый свет множества свечей падал на ее голубое платье и глубокое золото волос, и казалось, что Пречистую Деву окружает прозрачная нежная радуга.

— Ты проделала отличную работу, дочь моя.

Голос Геи раздался сзади, и Кики, обернувшись, увидела богиню, присевшую на краешек ближайшей

скамьи. Сегодня на ней было платье из шелка настолько белого и воздушного, что казалось, будто великая Гея поймала клочок облака и закуталась в него.

Кики окинула церковь быстрым взглядом. Она понятия не имела, когда ушли те два монаха, но с облегчением отметила, что внутри нет ни души.

— Я рада, что тебе нравится. — Кики вытерла мокрые руки о перепачканный балахон и подошла к Гее. Со вздохом она опустилась на пол у ног богини. Прислонившись к скамье, она улыбнулась Гее. — До чего же утомительное дело — обдирать всю эту паутину!

Гея посмотрела на статую.

— О ней не вспоминали многие годы. Я хочу, чтобы ты знала: ты не просто смыла с нее какое-то количество грязи. Ты смыла ненависть и пренебрежение.

— Как это? Я не понимаю.

— Ты поймешь, дочка. Ты поймешь. — Богиня протянула руку и отвела прядь волос с лица Кики. От этого прикосновения усталость девушки исчезла. — А теперь я чувствую, что ты подходишь к какому-то решению. Готова ли ты рассказать о нем?

Девушка кивнула. Глядя прямо в глаза богини, она сказала:

— Я люблю Дилана, и я хочу быть с ним всю жизнь.

Бесконечная печаль проскользнула по лицу Геи, но так мимолетно, что девушка решила: ей это просто почудилось.

— Что ж, Дилан — это мудрый выбор, — сказала Гея, нежно, по-матерински касаясь щеки девушки.

— Ты хочешь сказать — если не считать того, что я не могу жить в море, где Сарпедон может убить его и изнасиловать меня? — Кики уперлась локтями в колени и опустила голову на ладони.

— Я должна просто обратиться к Лиру с просьбой. Кики покосилась на богиню, ничуть не обманутая той легкостью, что звучала в голосе Геи.

— Если бы это было так просто, ты бы давно это сделала, — сказала она.

— Но ты до сих пор не была уверена, что любишь Дилана, — возразила богиня.

— Ты думаешь, Лир к тебе прислушается? — осторожно спросила Кики, боясь надеяться.

Улыбка Геи была воплощенным соблазном.

— Прислушивался прежде. И ты — доказательство тому.

Кики чуть было не ляпнула, что Гее совершенно не обязательно вдаваться в подробности, но вовремя прикусила язык. Потом посмотрела на богиню и увидела, что та наблюдает за ней весело горящими глазами... обе расхохотались.

— Да, есть вещи, которых не хотят знать все дочери, — сказала Гея, отирая выступившие слезы.

— Да, в этом ты права, — согласилась Кики, потом добавила: — Вообще-то ты всегда права. А потому мне хочется знать, как ты думаешь: я действительно приняла правильное решение, выбрав Дилана?

— Прежде чем я тебе отвечу, я хочу, чтобы ты ответила на один мой вопрос, дочка. И не нужно ничего обдумывать; мне нужно знать, какой будет первая мысль, пришедшая тебе в голову. — И она быстро сказала: — Что тебе больше всего нравится в тритоне?

И Кики без малейших колебаний ответила:

— Его доброта.

— Ах, — вздохнула богиня. — Да, понимаю. Что ж, тогда я действительно уверена, что твой выбор прави-

лен. Потому что когда волнение, вызываемое его телом, угаснет, а ты захочешь по-прежнему соблюдать клятвы, данные одному-единственному, доброта станет тем бальзамом, который исцелит раны, наносимые жизнью.

— Спасибо, мама,— тихо сказала Кики, и ее глаза наполнились слезами.

Неожиданно для себя Гея вдруг поняла, что и сама тоже старается сдержать слезы; и она осторожно откашлялась, прежде чем заговорить снова.

— Я пошлю зов Лиру сегодня ночью. Возможно, к завтрашнему вечеру у меня уже будут какие-то новости для тебя.

Сердце Кики подпрыгнуло.

— Тогда, может быть, мне уже вообще не придется возвращаться в человеческое тело!

Гея улыбнулась девушке, стараясь не показать печаль, охватившую ее.

— Может быть,— повторила она.— Но помни, дитя, у бессмертных свой счет времени, и боги не любят, когда их торопят. Возможно, Лира придется убеждать...— Гея повела бровями, как бы намекая на что-то.

У Кики слегка вытянулось лицо, и обе женщины надолго замолчали, и каждая задумалась о будущем. Богиня осторожно поглаживала волосы девушки.

Спустя несколько минут Кики сказала:

— Знаешь, здесь ведь не только статуя так запущена и забыта.— Коротким жестом девушка обвела левую часть церкви.— Здесь все в беспорядке, везде грязно. Как будто кто-то нарочно добивался, чтобы люди сюда не заглядывали. Ты не представляешь, сколько грязи я вытащила, а я ведь занималась только статуей и пло-

щадкой вокруг нее.— Кики показала на углы, скрытые в густой тени.— Я еще и не начинала убирать там, но пахнет оттуда так, будто какой-то зверь нагадил. Это просто отвратительно!

Богиня грустно покачала головой.

— Все это допустил Уильям и даже поощрял. Ему недостаточно, чтобы о статуе Божьей Матери забыли. Он хотел, чтобы она была запачкана и осквернена.

— Но почему? — воскликнула Кики.— Что с ним происходит?

— Уильям — запутавшаяся душа, отличный пример того, что происходит с человеком, который соединяет в себе наихудшие свойства власти. Он правит с помощью страха, манипулирует людьми, выискивает чужие слабости и использует их, чтобы никто не смог обнаружить его собственную слабость. Это особенно опасный путь для священнослужителя. Вместо воспитания и взращивания любви он пробуждает в своих последователях постоянный страх и лишает надежды на спасение. На самом-то деле он очень страстный человек и некогда был способен даровать большую любовь.— Гея вздохнула.— А теперь он печален и извращен. Мне его жаль, но я рада, что тебе не придется оставаться рядом с ним слишком долго.— Богиня покачала головой и отбросила волосы, как будто отмахиваясь от чего-то неприятного.— Ладно, хватит на сегодня унылого! Я должна подготовиться к разговору с Лиром, но сначала, я думаю, мне следует помочь моей трудолюбивой дочери в работе.

Богиня встала и подошла к статуе. Удивленная Кики последовала за Геей. Гея остановилась перед дочиста отмытой Пресвятой Девой.

— Да, я хорошо помню того молодого скульптора... он очень хотел добавить кое-что к волосам Марии, но настоятель, заказавший работу, не мог себе этого позволить...

Гея умолкла, как будто втайне улыбаясь сама себе.

— Ты знала человека, который ее сделал? — заинтересованно спросила Кики.

— Разумеется! А иначе разве бы он смог изобразить меня, как ты думаешь? — Гея заодно улыбнулась девушке. — Я тогда приняла облик пастушки и «случайно» встретила его на пути, когда он молился о вдохновении перед началом работы над статуей Пречистой Девы. Мне приятно было ответить на молитвы столь талантливого художника. — Кокетливая улыбка богини стала шире. — И я всегда была уверена, что искусство не должно подчиняться деньгам. Ты согласна, дочка?

Усмехнувшись, девушка кивнула.

— Отлично. Значит, я завершу работу скульптора.

Кики внимательно наблюдала, как богиня протянула вперед левую руку ладонью вверх. А потом правой рукой стала делать кругообразные движения над левой ладонью, как бы сворачивая воздух в спираль... и вот уже Кики отчетливо увидела маленький водоворот искр, похожих на плывущую в воздухе золотую пыль. Обращаясь к этим кружащимся пылинкам, богиня напевно произнесла:

— Закончите то, что начал скульптор; так я сказала, так и будет.

Она легонько дунула на маленький смерч — и тот превратился в золотой водопад, омывший статую; искры осели на волосах Девы Марии волшебным облаком. Еще мгновение-другое они чудесно вспыхива-

ли и подмигивали, но тут Гея слегка прищелкнула языком.

— Не так ярко, прекрасные малыши, — сказала она, и огоньки превратились в обычную позолоту.

— Как чудесно получилось! — воскликнула Кики, но тут же посерьезнела. — Но разве тебе не кажется, что это даст аббату Уильяму повод задать мне множество неприятных вопросов? Например: «Как это ты сумела бросить чары на статую, принцесса?» — Кики состроила гримасу, подражая фальшивому тону настоятеля.

Гея беспечно рассмеялась.

— Нет, дитя, ведь тогда ему придется признать, что он помнит, как выглядела статуя изначально, а это докажет, что он намеренно допустил, чтобы о ней забыли и дурно с ней обращались. — Богиня покачала головой. — И тогда возникнет множество неприятных вопросов к нему самому. В Калди до сих пор остается много хороших людей, кого весьма огорчит намеренное оскорбление статуи Пречистой Девы. А Уильям совсем не желает делать что-то такое, что заставит их стряхнуть давнюю апатию. — Гея взяла девушку за руку. — Но помни: хотя он и не скажет ни слова об этой позолоте, он сразу поймет, что кто-то наложил ее на статую, и не усомнится в том, что ты причастна к этому. Остерегайся его, особенно сегодня вечером и завтра, когда я, возможно, буду очень занята и не смогу быстро откликнуться, если понадобится тебе.

— Я буду... — начала было Кики, но их прервал звук шагов: кто-то вошел в церковь.

Кики оглянулась на дверь и увидела в проеме четкий силуэт Изабель, освещенный солнцем сзади. В то же мгновение богиня исчезла. Кики вздохнула, но с

улыбкой повернулась к старой служанке, что шла по проходу между скамьями, прихрамывая, как обычно.

Изабель оглядела церковь.

— Мне показалось, ты с кем-то разговаривала, принцесса.

— Я просто обращалась к Пресвятой Деве, говорила ей, как она прекрасно выглядит.

Старая женщина недоуменно посмотрела на статую — и ее глаза широко распахнулись и наполнились слезами. Дрожа всем телом, она приблизилась к Пречистой Деве и опустилась перед ней на колени с изыщством, немало удивившим Кики.

— Ты только посмотри на нее! Я никогда не видела ничего прекраснее. Богоматерь как будто светится жизнью... — Изабель склонила голову и сложила ладони перед собой.

Прочитав молитву, женщина поклонилась, а потом с трудом поднялась на ноги. И только после этого повернулась к девушке.

— Ты это сделала. Ты вернула ее к жизни. Спасибо, — просто сказала Изабель.

— Незачем меня благодарить, Изабель. Но в любом случае, в таком месте, где слишком много мужчин, женщинам лучше держаться вместе и иметь свою защитницу. Тебе так не кажется?

— Да, принцесса.

Но на этот раз Изабель произнесла высокий титул с легкой улыбкой, отчего официальное обращение приобрело оттенок чего-то личного, нежного. Кики поразились, как искренняя улыбка изменила лицо старой женщины. Впервые Кики заметила куда более молодую Изабель, скрытую за горестной маской старухи.

— Ты, должно быть, умираешь от голода, Ундина. Работала весь день без передышки. Скоро уже и вечерняя молитва.

Кики удивилась, как много прошло времени.

— А я-то думала, сейчас около полудня! — Она посмотрела на свой перепачканный балахон. — Ну, хотя мне и ужасно хочется задержаться здесь и посмотреть, как монахи отреагируют на нашу статую, все-таки, наверное, я не одета должным образом для вечерней службы.

Лицо Изабель озарилось еще одной счастливой улыбкой, когда Кики сказала «наша», говоря о статуе Девы, и девушка искренне порадовалась, видя удовольствие старой женщины.

— Так давай поскорее сменим эту грязную рясу на чистую одежду, — сказала Изабель.

— Чистая одежда — это просто замечательно звучит! — сообщила Кики.

Они вышли из церкви, выплеснули из ведра грязную воду и не спеша пошли через сад, обсуждая, что именно понадобится Кики завтра, чтобы продолжить труды по обновлению церкви.

Потом они свернули на какую-то узенькую тропинку и очутились в незнакомой девушке части сада. Здесь совсем не было цветов, зато по обе стороны тропинки рядами росли маленькие, тщательно ухоженные растения. Кики остановилась и внимательно присмотрелась к зеленым грядкам.

— О! — радостно воскликнула она. — Целебные травы! Нет, ты только посмотри! — Она осторожно пробралась между рядами, наклоняясь и касаясь ближайших растений. — И базилик, и петрушка, и кори-

андр... — Она рассмеялась. — Нет, вот это — кориандр, а это — петрушка. Их очень легко перепутать. — Она оглянулась на Изабель и увидела, что та смотрит на нее с неприкрытым удивлением.

— Ты обладаешь знанием целебных трав?

Девушка кивнула.

— Я знаю не так много, как хотелось бы, но я всегда выращивала разные травы. Мне нравится копаться в земле и знать, что именно благодаря моим собственным усилиям у меня такой вкусный чай. Вообще-то... — Кики ненадолго замолчала, осторожно выбирая слова, чтобы не задеть старую женщину. — Ты никогда не думала о том, чтобы добавить немножко мяты в твоё потрясающее тушеное мясо? Мне кажется, она неплохо подойдет к баранине.

Старая женщина в ответ лишь широко раскрыла глаза.

— Я совсем не хотела тебя обидеть, — поспешно продолжила Кики, встревоженная молчанием Изабель. — Твое жаркое и так вкуснее всего, что я когда-либо пробовала.

— Ты меня вовсе не обидела. Ты меня удивила. Я вижу, что была не права, осуждая тебя, Ундина, а когда я ошибаюсь, я стараюсь поскорее исправить ошибку. Поэтому я должна просить у тебя прощения.

— Но тебе не за что его просить, — возразила Кики, улыбаясь, и в ответ увидела улыбку старой служанки. — Ты ведь меня совсем не знала, а я не знала тебя. Так что назовем это простым недопониманием.

— Недопонимание, — повторила старая женщина. — Мне это нравится. Мне также нравится мысль о том, чтобы добавлять мяту в тушеную баранину. Наберем ее прямо сейчас?

— Вместе, — с улыбкой кивнула девушка.

— Да, вместе. — Изабель улыбнулась в ответ, и женщины принялись обрывать верхние листья душистых растений.

Передник Изабель наполнился мятой, и они с Кики, дружески болтая о том, как можно использовать зелень кориандра, добрались наконец до кухни. Остальные женщины устали на них, и на лицах отразилось неприкрытое удивление.

Изабель высыпала мяту на ближайший стол. Несколько прядок серебристо-седых волос выбились из узла и беспорядочно падали на лицо. Изабель заправила их за уши и хихикнула, внезапно напомнив девушке юную школьницу.

— Ундина подала мне прекрасную идею насчет вечернего рагу. — Изабель посмотрела на троих женщин по очереди. — Принцесса обладает мудростью понимания целебных трав.

— Ну, я не назвала бы это мудростью. Просто мне нравится заниматься растениями и нравится добавлять их в разные блюда, — сказала Кики, слегка смущенная неожиданной похвалой Изабель.

— Только мудрые женщины понимают, как использовать целебные травы, — негромко сказала горбунья.

Кики улыбнулась ей.

— Мне просто нравится работать руками. Мне становится хорошо, когда я заканчиваю что-то и при этом вижу, что потрудились на славу.

— Ох, вы все должны увидеть Пречистую Деву! — воскликнула Изабель. — Это же просто чудо!

— Это не чудо, — проворчала женщина с искалеченной рукой. — Нетрудно заметить, что принцесса про-

сто собрала всю грязь с Пречистой Девы и размазала ее по себе. — И старуха хрипло рассмеялась над собственной шуткой.

Остальные женщины умолкли, не зная, как девушка отреагирует на подобную невежливость.

— Нет, мне это все-таки кажется чем-то вроде чуда, — серьезно ответила Кики. — Назовите мне причину, по которой принцесса могла бы вот так перепачкаться... ну, разве что она ужасно неуклюжа и вывалилась из седла, когда рыцарь пытался увезти ее в золотой замок.

Кики приложила перепачканную зеленью ладонь к грязному лбу и, как сумела, изобразила принцессу, в обмороке летящую из седла в придорожную грязь.

Изабель хихикнула.

— Принцесса, мне что-то кажется, тебе следует научиться падать в обморок. Пока что у тебя получается слишком... — Она замялась, подбирая слово.

— Неубедительно, — закончила за нее женщина с наполовину парализованным лицом, невнятно выговорив слово.

— Неубедительно! — Кики прижала руку к сердцу и сделала вид, что оскорблена до глубины души. — О, как ты меня ранила!

— Ох, превосходно! — усмехнулась женщина с искалеченной рукой. — Ты слишком крепка, чтобы тебя можно было так легко ранить.

Кики улыбнулась всем сразу.

— Ну, может быть, вы четверо не поленитесь показать мне, как изобразить правдоподобный обморок?

Четыре пары блестящих глаз уставились на нее, потом женщины переглянулись между собой. А потом,

забыв об увечьях, под нарастающий смех женщины принялись изображать каждая свою версию правдоподобного обморока.

Кики давно так не хохотала. Она свалилась на стул, держась за бока, и умоляла женщин остановиться, когда в кухню стремительно вошел монах; Кики узнала его, это был брат Питер.

— Что здесь происходит? — заорал он. И тут же умолк, словно подавившись, потому что заметил Кики.

Женщины мгновенно помрачнели, и Кики явственно увидела, как в их взглядах вспыхнул страх.

Она стремительно встала и обратилась к монаху тоном, который, как она надеялась, звучал вполне повелительно:

— Ты брат Питер, не так ли?

Монах кивнул.

— Да, принцесса.

— Как ты можешь догадаться по моей грязной одежде, я весь день отмывала статую Непорочной Девы. Это была очень тяжелая, утомительная работа, и я нуждалась в небольшом отдыхе. Разумеется, мне и в голову не пришло беспокоить святых братьев, поэтому я нашла Изабель. И приказала ей и этим трем служанкам повеселить меня. — Она небрежно махнула рукой в сторону застывших женщин. — Но теперь с меня достаточно веселья. — Она одарила смущенного монаха любезной улыбкой. — Спасибо, что зашел и проверил, как у меня дела. Пожалуйста, передай настоятелю мои сожаления — мне придется сегодня вечером пропустить мессу, но, как ты и сам видишь, я не одета для вечерней молитвы. — И она демонстративно повернулась к монаху спиной.

— Да, принцесса,— пробормотал он и поспешно вышел из комнаты.

Удостоверившись, что он ушел, Кики обратилась к женщинам:

— Монахи здесь не слишком-то много веселятся, правда?

Женщины как будто постепенно оттаяли, тяжело дыша.

— Но это не значит, что мы не можем посмеяться,— продолжила Кики.

Женщины посмотрели на нее с большим сомнением.

— Аббат Уильям говорит, что веселье греховно,— тихо сказала Изабель, но на этот раз в ее голосе не было того самодовольства, с каким она обычно повторяла для Кики наставления аббата; женщина говорила устало и печально.

— А как насчет того, что говорил Христос? — спросила Кики, и все устремленные на нее глаза сразу стали предельно внимательными.— Он сказал: «Пусть дети приходят ко мне». Ну а дети, особенно маленькие, постоянно смеются, играют и веселятся. Как вы думаете, если бы веселье было таким уж большим грехом, разве Христос стал бы говорить такое? Он бы сказал что-нибудь вроде: «Пусть малые дети заткнутся, или я их выпорю и не пущу в рай». Ведь так?

— Ты прекрасно рассуждаешь, Ундина,— сказала женщина с искаленной рукой.

— Как тебя зовут? — спросила ее девушка.

— Линелле,— ответила та с улыбкой, продемонстрировав множество крупных желтых зубов.

— А твое имя? — обернулась Ундина к женщине с наполовину парализованным лицом.

— Бронвин,— невнятно произнесла та.

— А меня зовут Гвенит,— поспешила сказать горбунья, не дожидаясь вопроса.

— Леди, для меня большая честь познакомиться с вами. А я — принцесса Ундина, которая не помнит ничего, кроме собственного имени,— сообщила Кики, стараясь подражать английской королеве. Зрительницы одобрительно захихикали. Потом Кики раскланялась перед ними, как прима-балерина, и едва не шлепнулась на пол, запутавшись в подоле необъятного балахона.

Изабель со смехом подхватила ее.

— Наверное, я должна помочь тебе снять это.

Кики улыбнулась старухе.

— Ну да, и надеть что-нибудь более королевское.

— Конечно,— кивнула Изабель, передразнивая важную интонацию девушки.— После тебя, моя леди.

Обе, пятясь задом наперед, покинули кухню, важно помахав руками смеющимся «подданным».

— А можно мне как-нибудь помыться? — спросила Кики, когда они с Изабель проходили через пустую столовую.

Изабель погладила ее по руке.

— Иди в свою комнату. Я принесу бадью. Ты встанешь в нее, и я оболью тебя водой.

— И я смогу раздеться догола?

Изабель несколько напряженно улыбнулась.

— Если настаиваешь.

— Я настаиваю,— твердо сказала Кики.

— Я вообще-то сама снимаю нижнее белье, когда моюсь,— призналась старая женщина.

— Я знаю,— кивнула девушка.

Ф. К. Каст

Изабель удивленно наморщила и без того морщинистый лоб.

— Откуда ты можешь знать?

Кики потянула носом и сказала:

— У тебя нет плохого запаха.

Старая женщина уже исчезла за поворотом коридора, отправившись за бадьей, а до Кики все еще доносился ее сдержанный смех.

Глава восемнадцатая

Желудок Кики издал весьма недалекое рычание, когда Изабель зашнуровывала на ней платье.

— Забыла поесть, да? — со смехом спросила Изабель.

— Ох, умоляю, скажи, что у тебя осталось немножко тушеного мяса.

— Для тебя — конечно. В конце концов, это ведь ты придумала добавить туда мяты.

— Хорошо получилось?

— Прекрасно! Думаю, ты произвела такое впечатление на Бронвин, что она могла припрятать для тебя и ломоть своего удивительного хлеба.

— Звучит заманчиво, — сказала Кики, когда они уже торопливо шли по коридору. — Как ты думаешь, монахи все еще на вечерней службе? Я действительно устала и предпочла бы сейчас не беседовать с настоятелем и сэром Андрасом.

Тяжелая физическая нагрузка, доставшаяся Кики, усилила постоянную боль от тяги к воде, и она меньше всего желала бы

сейчас пикироваться с настоятелем или отражать попытки сэра Андруса проявить светскую любезность.

Кики ощутила взгляд Изабель. Когда старая женщина заговорила, ее голос был очень серьезен.

— Всем видно, что вы с аббатом не нравитесь друг другу, и удивляться тут совершенно нечему. Аббат Уильям не одобряет красоту, а ты — само воплощение красоты. Даже я судила о тебе слишком строго из-за твоей внешности.

Кики открыла было рот, чтобы что-то сказать, но Изабель резко качнула головой, не позволяя себя перебить.

— Нет, не надо говорить, что ты меня не винишь. Я прекрасно осознаю глупость собственного поведения. И я понимаю, почему ты не испытываешь добрых чувств к настоятелю, но мне непонятно, почему тебе не нравится внимание сэра Андруса. Поначалу казалось, что тебе по душе его общество, но я наблюдала за вами обоими... И в последнее время заметно, что он тебя раздражает, даже вызывает неприязнь, будь он хоть рядом, хоть нет.

— Я и не думала, что это так заметно.

— Это было видно, когда ты очень устала, — с улыбкой сказала Изабель. — Или, может быть, это понятно другой женщине.

Они зашагали через двор, и Кики в задумчивости прикусила нижнюю губу, не зная, насколько она может довериться старой служанке. Она глянула на колодец, но тот выглядел как самое обычное каменное сооружение. Ну и хорошо, подумала Кики, хотя бы об этом Изабель не спрашивает.

— Прости меня, Ундина, если я задала слишком личный вопрос... — снова заговорила Изабель.

— Ничего, — заверила ее Кики. — Я не возражаю. Я просто думала, как лучше тебе ответить. — Она вздохнула и решила, что лучше всего говорить правду... ну, по крайней мере, как можно больше правды. Ложью не завоеешь хороших друзей, а Кики очень хотелось подружиться со старой женщиной. — Ты права. Поначалу я подумала, что, может быть, смогу принять его или даже полюбить. Он кажется приятным, и он, безусловно, красив.

Изабель одобрительно хмыкнула и кивнула.

— Но чем больше времени я провожу с ним, чем больше я его узнаю, тем яснее становится, что это не мой мужчина. Это не значит, конечно, что он совсем уж ужасный парень или что-то в этом роде. И его вины тут нет. Дело в том, что мы с ним просто друг другу не подходим. — Кики чуть наклонилась к Изабель и продолжила, понизив голос: — А сегодня утром я подслушала, как они с настоятелем говорили обо мне. Они размышляли, следует ли вообще рыцарю жениться на мне, и говорили так, будто обсуждали покупку породистой кобылы, а то и вовсе какого-нибудь дома.

Изабель, прищурившись, всмотрелась в лицо девушки.

— Ты, должно быть, из каких-то очень далеких земель.

— Видимо, да, — сказала Кики. — Я совершенно уверена, что далеко не все мужчины думают о женщинах как о своей собственности. Некоторые из них добры и уважительны и смотрят на женщин как на подруг.

Голос Кики смягчился — она подумала о Дилане.

— Так значит, ты любишь кого-то другого? — Изабель едва заметно подмигнула, и Кики невольно улыбнулась в ответ.

— Шлюха!

Шипящее слово раздалось за спинами женщин.

Обе вздрогнули и обернулись — чтобы очутиться лицом к лицу с сэром Андрасом. Лицо рыцаря было таким бледным, что сэр Андрас стал похож на привидение. Его светлые волосы растрепались, глаза горели зловещим серебристым светом.

— Шлюха! — снова прошипел он. — Не думай, что ты нас обманула! Мы знаем, кто ты есть на самом деле! Мы знаем, что ты нечиста! Ты распутничала, и ты дорого заплатишь за предательство!

Кики содрогнулась всем телом от зловещего звучания этих слов. Они вырывались изо рта рыцаря с какой-то неестественной силой. «Мы?» О ком это он говорит? Мысли Кики заметались, она посмотрела в сторону колодца. И увидела над ним темную дымку, как над перегретой солнцем асфальтированной дорогой.

— Беги за помощью! — прошептала Кики Изабель.

— Нет! Я тебя не оставляю! — ответила та. Потом вскинула руки в успокаивающем жесте и заговорила с рыцарем тоном раздраженной бабушки: — Ну-ка, сэр Андрас, оставь принцессу в покое. Если вы с ней друг друга не поняли, можно и по-человечески договориться. Не думаю, что настоятель одобрит твои со всем не джентльменские слова.

Глаза рыцаря сузились, превратившись в щелки, когда он уставился на Изабель.

— Да, мы друг друга не поняли. — Его горящий взгляд по-змеиному скользнул к Ундине. — Единственно верным будет, если мы соединимся. Я получу то, что принадлежит мне по праву!

И прежде чем Кики успела шевельнуться, сэр Андрас ринулся вперед и с бешеной силой схватил ее за запястье.

Как только он коснулся девушки, амулет великой богини засветился. Кики почувствовала, как его мощь стремительно нарастает.

— Хватит этих дурацких игр, — прошептал бестелесный голос в ухо девушки. — Ты не можешь ничего изменить. Ты будешь моей.

Кики посмотрела прямо в серебристые глаза и решительно сказала духу, овладевшему рыцарем:

— Никогда! Я никогда не буду твоей, Сарпедон. — Она сосредоточилась на силе богини, разгоравшейся внутри камня, висевшего у нее на груди. Кики чувствовала ее, это было похоже на волны, набегающие на берег и уходящие от него. Сила была живой, подвижной, и Кики знала, что вправе воспользоваться ею. В одно мгновение она впитала в себя силу амулета и со всего размаха ударила рыцаря по щеке.

Сэр Андрас взвизгнул, когда мощь великой богини отшвырнула его от Кики. Он согнулся и упал на колени. Кики увидела, как темный дым втянулся в колодец.

Во дворе было тихо, если не считать громкого, прерывистого дыхания рыцаря. Кики ослабела, как будто удар, нанесенный рыцарю, полностью лишил ее сил. Она, пошатнувшись, отступила назад, и тут же Изабель поспешила поддержать ее сильной рукой.

— Сын мой! Что случилось?

Во двор вышел настоятель; его красная ряса развевалась, словно флаг. Следом за ним спешили несколько монахов, похожих на ужасно смущенных белых мы-

шей. Священник загородил от них сэра Андруса и помог рыцарю подняться на ноги.

— Аббат Уильям, этот рыцарь... — заговорила Изабель дрожащим голосом, но Кики перебила ее, не дав договорить.

— У него, должно быть, обморок случился, — быстро сказала она, сжав руку Изабель, чтобы та молчала. — Изабель провожала меня на ужин, и мы нашли сэра Андруса лежащим вот здесь, во дворе. Он не шевелился. Мы просто потрясены!

— Да, — подтвердила старая служанка. — Мне бы следовало сразу побежать за помощью, но принцесса просто обезумела, и я не смогла ее оставить.

Кики благодарно посмотрела на Изабель.

— А потом сэр Андрус очнулся и стал подниматься, — продолжила Кики, — и как раз тут вы все вышли во двор.

Все разом повернулись к рыцарю. Неестественное свечение окончательно исчезло из его глаз, но выглядел рыцарь просто ужасно. Его волосы насквозь промокли от пота, прилипнув к голове, и на рубахе выступили темные пятна.

— Я... я помню, что слышал голос Ундины. — Сэр Андрус потряс головой, пытаясь прояснить мысли. — И амулет... Я помню амулет. — Он провел дрожащей рукой по влажным волосам. — А больше ничего не помню... а потом я услышал твой голос, отец.

— Не бойся, сын мой. Мы разберемся, что именно так помutilо твой рассудок. — Священник говорил мягким, отеческим тоном. — Если это дурное воздействие рассеялось при моем появлении, значит, что бы ни напало на тебя, оно наверняка пришло со стороны тьмы, иначе бы оно не испугалось света Господа.

Говоря это, священник не смотрел на рыцаря; он пристально изучал Кики. Она сразу почувствовала, когда его взгляд отыскал янтарную каплю, висевшую на длинной серебряной цепочке. В вечернем свете янтарь казался темнее обычного. Девушка дотронулась до амулета. Тепло, все еще исходившее от него, успокоило ее. Настоятель подошел к Кики немного ближе, чтобы рассмотреть кулон.

— И что это за языческий талисман? — Ни малейшей любезности не осталось в его голосе, когда он обратился к Кики. — Сними его и дай мне осмотреть.

Кики покачала головой.

— Он не языческий, и я не могу его снять. Это подарок моей матери.

Глаза священника снова сузились.

— Так значит, ты вспомнила свою мать?

— Я помню ее любовь, и я помню ее подарок, — вызывающе ответила девушка.

— Я должен исследовать этот дар, — насмешливо произнес настоятель.

Он медленно протянул руку к девушке, а Кики со страхом подумала, не обожжет ли его янтарь. Он ведь весьма успешно отгонял от нее дурные энергии, а уж этот священник был просто сплошным огромным сгустком темной силы. Его маленькие пороссячи глазки уставились на девушку, и она чувствовала себя так, словно готова была хлопнуться...

Ну конечно, подумала она. И с легким вздохом, заставившим бы Линелле, Бронвин и Гвенит гордиться своей ученицей, Кики драматически рухнула в обморок.

К счастью, сильные руки Изабель уже были готовы подхватить ее, и обе женщины неловко опустили

на землю. Кики полулежала на коленях служанки, а Изабель покачивала ее, как малого ребенка. Кики судорожно втянула воздух и позволила ресницам затрепетать, словно понемногу приходя в себя.

— Бедняжка! — воскликнула Изабель. — Она сегодня почти ничего не ела. Это дитя с самого рассвета хлопотало возле Пресвятой Девы. — Сквозь полуопущенные ресницы Кики увидела, как несколько монахов благоговейно перекрестились при упоминании статуи. — Ну, смотри! — Кики ощутила, как натянулась цепочка, когда Изабель решительно схватила амулет и сжала его в мозолистой ладони. — Смотри, он не жжется! Это просто маленький дар от любящей матери! У сэра Андраса неожиданный аполексический удар случился, только и всего! Этот добрый рыцарь не в своем уме! И он уж точно нуждается в твоей помощи, так же как принцесса нуждается в моей. — Изабель говорила с такой решимостью, что настоятель от изумления замолчал.

— Ох, Изабель, мне так плохо... — простила Кики. — Что случилось?

Изабель отвела волосы с лица Кики.

— Тише, овечка моя, все в порядке. Тебе станет лучше, как только ты поешь.

С трудом поднявшись на ноги, старая женщина помогла встать Кики.

— А теперь я прошу нас извинить, аббат. Я позабочусь, чтобы принцессу накормили, а потом уложу ее спать.

Изабель захромала к двери обеденной комнаты, обняв Кики за талию и как бы защищая девушку. Толпа молчаливых монахов расступилась перед ними.

— Пока мы не выясним точно, что именно напало на сэра Андраса, я поставлю одного из братьев перед дверью принцессы... чтобы уберечь ее. — Голос настоятеля, прозвучавший как удар, заставил женщин остановиться.

Кики, опираясь на старую Изабель, полуобернулась к священнику. Он уже вернулся к рыцарю, и его рука лежала на плече сэра Андраса.

— Спасибо, что заботишься о моей безопасности, — сказала Кики, постаравшись, чтобы ее голос был слабым и дрожащим.

— Я забочусь обо всех заблудших...

Женщины покинули двор, и голос настоятеля затих.

— Я не хочу есть в этой комнате, — прошептала Кики, когда они с Изабель уже были в коридоре. Изабель понимающе кивнула, и они повернули к служебному входу в кухню.

Первой их заметила Линелле. Но ее радость тут же сменилась озабоченностью.

— Сэр Андрас напал на нее, — мрачно сообщила Изабель, ведя девушку к примитивному табурету, стоявшему перед центральным рабочим столом. — Ей надо поесть и выпить.

Четыре женщины принялись за работу, действуя как хорошо отлаженный механизм, и вскоре перед Кики уже стояла миска с дымящимся тушеным мясом, приправленным мятой; наслаждаясь мясом, Кики заливала его по очереди то травяным чаем из кружки, то ароматным красным вином из кубка.

— Выпей весь чай, — невнятно произнесла Бронвин, пока остальные женщины хлопотали вокруг Ки-

ки, как курицы возле цыпленка. — В нем ромашка и ягоды шиповника. Они успокоят твой желудок.

— И вино все допей, — хриплым голосом потребовала Линелле. — Оно поможет всему остальному.

Кики устало улыбнулась женщинам.

Изабель положила ей еще порцию мяса, и Кики не стала отказываться. Ставя перед ней вторую миску с рагу, служанка спросила:

— Ты достаточно оправилась, чтобы объяснить все?

Другие женщины замерли, охваченные любопытством. Кики медленно кивнула.

— Что, рыцарь был не самим собой?

— Да, он не был собой, — ответила Кики, прямо посмотрев в глаза Изабель.

— Он выглядел одержимым, — негромко сказала Изабель.

Кики услышала, как испуганно вздохнули женщины, но продолжала смотреть только на Изабель.

— Да, это так. Сэрм Андрасом завладело существо по имени Сарпедон. Я как раз бежала от него, когда рыцарь нашел меня неподалеку от вашего берега.

Изабель кивнула.

— Я это знала. Я слишком хорошо видела, как рыцарь изменился, да еще то имя, которое ты назвала, когда говорила с ним... — Старая женщина глубоко вздохнула, прежде чем задать следующий вопрос: — Ты не хотела, чтобы настоятель прикоснулся к твоему амулету. Почему?

— Потому что я не знала, что он почувствует, прикоснувшись к янтарю. Вот ты что ощутила?

— Тепло, — просто ответила Изабель.

Девушка понимающе кивнула.

— Ну да, потому что ты не желаешь мне зла. А Сарпедон желал, поэтому амулет защитил меня. И я думаю, настоятель тоже желает мне навредить. И я не знаю, что произойдет, если он коснется камня.

— Ты колдунья? — спросила Изабель.

Их взгляды встретились, и Кики отрицательно качнула головой.

— Нет, не колдунья.

— Но откуда тебе знать? — тихо спросила горбунья Гвенит. — Ты же ничего не помнишь о своем прошлом.

— Я помню куда больше, чем могу вам рассказать, и мне очень жаль, что это так. Но могу твердо заявить, что я не колдунья. — Кики посмотрела на каждую из женщин по очереди. — Однако я верю, что все женщины владеют магией. Я не имею в виду что-то темное и греховное. Я просто думаю, что внутри нас есть нечто особенное, и именно оно делает нас женщинами. И совершенно незачем обладать молодостью или быть принцессой... достаточно быть просто женщиной и захотеть прислушаться к себе и поверить.

В кухне воцарилась тишина, и Кики снова принялась за еду; тишина ей не мешала, в ней не чувствовалось напряжения — скорее, задумчивость.

— Мне и в голову не приходило, что я сразу воспользуюсь тем, чему вы меня научили сегодня днем, — с улыбкой заговорила наконец Кики, нарушив тишину.

Женщины уставились на нее в недоумении, и только Изабель вскинула голову и захохотала.

— Так ты просто схитрила! Твой обморок был уловкой! — Изабель, смеясь, ткнула в бока двух женщин, стоявших рядом. — Вы бы видели нашу принцессу! Ну

просто как нежный увядающий цветок! Опустилась прямо мне в руки! — Изабель, как сумела, изобразила обморок девушки, и все женщины захихикали.

— Ну, может, это и не так правдоподобно, как мой обморок, — проворчала Линелле, подмигнув Кики и подлив в ее кубок еще вина.

Кики опустошила кубок — тепло растеклось по телу и немного облегчило внутреннюю боль, нараставшую, казалось, с каждой минутой. Теперь, когда ее не отвлекали ни работа, ни разговоры, тяга к морю овладевала ею, соединяясь со страстным желанием увидеть Дилана, — Кики уже почти кривилась от этой боли. Завтра ночью, напомнила она себе. А потом, может быть, ей больше не придется покидать океан и Дилана.

— Ты устала, Ундина. Идем, я отведу тебя в твою комнату, — негромко сказала Изабель.

— Спасибо вам всем, леди. Благодарю вас. Ужин был необыкновенно вкусным... и компания замечательная. И спасибо, что верите мне.

Когда Кики со старой служанкой направились к выходу из кухни, им вслед неслось: «Спокойной ночи, принцесса!»

Но Кики остановилась, не дойдя до двери.

— Я не хочу снова идти через двор. Можем мы попасть в мою комнату как-то иначе?

— Конечно, — кивнула Изабель, поворачивая к другой двери, в дальнем конце кухни; через этот вход Кики пришла утром.

— Призрак той твари является через колодец, ведь так? — тихо спросила Изабель.

Кики осторожно посмотрела на старуху. Потом кивнула.

— Да, он пользуется колодцем, чтобы пробраться в монастырь.

Изабель внимательно посмотрела на девушку.

— И это может навредить тебе?

Кики медленно качнула головой.

— Ну... не напрямую. Но он может создать для меня массу сложностей, вот как сегодня вечером. И я беспокоюсь о том, что может случиться, если настоящий или сам сэр Андрас поймут, что именно происходит. — Девушка повернулась к Изабель и схватила скрюченную руку старухи. — Спасибо тебе огромное за то, что не выдала меня настоятелю!

Изабель по-матерински улыбнулась.

— Как ты уже говорила, женщинам лучше держаться вместе.

— Мы и держались.

Обе довольно усмехнулись, и это выглядело абсолютно по-женски. Они пошли дальше по полутемному коридору, держась за руки.

— Я рада слышать, что злобный дух не может тебе навредить. Но мне было бы приятно знать и... — Изабель внезапно умолкла.

— Нет, я не думаю, что он может овладеть тобой или кем-то еще из женщин. — Кики склонила голову набок и усмехнулась, глядя на служанку. — Вот разве что кто-то из вас испытывает тайную страсть к моему телу...

Изабель хрипло захихикала и не сразу смогла ответить.

— Могу тебя заверить, и это будет чистой правдой: ни одна из женщин, которых я знаю, не испытывает такого желания.

— Рада это слышать.

Ф. К. Каст

Изабель фыркнула, Кики расхохоталась.

Немного погодя девушка снова заговорила:

— Мне, видимо, придется еще какое-то время пожить в этом монастыре...

Изабель понимающе глянула на нее.

— Здесь тебе ничто не грозит.

— Да, и мои родные мне помогут.

— Как и Пречистая Дева,— уверенно добавила Изабель.

Кики сжала ее руку.

— Да, Великая Мать помогает мне.

Они повернули за угол. Пухлый невысокий монашек стоял на коленях у двери комнаты принцессы. Он, похоже, углубился в молитву.

— Твой страж,— прошептала Изабель.

— Больше похож на тюремщика,— шепотом возразила Кики.

Женщины мрачно переглянулись и вошли в комнату, не обращая внимания на коленопреклоненного монаха.

Глава девятнадцатая

Кики отчаянно воевала с собой. Ей хотелось выбраться через окно, помчаться по ведущей к океану тропинке и окунуться в водную тишину. Она скучала по Дилану и, конечно, беспокоилась за него. Она знала, что тритон ее ждет, и так же хорошо знала, что Сарпедон выискивает способ завладеть ею.

Стоило Кики вспомнить неестественно горящие глаза рыцаря и его прикосновение, как по коже побежали мурашки. Гея говорила, что не стоит бояться призрака тритона, но сэр Андрас произнес слово «мы», напугавшее девушку. Он сказал: «Мы знаем, что ты нечиста». Значило ли это, что Сарпедону известно о ее любви к Дилану? Или он говорил о ее воображаемом романе с сэром Андрасом? Если Сарпедон использовал сознание сэра Андраса, захватив рыцаря, он должен был бы знать, что рыцарь и Ундина — не любовники, а это придавало слову «мы» особенно зловещее значение. Наверное, ему известно о Дилане. И не

навлечет ли Кики опасность на Дилана, если снова придет к нему?

И еще, конечно, она беспокоилась из-за настоятеля. Еще до случая во дворе он был убежден, что Унди́на — ведьма из племени викингов. События прошедшего дня должны были лишь укрепить его подозрения.

Беспокойно ворочаясь на узкой кровати, девушка мучилась желанием призвать Гею, но она знала, что не может этого сделать. Богиня сейчас, должно быть, занята разговором с Лиром, и Кики совсем не хотела ей мешать. Кики вздохнула. Ей был нужен Дилан. Ей нужно было ощутить силу его рук, нужно было, чтобы его объятия смыли яд похоти Сарпедона и боль разлуки с морем, но сегодня необходимо было оставаться в этой комнате и постараться заснуть. Кики закрыла глаза. Она ведь однажды видела Дилана во сне, так может быть, сегодня ей снова повезет...

Дилан встревоженно плавал взад-вперед вдоль берега. Он отчетливо чувствовал, что нужен Кристине, точно так же, как ощутил ее страх недавно, этим вечером... Должно быть, Сарпедон как-то отыскал ее в монастыре и нашел способ заговорить с ней. Дилан стиснул зубы. Он почувствовал и то, что девушка воспользовалась силой великой богини, чтобы отразить нападение злобного тритона. Если бы он мог очутиться рядом с ней!..

Стая гигантских рыб, именуемых морскими ангелами, умчалась с его пути — вода вокруг пенилась и бурлила от гнева тритона. Дилан мучился от бессилия, ведь он ничем не мог помочь Кристине на берегу.

— О трезубец Лира, должно же быть что-то такое, что я могу сделать! — бушевал Дилан.

— Начни с того, что перестань ругаться. Призывать силу Лира бесполезно, если то, чего ты хочешь достичь, находится на суше. — Живой, веселый голос Геи прозвучал над волнами, словно песня.

— Гея! — воскликнул тритон.

Несколько мощных ударов хвоста — и он добрался до берега. Богиня сидела на старом обломке плавника, прибывшегося к камням, погрузив ноги в воду. Она была одета в платье цвета ночи, но в нем отражалась движущаяся вода, как будто платье было сшито из жидкого бархата.

— Твоя дочь нуждается во мне, Великая Мать! — с уважением обратился к богине Дилан. На сердце у него было тяжело, и дышал он с трудом.

Взгляд богини стал предельно внимательным.

— Ты хочешь сказать, что ощущаешь ее зов, тритон?

Дилан крепко прижал к сердцу кулак.

— Как будто болит мое собственное сердце.

Взгляд Геи потеплел.

— Да, вижу... Вы с Кристиной крепко связаны. Ваши сердца нашли друг друга. Это редкое и чудесное явление, но это обоюдоострый меч. Ее боль становится твоей болью, а твоя передается ей.

— Тут уж ничего не поделаешь.

— Но чего ты хочешь от меня, Дилан? — спросила богиня так тихо, что тритону пришлось напрячь слух, чтобы разобрать ее слова.

— Даруй мне человеческое тело! — выпалил он. — Позволь мне быть с ней и утешить ее!

Гея постучала тонким пальцем по деревяшке, обдумывая просьбу тритона.

— Мой отец жил на суше,— продолжил умолять ее Дилан.— Должно быть, именно это как-то связывает меня с тобой. Я ведь прошу лишь временное тело. Позволь мне на одну только эту ночь стать мужчиной-человеком!

— Да, это верно, ты связан с землей. Но твой отец был простым смертным. Если я дарю тебе тело человека, это усилит твою смертную половину. Цена может оказаться слишком высокой, Дилан. Ты можешь постареть. И ты наверняка станешь более уязвимым, особенно если тебя ранит какой-то бессмертный. В голосе Геи звучала печаль.

— Я нужен Кристине.

Богиня посмотрела в глаза тритону. И увидела в них любовь к Кристине. И душу Кристины она тоже ощущала и знала, как та мучается из-за того, что не может прямо сейчас очутиться в объятиях возлюбленного.

— Вечно я не могу устоять, когда вижу истинную любовь,— произнесла Гея, обращаясь скорее к самой себе, чем к Дилану, но при этих словах его лицо вспыхнуло радостью. Богиня вскинула руки, предостерегая тритона.— Слушай внимательно, Дилан. Эти чары действуют совсем недолго. Ты должен вернуться в море до того, как первый луч солнца коснется земли. Если же не успеешь...— Дальше она заговорила таким тоном, что у Дилана волосы на голове зашевелились.— Не успеешь — окажешься в ловушке. Ты застрянешь между двумя мирами — между сушей и морем. Ты погибнешь, а твоя душа будет вечно скитаться, не находя покоя.

Дилан серьезно кивнул.

— Я этого не забуду, великая богиня.

— Уж постарайся. Моей дочери такое не понавилося бы.

Дилан улыбнулся.

— Мне тоже.

Гея безуспешно попыталась сдержать улыбку.

— Я начинаю понимать, морской житель, почему моя дочь выбрала тебя.

— Она всего лишь проявила мудрость, которую унаследовала от своей Великой Матери.— И Дилан галантно поклонился богине.

Богиня мелодично рассмеялась и махнула тритону рукой, призывая подплыть поближе, чтобы она смогла навести чары.

Кики думала, что эта ночь никогда не кончится. Все тело ныло от боли, ум никак не мог успокоиться.

— Вино,— сообщила она пустой тихой комнате и зажгла свечу, стоявшую на столике у кровати.— Тот монах снаружи должен же на что-то сгодиться. Я изъявлю свою королевскую волю и велю ему принести мне вина.— Она обращалась к потрескивавшему фитилю.— Пара стаканчиков крепкого красного, которое мне подносили как-то ночью, определенно не помешает.

Изабель оставила ей чистую шерстяную рясу, и Кики набросила ее на плечи на манер плаща. Довольная, что прозрачная сорочка полностью скрылась под балахоном, девушка быстро подошла к двери, поморщившись от прикосновения босых ног к холодному каменному полу. Мысленно она отметила, что надо бы раздуть огонь, чтобы хоть немножко согреть комнату.

Она осторожно приоткрыла дверь, не желая напугать брата. Тот сидел на полу, прислонившись спиной к стене. Лицо монаха скрывал капюшон.

Кики тихонько откашлялась.

Монах не шевельнулся.

— Э-э-э... прошу прощения, брат... — начала Кики.

— Он спит. — Низкий голос послышался из глубокой тени. И от этого звука сердце Кики заколотилось.

— Кто здесь? — спросила она.

— Разве нужно спрашивать, любовь моя? — сказал Дилан, делая шаг вперед.

— Ох!

Кики прижала ладонь ко рту, решив, что у нее начались галлюцинации или что Сарпедон придумал новую чудовищную шутку.

Дилан осторожно коснулся ее лица.

— Неужели я так изменился, Кристина?

Взгляд девушки скользнул от мужественных черт знакомого лица к телу тритона. На нем была монашеская ряса, но из-под нее выглядывали две человеческие босые ноги.

— Я... ты... Но как?... — Может, он ей снится?

— Давай назовем это даром богини.

Улыбка Дилана убедила ее. Она не могла быть обманом. Кики схватила Дилана за руку и втащила в комнату, осторожно прикрыв дверь за его спиной.

— Монах не проснется. Гея об этом позаботится. — Глаза Дилана сверкали. Потом он огляделся вокруг с любопытством. — И вот здесь ты проводишь свои дни?

— Ну, не совсем так, — ответила Кики, удивляясь внезапно охватившему ее беспокойству. — Я хочу сказать, я здесь переодеваюсь и сплю, но большую часть

времени я провожу там. — Она ткнула пальцем в сторону двери и тут же приказала себе не болтать всякой ерунды.

— Здесь... — Дилан замялся. — Очень серо, — решил наконец он. Потом кивком указал на узкую кровать. — А вот здесь ты спишь?

— Теоретически, — вздохнула Кики. — В последнее время мне не слишком-то удается отдохнуть.

Дилан повернулся к ней и обхватил ладонями лицо Кики. Он сразу заметил темные круги под глазами и легкую желтизну кожи. Он поцеловал ее в лоб, потом очень нежно поцеловал в губы. Ресницы Кики затрепетали и опустились.

— Я пришел, чтобы помочь тебе набраться сил, — сказал тритон.

Не открывая глаз, Кики прижалась к нему.

— Ты здесь, и я совсем не чувствую усталости.

Она услышала его довольный смешок.

— Тогда, может быть, ты поучишь меня обращаться с человеческим телом? Я как-то странно себя чувствую с ногами.

Кики рассмеялась, и Дилан закрыл ей рот поцелуем. Когда они оторвались друг от друга, глаза Дилана были темными от желания. Кики взяла его за руку и подвела к кровати. Сначала она уронила с плеч шерстяной балахон. Потом позволила сорочке упасть на пол. Потом потянула за рясу Дилана, и он наклонился, чтобы Кики могла снять с него грубое одеяние.

— Ты только посмотри! — выдохнула Кики. Дилан был высок и сложен, как атлет. — Спасибо тебе, Гея!

Дилан улыбнулся.

— Из меня получился неплохой человек?

Кики, вскинув брови, опустила взгляд туда, где между длинными мускулистыми ногами уже стояла наготове мужская плоть.

Щеки девушки загорелись, тело охватило жаром.

— Ох, да. Даже более чем неплохой.

Дилан обнял ее.

— Теперь научи меня, как тебя любить... покажи, как земные мужчины любят своих женщин.

Кики посмотрела на него — и почувствовала, как непрерывная боль внутри нее ослабляет свою хватку.

— Все точно так же, любовь моя. В любых телах, в каких мы можем оказаться, мы всегда будем парой.

И они опустились на кровать, затерявшись друг в друге.

Дилан знал, что он не может полностью избавить девушку от внутренней боли, но он мог хотя бы сделать эту боль терпимой. Кики нуждалась в нем, а он нуждался в ней. И неважно, какую цену придется заплатить за то, что они вместе. Все равно они будут принадлежать друг другу вечно.

Глава двадцатая

Его разбудил резкий крик чайки. Ничего необычного в этом звуке не было, Дилан слышал его каждый день всю свою жизнь. Он чуть было не заснул снова, когда чайка опять пронзительно закричала.

— Прогони ее, — пробормотала Кики и крепче прижалась к груди Дилана.

Глаза Дилана внезапно распахнулись, сна как не бывало. Его сердце болезненно сжалось, но наконец он сообразил, что рассвет еще только близится. Усилием воли он подавил страх.

Чайка еще раз заорала.

Кики открыла глаза. Птица сидела на подоконнике.

— Что это с ней? — сонно удивилась Кики. Потом поцеловала Дилана в грудь и потерлась об него носом.

— Думаю, это посланница от твоей матери, напоминает, что мое время вышло.

— Ты должен уйти? — все так же сонно спросила девушка.

Дилан поцеловал ее в макушку.

— Если не уйду, мне не выжить, — просто сказал он.

— Что?! — Кики подскочила. И по лицу возлюбленного поняла всю правду. — Ты должен был мне сказать! — Она выпрыгнула из постели, таща Дилана за собой. — Когда тебе надо вернуться?

— До того, как первый луч солнца упадет на землю.

Кики бегом бросилась к окну. Дилан пошел за ней, выглянул наружу через ее плечо. Ночь над океаном начала уже рассеиваться, светлеть.

— Тебе незачем тратить время и пробираться через монастырь. — Кики окинула взглядом мускулистое тело, оценивая его размеры. — Думаю, ты сможешь пролезть.

Он вопросительно вскинул брови.

— Через окно, — пояснила Кики. — Утес прямо под ним. Поспеш!

Дилан кивнул и, быстро наклонившись, поцеловал девушку. Потом легко влез на подоконник. Окно было узким, и камни больно оцарапали кожу, но ему понадобилось лишь мгновение, чтобы выскочить наружу, как пробка из бутылки. Поднявшись на цыпочки, Кики выглянула в окно. В темноте сверкнула улыбка тритона.

— Мне понравилось быть человеком, Кристина. — Да, его усмешка была невероятно мужской.

Несмотря на тревогу, Кики улыбнулась.

— Поторопись, глупый!

— Я буду ждать тебя ночью, — сказал Дилан. — И всегда, вечно.

Наконец он повернулся и побежал к утесу. Кики в восхищении смотрела на его обнаженное тело. Прежде чем Кики успела крикнуть ему вслед, чтобы предо-

стеречь об обрыве, Дилан достиг края утеса и прыгнул прямо с невероятно крутого склона. Его тело изогнулось, как у наилучшего из спортсменов, и за мгновение до того, как солнце выглянуло из-за горизонта, Кики заметила вспышку золотого огня, означавшую, что Дилан благополучно превратился из человека в тритона. Она еще долго стояла у окна, борясь с желанием последовать за возлюбленным.

Рассвет окрасил небо в розовато-лиловый цвет, когда девушка отвернулась наконец от окна. Дилана все равно не было видно. Медленно, двигаясь так, как могла бы двигаться женщина в возрасте Изабель, девушка надела балахон и подпоясала его. Закатав рукава, она распахнула дверь комнаты, чуть не сбив монаха, стоявшего снаружи на коленях.

— С добрым утром, брат! Я не хотела тебя напугать, — сказала Кики.

Монах встал. Кики заметила, что лицо у него румяное и немножко пьяное, как будто он только что пробудился от сладкого сна, навеянного шутницей-богиней.

— Настоятель просил, чтобы я привел тебя к нему, как только ты проснешься. — Голос монаха был еще слегка хрипловатым после сна.

Кики покачала головой. Уход Дилана был слишком свежей раной, и у нее совершенно не было настроения разбираться с иезуитскими вопросами аббата Уильяма.

— Пожалуйста, скажи настоятелю, что его приглашение — большая честь для меня, но я должна немедленно вернуться к работе, заняться статуей Божьей Матери.

Рот монаха невольно открылся и тут же захлопнулся, потом открылся снова... Кики подумала, что он стал похож на некую причудливую разновидность сухопутной камбалы.

— Я уверена, настоятель меня поймет. Он лучше всех прочих знает, как важно почитать Пресвятую Деву. Хорошего тебе дня, брат, и спасибо, что охранял меня этой ночью.

Кики быстро пошла по коридору. Когда она оглянулась на монаха, тот все так же стоял перед дверью. И его рот был все так же открыт.

Дорога к столовой и к служебному входу в кухню была уже хорошо знакома, и Кики негромко шлепала мягкими кожаными башмаками, обходя двор и молчаливый, настороженный колодец. Заглянув в столовую, она облегченно вздохнула. Там не было никого, кроме Изабель, убиравшей последние тарелки со столов.

— Доброе утро! — приветствовала ее Кики.

— Ну, по твоему упрямому взгляду сразу видно, что не имеет значения, насколько ты устала вчера. Ты собираешься снова заняться статуей Девы, — заключила Изабель с огорчением.

— Упрямому? Я вовсе не упряма.

Изабель ответила, рыкнув из глубины горла, и Кики рассмеялась.

Они вместе вошли в кухню, где хлопотали женщины и плавали дивные ароматы. Каждая из женщин приветствовала девушку улыбкой и взмахом руки.

— Твои ведро и тряпки уже в церкви, — сообщила Линелле своим обычным ворчливым тоном.

— Спасибо, но вам незачем было беспокоиться из-за меня. У вас и своих дел хватает, — сказала Кики.

— А мы и не беспокоились, — возразила Гвенит. — Мы попросили кое-кого из братьев собрать все и отнести туда.

Кики удивленно моргнула.

— Среди братьев многим нравится, что Пречистую Деву приводят в порядок, — пояснила Изабель.

— К тому же им не пришлось потратить так уж много времени, чтобы отнести туда воду, и это ненадолго отвлекло их от драгоценных овец и сада, — хмыкнула Линелле.

— Вот, я для тебя приготовила, — пробормотала Бронвин, протягивая девушке кружку с горячим чаем.

— А это съешь по дороге в церковь. Тебе нельзя терять силы. Пречистой Деве нужно, чтобы ты была сильной и здоровой. — Гвенит подала Кики сверток с хлебом, сыром и мясом.

— Ты и не представляешь, как мне это нужно сегодня! — воскликнула Кики, неожиданно почувствовав, как к глазам подступают слезы. — Спасибо вам всем. Я очень ценю вашу заботу.

Женщины смущенно хмыкнули, отмахиваясь от благодарности, но Кики прекрасно видела, как их лица осветились радостью.

— Ну, отправляйся, — сказала Изабель. — Сегодня мы уж наверняка будем знать, что ты не голодна.

Поддавшись внезапному порыву, Кики, прежде чем выйти за дверь, чуть наклонилась и поцеловала старую женщину в щеку.

Видимо, ночью прошел дождь, потому что сад был еще мокрым и сверкал каплями воды. Кики вздохнула, наслаждаясь влажными запахами травы и цветов, смешанными с извечным соленым духом близкого океана. На ходу жуя свой завтрак, она неторопливо

шагала по извилистой тропинке, выбрав самый длинный путь к церкви. Она прошла мимо нескольких монахов, уже занятых подрезкой и прополкой, и была приятно удивлена, когда двое из них посмотрели на нее и пожелали доброго утра.

В церкви было все так же сумрачно, вокруг еще плавали удушающие клубы ладана после утренней службы, но когда Кики повернулась к статуе Девы Марии, она сразу воодушевилась. Пречистую Деву освещали десятки белых свечек, и статуя сияла, как золотой маяк надежды. Накануне Кики оставила у ее подножия шесть горящих свечей. Но кто-то — возможно, это был даже не один человек — уже навестил Деву.

Рядом с нишей, где находилась статуя, на полу стояли три ведра с чистой водой, лежали брусок мыла и аккуратная стопка тряпок, а еще большая соломенная метла.

— Что ж, пора приниматься за работу! — сказала Кики, глядя в безмятежное лицо Геи.

— Ух! — Кики сгребла очередную кучу грязи, воняющей тухлятиной, бормоча себе под нос: — Я, конечно, не уверена, но все-таки мне кажется, что это дерьмо какой-то гигантской белки!

— Вообще-то это оставлено енотом, но гигантская белка — прекрасное предположение. — Перед статуей прямо из воздуха возникла Гея; ее голубой с золотом шелковый наряд словно в зеркале отразил мягкие цвета одеяния Девы Марии.

— Ну да, мне следовало сообразить, что даже гигантская белка недостаточно велика, чтобы устроить тут такое. — Девушка улыбнулась богине. — С добрым утром! Как приятно видеть чистое лицо!

— Добрый день, дочка. Утро уже прошло. — Гея улыбнулась в ответ и щелкнула пальцами. В дожде серебряных искр в одной ее руке возникло влажное полотенце, а в другой — кубок.

Гея жестом подозвала Кики.

— Иди сюда, освежись немного. У меня есть новости.

Кики села рядом с богиней и с благодарностью взяла влажное полотенце; со вздохом удовольствия она обтерла лицо и руки. После этого Гея протянула ей кубок. Он был наполнен густой жидкостью медового цвета. Кики сделала глоток.

— Ух ты! Как вкусно! Что это такое?

Небрежным жестом Гея сотворила и для себя такой же кубок.

— Это медовый напиток викингов. Я подумала, что он будет кстати, раз уж тебя приняли за скандинавскую чародейку.

— Весьма кстати, — согласилась Кики. — Я хочу поблагодарить тебя за подарок, который ты сделала мне и Дилану. — Щеки девушки порозовели, когда Гея понимающе улыбнулась ей.

— Из него получился потрясающий мужчина, — задумчиво произнесла богиня.

— Ты права, как всегда. Прошлая ночь... — Кики мечтательно вздохнула. — Это было как раз то, в чем я нуждалась. Спасибо тебе, мама.

Гея грациозно кивнула и отпила еще глоток из кубка. Она не стала рассказывать дочери, какова была цена вчерашней страстной ночи. Ведь это был выбор Дилана, и он сделал его по своей воле. И незачем было пятнать его самопожертвование, сообщая девушке

то, что могло породить боль и чувство вины. К тому же, если судьба будет благосклонна, Дилану, возможно, все это обойдется не так уж дорого — ну разве что появятся несколько морщинок или эффектная прядь седины в его угольно-черных волосах...

Гея откашлялась. И без каких-либо предисловий сказала:

— Лир сейчас очень занят. Я послала ему зов из нашей тайной бухты, и он прислал ответ с южным ветром. — Богиня в раздражении отбросила пышные волосы за спину. — У него неприятности с Пеле, гавайской богиней огня. Мано как-то там напроказничал с местной колдуньей, и Пеле в отместку пригрозила устроить извержение подводного вулкана. Мано воззвал к суду Лира. А Лир, конечно, никогда не откажется посредничать, если речь идет о страсти какой-то из богинь.

— А кто это — Мано?

— Это гавайский бог акул... и весьма неприятный тип. — Гея неприязненно покачала головой. — Все островные бессмертные такие мелочные! У них слишком мало суши, им не хватает простора, чтобы обрести истинную мудрость.

— Так ты вообще не говорила с Лиром?

— Нет. Посланник сообщил, что Лир явится ко мне, как только разберется со сварой на Гавайях.

— А когда это будет, он не сказал.

— Нет, но я не позволю ему заставить меня ждать слишком долго. Я богиня, и со мной лучше не шутить. — Глаза Геи вспыхнули скрытой силой.

— Кстати... Сарпедон становится все более назойливым, — пожаловалась Кики. — Вчера он снова захва-

тил сэра Андраса. Твой амулет напомнил ему об осторожности, но Андрас, пока им владел Сарпедон, сказал нечто... насчет того, что им известно о моей нечистоте.

Глаза Геи сузились.

— Этот тритон доставляет много хлопот. Но теперь, когда он обнаружил тебя, он сосредоточил все внимание на монастыре. Я знаю от твоего друга дельфина, что Сарпедон не крутится в водах вокруг острова Калди. — Лицо Геи осветилось, она игриво улыбнулась девушке. — Это весьма кстати, потому что дельфины доносят мне и о другом тритоне, который, наоборот, проводит все свое время рядом с этим островом.

— Дилан?

— Конечно Дилан. Кто же еще?

Кики расплылась в улыбке.

— Я понимаю, что это глупо, но мне хотелось, чтобы ты сказала это.

— Это не глупость, а часть магии любви. И помни, любовь — сильнейшая магия в мире. Она может укрощать даже богинь.

— Я хочу быть с ним, мама. Всегда.

Гея погладила Кики по голове.

— Я знаю, дочка, и сегодня ночью ты снова будешь со своим возлюбленным. Притворись ужасно уставшей и пораньше ложись в постель. Я вызову штормовые тучи, чтобы скрыть солнце, и тебе не придется ждать наступления полной темноты, чтобы отправиться к Дилану. — В глазах Геи вспыхнуло коварство. — Теперь моя очередь воспользоваться связью Сарпедона с тем молодым рыцарем. Я наведу на Андраса сон, в котором будешь ты и только ты. Сарпедону придется здорово потрудиться, чтобы понять, где тут явь, а

где фантазия. И он будет настолько занят, разбираясь в сонных призраках, что у него не останется времени искать тебя в океане.

Кики благодарно прижалась к Гее, и смех богини наполнил церковь.

— Все будет хорошо, дочка. Просто наберись терпения, и все будет хорошо. И не забывай, ты должна вернуться в монастырь, когда колокола позовут к утренней службе.

— Я не забуду. А ты сегодня вечером будешь на берегу? — спросила Кики.

— Сегодня я предоставлю тебя твоему возлюбленному. Видишь ли, я тоже буду призывать возлюбленного. Лир не сможет долго сопротивляться.

Кики не представляла, как Лир вообще может сопротивляться... Даже в полумраке церкви красота Геи вызывала благоговение, а когда она упомянула о правителе моря, свет в ее глазах разгорелся так, что Кики почти захотелось отвести взгляд.

Кики усмехнулась, глядя на богиню.

— Лир, считай, просто пропал, хотя он и не знает этого... пока.

— Ох, он знает, дочка. Он знает.

Веселые желтые огоньки свечек, окружавших статую Девы Марии, мигнули и заметались в ответ на женский смех, наполнивший Кики отличным настроением. Разве может что-то пойти не так, если рядом с ней Гея?

Внезапно лицо Геи стало серьезным, и, прежде чем Кики успела что-то сказать, тело богини рассыпалось на тысячи крошечных золотых искр, — они сверкнули и погасли. И тут же за спиной Кики раздался низкий мужской голос.

— С добрым утром, Ундина, — сказал сэр Андрас.

Девушка осторожно посмотрела на рыцаря, боясь увидеть в его глазах серебристый блеск, но не обнаружила ничего подозрительного.

— Здравствуй, Андрас. — Она вздохнула и решила, что избежать разговора не удастся. — Ты, похоже, сегодня чувствуешь себя лучше. Вы с настоятелем разобрались, что же случилось вчера во дворе?

Лицо рыцаря утратило благодушное выражение.

— Аббат Уильям неустанно молится в поисках ответа. И не теряет веры, что ответ будет найден.

— Ну а я просто рада тому, что ты поправился. И уверена — молитвы настоятеля принесут пользу. — Кики постаралась говорить как можно беспечнее.

Но рыцарь, отведя взгляд от девушки, посмотрел на статую Девы.

— Ты неплохо потрудились. Приятно видеть, что ты так религиозна. Всякая женщина должна опираться на церковь, чтобы точно знать свое место жены и матери.

Лицо рыцаря смягчилось, улыбка выглядела вполне искренней, хотя сэр Андрас и говорил наставительным тоном.

— Я привожу Пречистую Деву в порядок не из религиозного рвения или жалости; я делаю это из любви, — сказала Кики, в очередной раз напоминая себе, что рыцарь не виноват в том, что родился в Средние века. Он, пожалуй, всерьез думал, что только что сделал девушке огромный комплимент.

— Верно, — кивнул сэр Андрас. — Это любовь к церкви.

— Нет, — поправила его Кики. — Это любовь к Великой Матери.

На лице сэра Андраса отразилось смущение.

— А разве есть какая-то разница?

— Думаю, да. Думаю, тут такое же различие, как между преданностью человеку и преданностью боже-
ству.

— А ты не веришь, что человек может быть боже-
ством? — Усмешка сэра Андраса показала, что он на-
ходит забавным рассуждать на теологические темы с
женщиной.

— По правде говоря, я ни разу не видела тому до-
казательств.

Сэр Андрас пристально посмотрел на девушку, как
будто не был уверен, что не ослышался. Потом снисхо-
дительно улыбнулся.

— Ундина, мне нравится твое чувство юмора, но
я пришел, чтобы поговорить с тобой серьезно. Мои
оруженосцы доставили мне несколько весьма необыч-
ных донесений.

— Необычных донесений? — переспросила Ки-
ки, потому что рыцарь замолчал и лишь таращился
на нее.

— Неподалеку от побережья в море были замече-
ны некие существа...

Кики постаралась удержать на лице выражение
легкого любопытства, и не более того.

— Существа? Ты хочешь сказать, вроде китов или
дельфинов? Но мне они не кажутся такими уж не-
обычными. Мы с тобой видели дельфина совсем близ-
ко от берега, и это было всего пару дней назад.

— Я говорю не о тех тварях, что созданы Господом.
Рыбаки утверждают, что видели в водах, окружаю-
щих этот остров, каких-то существ, наполовину муж-
чин, наполовину рыб.

— И ты веришь выдумкам этих несчастных бед-
няков? Ты меня удивляешь, Андрас. В конце концов,
это ведь простые крестьяне! — Кики отчаянно надея-
лась, что выбрала правильные слова. Сэр Андрас был
рыцарем, а значит, принадлежал к знати. Разве он не
должен был смотреть сверху вниз на рабочий люд?

— Да, ты права. Это простые крестьяне. Но мне
показались интересными их наблюдения, в особен-
ности потому, что всё началось после твоего появле-
ния на этом берегу.

Кики засмеялась.

— Ты хочешь сказать, что считаешь меня наполо-
вину рыбой?

— Разумеется, нет.

— Тогда зачем ты мне это рассказываешь? — спро-
сила она. При одном лишь упоминании о море боль в
ней пробудилась с новой силой, изматывая настоль-
ко, что Кики уже не хотелось быть любезной с власт-
ным рыцарем.

— Я вижу, как ты любишь море. И хочу сказать,
что тебе следует любоваться им издали и отложить
прогулки на берег до более спокойных времен.

Кики напряженно улыбнулась.

— Как всегда, я благодарна тебе за заботу о моем
благополучии, но я уверена: все это не что иное, как
глупые суеверия, свойственные рыбакам. В конце кон-
цов, меня же выбросило штормом на берег! И вполне
логично предположить, что и других морских существ
могло занести сюда ветром или течением.

— Других морских существ? — ухватился за слово
сэр Андрас. — Ты так говоришь, будто ты и сама — мор-
ское существо!

— А я что, похожа на морскую тварь? — спросила Кики, дразня рыцаря улыбкой.

— Я прошу дать мне слово, что ты не будешь больше в одиночку гулять на берегу.

В голосе сэра Андраса прозвучала неприкрытая жесткость, и Кики, теряя терпение, готова уже была ответить в том же тоне, но тут с другого конца помещения послышался хрипловатый голос Изабель:

— Полдень давно миновал, а ты опять забыла поесть, Ундина! — Старая служанка, прихрамывая, шла к ним. Она остановилась, приблизившись к статуе Девы Марии, перекрестилась и присела в почтительном реверансе. Потом уважительно кивнула рыцарю.

— Спасибо, что напомнила, Изабель. Я только теперь поняла, как сильно проголодалась.

— Тушеная баранина, что мы будем подавать сегодня к ужину, уже готова. Я сегодня утром собрала очередной урожай мяты, — с довольным видом произнесла Изабель.

— Я обещал настоятелю встретиться с ним и рассказать о новостях, доставленных моими людьми, но, если ты можешь немного подождать, Ундина, мне было бы приятно разделить с тобой ранний ужин, — сказал сэр Андрас.

— Мне бы очень этого хотелось, но думаю, лучше мне поесть побыстрее и вернуться сюда, к работе, прежде чем в церкви начнется вечерняя служба. Я совсем не желаю доставлять неудобства настоятелю.

Прежде чем рыцарь успел возразить, Изабель снова завела свое:

— Принцесса, мне кажется, было бы весьма умно с твоей стороны поесть как можно скорее. — Она с несколько заговорщическим видом оглянулась на сэра

Андраса: — Мы ведь должны быть уверены, что принцесса заботится о своем здоровье.

— О, конечно же, я не хочу подвергать опасности здоровье принцессы. Возможно, мы просто погуляем сегодня вечером, Ундина?

Сэр Андрас потянулся к руке девушки, желая ее поцеловать. Кики, нервно смеясь, увернулась от его прикосновения.

— Ох, прошу, не надо... У меня руки такие грязные! — Она сделала вид, что пытается вытереть ладони об перепачканный балахон. — Прогулка — это было бы чудесно, если бы я не так сильно устала.

— На вечерней службе я помолюсь, чтобы твоя усталость прошла, а после загляну в твою комнату. — Взгляд сэра Андраса стал слишком пристальным.

Кики почувствовала, что краснеет. Он что, вообще не собирается оставлять ее в покое? К счастью, Изабель опять заговорила:

— Сэр Андрас, тебе незачем так утруждать себя. Я ведь знаю, как тебе нравится играть в шахматы с настоятелем. И если принцесса будет не слишком утомлена, я принесу тебе весточку от нее. — Она быстро глянула на девушку. — Если, конечно, принцесса не против.

Кики поспешила шагнуть к служанке.

— Да! Тебе незачем прерывать приятную беседу с аббатом Уильямом, если я начну засыпать стоя на ногах. Спасибо, Изабель. Это действительно хорошая мысль. — Она взяла служанку под руку и незаметно подтолкнула к выходу. — Надеюсь, ты отлично проведешь вечер, сэр Андрас, и если даже я не увижу тебя сегодня, то завтра наверняка мы сможем провести какое-то время вместе.

Сэр Андрас молча стоял в полутемной церкви, провожая взглядом женщин, быстро исчезнувших в саду. Лицо рыцаря было задумчивым, пухлые губы раздраженно кривились. Что это? Принцесса избегает его? Или это просто девичья застенчивость, смешанная с внезапно вспыхнувшим поклонением перед Богоматерью? Что именно заставляет Ундину держаться подальше от него? Пытаясь найти ответ на этот вопрос, рыцарь почувствовал, как в нем зашевелился гнев. И этот гнев слился с чем-то еще, с чем-то, что настойчиво и убедительно звучало в глубине его ума... Руки сэра Андраса задрожали, он сжал кулаки. В его сознании внезапно начали одна за другой вспыхивать странные картины. Ундина, обнаженная и влажная от пота... Ундина, стоящая перед ним на коленях... Ундина, выкрикивающая его имя, когда его семя вливается в нее...

Захваченный видениями, сэр Андрас почувствовал, как напрягается его мужская плоть. Его дыхание стало тяжелым, прерывистым. Что с ним происходит? Он прежде никогда не испытывал ничего подобного, принцесса не захватывала его мысли. Может быть, настоятель был прав? Рыцарь прищурил глаза, и серебристый свет, вспыхнувший в них, стал почти неразличим. Колдунья или нет, она была всего лишь женщиной. Когда она будет принадлежать ему, он уж отчистит эту языческую заразу с ее души, а потом удовлетворит свое желание обладать ею. У нее нет выбора.

— Спасибо,— прошептала Кики, как только они с Изабель оказались достаточно далеко от сэра Андраса.— Он, похоже, просто не верит, что ему могут сказать «нет».

— Благодарить не за что, но ты должна понять, что весьма немногие женщины могли бы отказать сэру Андрасу,— так же шепотом ответила Изабель.— Ты уверена, что действительно хотела этого?

— Абсолютно. Мне не нужен муж, который будет постоянно командовать и следить за мной.

— Ты уже говорила об этом, но я все же уверена, что других мужчин не бывает.— Изабель внимательно посмотрела на девушку.— По крайней мере, в этом мире.

— Если их нет, тогда мне вообще никакой муж не нужен. Я человек, а не бездушная вещь.

— Такая молодая, а такая упрямая,— хихикнула старая служанка.

— Там, откуда я родом, это называют здоровым смыслом и твердостью характера.

На лице Изабель отчетливо выразилось недоверие.

Они прошли почти половину сада, прежде чем Кики заметила, как потемнело вокруг.

— Неужели уже так поздно? Похоже, что солнце вот-вот сядет.

— Поздно для обеда, но солнце и не думает садиться. Просто шторм надвигается.— Изабель подняла голову и посмотрела на клубящиеся над ними облака.— Странно, обычно моя нога задолго сообщает мне о приближении бури. А сегодня молчит. Как будто кто-то наколдовал перемену погоды...

Не позволив Изабель углубиться в эту тему, Кики спросила:

— А что вообще случилось с твоей ногой?

Казалось, старую женщину удивил вопрос, но она ответила без колебаний:

— Я родилась искалеченной. Мой отец подумывал о том, чтобы выбросить меня со склона холма, но я бы-

ла единственной девочкой, которую сумела родить моя мать, а она была уже слишком старой. Она не захотела расставаться со мной.

Кики была потрясена спокойствием Изабель, говорившей о столь чудовищных вещах.

— Но это ужасно!

— От девочки с кривой ногой нет пользы. Мой отец знал, что ни один мужчина не захочет жениться на мне. — Изабель пожала плечами. — Это просто спасение, что я умею хорошо готовить. Когда жена самого младшего из моих братьев родила пятого здорового ребенка, она заявила, что для сестры-калеки больше нет места в их доме. Да и остальные мои братья думали так же. И тут мне повезло, в монастыре понадобилась повариха. Вот монахи и взяли меня к себе. С тех пор здесь живу.

— А ты когда-нибудь виделась со своими родными? Изабель качнула головой.

— Мать и отец давно умерли, а братьям встречи ни к чему. Моя семья здесь.

— Монахи? — спросила Кики.

Изабель хихикнула и похлопала девушку по руке.

— Бог ты мой, нет! Другие женщины. Мы все теперь одна семья, больше у нас никого нет.

— А у меня в этих краях совсем нет родных, — сказала Кики.

Изабель остановилась на пороге кухни, и на них хлынули домашние ароматы и звуки.

— Теперь есть, принцесса.

Кики все шагала и шагала взад-вперед по комнате. Она уже придвинула комод к окну. Когда прошли, казалось, несчитанные века, она подоткнула сорочку и

вскарабкалась на комод. И посмотрела наружу. Тучи, вызванные Геей, катились с запада, прямо над взволнованным океаном. Они висели низко и показались Кики похожими на гигантское шерстяное одеяло, которое кто-то натягивал на небо. Опускавшееся к горизонту солнце скрывалось за ними, но было ли уже достаточно темно? Кики так не думала. Она еще вполне отчетливо видела тропинку на склоне утеса, а это значит, что если кому-нибудь вздумается посмотреть в сторону моря, он вполне может заметить девушку, идущую по этой тропе. А Кики не могла быть уверена, что сэр Андрас не станет смотреть на море после того, как рыбаки пробудили в нем серьезные подозрения.

Кики вздохнула и потерла виски. Ей казалось, что сердце бьется в такт с отдаленным прибоем. Тело переполняла тяга к воде; она нуждалась в ней и своем возлюбленном. *Дилан*. Стоило Кики хотя бы мысленно произнести его имя, как дрожь предвкушения проносилась по телу.

Терпение, твердо сказала она себе. Еще несколько минут, и окончательно стемнеет. Она повернулась и уселась на край комода, прислонившись головой к подоконнику. Она ждала так долго, что вполне может подождать еще немножко.

С утра день казался бесконечным, и Кики очень удивилась, когда братья начали собираться в церкви для вечерней службы, и сообразила, что уже достаточно поздно. Она потихоньку сложила свои тряпки и ведра в темный уголок, вытерла руки об очень грязный балахон и выскользнула через боковой выход до того, как аббат Уильям или сэр Андрас смогли бы увидеть ее и остановить.

Она задержалась в кухне ровно настолько, чтобы взять еще миску великолепного тушеного мяса, приготовленного старой служанкой, и кубок с вином. Женщины в кухне были заняты делом, моя посуду и готовя ужин, и уже начали приготовления к завтрашнему утру... Кики понадобилось еще некоторое время, чтобы убедить Изабель: она действительно не нуждается в помощи, чтобы раздеться и помыться. Старой женщине это не понравилось, но когда Кики поклялась, что на самом деле хочет только сбросить грязную одежду и упасть в постель, Изабель согласилась, заверив девушку, что передаст извинения сэру Андрасу.

Кики знала, что темные круги у нее под глазами превратились в черные; она чувствовала слабость и тошноту. Но, смыв грязь с тела, Кики все же заставила себя съесть все мясо и выпить полный кубок вина. Боль, рожденная тягой к океану, никуда, конечно, не делась, зато благодаря полному желудку головокружение стало меньше и тошнота почти прошла.

Какой-то звук привлек ее внимание к окну. Кики улыбнулась.

— Спасибо тебе, Гея! — сказала она.

Начался дождь; он сыпал мягко и ровно, и капли заполнили воздух, поглотив остатки вечернего света. Кики быстро села на подоконник, пальцами ног нащупала опору — и тихо спрыгнула на мягкую траву под окном. Посланный Геей дождь ласкал ее, охлаждая лихорадочно горевшую кожу, и на мгновение Кики замерла на краю утеса, закинув назад голову и подняв к небу руки, позволяя дождю богини успокоить тело и душу. Вспомнив, как Дилан прыгнул в воду прямо с края утеса, она подвернула повыше сорочку, чтобы

освободить длинные ноги, и решительно начала спускаться по извилистой овечьей тропе.

— Дилан! — Она собрала все свои внутренние силы, чтобы докричаться до него. — *Я иду! Прошу, будь там!*

Каменистая тропа перешла в песок, и девушка побежала к знакомому бревну, на ходу дрожащими руками стягивая сорочку. Она сбросила башмаки и поспешила к воде. Когда ее ноги лизнула волна, Кики остановилась, внезапно охваченная неуверенностью.

— Не заставляй меня ждать, любовь моя! — разнесся над волнами голос Дилана, загадочный и бестелесный.

— Я тебя не вижу...

При звуке его голоса у Кики перехватило дыхание, желудок сжался в комок...

— Зато я вижу тебя. Ты как белая богиня красоты, созданная из длинных нежных линий и мягкости. Иди же ко мне, моя богиня! — воскликнул Дилан.

В два шага девушка оказалась в воде и упала в прибой. Но еще до того, как ее протянутые руки коснулись волн, она ощутила восхитительное жжение, начавшееся в талии и прокатившееся по ногам. А следом Кики охватил прилив силы, когда с нечеловеческой мощью хвост толкнул ее вперед и вверх. Она, смеясь, выскочила на поверхность.

Тритон возник из тумана прямо перед ней. Сегодня его длинные темные волосы падали на плечи густыми влажными локонами. Необычная красота Дилана и чувственная мужественность, исходившая от него, поразили Кики. Он подплыл ближе.

— Я скучал по тебе, Кристина.

— Да мы же были вместе прошлой ночью, — поддразнила она его.

— Я, видишь ли, обнаружил, что чем больше я нахожусь рядом с тобой, тем больше я тебя желаю. Ты — часть меня, а я — часть тебя. — Голос Дилана напомнил девушке о темном шоколаде: он был таким же насыщенным и чувственным.

Потянувшись к нему, Кики закинула руки ему на шею, наслаждаясь мальчишеской улыбкой, с которой тритон обнял ее.

— Похоже, мне не вытерпеть без тебя ни секунды больше, — сказала она, когда Дилан склонил к ней лицо.

Их губы встретились в нежном поцелуе, их тела заново познавали взаимный вкус и прикосновение.

— Сегодня не было ни единого мгновения, когда я не желал бы, чтобы ты оказалась рядом, — сказал Дилан, прижавшись лбом к ее голове, а его руки ласкали гладкую спину русалки.

— А я изо всех сил старалась не думать о тебе. Я боялась, что если уж слишком о тебе размышляю, то просто прыгну в океан прямо с утеса, как ты. — Она прижалась к тритону, ей хотелось быть как можно ближе к нему.

Кики почувствовала дрожь волнения, пробежавшую по его телу. Тритон крепко сжал ее в объятиях, и она подняла голову навстречу глубокому поцелую. Кики оказалась не в силах сдержать легкий стон желания. И ощутила, как Дилан вздрогнул всем телом в ответ на страстный поцелуй. Кики провела ладонями по его плечам, погладила крепкие мышцы рук, груди. Дилан был гладким и теплым, мягкая кожа скрывала под собой каменные мускулы, и это было восхитительно...

Кики прижалась к нему еще крепче — и вдруг отпрянула в удивлении, когда почувствовала, как соединились их хвосты.

Дилан вопросительно посмотрел на нее.

— Я... — Кики замялась, чувствуя себя несколько глупо. Потом откашлялась. — Я же никогда... — Она замолчала и ткнула пальцем в сторону хвостов, скрытых под водой.

Дилан все понял. Он коснулся щеки русалки.

— Помнишь прошлую ночь? Я ведь тоже боялся.

— Ты боялся?! — недоверчиво переспросила она. Вот уж непохоже было!

Он мягко улыбнулся.

— Любовь в человеческом теле — это новый опыт, который я навсегда запомню.

Кики уткнулась носом в его ладонь.

— Мне очень нужно, чтобы ты мне помог, как тогда, когда я была в человеческом теле, а ты — нет. Я просто волнуюсь... — Она глубоко вздохнула и посмотрела ему в глаза. — По правде говоря, сейчас я просто не знаю, что делать!

Он осторожно поцеловал ее в губы.

— Доверишься ли ты мне сегодня, как я доверился тебе вчера, Кристина?

Она кивнула без колебаний.

— Тогда позволь показать тебе...

Теперь она смогла улыбнуться.

— Ну, я ведь уже знаю, что ты великолепный учитель.

Он взял ее руку в ладони.

— Что ж, начнем урок любви для морских жителей.

Кики снова кивнула, на этот раз затаив дыхание.

Дилан увлек ее под воду, и они бок о бок поплыли прочь от берега. Но прежде чем снова подняться на поверхность, тритон остановился и повернулся к Кики — однако не обнял ее, а немного отстранился. И сначала поцеловал русалку в ладонь. Потом коснулся ее щеки, потом его рука скользнула вдоль длинной шеи к плечу, потом спустилась ниже, к пышной чаше груди. Дилан, как бы дразня возлюбленную, прижал ладонь к соску, и тот сразу напрягся от его ласки. Но рука тритона не задержалась и здесь, а пробежала к талии. Когда же Дилан добрался до русалочьей плоти, он стал касаться Кики не ладонью, а кончиками пальцев — легчайшими движениями, постепенно спускаясь ниже...

В его пальцах пылало пламя. И ничего подобного Кики не испытывала прежде... таких ощущений просто быть не могло, когда мужчина ласкал ее ноги. Прикосновения Дилана к мягкой светящейся коже завораживали. Он не пропустил ни единой точки ее русалочьей половины тела, он был как бы сверхпроводником эротических ощущений, а она — его приемником. И незнакомые доселе, абсолютно новые ощущения волнами проносились по всему ее телу. Кики чувствовала себя ослабевшей и могучей одновременно. Она опустила ресницы, переполненная силой чувств.

— *Нет, Кристина,* — негромко прозвучал в ее сознании голос Дилана. — *Не закрывай глаза. Смотри, как я тебя ласкаю. Посмотри, как ты невообразимо прекрасна...*

Кики открыла глаза. Дилан снова нежно поцеловал ее, потом опустился ниже, и его губы начали путешествие от груди к животу... А когда теплое дыхание Дилана коснулось русалочьей плоти, Кики пришлось

крепко схватиться за плечи тритона, чтобы не пошатнуться.

Изумленная, она чувствовала себя полностью открытой перед ним, когда его язык двигался по ее коже, лаская, дразня и пробуждая настолько яркие ощущения, что она бы и вообразить не смогла ничего подобного. Она наблюдала за его любовной лаской, и наконец все ее беспокойство растаяло в жаре его прикосновений. Она смотрела во все глаза на собственное тело, понимая, что действительно не имеет значения, какую форму они с Диланом принимают... ведь их связывала любовь, а не тело, время или место.

Губы и руки Дилана продолжали творить волшебство, и Кики окончательно лишилась способности рассуждать. Она могла только крепко держаться за Дилана и упиваться ощущениями, переполнявшими ее тело. Его прикосновения смешивались с мягким давлением воды, окружавшей их, и наконец Кики стало казаться, что это сам океан занимается с ней любовью. И вдруг ее ум разлетелся вдребезги, когда электрический удар оргазма потряс все ее существо.

Дилан подхватил ее на руки и вынес на поверхность. И уже там крепко поцеловал. Кики чувствовала себя будто жидкой, она почти поверила, что ее тело может растаять, раствориться в море и лишь объятия Дилана удерживают ее в физическом мире. Они качались на волнах, укрытые нежным дождем богини.

— Тебе понравилось, любовь моя? — прошептал Дилан, касаясь губами ее губ.

— Понравилось так, что у меня и слов нет. И хорошо, что мы были под водой; мне кажется, если бы меня коснулся воздух, я могла бы просто сгореть.

Дилан рассмеялся.

— Должно быть, твое волнение окончательно прошло.

— Навсегда. — Она усмехнулась, потом нежнохватила зубами его нижнюю губу и легонько потянула. Его ответный стон вызвал в ней новую радость. — Теперь я хочу доставить тебе удовольствие, — заявила она.

Просунув руку между их телами, Кики коснулась его уже отвердевшей плоти. Поглаживая ее, она чувствовала, как тритон вздрагивает от желания. Его дыхание стало тяжелым и прерывистым, глаза закрылись.

— Нет, — сказала она, и ее голос прозвучал низко от переполнявшей девушку страсти, — не закрывай глаза. Я хочу, чтобы и ты смотрел, как я тебя касаюсь.

Взгляд Дилана пылал, когда он следил за рукой девушки, скользившей по его телу. Кики еще раз поцеловала его, потом опустилась глубже в воду, чтобы коснуться губами золотой кожи. Судорожный вздох Дилана вызвал в ней новую волну желания. Ей нравился вкус этого золота... оно было соленым, морским, и в нем был привкус мускуса... Он был великолепен.

Внезапно руки Дилана крепко сжали ее плечи, и Кики позволила ему поднять себя. Она отыскала его губы, и все ее тело охватило жаром от неистового поцелуя. Кики ощущала, как его плоть прижимается к ней, и инстинктивно протянула руку, чтобы направить... но Дилан остановил ее.

— Подожди, любимая. Есть еще кое-что, — сказал он, и в его потемневших от страсти глазах вспыхнуло новое обещание.

— Что же еще может быть? — Она прижалась к нему.

— Смотри, — ответил он.

Дилан высвободил руку, запутавшуюся в волосах Кики. Взмахнув ею, он очертил круг в воздухе над ними. Глаза Кики расширились от удивления, когда океан вокруг них забурился в ответ.

— Призываю постель, в которой можно любить принцессу!

Голос Дилана прозвучал сильно, властно, он далеко разнесся в туманном воздухе ночи. И тут же бурлящая вода изменилась, наполнившись пузырьками и пеной, и эта пена сгущалась и уплотнялась, пока наконец русалка и тритон, не разжимавшие объятий, не очутились в постели из морской пены. Они как будто зарылись в гребень огромной волны, которую Дилану удалось остановить, вырвав из потока времени.

— Ты владеешь магией! — задохнулась от восторга Кики.

— Моя магия — это ты, Кристина.

Дилан поцеловал ее, его руки погладили грудь девушки, потом спустились к сияющему хвосту, и Кики застонала.

— Прошу, скорее! — выдохнула она. — Не заставляй меня больше ждать!

Дилан передвинулся и накрыл ее своим телом, опираясь на локти. И когда на этот раз рука Кики коснулась его плоти, чтобы направить, у него уже не осталось сил для сопротивления.

— Кристина! — вскрикнул он, ощутив влажный жар ее сокровенного ущелья.

Они легко двигались в едином ритме, сначала неторопливо, мягко. Кики была вне себя от восторга, ведь они с Диланом идеально подходили друг другу... Его тело прижималось к ее телу, и в каждой из точек соприкосновения в ее коже вспыхивали искры чудес-

ных ощущений. Кики провела пальцами по напряженным мышцам его рук, восхищенная его силой и тем, как он вздрагивал от ее ласки. Потом ритм их движения ускорился, и Кики выгнулась навстречу его жажде. Ее ладони легли на его спину, сначала слегка поглаживая, а потом девушка прижала к себе возлюбленного изо всех сил.

— Я не могу ждать... — простонал Дилан.

— И не надо. Ну же, Дилан!

И с последним мощным толчком Кики ощутила, как Дилан завибрировал внутри нее, выкрикивая ее имя, и ее собственное тело взорвалось в ответ... Весь мир разлетелся, и ничего не осталось вокруг, только Дилан в ее объятиях... она верила, что он благополучно доставит ее обратно на землю.

Глава двадцать первая

— Я люблю тебя, Кристина.

Видимо, она заснула — голос Дилана заставил ее очнуться. Сначала Кики показалось, что они все еще лежат в постели из морской пены, но по шуму волн, бьющихся о берег, и прикосновению бархатного песка девушка поняла, что Дилан принес ее к суше. Она все так же прислонялась к его груди, а он полулежал в воде, оперевшись спиной на один из множества гладких камней, усыпавших берег.

— Я так счастлива, — сказала Кики и лениво потянулась. И тут же рассмеялась.

— Что? — спросил Дилан.

— Я просто подумала, что похожа на довольную кошку... в нашей ситуации это забавно. — Она показала на их хвосты. — Ты ведь знаешь, что такое кошка, да?

Он легонько подергал ее мокрый локон.

— Это такое животное из семейства кошачьих, которое очень похоже на женщин из человеческого рода. — Он на мгновение изобразил задумчивость, как будто что-то

припоминая, потом добавил: — Они просто обожают рыбу, в смысле они ее едят. — И Дилан тоже расхохотался.

— Но мы-то не рыбы,— со смехом напомнила Кики.

— Определенно нет. Ты — богиня моря,— сообщил тритон.

— Но тогда ты,— весело продолжила Кики,— бог всех морей!

Лицо Дилана мгновенно изменилось. Тритон как бы замкнулся, и это встревожило девушку. Дилан говорил не сразу, а когда наконец решился, его голос звучал так, словно на тритона разом обрушились и печаль, и тяжелые воспоминания.

— Нет, Кристина. Я не похож на богов. Моя мать была простой нимфой, и она предпочитала жить в реках и ручьях, а не в океане. А мой отец был человеком. Когда мать забеременела, она пошла к Лиру и попросила даровать ей человеческое тело, чтобы навсегда остаться со своим возлюбленным-человеком. Лир согласился, но, когда моя мать покинула водную стихию и пришла к любимому, отец отказался от нее. — Дилан стиснул зубы и отвел взгляд от Кики. — Он был уже семейным, женатым человеком. Ему совсем не нужна была морская женщина и ее незаконный отпрыск. Моя мать вернулась в воду, и там я и родился. Но она так и не нашла покоя. Она постоянно возвращалась в реку, туда, где встретила моего отца и полюбила его. Когда она поняла, что ждать его нет смысла, она убила себя. Лир позволил мне оставаться в его хрустальном дворце, пока я был юн, и мы с Ундиной были товарищами по детским играм. Когда же я стал взрослым, он даровал мне те воды, где сливаются река и море.

Думаю, великий морской бог надеялся, что под моим присмотром другие речные нимфы не поддадутся страсти к мужчинам с суши. Но я не сын бессмертных; я не такой, как ты. Возможно, ты этого не понимала. Прости, что я раньше не объяснил тебе разницу. — Дилан по-прежнему не смотрел ей в глаза.

— Дилан... — Кики взяла его за подбородок и заставила повернуть голову. Лицо тритона было напряженным, застывшим, но Кики прекрасно видела боль в его глазах. — Мне очень жаль твоих родителей, но это ничуть не меняет моих чувств к тебе. Как ты мог подумать, что это может иметь для меня значение?

— Ты действительно богиня моря. У меня нет ничего, что я мог бы предложить тебе,— ни дворца, ни королевства.

— Да, насчет подношения королевств я уже слышала... Сарпедон мне это предлагал,— сердито бросила Кики. — Вот только мне это не нужно. — Она кивком показала на монастырь. — А вон там есть рыцарь, который предлагает мне какой-то замок,— фыркнула она. — Но я предпочту навсегда остаться на суше, чем принять его предложение. Или даже вообще не иметь возлюбленного, чем согласиться на их варианты.

При упоминании о двух других претендентах Дилан закрипел зубами, и Кики почувствовала, как напряглось все его тело.

— Мне нравится то, что предлагаешь мне ты,— сказала она.

— Но мне нечего тебе предложить,— в отчаянии возразил он.

Кики прижала ладонь к его груди напротив сердца.

— У тебя есть это.

— Нет, — тихо, взволнованно произнес Дилан. — У меня даже сердца нет. Оно пропало, ты забрала его давным-давно.

— Не думаю, что оно пропало, Дилан. Я буду очень надежно его хранить. Всегда. — Она притянула тритона к себе, и их поцелуй был нежным поцелуем истинной любви.

— Навсегда, — тихо сказал он.

— Да, навсегда, — согласилась Кики. — И я хочу быть с тобой. Здесь, в воде, в таком теле, вечно.

Радость во взгляде Дилана вдруг сменилась тревогой. Когда тритон заговорил, в его ровно звучащем голосе Кики услышала неколебимую решительность.

— Я буду защищать тебя от Сарпедона, — сказал Дилан, — я не позволю ему причинить тебе зло.

Вспомнив о яростной, безумной силе огромного тритона, Кики вздрогнула от страха.

— Нет! Нет, ты не должен! Гея хочет поговорить с Лиром. Она все уладит; она только просила, чтобы мы немножко потерпели. Она сказала, что прямо сейчас Лир занят делом какой-то другой богини, придется подождать.

— Я не морское божество, но у меня тоже есть кое-какая сила, Кристина. — Лицо Дилана потемнело, и Кики ощутила глубокую, ровную мощь, скрывавшуюся под доброй внешностью тритона.

— Я это знаю! Но Сарпедон сумасшедший, и он ведет себя все более и более странно. Он пугает меня, Дилан! Пожалуйста, прошу, пусть Гея разберется со всем этим. Я не переживу, если с тобой что-нибудь случится.

Дилан открыл рот, собираясь возразить, но Кики заставила его замолчать, прижав палец к его губам.

— Обещай, что будешь держаться от него подальше!

Дилан не ответил, и страх Кики превратился в панику. Ее мысли заметались в поисках слов, способных убедить тритона. И вдруг они нашлись.

— Если с тобой что-нибудь случится, меня выдадут замуж за того рыцаря, и тогда я навсегда останусь на суше, вдали от моря, — просто сказала она. И пришла в ужас от того, какую боль причинила этим Дилану — его лицо исказилось... но страх за него пересилил желание побережь его чувства.

— Хорошо, я обещаю, что не стану искать Сарпедона. Но обещаю и то, что не позволю ему забрать тебя у меня.

Кики улыбнулась, пытаясь немного улучшить его настроение.

— Ты действительно думаешь, что забрать меня будет так просто?

Лицо Дилана постепенно расслабилось, он наконец ответил улыбкой.

— Нет, я уверен, что тебя будет очень трудно поймать. — Он поцеловал ее. — Должно быть, в твоём прежнем мире ты тоже была богиней.

Кики расхохоталась от всей души.

— Ага, я была сержантом. Наверное, это очень похоже на богиню, на определенном уровне.

— Что это такое — «сер-жант»? — Дилан медленно, по слогам произнес незнакомое слово, вызвав у Кики новый взрыв хохота. — И где было твоё королевство?

— В Центре коммуникаций, — усмехнулась Кики. Потом, заметив, что он смутился, попыталась объяснить: — Я служила в Военно-воздушном флоте Соединенных Штатов. И мое... э-э... ну, можно называть это и королевством... было в Америке. Воздушный флот —

это часть армейских сил, защищающих свободу моей страны. Я работала со средствами связи... в общем, моим делом было следить, чтобы разные люди и страны вовремя получали сведения, которые им нужны для принятия правильных решений.

Дилан осторожно кивнул.

— Богиня посыльных, защищающих ее владения. Да, тебе это подходит. Я что-то такое и предполагал.

Кики хотела было объяснить, что в военно-воздушных силах на самом деле нет никаких богов и богинь, но вздохнула и промолчала. Разве не она сама совсем недавно пыталась убедить Изабель, что каждая женщина владеет магией? Так почему же не сделать следующий шаг и не признать, что в каждой из женщин скрывается богиня?

Что-то в самой глубине ее души подтвердило: так оно и есть! Каждая женщина содержит в себе часть Божественной Женственности. Кики захотелось торжественно завопить от такого открытия.

— Да, — весело сообщила она Дилану. — Ты прав. Я богиня.

Дилан, похоже, ничуть не удивился.

— Мне бы очень хотелось побывать в твоём королевстве, в Военно-воздушном флоте Соединённых Штатов.

Кики чуть не задохнулась, представив Дилана в Оклахоме. Да уж...

— Ну, — быстро сказала она, — оно ведь в самом центре суши, очень далеко от океана. Туда невозможно доплыть. — Даже если бы они находились в её родном веке, мысленно добавила Кики.

— Я должен снова обзавестись ногами, — задумчиво произнес Дилан. — Иметь ноги — это очень интересно.

Кики постаралась удержаться от смеха.

— Не думаю, что нам когда-то удастся туда попасть, — решил Дилан.

Кики согласилась:

— Я тоже очень в этом сомневаюсь.

Тритон внимательно посмотрел на неё.

— А ты будешь скучать? Там ведь твои родные?

Кики глубоко вздохнула. Она из всех сил старалась не думать о своих родителях. А теперь её охватила тоска по дому. Да. Она будет скучать. Она так любила их. Но... её взгляд скользнул по пенистым волнам. Мягкие пальцы прибоя ласкали её тело...

Она принадлежит к этому миру.

Она ведь уехала из дома в таком юном возрасте именно потому, что там никогда не чувствовала себя на своём месте, и всю жизнь она переезжала, ища то, что стало бы ей близким. И служба в воздушном флоте нравилась ей потому, что никогда не приходилось подолгу задерживаться на одном месте, — настолько, чтобы прочувствовать чужеродность очередного жилья. В то время как её ровесницы выходили замуж и рожали детей, она кочевала в поисках своего дома. И в глубине души Кики уже поняла, что этот дом она наконец отыскала.

Она погладила Дилана по щеке.

— Да, я скучаю по родителям, но пришло время повзрослеть и двигаться дальше. — Она с горькой улыбкой вспомнила рекламу «Серебряного Круиза». — С нами все будет в порядке. Им хорошо вместе. А я принадлежу к этому миру.

Монастырские колокола начали неторопливый утренний перезвон. Каждый их удар отзывался болью в душе Кики.

— Как бы мне хотелось, чтобы ты осталась, — напряженным голосом произнес Дилан.

Кики прижалась лбом к его груди.

— Я и сама хочу этого больше всего на свете. — Правда, еще больше хочу чтобы тебе ничто не грозило, добавила она мысленно. — Но я обещала Гее быть терпеливой и ждать, пока она договорится с Лиром.

— Ты должна держать слово, данное богине. — Дилан зарылся лицом в ее волосы, и слова прозвучали приглушенно.

— Я думаю, это ненадолго. Ты бы видел сегодня Гею... она была великолепна. Лир просто не сможет устоять перед ней. Скоро она придет ко мне и скажет, что все в порядке, и я тогда спрыгну с этого утеса и приплыву к тебе, а если кто-то из людей и увидит это, то пусть катятся к черту!

— Только будь поосторожнее, — резко сказал Дилан. — Да, ты права. Нам следует потерпеть.

Кики поцеловала его в уголок рта.

— Ты будешь ждать здесь на случай, если мне удастся удрать?

Дилан взял ее за подбородок.

— Всегда, вечно, Кристина. Я буду ждать тебя вечно. Никогда этого не забывай.

— Я не забуду, Дилан, — прошептала девушка.

Они поцеловались — и это был длинный, нежный, многообещающий поцелуй.

— Я должна идти.

Едва она произнесла эти слова, как почувствовала опьяняющее жжение в талии, а в следующее мгновение она уже касалась песка босыми ногами.

Дилан грустно улыбнулся и нежно погладил ее по ноге.

— Ты знаешь, мне очень нравится касаться их...

— Да, мужчины везде одинаковы, каким бы телом они ни обладали. — Кики улыбнулась, пытаясь говорить как можно беспечнее. И быстро поцеловала тритона, прежде чем встать.

— Я люблю тебя, Дилан, — сказала она.

Потом повернулась и медленно пошла к бревну, возле которого оставила свою одежду.

— А я люблю тебя, Кристина. Навеки.

Голос Дилана зазвенел в воздухе вокруг нее. Кики услышала, как его тело со всплеском погрузилось в воду, и океан поглотил тритона.

Насланный богиней дождь прекратился, и светлеющее небо напомнило Кики, что ей следует поторопиться, но она шла все так же медленно, едва переставляя тяжелые ноги. Она была такой неловкой, утратив свободную мощь русалочьего тела! К тому же каждый шаг отдалял ее от Дилана. Кики заставила себя одолеть последний поворот тропинки. И, подходя по травянистой лужайке к стене монастыря, она вслух взмолилась, обращаясь к богине:

— Пожалуйста, поспеши! Мне не выдержать такой долгой разлуки!

— Настоятель проявил немалую мудрость, когда советовал не доверять твоей красоте. Теперь я вижу, что она затуманила мой разум, и я поверил, что ты всего лишь невинная девица. — Голос Андруса, резкий и гневный, оглушил ее. Рыцарь и два его оруженосца вышли из тени монастырской стены.

Кики вздрогнула всем телом, вскинув руки, чтобы прикрыть грудь, отчетливо видимую сквозь тонкую мокрую сорочку.

— Андрас! Как ты меня напугал! — вырвалось у Кики, и ее сердце болезненно заколотилось.

— Да, догадываюсь, я ведь застал тебя врасплох.

— Врасплох? — Кики выпрямилась, раздраженная высокомерием его тона. Ее так возмутило, что трое посторонних мужчин пялились на нее, что она даже забыла о призраке Сарпедона. — Это ты о чем?

— Невинные девицы не бегают по ночам в одиночку, да еще и голыми.

Кики видела, что глаза рыцаря имеют вполне обычный цвет, но он смотрел на нее так, будто ожидал обнаружить за ее спиной толпу моряков, которых она развлекала.

— Бегают? Я просто поднималась по тропе вверх. Тут негде особо бегать. И я уж точно не голая.

— Неприлично, чтобы тебя видели в одном белье, и уж конечно недостойно твоего титула сбегать из спальни через окно! — возразил сэр Андрас.

— Я не хотела испортить платье, — вполне рассудительно сказала Кики. — И я не сбегала. Мне просто не хотелось разбудить кого-нибудь из братьев.

— Хватит болтать! — рявкнул сэр Андрас, грубо хватая ее за руку. — Ты должна немедленно вернуться в свою комнату. И мы поговорим обо всем позже, когда настоятель завершит утреннюю службу, а ты будешь должным образом одета. — И рыцарь потащил ее к главному входу в монастырь.

Кики уперлась пятками в землю и выдернула руку из его пальцев. Сэр Андрас резко обернулся к ней. Его лицо пылало от гнева, а пальцы уже сжались в кулак, как будто ему хотелось ударить девушку. Кики подавила страх и вздохнула, набираясь сил. Когда же

она заговорила, то почувствовала защитное тепло янтарного амулета на своей груди.

— Никогда больше не прикасайся ко мне без моего позволения! Я все еще принцесса, и, хотя я сейчас далеко от своего королевства, я вовсе не лишена власти. И я не стану терпеть подобное обращение! — яростно прошипела Кики. Ее тело вспыхнуло жаром, голову стало покалывать, как будто некая энергия вливалась в нее сверху.

Бешеное выражение соскользнуло с лица рыцаря, когда он увидел, как изменилась Ундина. Секундой раньше это была просто мокрая, полутолая женщина, выглядевшая испуганной и одинокой. А теперь она выпрямилась во весь рост, вскинула голову... Стремительно высыхающие волосы потрескивали, и девушка, казалось, светилась, излучая силу. Холодок дурного предчувствия пробежал по спине рыцаря.

— *Колдунья!*..

Это слово как будто кто-то шепотом произнес в его уме, и сэр Андрас резко отступил на шаг назад.

— Вот так-то лучше, — сказала Кики. — А теперь я буду рада вернуться в свою комнату; я уже почти добралась до нее, а ты мне помешал.

Кики повернулась и решительно зашагала по тропинке к монастырским воротам. Мужчины молча последовали за ней.

Ворота были не заперты, и Кики толчком распахнула их, не ожидая помощи рыцаря. Она думала, что во дворе будет пусто, и весьма удивилась, увидев там Изабель, Линелле, Бронвин и Гвенит, испуганно стоявших у стены рядом с воротами.

— Ох, Ундина! — вскрикнула Изабель.

Ф. К. Каст

Но прежде чем она успела произнести еще хоть слово, вмешался сэр Андрас:

— Ты правильно сделала, доложив о ее отсутствии. Твоя верность и преданность будут вознаграждены.

Слова рыцаря обожгли сердце девушки. Изабель предала ее? Она вспомнила, какой холодной была старая служанка, как она поначалу осуждала Ундину, но Кики казалось, что за прошедшие дни Изабель и другие женщины начали относиться к ней по-другому... Она постаралась сохранить на лице отсутствующее выражение, продолжая переставлять деревянные ноги — через двор, ко входу, по коридору, к своей комнате... Ей хотелось обернуться к женщинам и закричать: «За что? Я думала, мы подруги... почти семья!»

Но она не хотела доставить такого удовольствия сэру Андрасу — он не должен был видеть ее боль.

У самой двери ее комнаты сэр Андрас воинственным тоном заговорил с девушкой:

— Настоятель будет ждать тебя, как только закончится утренняя служба. Я пришлю за тобой. — Он немного помолчал и добавил: — Можешь быть уверена, тебе сегодня не удастся отправиться на одинокую прогулку. Но ради твоей же безопасности мои люди проследят, чтобы ты оставалась в комнате, пока тебя не позовут.

Кики твердо посмотрела ему в глаза.

— Ради моей безопасности, вот как? А мне кажется, что ты приставил ко мне тюремщиков.

И, не ожидая ответа, она вошла в комнату и с силой захлопнула за собой дверь.

Глава двадцать вторая

Кики села на узкую кровать, поджав ноги. Гнев ушел, прихватив с собой и королевскую браваду. Сэр Андрас оставил одного из своих людей под дверью, а второго — снаружи, под окном.

— Это тюрьма, — пробормотала девушка, стараясь справиться с подступавшим паническим страхом. Что, если и через три дня ее будут так же усердно сторожить? Гея ведь говорила: если она не вернется в русалочье тело, то погибнет, — и после того, как Кики каждый третий день наполняла пульсирующая боль, она слишком хорошо понимала, что богиня предупреждала не напрасно. Запертая в ловушке, одна в этой комнате, она просто-напросто умрет чудовищной мучительной смертью. И никогда больше не увидит Дилана. Кики содрогнулась. Нечего удивляться, что монахи иногда называют свои кельи клетками.

Кто-то робко постучал, и, прежде чем Кики успела ответить, страж распахнул дверь перед Изабель. Старая женщина несла под-

нос, на котором были кубок с вином, ломоть свежего хлеба и кусок ароматного белого сыра. Она кивнула угрюмому воину, а тот, прежде чем отступить назад в коридор и закрыть дверь, внимательно посмотрел на Кики. Изабель, хромая, подошла к комоду и поставила на него поднос.

Неестественно громким голосом она произнесла:

— Принцесса, я принесла кое-что, чтобы нарушить твой пост. И уже пора тебе подготовиться ко встрече с нашим добрым настоятелем. — Изабель протянула девушке кубок, и Кики сделала несколько глотков сладкого светлого напитка, который утолил жажду и немного успокоил нервы.

— Я и не думала предавать тебя, Ундина, — горячо зашептала Изабель, и Кики едва не подавилась вином. Старая женщина придвинулась к девушке поближе, продолжая говорить тихо, мягко: — Я беспокоилась за тебя... ты выглядела вчера такой усталой, бледной. И когда покончила с работой на кухне, пришла посмотреть, как ты тут. Я постучала, но ты не ответила, и я испугалась, что ты не просто крепко заснула, а всерьез заболела. Когда же я увидела, что в комнате никого нет, я только и думала, где ты можешь бродить в одиночестве и что ты, наверное, действительно больна. Я побежала в церковь, надеялась, что ты вернулась к статуе Божьей Матери, но по дороге меня увидел сэр Андрас. Он сразу понял, что я чем-то встревожена, и спросил, не может ли он мне помочь. — Изабель сжала губы и покачала головой с неприязнью. — Мне следовало помнить, что ты не доверяешь рыцарю. А я объяснила, что именно меня испугало. Когда он обнаружил, что тебя нет в церкви, он просто задымился. Его гнев был ужасен. — Глаза Изабель заблестели от слез. — Прости меня, Ундина!

Кики взяла старую женщину за руку.

— Тут нечего прощать, — шепотом ответила она. — Это только моя вина. Мне следовало довериться тебе, и тогда ты знала бы, что нет причин для тревоги.

Снаружи, под окном, послышался мужской кашель, и обе женщины сразу насторожились.

— Вот, съешь этот хлеб и сыр, а я пока расчесу тебе волосы, принцесса, — прохрипела Изабель, повышая голос, чтобы ее с легкостью можно было услышать с улицы.

— Да, расчеши, — громко ответила Кики властным тоном. — Тебе давно уже следовало прийти. Мне пришлось ждать! Похоже, ко мне здесь все относятся без должного уважения, даже слуги!

Кики сморщила нос и показала окну язык. Изабель зажала ладонью рот, чтобы не рассмеяться.

— Я вовсе не хотела проявить неуважение к тебе, — громко прогудела Изабель.

— Ой, хватит болтать! Я хочу позавтракать в тишине, так что причесывай меня молча!

— Как пожелаешь, принцесса, — заорала Изабель.

И женщины весело переглянулись.

Кики жевала хлеб с сыром, а Изабель осторожно распутывала и причесывала ее длинные волосы. Кики сразу стало легче, когда она поняла, что ни Изабель, ни другие женщины ее не предавали, и теперь мысленно перебирала в уме варианты выхода из сложившейся ситуации. Вдруг она резко повернула голову, и Изабель уронила гребень.

— Изабель, ты ведь не думаешь, что я — воплощенное зло? — спросила Кики, стараясь говорить как можно тише, чтобы ни один из тюремщиков ее не услышал.

Изабель нахмурила морщинистый лоб.

— Нет, — тихо сказала она. — У тебя, правда, немного странные взгляды, но сердце доброе, и ты искренне любишь Богоматерь.

Кики кивнула.

— Если я попрошу поверить мне, пусть даже я скажу нечто такое, что покажется тебе невероятным или даже пугающим, — ты поверишь?

Глаза Изабель расширились от страха и удивления, но все же старая служанка кивнула и прошептала одно-единственное слово:

— Да.

— Тогда слушай, я расскажу тебе все.

Кики начала со своего дня рождения, постепенно продвигаясь вперед. Ей показалось забавным, что Изабель сочла куда более невероятным неживое существо, летающее в небе, нежели Сарпедона или то, что Кики и в самом деле Ундина, настоящая русалка, хотя Кики и согласилась со старой служанкой, что аэроплан — штука просто чудовищная. Когда же Кики заговорила о своей любви к Дилану, Изабель кивнула и задумчиво улыбнулась. Единственное, в чем Кики не была откровенна, так это описание встречи с Геей. Она побоялась, что старая женщина окажется не способна принять такую богиню. Кики не пропустила эту часть рассказа, она просто заменила имя богини. Говоря о Гее, она называла ее Святой Матерью. Изабель всей душой верила в силу Девы и не усомнилась в связи Кики с ней.

— Значит, ты должна искать убежища здесь до тех пор, пока Святая Мать не будет уверена, что Сарпедон больше не угрожает тебе. А потом ты сможешь соединиться с Диланом, — сказала Изабель, когда Кики наконец завершила свою историю. Старая жен-

щина крепко сцепила руки, как будто стараясь унять дрожь, но ее взгляд был ясным и твердым.

— И мне необходима свобода, чтобы добраться до океана, — добавила Кики.

— Думаю, мы сумеем тебе помочь, — задумчиво произнесла Изабель. И хитро улыбнулась девушке. — Мужчины слишком заняты, чтобы надзирать за женщинами, даже за принцессами. Такая работа больше подходит простым служанкам.

Кики радостно вздохнула, ей стало легко.

— Спасибо, Изабель! Я знаю, что тебе, должно быть, трудно было поверить во все это. Но ты поверила, а это значит, что ты мне доверяешь.

Изабель сжала плечо девушки.

— Не думай об этом. Женщины должны помогать друг другу. — Тут на ее лице отразилась тревога. — Но я беспокоюсь за тебя.

— Сарпедон ничего не может сделать, пока я на суше... ну, по крайней мере, сам не может.

Изабель покачала головой.

— Больше всего я боюсь вовсе не призрака. Я слышала кое-какие разговоры... Некоторые из братьев говорят, что ты колдунья и что именно твоя связь с дьяволом довела сэра Андруса до апоплексического удара. И теперь, когда ты не можешь больше рассчитывать на защиту рыцаря, может случиться дурное, если вдруг настоятель решит, что у него набралось достаточно доказательств, чтобы отдать тебя под суд за колдовство.

По спине Кики прокатилась ледяная волна, и девушка принялась лихорадочно рыться в памяти. В тысяча четырнадцатом году после Рождества Христова сжигали ведьм или нет? Мрачное выражение на лице Изабель подсказало ей, что, похоже, сжигали. Кики нервно сглотнула.

Ф. К. Каст

— Доказательств? — хриплым шепотом переспросила она.

— Он вчера разослал нескольких братьев по окрестностям, чтобы те выяснили, не случилось ли где-нибудь необъяснимых болезней или смертей.

Глаза Кики расширились от ужаса.

— Мне не хочется говорить дурно о твоём времени, Изабель, но разве не почти любую болезнь или смерть трудно объяснить, зато легко связать с каким-нибудь суеверием?

— Ну да, только это ещё не все. Братья должны искать коз и коров, вдруг переставших доиться, младенцев, которые не перестают плакать после заката солнца, и ещё их интересует появление одновременно трех или более черных кошек.

— Но все это совсем нетрудно найти... а легко и подделать... — Кики почувствовала, как кровь отливает от лица.

— Тогда мы должны подделать доказательства того, что ты тут ни при чем и тебя нельзя трогать, — решительно заявила Изабель.

Кики прикусила нижнюю губу. Думай, думай, приказала она себе. Она же умная, независимая женщина из совсем другого мира. Наверняка она сумеет найти способ избежать опасности. Ей надо только взглянуть на все это как на кусочки головоломки... а потом сложить их вместе.

И тут ей в голову пришел великолепный в своей простоте план. Она выпрямилась и улыбнулась недоумевающей Изабель.

— Изабель, скажи-ка, что ты знаешь об уикингах?

Глава двадцать третья

Кто-то громко, бесцеремонно постучал в дверь.

— Настоятель требует к себе принцессу Ундину! — прорычал стоявший в коридоре страж.

Кики с Изабель переглянулись. Изабель кивнула.

— Скажи ему, сейчас иду, — огрызнулась девушка. И тут же зашептала, обращаясь к старой служанке: — Ну разве не смешно? Предполагается, что я королевской крови, а он меня «требует»! Вот и позавидуй настоящим принцессам!

— Ты и есть настоящая принцесса. — Изабель разгладила невидимую складку на платье девушки. — Не думаю, что раньше говорила тебе, как ты хороша, и твое платье и украшения тут ни при чем.

На глазах Кики выступили слезы.

— Спасибо тебе, Изабель... — Она обняла старую женщину, вдохнула ее такой домашний, уютный запах, в котором смешивались ароматы тушеного мяса и свежего,

горячего хлеба.— Твоя дружба очень много значит для меня.

— А твоя — для меня, детка. Ты вдохнула жизнь в это сонное место и в меня тоже; никогда не забывай этого.

Девушка кивнула.

— Ладно, мы справимся со всем этим. Настал час нашего шоу.

Изабель смущенно посмотрела на нее.

— Я хотела сказать, что мы должны начинать представление,— усмехнувшись, пояснила Кики и чуть не сказала «запудрим им мозги», но вряд ли у нее было время объяснять еще и это выражение.

На лице Изабель отразилась решительность.

— Наше шоу,— прошептала она, и женщины вышли в коридор.

— Следуй за мной к настоятелю,— сказал страж.— Они с сэром Андрасом примут тебя в передней.

Кики понятия не имела, что это за «передняя», но лишь коротко кивнула воину и пошла за ним. Изабель хромала позади. Воин повел их через лабиринт коридоров. Когда Кики уже начала думать, что окончательно запуталась в этих переходах, воин остановился перед большой деревянной дверью. И два раза стукнул в нее.

— Входи! — донесся изнутри высокий голос настоятеля.

Кики заколебалась лишь на мгновение, но тут же широким шагом вошла в комнату. Помещение оказалось большим, и Кики с удивлением отметила, что на первый взгляд оно выглядит довольно уютным. Весело горел огонь в очаге, несколько металлических канделябров стояли между обтянутыми отличной тканью

креслами и полированными столиками. Но тут внимание девушки привлекли стены комнаты. Камни, из которых были сложены эти стены, сплошь были покрыты резными изображениями различных страданий — вроде тех, что украшали наружную стену церкви. Кики с трудом отвела от них взгляд.

— Можешь подойти, принцесса Ундина.— Настоятель коротко взмахнул рукой.

Он сидел на возвышении, где был установлен затейливо изукрашенный стул, похожий на трон. Все это располагалось в дальнем конце комнаты, так что настоятель сидел лицом к остальным креслам и ко входу. Сэр Андрас стоял справа от него, молчаливый и самодовольный. Слева от настоятеля выстроились четыре монаха. Но лишь аббат Уильям посмотрел прямо в глаза девушке.

Кики, готовая к битве, решительно двинулась вперед. Изабель остановилась у стены, едва войдя в комнату.

— Я восхищена этой чудесной обстановкой.— Кики небрежным жестом обвела кресла и большие подсвечники.— Мне приятно видеть такие роскошные вещи, хотя я и удивлена, обнаружив их в монастыре.

Настоятель напряженно выпрямился при этих словах, его бледные щеки неожиданно порозовели, словно отразив алый цвет ряссы.

— Все это — дары моего благодетеля, и хотя я прекрасно мог бы обойтись и без этих предметов, было бы невежливо отказываться.

— Благодетель? — Кики недоуменно нахмурилась.— А я так поняла, что этот монастырь принадлежал матери сэра Андраса, так что не лучше ли сказать «благодетельница»?

Рыцарь поспешил вмешаться:

— Этот монастырь принадлежал семье моей матери, а после свадьбы перешел к моему отцу. — Красивое лицо сэра Андраса искривилось в высокомерной усмешке. — Женщины не могут владеть имуществом. То, что принадлежит жене, по праву и по закону всегда будет принадлежать ее мужу.

— Как это удобно для мужей! — воскликнула Кики, не глядя на сэра Андраса.

— Мы здесь не для того, чтобы обсуждать права и имущество мужей и жен, как бы ты ни нуждалась в подобных разъяснениях. — Аббат Уильям говорил очень резко. — Мы здесь для того, чтобы разобраться с твоим поведением, принцесса Ундина.

— Ну, тогда наша встреча будет очень недолгой. Я не вижу в своем поведении ничего такого, с чем надо было бы разбираться. — Кики царственно наклонила голову. — Надеюсь, ты неплохо проведешь день, аббат Уильям.

Но едва она собралась повернуться и уйти, как аббат заговорил снова, остановив ее. И ненависть, звучавшая в его голосе, заставила Кики похолодеть.

— Ты не уйдешь, пока я не позволю тебе этого!

Кики замерла на месте, не в силах отвести взгляд от побагровевшего лица настоятеля. Ей даже показалось, что она отчетливо видит вздувшиеся вены на его висках, пульсирующие от ярости. Когда настоятель заговорил снова, он цедил слова сквозь стиснутые зубы:

— Твое поведение было нескромным и неподобающим. Я уверен, скоро будут представлены доказательства того, что ты опасна и для этого монастыря, и для тех, кто живет в нем.

— Как это может быть? По твоим же собственным представлениям, я всего лишь женщина, и даже если я принцесса, мне все равно предстоит просто принадлежать мужчине. И что же во мне опасного? — Кики говорила быстро, а ее сердце колотилось так громко, что она была уверена: все вокруг это слышат.

Настоятель коварно улыбнулся, как будто видел, как девушка ступает в подготовленную ловушку.

— Ты права, сама по себе женщина — беспомощное существо, созданное лишь для того, чтобы служить мужчине и рожать для него детей. Но женщина обладает слабой и поддающейся соблазнам натурой, и мужчина должен ее охранять. Вспомни, именно первородный грех Евы разрушил рай, созданный Господом для мужчины! — Голос настоятеля звучал все выше, пока наконец на слове «мужчина» не сорвался в визг.

Монахи, стоявшие рядом с ним, начали оглядываться по сторонам, как будто соображая, как им сбежать из этого опасного местечка. Сэр Андрас согласно кивал головой, совершенно не замечая безумного тона своего учителя.

Возмущение, копившееся у Кики все последние дни, наконец захлестнуло ее, и она, наплевав на все правила вежливости, позволила себе высказаться от души.

— Там, откуда я родом, многие видят в этой библейской истории гораздо более глубокий смысл. Если я не ошибаюсь, Люцифер, описанный как наиболее прекрасное создание Господа, соблазнил Еву. Она сопротивлялась, но постепенно уступила. — Кики бесцеремонно передернула плечами, но ее вызывающий взгляд не отрывался от священника. — Думаю, даже

сильнейшие из нас подвержены какой-то слабости, из-за которой их можно сбить с пути, не так ли, аббат Уильям? В любом случае, Ева не устояла перед Люцифером. А уж потом она отправилась к Адаму и предложила ему тот фрукт. Адам же просто согласился. Он выбрал запретное — и никто его особо не соблазнял, и не очень-то он и сопротивлялся; он просто сделал то, что сказала ему женщина. Если ты согласишься на все это с точки зрения логики, как, мне кажется, и должен смотреть мужчина, ты придешь к совершенно другому выводу о том, кто именно совершил тот великий грех. По крайней мере, мне кажется, что большинство...

— Молчать! — завизжал настоятель, и его крик эхом отскочил от изуродованных каменных стен.

На этот раз монахи буквально съезжились от страха, и даже глаза сэра Андруса изумленно расширились при виде того, насколько вышел из себя настоятель.

— Ты не смеешь так богохульствовать в моем присутствии! Твои слова лишь доказывают, что ты состоишь в союзе с воплощенным злом! Когда ты вошла в наши ворота, ты принесла с собой тьму! Тебя необходимо очистить и изгнать из этого святого места, только так мы победим зло! — Он ткнул дрожащим пальцем в воина, маячившего рядом с девушкой. — Отведи ее в ее комнату, пусть ждет наказания!

От страха у девушки все сжималось внутри, но она высоко вскинула голову и властным голосом заговорила, обращаясь на этот раз к рыцарю:

— Сэр Андрус, будьте любезны объяснить настоятелю, что вредить мне — не лучший для вас способ действия.

Настоятель хотел что-то сказать, но сэр Андрус осторожно положил руку ему на плечо.

— Отец, — успокаивающим тоном произнес он, — давайте слушаем ее.

— Я вспомнила о правах, принадлежащих мне по рождению. Троньте меня — и вы начнете опасную игру с единственной дочерью короля Канута, великого завоевателя и повелителя викингов! — Голос девушки звучал ровно и горделиво.

При этом заявлении сэр Андрус замер, как будто не дыша, а от лица настоятеля отлила кровь, и его кожа стала восковой.

Улыбка Кики была весьма высокомерной.

— Я уже послала ему известие о себе. Ваши рыбаки были отчасти правы в своих донесениях; жаль только, что суеверия настолько затмили их умы, что они не поняли, кого видели. А это были мои люди, искавшие дочь их любимого короля. Прошлой ночью они меня нашли, и именно тогда ко мне вернулась память. Вы и сами это знаете, потому что пристали ко мне тогда, когда я возвращалась с берега. — Девушка резко рассмеялась. — Как вы думаете, почему бы меня так тянуло к воде? Это мои владения! Очень скоро мой отец прибудет за мной. — Гнев Кики, казалось, заполнил всю комнату. — Если вы причините мне вред, он выпустит своих берсеркеров, и они просто уничтожат вас всех!

В комнате было очень тихо. Сэр Андрус и настоятель осторожно переглянулись.

— Но если твой отец — король Канут и его люди были здесь прошлой ночью, почему ты осталась? — спросил сэр Андрус.

Кики презрительно фыркнула.

— Принцессу викингов нельзя увезти ночью, как безродную служанку. Я послала весточку отцу, что

меня спасли и я здорова и невредима. И я знаю, что он захочет сам явиться за мной, чтобы отблагодарить тех, кто обо мне позаботился.

И наказать тех, кто поступил наоборот...

Невысказанные слова как будто повисли в наэлектризованном воздухе вокруг Кики.

— Если даже вы не верите мне, разобраться во всем нетрудно. Просто подождите. Если я говорю правду, мой отец вскоре придет и вы будете вознаграждены. Если я лгу, если я не принадлежу к могущественному роду, за мной никто не придет, и уж тогда вы сможете наказать меня, как того требуют ваши сердца. — Кики, вскинув брови, посмотрела на рыцаря. — А что-то мне подсказывает, что тебе очень и очень пригодились бы деньги моего отца.

Рыцарь и настоятель снова переглянулись, и Кики с облегчением заметила, что священник как будто сумел взять себя в руки.

— Мы, разумеется, не хотим ничего дурного дочери короля, — сказал аббат Уильям. И снова посмотрел на сэра Андруса; тот в ответ коротко кивнул. — Мы предоставим тебе убежище на то время, которое потребуется твоему отцу, чтобы приехать за тобой.

— Но не более чем на две недели, — добавил сэр Андрус.

Настоятель торжественно кивнул.

— Да, две недели. Если за это время король Канут не придет за тобой, мне ничего не останется, как только подвергнуть тебя следствию на предмет ереси и ведьмовства.

— Я согласна, — величественно кивнула Кики.

— А пока король Канут не явится в Калди, ты останешься в своей комнате под охраной. Мы должны быть

уверены, что ничего дурного не случится с такой ценной леди, — сказал священник.

Кики снова испугалась. Ее хотят запереть в комнате? Сердце девушки забилося быстрее.

Она прямо посмотрела в змеинные глазки настоятеля.

— Я принцесса уикингов... мне необходимо куда больше свободы, и я требую ее! Если вы запрете меня в комнате, я пожалуйюсь отцу, что вы обращались со мной как с пленницей, а не как с гостьей. Вряд ли он захочет вознаграждать тюремщиков.

— Ундина... — Сэр Андрус уже не гневался, но снова был готов поучать. — Уверен, ты согласишься, что мы должны заботиться о твоей безопасности, особенно теперь, когда ты заявила о благородстве твоей крови.

— Да, но...

Андрус не дал ей высказаться.

— Отлично. Значит, ты поймешь и то, что, если захочешь выйти из комнаты, тебя должен сопровождать вооруженный воин.

Кики вскинула голову.

— Я вас так пугаю?

— Тебя так защищают.

— О, не думай, что я совсем уж беззащитна. — Она прищурилась, глядя на рыцаря, и с удовольствием увидела, как в ответ расширились глаза сэра Андруса.

— Довольно, ведьма! — рявкнул священник. — Мы можем потерпеть твое присутствие, пока твой язычник-отец не заберет тебя, но мы не станем терпеть твои богохульные угрозы!

Кики медленно, демонстративно покачала головой и с жалостью посмотрела на настоятеля.

Ф. К. Каст

— Да почему тебе вечно чудится, что в сильной женщине скрыто зло? Что с тобой случилось, что тебя так изуродовало?

Аббат Уильям вскинул дрожащую руку ладонью вперед, как будто желая оттолкнуть слова девушки.

— Проводите принцессу в ее комнату! Сейчас же! — прорычал он.

Не дожидаясь воина, Кики повернулась и быстро пошла через комнату. Когда она приблизилась к двери, Изабель сыграла свою часть представления, шарахнувшись от нее и перекрестившись. Кики фыркнула и небрежно махнула рукой в сторону старой служанки. Когда же воин закрыл за ней дверь, до Кики отчетливо донесся голос Изабель:

— Зло! Я это с первого дня знала, как только на нее посмотрела! Чистое зло!

Кики пришлось закусить губы, чтобы не рассмеяться, пока перепуганный молодой воин провожал ее обратно в комнату.

Глава двадцать четвертая

Кики резко распахнула дверь, перепугав стоявшего снаружи стража.

— Я хочу пойти в церковь, и мне нужна помощь, чтобы переодеться. Пойди найди ту старуху, как там ее зовут!

Воин глупо вытаращился на нее. Она вздохнула.

— Ну же! Я не намерена ждать целый день!

И хлопнула дверью перед его носом.

— Всю эту королевскую чушь не так уж сложно изображать, — негромко пробормотала она.

Башмаки воина громко застучали по каменному полу коридора, когда юноша бросился выполнять приказ.

В ожидании Изабель Кики шагала по комнате из угла в угол. Она уже несколько часов сидела тут одна, под охраной, и ей абсолютно нечего было делать, разве что только волноваться. Она больше не могла этого вынести. Может быть, если она примется за наведение порядка в церкви, ей

удастся отчасти снять напряжение, а если повезет, то, возможно, и Гея там появится. Богиня что-то помалкивала в последнее время, и это особенно тревожило девушку.

В дверь дважды стукнули с нарочитой робостью.

— Входи! — крикнула Кики. Ей не пришлось специально изображать огорчение в голосе.

— Ты меня звала, принцесса? — спросила Изабель, с видимой неохотой переступая порог и прихрамывая больше обычного.

— Да, да, да! — резко ответила Кики. — Входи и закрой дверь. Я намерена поработать в церкви, и мне нужно переодеться.

Кики видела, как старая женщина испуганно посмотрела на стража, прежде чем пройти в комнату и закрыть за собой дверь.

Как только они остались одни, Изабель быстро подбежала к девушке и они обнялись.

— Ты была просто великолепна! — шепнула Изабель на ухо Кики, начав распутывать многочисленные шнурки на платье девушки.

— Да и ты тоже выступила неплохо, — шепотом ответила Кики, и обе улыбнулись. — Но я больше не могу сидеть здесь! Мне нужно чем-то заняться, вот я и решила продолжить работу в церкви.

— Я принесу тебе поесть прямо туда. Уже полдня прошло, даже больше. — Изабель погладила девушку по плечу. — Ты опять долго не ела. Как ты сохранишь силы для своего возлюбленного, если не будешь есть?

— Ты всегда так мудра, — сказала Кики.

— И очень хорошо, что ты это помнишь, — ласково усмехнулась старая женщина.

— А что там было, когда я ушла? — спросила Кики.

Изабель на мгновение замерла, как бы собираясь с мыслями.

— Настоятелю очень хочется тебя уничтожить. Тут ничего не изменилось, — мрачно заговорила она. — И если бы не рыцарь, да еще страх получить по заслугам от уикингов, он бы не удержался.

— Похоже, сэр Андрас поверил в мою историю. Изабель кивнула.

— Он жаждет денег короля Канута, и он все еще желает тебя, но он совсем не дурак. Он посылает гонца в Кайр Лайон за подкреплением. Он боится, что, если даже тебя вернут уикингам в целости и сохранности, король может решить разграбить монастырь.

— Да здесь вроде бы и грабить-то нечего, — пробормотала Кики.

— Ох, вот тут ты ошибаешься, Ундина. Всем известно, что у монахов есть отличная шерсть и жирные вкусные овцы. И еще у настоятеля имеется несколько древних манускриптов, которых тщательно копируют братья, специально выбранные аббатом.

— Я об этом не подумала, — медленно произнесла девушка.

— Так что рыцарь действует весьма умно.

— Ну, я никогда и не считала сэра Андраса дураком, он просто ограничен...

— Тут я с тобой соглашусь, — сказала Изабель.

— Просто сейчас такое время.

Старая женщина фыркнула.

— А что, ты должен идти за мной и в церковь тоже? — спросила Кики стража, шагавшего чуть позади нее с двумя ведрами, наполненными чистой водой. — Я собираюсь там поработать.

— Я должен постоянно быть рядом с тобой, принцесса,— деревянным тоном ответил страж.

— Но мне нравится молиться во время работы. Твое присутствие может мне помешать.— Она оглянулась на юношу.— Ты женат?

Воин настолько удивился ее вопросу, что машинально ответил:

— Да.

— А детишки у тебя есть?

— Пока нет, принцесса.

— Знаешь, в моей стране верят, что Пречистая Дева может даровать супружеским парам малышей и что она может сделать мужчин весьма способными к зачатию.— Кики многозначительно помолчала, а ее взгляд скользнул по телу воина, прежде чем девушка продолжила: — Если, конечно, они ей понравятся. А если нет — может сделать наоборот. Я не думаю, что Богоматерь будет довольна, что ты мешаешь мне молиться.

— Я бы никогда не помешал тому, кто так искренне верит... Я тебя подожду снаружи, у входа.— Несчастный воин внезапно побледнел.

— Спасибо. Я уверена, твое благородство будет вознаграждено,— сладким тоном произнесла Кики.

Забрав у него ведра, девушка вошла в полутемное святилище и с облегчением вздохнула, когда дверь за ее спиной решительно закрылась.

Ее приветствовал смех богини.

— Ох, дочка! Надо же, напугала бедняжку возможностью стать импотентом! Знаешь, по-моему, это было жестоко.

Гея полулежала на полу перед статуей Девы Марии; она выглядела ослепительно в длинном платье

из легкого искрящегося шелка цвета зрелых оливок. Ее длинные волосы падали на пол, и казалось, что вокруг богини пушится блестящий ковер.

С Кики будто свалилась целая гора, такое облегчение она испытала, увидев богиню, но все же в голосе девушки прозвучала горечь, когда она сказала:

— Я так устала из-за того, что за мной постоянно ходят, и следят, и держат под охраной!

И в то же мгновение ведра, оттягивавшие ей руки, перехватил кто-то невидимый. Они поплыли в нескольких дюймах над полом и встали там, куда собиралась поставить их девушка. Кики благодарно улыбнулась богине, и ее настроение сразу улучшилось.

— Спасибо, мама. Это здорово. И извини, что я сорвалась.

— Ничего, малышка,— понимающе произнесла Гея.— Так значит, настоятель взял тебя под стражу? А почему, что случилось?

Кики быстро пересказала Гее все события последних дней. Когда она закончила, глаза богини светились гордостью.

— Ты отлично справилась, дочка! Ты нашла правильный путь благодаря собственному уму. Мне это нравится.

Кики охватило теплом от похвалы богини.

— А у меня тоже есть новости. Лир появится в этих водах на третью ночь. И тогда он выслушает твою просьбу и вынесет решение.

— Но он что-то сказал уже? Ты рассказала ему о Сарпедоне и Дилане?

— Я не разговаривала с великим богом морей.— Гея раздраженно отбросила упавшие на лицо волосы.— Он

все еще разбирается в той истории с гавайскими божествами.

— Тогда откуда ты знаешь, что он будет здесь? — спросила Кики.

— Я отправила к нему гонца, чтобы тот передал мою просьбу явиться к нам. Как раз этим утром посланник Лира доставил ответ. — По лицу богини пробежала тень, затуманив прекрасные черты.

— Но тебя что-то тревожит. Ты беспокоишься, какое решение он примет? — спросила Кики.

— Нет, — быстро ответила Гея. — Я не боюсь его. су-да. Лир всегда желал, чтобы Ундина полюбила море и чтобы она была счастлива. И теперь его желание исполнилось. Не думаю, что его чувства изменятся от того, что ты отвергла Сарпедона, особенно когда он увидит, что я полностью на твоей стороне.

— Так ты думаешь, Лир запретит Сарпедону преследовать Дилана?

Гея утешающе похлопала девушку по руке.

— Лир знает Дилана. Он знает, что этот тритон благороден и добр. Я уверена, что великий бог одобрит твой выбор. Да, несомненно, предстоит весьма нелегкое объяснение с Сарпедоном, но слову бога морей повинуются беспрекословно... а вокруг есть множество нимф, среди которых Сарпедон сможет выбрать себе пару.

— Тогда почему ты выглядишь встревоженной? — не отставала Кики.

— Ты начинаешь очень хорошо понимать меня, дочка, — нежно произнесла Гея и задумчиво прищурилась. — Просто Лир выбрал необычного посланника. Я никогда не слыхала, чтобы он отправлял с вестями

кого-нибудь, кроме дельфинов или белух, но на этот раз он послал морского угря... А эти твари даже и не разумны. — Гея пожала плечами. — Может быть, хлопоты из-за тех диких островных божеств утомили его куда больше, чем я предполагала?

— Но это не значит, что он пренебрегает нами или даже гневается из-за чего-то?

— Повелитель Морей не может пренебречь Матерью Земли или ее дочерью! — Глаза Геи сверкнули.

— Мне бы следовало сообразить, — пробормотала Кики, понимая поспешно посмотрев на богиню.

— Да, следовало. — Гея подмигнула девушке. Но тут же ее голос стал очень серьезным. — Через два дня ты навсегда станешь жительницей моря, супругой тритона. Я только хочу спросить еще раз, дочка. Уверена ли ты в своем выборе? Тебе не следует думать, что тот рыцарь — единственный человек, за которого ты могла бы выйти замуж. Если хочешь моего содействия, я пошлю зов, и на него откликнется множество мужчин. Ты могла бы выбрать пару среди них.

Отвечая богине, Кики заговорила медленно, не спеша, но слова ее были полны решимости, она и не думала отступать.

— Да, это немного страшновато — навсегда оставить сушу, но вода зовет меня, Гея. Конечно, я знаю — это потому, что мое тело не совсем человеческое, именно оно стремится к морю. — Кики прямо посмотрела в глаза богине, желая, чтобы Гея поняла ее. — Но я не хочу отказываться от этого. Мне нравится быть русалкой. И я люблю Дилана. Я как будто нашла наконец идеальное соотношение магии и жизни. — Кики махнула рукой в сторону моря. — И все это — там.

В улыбке богини светились нежность и горечь.

— Я уважаю твой выбор, дочь моя, и я горжусь твоей силой.

— Но я ведь не уйду от тебя навсегда! Я все равно буду с тобой видеться!

— Да, дочка. Моя бухта всегда будет ждать тебя, и я всегда откликнусь на твой зов. — Она вскинула брови и весело усмехнулась. — А может быть, однажды ты подаришь мне внучку, которая будет любить сушу?

— Как насчет того, что их будет много? — рассмеялась Кики.

Прежде чем Гея успела что-то сказать, их перебил громкий голос Изабель, донесшийся снаружи, от входа в церковь:

— Да уж! Если мне понадобится, чтобы ты защитил меня от ее колдовства, я тебя обязательно кликну! Но я должна отнести ей поесть. Если она ослабеет и умрет, ничего хорошего всех нас не ждет, когда сюда явится король, ее отец! — Грубоватый голос старой женщины разносился по всей церкви. Она еще успела весьма театрально вздохнуть, прежде чем страж впустил ее внутрь.

Кики хихикнула и подмигнула богине.

— Ей бы следовало стать актрисой; уж очень ей все это нравится!

Ожидая, что Гея сейчас исчезнет, как обычно, Кики повернулась и пошла навстречу старой женщине, чтобы забрать у той тяжелый поднос.

Изабель, прихрамывая, шла по боковому проходу, внимательно оглядывая скамьи, при этом она старательно сохраняла недовольное выражение на лице. Не обнаружив ни одного молящегося монаха, старая женщина широко улыбнулась.

— Я тут принесла тебе мясо по новому рецепту... — Изабель замолчала, во все глаза уставившись на что-то за спиной девушки.

Смущенная Кики оглянулась через плечо и увидела Гею, стоявшую рядом со статуей Девы Марии. Вот только это уже не была Гея... Очаровательная женщина выглядела обычной смертной. Тонкие морщинки делали ее лицо домашним, живым, а лучики, разбегавшиеся от глаз, говорили о веселом характере. Она была одета в простую одежду из некрашеного льна. Ее голову покрывала коричневая шаль, почти скрывавшая каштановые волосы, но видно было, что эти волосы уже подернулись тонкими серебряными нитями. Однако лицо женщины не имело возраста. Ей можно было дать и двадцать, и сорок. И она улыбнулась старой Изабель.

— Прости меня, принцесса Ундина... я не знала, что ты не одна. — Изабель поставила поднос на ближайшую скамью и поспешно повернулась, чтобы уйти.

— О, прошу, тебе незачем уходить... — В голосе Геи звучал на этот раз такой же акцент, как у сэра Андруса. — Меня зовут Галеной. Я приехала в Калди, чтобы обменять овец моего отца на здешнюю шерсть. Я услышала о том, что здесь есть чудесная статуя Божьей Матери, и не смогла уехать, не посетив ее святилище.

Изабель присмотрелась к Гее, не скрывая удивления.

— Прости, что говорю так, но очень уж странно, что отец поручает дочери вести дела.

— У моего отца нет сыновей, а у меня нет мужа. К тому же отец очень стар и достаточно мудр, чтобы доверять мне.

— Видишь, я ведь говорила, что некоторые мужчины вполне уважительно относятся к женщинам,— сказала Кики, обретя наконец голос.

— Ты права, принцесса, есть такие мужчины,— с мягкой улыбкой подтвердила Гея.— Но независимо от мужских убеждений женщины всегда обладали собственной внутренней силой.— Она посмотрела на сияющую статую.— Уверена, Дева Мария согласилась бы со мной.

— Ты говоришь точь-в-точь как принцесса,— пробормотала Изабель.

Улыбка Геи стала шире.

— Как удачно, что я именно сегодня пришла сюда!

Взгляд Изабель не отрывался от лица Геи. Внезапно глаза старой женщины широко раскрылись, как будто она что-то поняла.

— Прости, что я так таращусь на тебя, но ты ужасно похожа на вот это изображение Божьей Матери!

Гея звонко рассмеялась. Кики понадеялась, что Изабель не заметит, как огоньки свечей, стоявших вокруг статуи, поклонились и затанцевали в ответ на этот смех.

— А что в этом удивительного? — сказала богиня.— Разве ты не веришь, что в каждой женщине таится искорка Божественной Женственности?

— Я...— Изабель откашлялась.— Я никогда ничего такого не слыхала.

Голос Геи наполнился состраданием.

— Подойди ближе. Я хочу показать кое-что вам обеим.

Изабель, переполненная сомнениями, все же подошла ближе к богине.

Гея протянула вперед руку ладонью вверх.

— Протяните ко мне ваши руки.

Кики без малейших колебаний предъявила Гее свою руку, и Изабель последовала ее примеру.

— Посмотрите, как мы удивительны, все трое, как мы отражаем три аспекта Божественной Женственности,— сказала Гея. Она показала по очереди на все три руки, начав с ладони девушки, гладкой и чистой.— Вот девица, милая и юная, и перед ней лежит вся жизнь, таинственная и неведомая. Девица свежа, она трепещет, охваченная весенней силой.

Потом Гея показала на собственную ладонь. Ее рука выглядела более сильной, ее суставы были чуть увеличены, на ней прорезались легкие морщины. Это была рука, которая могла работать дни напролет, а потом утешать заболевшего ребенка.

— Рука матери, крепкая и зрелая, наполненная силой лета и осени. Она дает жизнь и успокоение. Она — сердце своего очага, своего дома. Без почитания матери семья не может процветать.

И наконец бесконечно нежным жестом она коснулась узловатых пальцев Изабель.

— И вот старая женщина, хотя мне больше нравится, как величали таких в дни матриархата: мудрая женщина. Она богата знаниями и опытом, она руководит теми, кто займет ее место, когда она покинет этот мир, и утешает тех, кто уже подошел к концу жизненного пути. Ее сила обладает великой глубиной. Это сила многих лет жизни, увеличенная силой зимы.— Гея говорила торжественно, держа руки обеих женщин в своих ладонях.— Каждая из этих сил важна и необычна. Но соединившись, они образуют трехзвенную цепь, спаянную Божественной Женственностью.

Мы нуждаемся друг в друге — так уж мы устроены. И отрицать это значит жить бессмысленно.

— Да, женщины должны держаться вместе, — согласилась Кики. — Даже если мы очень разные.

— Но разве волшебное смешение противоположностей — это не сама суть женщины? — спросила Гея.

— Я стыжусь, что мне понадобилась целая жизнь, чтобы понять это, — сказала Изабель.

В улыбке Геи светилась бесконечная любовь.

— Но ты поняла, и тебя не удивит, если ты заметишь в другой женщине отражение божества.

— Ты очень мудра, Галена, — сказала Изабель, все еще держа Гею за руку.

— Я пастушка, и у меня было много времени, чтобы в одиночестве думать и молиться, — просто сказала Гея. И крепко сжала руки Изабель и Кики, прежде чем отпустить. — А теперь я слышу, как мои стада зовут меня. Они нетерпеливо ждут моего возвращения. Так что пожелаю вам доброго дня, леди.

— Да будет с тобой благословение Богоматери, — сказала Изабель.

— Да, и счастливо тебе добраться до дома, — быстро добавила Кики.

Гея кивнула им по очереди, потом коротко поклонилась статуе Пречистой Девы. Когда она выпрямилась, Кики уловила вспыхнувший в ее глазах свет. Замаскированная богиня попрощалась и пошла к выходу из церкви. Постоянно висящие вокруг клубы курящегося ладана как будто поглотили ее, как только она вошла в тень.

— Очень интересная женщина, — задумчиво произнесла Изабель.

— Это точно.

— Я подумаю над ее словами. Для меня все это в новинку, но она задела мое сердце, я ничего похожего прежде не чувствовала... — Изабель умолкла, потому что стоявший снаружи воин распахнул дверь.

— У вас тут все в порядке? — спросил он, быстро моргая, как перепуганная птица, пока его глаза не привыкли к темноте. — Мне послышалось что-то странное.

— Все прекрасно. Я просто намерена задержать здесь эту старуху, чтобы она помогла мне с уборкой. Тебе, наверное, надо послать кого-нибудь на кухню сообщить, что она будет занята остаток дня.

Воин как будто засомневался, но угроза Кики сделать его импотентом все еще была слишком живой.

— Я буду тут, неподалеку, — сказал он, обращаясь к Изабель, и попятился за дверь.

Изабель и Кики переглянулись.

— Я подумала, может, ты захочешь немного побыть со мной, — просто сказала девушка.

— Спасибо. Мне ничего так не хочется, как помочь тебе привести в порядок придел Божьей Матери. И просто с тобой побыть мне приятно.

Кики усмехнулась.

— Мне тоже.

Изабель глубоко вздохнула и задала вопрос, который, должно быть, давно вертелся в ее уме:

— Когда ты должна нас покинуть?

Кики ощутила сожаление при мысли о предстоящей разлуке.

— Я должна уйти на третью ночь. Но это не значит, что я уйду навсегда. Я ведь останусь здесь... ну, просто я буду жить в воде и выглядеть немножко иначе, то есть я хочу сказать, от талии и ниже.

Ф. К. Каст

Изабель удивленно моргнула.

— Так мы сможем иногда видаться?

— Если я тебя не испугаю, — медленно произнесла девушка.

Изабель коснулась ее щеки необычайно нежным жестом.

— Ты меня никогда не испугаешь, моя дорогая подруга. Разница между нами ничего не значит.

Кики сразу стало легче.

— Я так рада, Изабель...

— И я тоже, милая девочка. — Потом Изабель решительно расправила плечи и начала закатывать рукава. — Если у нас осталось всего два дня, нам лучше приняться за работу.

— И я так думаю, — согласилась Кики.

Изабель схватила метлу и атаковала клочья паутины в темном углу.

— Знаешь, ты со временем можешь стать очень мудрой женщиной, — заявила она.

— Скажи лучше «мудрой русалкой», и я с тобой соглашусь.

И, занимаясь делом, приводя в порядок то, что по праву принадлежало Пречистой Деве, они весело смеялись, наполняя церковь радостью.

Глава двадцать пятая

Изабель как раз закончила расчесывать густые волосы Кики, когда их тихую беседу прервал резкий стук в дверь. Старая служанка подошла к двери и приоткрыла ее.

— Я должен увидеть принцессу, — раздался командирский голос сэра Андраса.

— Прощу, передай сэру Андрасу, что я уже приготовилась ко сну. Сегодняшний день слишком утомил меня, я должна пораньше лечь спать. — Кики говорила достаточно громко, чтобы ее услышал рыцарь.

— Сэр Андрас, принцесса... — начала было Изабель, но рыцарь перебил ее:

— Возможно, принцесса не так бы утомилась, если бы прошлой ночью не бегала по двору.

Кики вздохнула и через голову надела монашеский балахон. Не обращая внимания на умоляющий взгляд Изабель, она быстро подошла к двери и распахнула ее во всю ширь. Сэр Андрас стоял, уперев руки в бока, его лицо сердито пылало. Он позаботился о том, чтобы выглядеть как можно

лучше — побрился и надел то самое красивое одеяние, в котором был в день их первой встречи. Кики испугалась, подумав, что рыцарь явился искать ее расположения... точнее, получить его силой.

Разве она не была его пленницей, а может быть, и опасной колдуньей?

Потом Кики вдруг поняла, в чем дело, и удивленно моргнула. Сэр Андрас ведь говорил настоятелю, что ему придется поскорее определиться, то ли он женится на девице, то ли просто потребует за нее выкуп. Видимо, он склонился в сторону брака и решил приступить к ухаживаниям. Наверное, правило большого пальца перевесило и языческие наклонности девушки, и ее несдержанный язычок. Кики подумала, что ей, судя по всему, следует чувствовать себя польщенной. Но вместо этого ее охватило раздражение. Ему была нужна не она, ему нужна была такая средневековая Барби.

— Сэр Андрас, я устала до изнеможения, потому что всего за один короткий день я и вспомнила свою жизнь, и выслушала обвинения в колдовстве, и поработала на славу в церкви, которая, похоже, была заброшена не один десяток лет. Думаю, даже мужчине такой денек мог показаться утомительным, — сказала она, стараясь, чтобы ее тон звучал не слишком саркастично.

Сэр Андрас, как будто не вполне владея собой, пожирал взглядом ее лицо — высокие скулы, нежные щеки и полные, чувственные изгибы губ. Потом его глаза обратились к длинной безупречной шее, потом пылко уставились туда, где в разрезе рубахи виднелась открытая гладкая кожа. Рыцарь облизнул губы.

Кики присмотрелась к нему повнимательнее. Как далеко могло зайти влияние Сарпедона? Глаза рыца-

ря выглядели вполне нормальными, и лицо было его собственным, не искаженным, но отражалось на нем лишь грубое желание, а это было не совсем обычно для рыцаря. Ведь даже после того, как им овладевал Сарпедон, рыцарь держался вежливо и осторожно; он, похоже, не считал возможным таращиться во все глаза на девушку, к которой намерен посвататься.

— Верно, Ундина, день у тебя был трудный. Но я помню, как совсем недавно ты говорила, что находишь весьма приятными долгие прогулки, даже когда устает, — не отступал рыцарь. — Вот я и прошу тебя погулять со мной, принцесса Ундина. — Он протянул мускулистую руку, как будто не ожидал ничего иного, как радостного согласия.

— Не этим вечером, но спасибо за приглашение.

Изабель встревоженно придвинулась к девушке, когда, услышав отказ, сэр Андрас потемнел от гнева.

— Я, как рыцарь и джентльмен, приглашаю тебя на прогулку, а ты меня отвергаешь? — с недоверием спросил он.

— Мне всегда казалось, что если даме задают вопрос, она вправе ответить либо «да», либо «нет», — терпеливо произнесла Кики. Она вовсе не лгала рыцарю. Она действительно отчаянно устала и не хотела ничего, кроме как допить принесенное служанкой вино и упасть в постель. — Я совсем не отвергаю тебя, я просто использую свое право.

— Тогда я, как джентльмен, воспользуюсь своим правом защитить тебя от твоей собственной неумеренности, чтобы ты не была такой утомленной и смогла прогуляться со мной. Сегодня и каждый вечер впредь и у твоей двери, и под твоим окном будут стоять стражи, чтобы ты не переутомилась, бегая по морскому бе-

регу, — бесцеремонно и решительно заявил рыцарь. — Значит, до завтра, принцесса Ундина. Может быть, я найду тебя в более любезном настроении, или, возможно, мне придется позаботиться о твоём здоровье и оставлять воинов у твоей комнаты и в дневное время тоже.

И он резко захлопнул дверь.

— Наверное, мне надо было с ним пойти, — вздохнула Кики.

Изабель кивнула.

— Да, боюсь, твой отказ только раздражил рыцаря. Он вообще в последнее время ведет себя странно.

— Да, я вижу, но мы обе знаем, почему это так.

— Сарпедон, — одними губами произнесла Изабель страшное имя.

Девушка кивнула, устало потирая лицо.

— Я гораздо больше тревожилась из-за аббата Уильяма. Видимо, я недооценила влияние Сарпедона на сэра Андруса.

— Ты недооцениваешь влияние своей красоты, — заявила Изабель, помогая Кики снять балахон.

Кики язвительно рассмеялась.

— Я к ней не привыкла. Мое настоящее тело совсем не было похоже на это. Мужчины не обращали на меня внимания.

Изабель окинула ее скептическим взглядом и хмыкнула.

— Что? — спросила Кики.

— Разве не ты говорила мне, что женская красота состоит не из одной только физической стороны? Это ведь относится и к тебе тоже.

Кики хотела возразить, но Изабель схватила ее за руку, заставив замолчать.

— Прими эти слова мудрой женщины за истину. В тебе есть нечто гораздо большее, чем внешняя красота. Рыцарь это знает, и он желает обладать тобой — всею тобой. А злобное воздействие Сарпедона просто усиливает это желание. — Изабель откинула одеяло на узкой кровати: — Отдыхай, Ундина. У тебя такой усталый вид...

Кики завернулась в грубое одеяло и села на кровати, прислонившись к изголовью и наблюдая, как Изабель прибирает маленькую комнату. Она слышала, как страж за окном устраивается поудобнее. Что может произойти в две ближайших ночи? Как она будет выбираться из комнаты? Ей стало не по себе.

Кровать скрипнула, когда на краешек присела Изабель.

— Не бойся, — прошептала старая служанка, поправляя простыню. — Помни, мы вместе: девица, мать и мудрая женщина. А вместе мы найдем способ вернуть тебя морю.

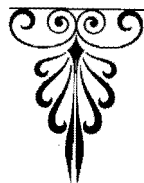
— И Дилану, — пробормотала Кики, и ее глаза наполнились слезами.

Изабель осторожно погладила ее по щеке.

— Да, и твоему возлюбленному. Мы сильнее, чем они думают. Все будет хорошо.

Кики повернулась на бок, и старая служанка погладила ее по волосам, негромко напевая мелодию, похожую на ритмичное биение морских волн.

Глава двадцать шестая

На следующий день Кики, сопровождаемая двумя стражами, умудрилась избежать встречи с сэром Андрасом, наскоро позавтракав в кухне и пообедав прямо в церкви, хотя у нее и оставалось там совсем немного работы — так, завершающие штрихи. Потом, чтобы не столкнуться с рыцарем, она отправилась к грядкам с целебными травами и занялась прополкой, набрала трав по длинному списку — для Изабель. Кики была приятно удивлена, что монахи, время от времени проходившие через сад, останавливались похвалить ее за то, что она вновь открыла красоту Пречистой Девы. Девушка только-только вернулась в свою комнату, чтобы отмыть руки и сменить запачканную робу на чистую, как в дверь снова постучали.

Она приоткрыла дверь. Рыцарь был одет так же, как накануне вечером, и лицо у него было напряженным.

— Добрый день, сэр Андрас, — вежливо произнесла Кики, чувствуя себя особенно неуютно из-за того, что рядом не было Изабель.

Сэр Андрас наклонил голову.

— Принцесса Ундина, уверен, что сегодня ты чувствуешь себя достаточно хорошо для того, чтобы погулять со мной.

— Я бы рада, но ты же видишь, как я одета. — Она показала на свой грязный балахон.

— Я пошлю за твоей служанкой, она поможет переодеться. Я буду ждать тебя во дворе, — твердо заявил рыцарь, по-военному сделал поворот кругом и был таков.

Кики вздохнула и закрыла дверь. Ей недолго пришлось ждать прихода Изабель.

— Позволь, я помогу тебе надеть это прекрасное платье, — сказала старая женщина, беря висевший на спинке кровати роскошный наряд.

— Я не хочу гулять с ним! — сказала Кики.

— Ты должна, или тебя опять запрут здесь.

При этом напоминании Кики содрогнулась от страха.

— Улыбайся сэру Андрасу. Польсти его самолюбию, — сказала Изабель.

— Я очень боюсь того, что может сделать с ним Сарпедон. — Кики закусилла нижнюю губу, размышляя.

Старая служанка нахмурилась.

— Ты должна постараться не пробудить в рыцаре гнев, тогда, возможно, влияние злого духа не проявится. Думай о сэре Андрасе как о красивом рыцаре, который спас тебя там, в море. И помни, это последняя твоя ночь в человеческом теле. Завтра ты вернешься в воду. Неужели тебе трудно поиграть в принцессу

еще немного? — Изабель закончила шнуровать платье девушки и начала надевать на нее ожерелья. — Может быть, тебе удастся уговорить рыцаря отправиться с тобой к морю. Вот и потерпишь его в обмен на возможность хотя бы мельком увидеть своего Дилана.

— Об этом я и не подумала! — воскликнула Кики, и ее сердце радостно забилося.

Она уже привыкла изо всех сил отгонять мысли о Дилане, когда находилась вдали от него, стараясь заняться каким-нибудь делом. Кики обнаружила, что если позволяет себе думать, как ей плохо без Дилана, боль от стремления к морю и тоска по возлюбленному сливаются воедино и могут целиком захлестнуть ее. Но теперь она ощутила, как ее наполнила дрожь подавленного желания, и мысли о любимом наполнили ум.

— Скорее! — только и сказала она старой служанке.

— Дитя... — Изабель взяла девушку за плечи, заставила посмотреть себе в глаза. — Ты можешь, конечно, заметить его в волнах, но ты должна следить за собой, держать себя в руках! Не выдай своих чувств перед рыцарем! Помни, ты должна дожидаться того времени, которое назначила тебе Богоматерь. Пообещай, что будешь осторожна!

— Да, да! Обещаю! — быстро сказала Кики, желая успокоить Изабель, и рванулась вон из комнаты. Но старая женщина ее не отпустила.

— Не забывай о Сарпедоне! Ты можешь подвергнуть себя и возлюбленного опасности, если позволишь страсти управлять своими поступками!

Упоминание о Сарпедоне сразу охладило девушку.

— Ты права, Изабель. Я обещаю быть осторожной.

— Теперь иди, дитя. Пусть будут с тобой удача и благословение Пречистой Девы.

На мгновение задержавшись в дверях, Кики обернулась.

— Спасибо тебе, мудрая подруга.

И быстро пошла во двор.

Сэр Андрас нетерпеливо шагнул взад-вперед перед арочным дверным проемом. Двое оруженосцев следовали за ним чуть позади.

— Я готова к прогулке, — сообщила девушка.

Все трое посмотрели на нее, и Кики кожей ощутила их горящие взгляды. Глаза мужчин как будто пронзали ее, и девушка почувствовала себя голой, по ее груди, шее и рукам пробежали искры, сковавшие Кики неловкостью.

Она машинально вскинула руку к горлу.

— Что-то не так? — спросила она.

Сэр Андрас моргнул и перевел взгляд с ее тела на лицо. И подошел к девушке странным скользящим шагом, словно хищник, подкрадывающийся к жертве. Рыцарь властным жестом взял вялую руку Кики и поднес к губам. Ей захотелось вырвать руку и удрать назад в коридор монастыря.

— Я и забыл, как ты хороша в этом наряде. Просто беда, что ты постоянно ходишь в грубой рясе, как братья. — Он взял Кики под руку и повел через двор. — Женщина такой красоты и такого происхождения должна всегда ходить в роскошных платьях и жить в окружении самых дорогих и красивых вещей.

Кики с трудом удержалась от тягостного вздоха.

— Ну, тогда я была бы похожа на хорошенькую куклу или статую. На такие вещи, конечно, приятно смотреть, но в них нет никакой пользы.

Рыцарь снисходительно рассмеялся.

— Да разве не в этом смысл жизни женщины — быть украшением дома своего мужа и семьи?

— Ну, поскольку я пока что не твоя жена, думаю, я принесла пользу своей семье, потрудившись в церкви. Разве ты не согласен, что работа во имя Великой Матери очень важна?

Сэр Андрас кивнул.

— Разумеется... благочестие очень похвально, особенно в женщинах.

Кики крепче стиснула зубы, чтобы удержать возражения.

Они как раз проходили мимо колодца, и Кики почувствовала, как это сооружение буквально притягивает ее взгляд. В последние дни она умудрялась благополучно обходить эту часть двора.

Когда Кики увидела колодец, у нее все сжалось внутри. Каменный круг высился посреди двора и выглядел вполне обыденно. Туман над ним не клубился, призрачные фигуры не маячили... Кики даже не ощутила пугающего предчувствия, которое всегда испытывала перед появлением Сарпедона.

Девушка не понимала почему, но это спокойствие колодца сильно ее смутило.

— Как ты себя чувствуешь в последнее время? — внезапно спросила она рыцаря.

— Просто отлично, — ответил сэр Андрас.

— И больше не... — Кики подбирала слова. — Голова больше не кружилась, ты не терял сознания?

— Ни разу. Как раз сегодня за обедом аббат Уильям заметил, что ему приятно видеть меня таким крепким и знать, что я окончательно пришел в себя. Его молит-

вы за мое благополучие определенно были весьма успешны.

— И никто не... с кем-то другим не случилось чего-то необычного? — спросила Кики.

— Нет... — В голосе рыцаря прозвучало легкое подозрение. — А почему ты спрашиваешь?

Кики беспечно пожала плечами.

— Да просто так. — Она чувствовала, что рыцарь внимательно изучает ее взглядом, и поспешила добавить то, что он хотел услышать: — Те события испугали меня. И я рада слышать, что теперь ты в полном порядке.

Сэр Андрас снисходительно похлопал ее по руке.

— Конечно, ты и должна была испугаться, но теперь можешь быть спокойна. Я совершенно поправился, и под моей защитой тебе нечего бояться.

Кики старательно изобразила улыбку, и он снова похлопал ее по руке. Да, похоже, рыцарь был самим собой.

Они вышли за монастырские ворота, и лишь тогда девушка заметила, что воины следуют за ними. И что они, как и сэр Андрас, хорошо вооружены.

Приподняв брови, она посмотрела на рыцаря и спросила:

— Снаружи есть что-то такое, чего ты боишься?

— Разумеется, нет, — ответил сэр Андрас, выпрямляясь во весь рост; его светлые волосы поблескивали в свете начинающегося дня.

Он и вправду был невероятно хорош — безупречный рыцарь в сверкающих доспехах.

— А, тогда, должно быть, это мои сторожа. — Девушка кокетливо похлопала ресницами. — Уж прости мою глупость, но вроде бы ты говорил: мне нечего бо-

яться под твоей защитой. Или они с нами потому, что мы вышли за стены монастыря?

Рыцарь стиснул зубы.

— Мартин! Гилберт! Оставайтесь здесь. Я сам проведу принцессу.

Воины впились в девушку жадными горячими взглядами, но повиновались беспрекословно.

— Идем, — произнес сэр Андрас уже совсем другим тоном, не похожим на командный. — Мы пройдемся по дороге. Она разделяется вон там, впереди, и если мы повернем на восток, то выйдем на чудесный луг. Думаю, тебе пора познакомиться и с внутренней частью острова Калди, — сказал он, особо выделив слово «внутренний».

Кики очень хотелось немедленно заявить, что ее совершенно не интересует этот остров, ведь она мечтала лишь об одном — выбраться на берег! Но, подавив разочарование, девушка продолжала легко шагать рядом с рыцарем, старательно сохраняя на лице безразличное выражение.

— Куда бы ты меня ни повел, это доставит мне удовольствие. Ты был прав: мне очень нравится гулять.

Сэр Андрас улыбнулся в ответ на незатейливый комплимент, и Кики тоже невольно улыбнулась. Похоже, рыцарь избавился от влияния Сарпедона и был таким, как всегда, — эдаким самонадеянным мачо. Эта мысль вызвала у Кики усмешку, и, хотя они находились вдали от воды, ей действительно нравилась прогулка. Вскоре они дошли до неширокой тропинки, что уходила вниз, к берегу. Кики показала на тропу.

— Это здесь мы проходили в прошлый раз? — спросила она.

— Да.

Кики демонстративно вздохнула.

— Ты в порядке, Ундина? Может, тебе нужно немного отдохнуть, прежде чем мы пойдем дальше? — спросил сэр Андрас.

— Нет-нет. Я просто вспомнила, как мы чудесно завтракали там и какую ты тогда принес огромную корзину, и вообще день был чудесным!

— Мне очень приятно это слышать, Ундина.

Кики глубоко вздохнула, собираясь с духом. Потом повернулась к рыцарю.

— Знаешь, Андрас, я думала о нас с тобой... — Она помолчала, позволяя рыцарю осознать слова «нас с тобой». — Мы просто ужасно не понимали друг друга, и мне очень жаль. В конце концов, ты ведь спас меня, и мне следовало быть куда более благодарной. — Она потупилась, изображая девичье смущение. Потом посмотрела на него сквозь приспущенные ресницы и сказала: — Может быть, мы могли бы начать все сначала?

Кики прекрасно видела, как во взгляде рыцаря на мгновение вспыхнуло победоносное пламя.

— Да, давай начнем все сначала! — горячо воскликнул он.

Кики расплылась в улыбке. Но когда рыцарь наклонился к ней, собираясь поцеловать, она выдернула руку из его руки и захлопала в ладоши.

— Ах, как хорошо! — И она с сияющим видом ткнула пальцем в сторону тропы, будто ее только что осенила идея. — Тогда лучше всего будет начать с той самой дороги, по которой мы прошли перед тем, как перестали понимать друг друга!

Рыцарь заколебался лишь на мгновение, но ответил:

— Если тебе этого хочется, Ундина.

Когда они сошли с дороги и двинулись по извилистой тропинке, девушка облегченно вздохнула. Они быстро миновали деревья и вышли на песчаный берег. Кики вдохнула соленый воздух, наслаждаясь ароматом океана. Ее сущность русалки, заключенная в женское тело, трепетала от желания воссоединиться с водой. Волны заманчиво смеялись, барашки пены выпрыгивали на песок, они звали ее, и их голоса эхом отзывались в ее душе.

— Ты становишься еще красивее, когда выходишь к морю... — Голос сэра Андраса стал хриплым от желания. — Хотелось бы мне знать почему.

Кики усилием воли заставила себя сосредоточиться на рыцаре. На его лице была страсть, стремление обладать женщиной... Кики насторожилась. Она не надеялась на легкое избавление от силы Сарпедона. Быстро сообразив, что рыцаря надо как-то отвлечь, она улыбнулась и сказала:

— Ну, наверное, это из-за того, что я очень люблю море. Рядом с ним я чувствую себя как дома. — Она снова глубоко вздохнула и изобразила на лице вежливый интерес. — Но довольно говорить обо мне. Ты почти ничего не рассказывал о себе, о своем детстве. А мне бы очень хотелось узнать побольше о Кайр Лайоне.

Упоминание о доме проникло сквозь туман похоти, затмивший разум рыцаря, сэр Андрас будто вынырнул из воды.

— Кайр Лайон — это самое прекрасное место на свете, — серьезно сказал рыцарь. — Оно совсем не та-

кое дикое, как это побережье. Там все ухожено и культурно. — Сэр Андрас шагнул вперед, приближаясь к девушке. — Ты найдешь там все, чего только может пожелать твое сердце.

Кики мелодично рассмеялась и ускользнула от рыцаря.

— О, как это чудесно звучит! Прошу, расскажи еще! — попросила она, направляясь к воде, поднимая время от времени раковины и обломки кораллов и незаметно подбегая все ближе и ближе к волнам.

— Что ж... — задумчиво произнес сэр Андрас, шагая следом. — Первое, что тебе следует знать о Кайр Лайоне: это отлично укрепленный замок...

Сэр Андрас любил свой дом, и голос рыцаря потеплел и оживился, когда он начал описывать бесчисленные чудеса Кайр Лайона. А Кики тем временем только и оставалось, что иногда издавать восклицания и ободряюще улыбаться. Рыцарь так сосредоточился на описании конюшен родового владения, что и не заметил, как девушка сбросила башмаки. И только когда Кики подобрала юбки и шагнула в воду, он остановился.

— Тебе следует быть поосторожнее. В воде можно простудиться.

Его взгляд замер на ее открытых лодыжках.

— Я буду осторожна, — пообещала она, легкомысленно не обращая на это внимания. — Ну же, ты ничего еще не сказал о главном холле твоего замка!

Кики облегченно вздохнула, когда рыцарь продолжил подробный рассказ. Кивая и улыбаясь, девушка отвернулась от спутника и не спеша брела по кромке воды. Ее глаза жадно обшаривали волны. Но там не

было заметно всплесков оранжевого золота, никаких признаков гибкого тела Дилана.

Ей хотелось позвать тритона. Она и собиралась это сделать с того самого момента, как вышла на пляж. Но что может подумать Дилан, увидев ее рядом с сэром Андрасом? Поверит ли ей, или его обуяет ревность? Или, еще хуже, он почувствует себя так, словно его ранили, предали? В голове Кики теснились вопросы, но она продолжала вежливо хмыкать и улыбаться, поощряя рыцаря к дальнейшему изложению.

Берег изгибался, образуя мелкую бухточку, усыпанную большими гладкими камнями. Вода здесь была тихой, не то что яростные волны рядом с монастырем. Кики подобрала юбки чуть повыше и легко взобралась на округлую вершущку ближайшего камня.

— Ундина, эти камни слишком мокрые и скользкие! — предостерег ее сэр Андрас.

— Нет, они не скользкие. Видишь? — Она топнула по светлomu, как песок, камню босой ногой. — Вода отошла, камни высохли. — Она улыбнулась рыцарю. — Андрас, скажи, а замок Кайр Лайон выстроен из камней такого же цвета или они больше похожи на серые камни монастыря?

Сэр Андрас потер подбородок, припоминая оттенок камней, из которых был сложен его обожаемый Кайр Лайон. Кики шагнула на следующий камень. Прыгая по камням, она направилась к центру бухточки и уже миновала четыре валуна, прежде чем рыцарь завершил описание стен, окружавших его замок.

— Ундина, тебе лучше вернуться на берег!

Кики оглянулась через плечо. Рыцарь подошел вплотную к волнам и обеспокоенно всматривался в воду. На этот раз Кики не стала скрывать усмешку.

— Андрас, ты что, не умеешь плавать? — спросила она.

Рыцарь гордо выставил красивый подбородок.

— Нет. Не умею.

Смех девушки разнесся над водой.

— Тогда тебе следует научиться. Это очень приятно, не говоря уж о том, что укрепляет мышцы.

— У меня нет ни малейшего желания вести себя как варвар. — Рыцарь сделал еще шаг вперед. — Ты должна немедленно вернуться, Ундина!

Кики собралась уже ответить, но тут краем глаза заметила яркую вспышку. Ее сердце заколотилось, когда она увидела под самой поверхностью воды знакомую золотую тень. Тень скользила к ней.

— Я лучше посижу здесь, — быстро сказала девушка. Аккуратно подобрав юбки, она села на гладкий, прохладный камень, опустила ноги в воду, и волны скрыли их почти до колен. — Я устала — отдохну немного и вернусь на берег. — Она чуть виновато посмотрела на рыцаря. — Ты, похоже, опять оказался прав.

— Я подойду к тебе, — отрывисто бросил рыцарь, ступая в воду обутой ногой.

— Нет! — быстро крикнула Кики. Рыцарь замер, и девушка продолжила уже более спокойно: — Я побуду здесь всего несколько минут, и мне совсем не хочется, чтобы ты упал в воду. Я хочу быть уверена, что с тобой ничего не случится.

Сэр Андрас окинул волны неприязненным взглядом.

В нескольких ярдах от камня, на котором сидела Кики, вода вспыхнула золотом.

— Я просто посижу здесь, — заверила рыцаря девушка. Потом посмотрела на свои ноги и сделала вид,

будто вдруг заметила, что задрала юбки уж слишком высоко.

Она даже вскрикнула. И жестом, который, как она надеялась, должен был сойти за жест девичьей скромности, поспешила повернуться на камне так, чтобы ее нагота оказалась скрытой от рыцаря.

— Как это было глупо с моей стороны — забраться сюда, — сказала она, обернувшись к рыцарю. — И я совершенно не заметила, что вела себя так нескромно...

— Ну, нас ведь никто не видит, Ундина, — с намеком ответил сэр Андрас.

— Да, это очень хорошо, — согласилась Кики, добавив в голос наивности. — Я бы просто умерла от стыда. Надеюсь, ты не расскажешь об этом моему отцу?

— Твоей чести ничто не грозит, Ундина, — заверил ее рыцарь, но его взгляд был долгим и излишне интимным.

— Спасибо, Андрас. Ладно, я еще немножко посижу тут. Почему бы тебе не продолжить рассказ о Кайр Лайоне? Ты ни слова пока что не сказал о твоих личных апартаментах.

— Я бы предпочел, чтобы ты поскорее увидела их сама, Ундина, — сказал сэр Андрас.

— Но неужели тебе не хочется рассказать хоть что-нибудь прямо сейчас? — быстро спросила Кики.

Сэр Андрас тут же пустился в следующее длинное описание. А рядом с ногами Кики из-под воды показалась голова Дилана. Его тело скрывалось за камнем, и рыцарь не мог его увидеть.

— У тебя все в порядке, Кристина?

Шепот тритона звучал напряженно, глаза потемнели от тревоги.

— Да. Только следи, чтобы он тебя не заметил. — Кики оглянулась через плечо и одобрительно кивнула рыцарю, подробно описывавшему гобелены, висевшие на стенах его спальни.

— *Он держит тебя в плену?* — Даже произнесенные мысленно, эти слова выдавали ярость Дилана.

— *Не совсем. Он просто везде меня сопровождает.* — Кики послала эту мысль тритону, и ее взгляд наполнился бесконечной любовью. — *Лир прислал Гее известие, что прибудет в эти воды сегодня ночью. Она уверена, что он благословит наш союз и велит Сарпедону оставить меня в покое. Завтра вечером я смогу вернуться в воду, к тебе. Навсегда.*

Дилан протянул руку и нежно коснулся лодыжки девушки. Кики содрогнулась от желания, охватившего ее с головы до ног...

— *Но до этого, кажется, еще целая вечность.*

В сознании девушки голос тритона прозвучал как соблазнительное мурлыканье.

— *Но ты же говорил, что будешь ждать меня вечно,* — поддразнила она его.

— *И я буду, Кристина. Буду, любовь моя.*

— Ундина, ты уже достаточно отдохнула? — ворвался в их мысленный диалог голос сэра Андраса.

Дилан стиснул зубы.

— *Он нам не мешает,* — поспешила Кики послать тритону свою мысль, прежде чем ответить рыцарю.

— Почти, Андрас. Еще несколько минут. Твои личные покои, похоже, выглядят потрясающе. А как у вас обычно проходят дни в Кайр Лайоне?

— Для кого? Кайр Лайон и его земли — дом для сотен людей, — с легким раздражением откликнулся рыцарь.

Когда Кики повернула голову и посмотрела на сэра Андраса, на ее лице можно было прочитать лишь одно невинное любопытство.

— Ну, начни с того, чем занимаешься ты сам. А потом мне бы хотелось узнать, как проводят свои дни в замке леди, что там живут, чем они занимаются.

Сэр Андрас приосанился.

— Я — старший сын, и потому мои обязанности весьма обширны, и дела мои начинаются с рассветом...

— Этот воин очень хочет, чтобы ты принадлежала ему. — Голос Дилана прозвучал мягко, тихо, не выдавая гнев тритона.

— Мало ли чего он хочет. Я никогда не буду ему принадлежать, — сердито прошептала Кики. — Прощу, поверь мне, Дилан. Мне никто не нужен, кроме тебя.

— Ты что-то сказала, Ундина? — окликнул ее рыцарь.

— Я только сказала, что мне очень интересно. Прости, что перебила тебя, пожалуйста, продолжай.

Она снова посмотрела на Дилана, а сэр Андрас в очередной раз углубился в свой рассказ.

— Мне противно, что ты должна терпеть его, — прозвучала мысль Дилана.

— Ну, он на самом-то деле не так уж плох; просто этот мужчина не для меня. Да и в любом случае, это ненадолго.

— Даже одно мгновение без тебя — это уже слишком долго, любимая. — Тритон прижал к себе ногу девушки и нежно поцеловал в лодыжку. — Какие у тебя мягкие ножки... просто чудо! Должен признаться, я по ним буду скучать.

Дилан нежно целовал и гладил ногу Кики. Когда же тритон перебрался ко второй ноге, Кики не сумела сдержать стон наслаждения.

— Ундина! Что случилось? — Кики услышала всплеск воды. Рыцарь неловко шел к ней между камнями.

— Ничего! Ничего! — поспешно закричала она, оглядываясь на сэра Андраса, забравшегося в бухту по колено. — Тебе незачем сюда идти. Я уже отдохнула и готова вернуться. Только дай мне время немножко привести себя в порядок, — сказала она, разбираясь в собственных юбках.

Снова повернувшись к Дилану, она мысленно сказала ему:

— *До завтра, любовь моя. Жди меня завтра вечером.*

Тритон неохотно выпустил из рук соблазнительные ножки и начал медленно погружаться в воду.

— *Всегда, Кристина. Я буду ждать тебя всегда, вечно.*

Он исчез. Кики судорожно сглотнула, пытаясь справиться с охватившим ее желанием прыгнуть в воду и поплыть за ним.

Нет, твердо сказала она себе. Я должна подождать до срока, назначенного богиней. Я и так уже натворила лишнего. Остался всего-то один день.

Но когда она встала и отправилась в обратный путь, с камня на камень, навстречу встревоженному рыцарю, она чувствовала себя опустошенной, словно ее душа умчалась в море за Диланом, а здесь осталась только телесная оболочка.

Увидев отстраненное лицо девушки и ее медленные, как будто сонные движения, сэр Андрас, едва

лишь Кики спрыгнула с последнего камня, начал воспитательную беседу:

— Наверное, в следующий раз тебе следует помнить, что куда разумнее было бы послушаться меня, ради твоей же безопасности.

Разлука с Диланом наполнила девушку печалью; она, безвольно опустив плечи, пробормотала:

— Да, ты прав, в другой раз буду осторожнее...

Сэр Андрас одарил ее самодовольной улыбкой.

— Я рад слышать это, Ундина. Я понимаю, что ты принцесса, но даже у принцессы должен быть советник, более мудрый и опытный, чем она сама. Но зачем же так сильно печалиться? Я ведь здесь, рядом с тобой.

Сэр Андрас шагнул к ней. И прежде чем Кики успела возразить, он взял ее руку и поднес к губам. К счастью, поцелуй был коротким, но рыцарь на этом не остановился. Наоборот, он придвинулся еще ближе и положил руки на плечи девушки. Ладони у рыцаря были шершавыми, тяжелыми, и Кики почувствовала словно на нее надели кандалы. Она задрожала от страха и отвращения и попыталась оттолкнуть сэра Андраса.

— Не бойся, — хрипло пробормотал рыцарь. — У меня честные намерения. Я хочу поговорить с твоим отцом, как только он прибудет сюда.

— О выкупе за меня? — спросила Кики, все еще пытаясь вырваться.

— Ну, если ты так думаешь, то нечего и удивляться, что ты дрожишь! — добродушно произнес сэр Андрас. — Уверяю тебя, Ундина, я не из тех мужчин, которые могут воспользоваться невинной девицей, а потом

отослать ее к отцу испорченной. Твоей чести ничто не грозит рядом со мной.

— Ты хочешь сказать, что можешь воспользоваться только такой женщиной, которую не считаешь настоящей леди?

Сэр Андрас нахмурился, соображая, как воспринять вопрос: как оскорбление или как проявление наивности. Вспомнив, как девушка перепугалась, обнаружив, что ее ноги оказались на виду, он все же решил, что Ундина, должно быть, спросила просто по неведению. Он понимающе улыбнулся и заговорил отеческим тоном:

— Я говорю, моя прекрасная дама, что я намерен обратиться к твоему отцу с просьбой отдать тебя мне в жены.

— Помнится, ты говорил как-то, что красоты следует остерегаться, — брякнула Кики, внимательно всматриваясь в лицо рыцаря и боясь увидеть в нем признаки присутствия Сарпедона.

Решив, что девушка лишилась дыхания от счастья, услышав его заявление, сэр Андрас осторожно взял Кики за подбородок.

— Нет, если красотой правильно распоряжаться. И как твой муж я обеспечу тебе это. — Голос рыцаря зазвучал ниже, в глазах вспыхнул пугающий свет. — Считаю, что мы уже помолвлены, моя красавица. Ты принадлежишь мне.

Пальцы рыцаря сжались крепче, он наклонился к девушке. Кики задыхалась. Она попала в ловушку, ей было не справиться с огромным сильным рыцарем. Что случится, если он ее поцелует? Интуиция подсказывала, что тогда влияние Сарпедона может стать

слишком могучим, неуправляемым. Она должна была что-то предпринять, как-то преодолеть его желание и в то же время не разгневать сэра Андраса. Борясь с паникой, Кики заставила себя мыслить логически. И тут же у нее возникла идея, рожденная, как ни странно, недавними словами самого сэра Андраса.

Она глубоко вздохнула, как будто собираясь нырнуть, и за мгновение до того, как ее коснулись губы сэра Андраса, чихнула. Весьма энергично.

Рыцарь резко отшатнулся.

— Ох, вот незадача! — Кики потеряла нос и шмыгнула. — Ох, извини.

Когда она отвела руку от лица, сэр Андрас снова притянул ее себе.

— Это неважно, моя красавица, — пробормотал он и опять потянулся к ее губам.

— А-ап... — На этот раз Кики приоткрыла рот и постаралась, чтобы брызги слюны попали в лицо рыцарю.

Он выпустил ее так стремительно, что она качнулась вперед, отчего рыцарь еще сильнее попятился.

— А-ап... — разевала рот Кики, маша руками перед лицом. — Чхи!

Она еще раз потеряла нос. Сэр Андрас смотрел на нее так, словно боялся, что леди вот-вот начнет непристойно извергать отходы своего организма всеми возможными способами. Последние следы серебристого света исчезли из его глаз.

— Похоже, ты и в этом был прав, — сказала Кики, стараясь говорить в нос. — Должно быть, я здорово простудилась, пока сидела на мокром камне.

— Мы должны поскорее вернуться, — решил сэр Андрас.

— Какой ты умный! — сообщила Кики и раскашлялась.

Идя за рыцарем вверх по тропе, удивившей их с песчаного берега, Кики была уверена, что слышит низкий, глубокий смех Дилана, звучащий сквозь ритмичный напев прибоя. И постаралась скрыть неприличное хихиканье старательным кашлем.

Войдя в ворота, Кики с облегчением увидела силуэт Изабель у ближайшего входа в здание; служанка явно ожидала возвращения девушки.

Кики усердно кашляла и шмыгала носом.

— Эй, ты! — окликнул сэр Андрас старую женщину. — Принцесса простудилась. У тебя есть какие-нибудь травы на такой случай?

Изабель поспешно подошла к рыцарю, прицеливая языком и кудахча, как встревоженная курица.

— Похоже, мне следовало послушаться сэра Андраса. Он ведь меня предупреждал, что я могу простудиться в воде, вот я и просту... А-ап... чхи! Простудилась.

Изабель быстро сбросила с плеч теплую шаль и закутала Кики, что-то бормоча про глупых молодых женщин, и потащила девушку в дом. Сэр Андрас пошел было за ними, но приостановился, не зная, что делать.

— Сэр Андрас, я позабочусь о принцессе. А ты поступил бы разумно, если бы послал кого-то из своих слуг к братьям за их особым крепким вином. Нам ведь ни к чему и самим заболеть. — Она зловеще понизила голос и сказала: — Болезнь принцессы может быть заразной.

Рыцарь вытаращил глаза и отступил на шаг.

— Ундина, если я тебе понадобится, я буду в столовой. — Сэр Андрас отвесил девушке короткий поклон. Потом обратился к Изабель: — Хорошенько позаботься о моей нареченной. Ты лично ответишь за ее здоровье.

Рыцарь развернулся и быстро ушел через двор в другую сторону.

— Нареченная? — прошептала Изабель, когда они уже шли по коридору к комнате.

Кики состроила гримасу и шепотом ответила:

— Сэр Андрас умудрился каким-то образом обручиться со мной сегодня, не спросив моего согласия. — Чуть помолчав, Кики еще раз чихнула и громко покашляла, на тот случай, если поблизости был кто-нибудь из братьев.

На этот раз дверь ее комнаты показалась девушке входом в спасительное убежище. Как только дверь за ними плотно закрылась, Кики посмотрела на окно и тихо спросила:

— Там сторож все еще сидит?

— Нет, — обычным голосом ответила Изабель. — Все воины рыщут по берегу, надеются обнаружить приближающихся уикингов. — Изабель присмотрелась к девушке. — Ты просто притворялась?

Девушка кивнула и усмехнулась.

— Я абсолютно здорова. Ты что, и вправду подумала, что я могу заболеть от воды?

Они расхохотались, настроение у Кики сразу стало отличным, и она мысленно поблагодарила богиню Гею за то, что та подарила ей дружбу этой замечательной женщины.

— Ты это придумала, чтобы не подпустить к себе рыцаря? — спросила Изабель.

Девушка кивнула.

— Он меня опять напугал. Похоже, Сарпедон постоянно находится в нем, даже тогда, когда Андрас выглядит совершенно нормально. Но стоит мне хоть что-то сделать или сказать не так, и Сарпедон сразу вырывается наружу.

— Ну, тогда неудивительно, что рыцарь выглядит больным, — задумчиво сказала Изабель.

— Я так рада, что все это скоро кончится! Не знаю, как бы мне удалось долго избегать общества сэра Андраса.

— Да, в церкви ты навела полный порядок, а кухня уже превратилась в целый лес сохнувших вокруг лечебных трав, — согласилась Изабель.

— Могу также поклясться, что на грядках с травами не найти ни единого сорняка.

— Тогда и в самом деле болезнь — лучшее, что можно придумать.

Кики весело улыбнулась.

— Ну и как ты собираешься меня лечить?

— О! Думаю, нам следует начать с подогретого вина с кое-какими сушеными травами и, возможно, наложить припарку тебе на грудь, чтобы облегчить этот ужасный кашель.

Кики сморщила нос, и Изабель рассмеялась.

— Я не против вина, — заявила девушка, — но вот припарка меня пугает. Из чего ты ее делаешь? Из лягушачьих хвостов и языка ящерицы?

— Предпочтешь сэра Андраса или припарку?

— Выбираю лягушачий хвост! — решительно заявила Кики.

Изабель бодро хихикнула, забирая с туалетного стола кувшин и таз.

— Надо сделать так, чтобы отсюда шел серьезный запах... тогда рыцарю захочется держаться как можно дальше от твоей комнаты.

— Полагаю, это означает, что мне придется просидеть взаперти и сегодня вечером, и весь завтрашний день, — вздохнула Кики.

— Это значит, что если даже ты будешь выглядеть достаточно хорошо для прогулки, сэр Андрас пожертвует ею ради здоровья своей драгоценной нареченной.

— Ух! — выдохнула Кики.

— Именно, — согласилась Изабель, направляясь к двери. — Я приготовлю для тебя снадобья и вернусь как можно скорее.

— Только не готовь их слишком уж долго.

— Ровно столько, сколько понадобится, чтобы наловить лягушек и ящериц.

Скрипучий смех Изабель затих за дверью.

Глава двадцать седьмая

— Упс! Я-то думала, ты шутишь насчет лягушачьих хвостов. Эта смесь воняет просто ужасно! Чего ты в нее напихала? — спросила Кики, шарахаясь от Изабель, снявшей крышку с кувшина. Кики показалось, что она видит волны ужасной вони, распространившиеся из посуды.

— Здесь полевая горчица, чеснок, свиное сало и овечья моча, — пояснила Изабель, зловеще улыбаясь. — Это древний рецепт снадобья от мокрого кашля.

— У меня нет мокрого кашля, — возразила Кики, пятясь назад и прячась от Изабель за узкой кроватью.

— Но рыцарь должен верить, что у тебя он есть.

— А нельзя просто налить этой штуки под дверь? Я уверена, он почует этот запах даже сквозь шесть дюймов древесины!

Изабель засмеялась.

— Думаю, мы можем окунуть в кувшин тряпки и помахать ими в комнате. Это уж точно отгонит сэра рыцаря подальше.

— Это отгонит и Андраса, и его воинов, и братьев, и всех известных человеку тварей, — согласилась Кики, нервно поглядывая на кувшин, который Изабель водрузила на комод. — А нельзя подождать с этим, пока я пообедаю?

— Ты слишком привередлива для женщины, которая вроде как ужасно больна, — насмешливо сказала Изабель.

— Ну, я же принцесса...

— Это заметно.

Они весело переглянулись, и Кики, благодарно кивнув старой служанке, с удовольствием принялась за вкуснейшее тушеное мясо.

— Забавно, конечно, однако болезнь ничуть не повлияла на мой аппетит, — с набитым ртом сообщила Кики.

— Рада это видеть. — Изабель вернулась к основательно нагруженному подносу.

— Выглядит так, словно тут одни только кувшины с припарками. Просто не верится, что можно так тяжело заболеть. — Кики нахмурилась. — По крайней мере, так заболеть и остаться в живых.

— Да, наверное, я перестаралась с лекарствами, но это ведь так понятно! Мне никогда раньше не приходилось лечить больных принцесс.

Она сняла чистый лоскут, прикрывавший один из кувшинов, и Кики заранее поморщилась, однако вместо вони овечьей мочи почуяла аромат тушеного мяса.

— Тут больше, чем ты сможешь съесть. Я положу в твою тарелку еще, а выглядеть это будет так, будто из-за болезни ты почти ничего не ела.

— Ты просто гений, Изабель!

— Я всего лишь мудрая женщина, принцесса, — с довольным видом ответила Изабель.

Кики взяла кубок с вином, но вдруг засомневалась.

— А в вине нет ничего такого ужасного?

— Только полезные травы. Они всего лишь помогут тебе успокоиться.

Кики принялась к вину.

— Пахнет неплохо.

Изабель взяла второй кубок и сделала большой глоток.

Кики облегченно улыбнулась и тоже выпила.

— Вкусно!

— А чего ты удивляешься? — проворчала Изабель. — Это же я делала.

— Ну, ты и припарку приготовила, — напомнила ей девушка.

— Нет, припарку делали Бронвин и Гвенит, — отмахнулась старая служанка. — Они большие мастерицы готовить целебные смеси. И прислали тебе лекарство с любовью.

— Ну, только их любовь и мое отвращение к Сарпедону могут заставить меня держать этот составчик где-нибудь поблизости, — сказала Кики, с большим подозрением косясь на кувшин с лекарством.

Изабель хрипло хихикнула.

— Они очень старались. Ты бы видела, как они это готовили. «Добавь-ка еще немного мочи, ладно? Принцессе только лучше от этого станет». — Изабель пердразнила женщин так точно, что Кики, расхохотавшись, чуть не пролила вино.

— Как думаешь, если я должна сидеть здесь безвылазно, другие женщины могут зайти навестить ме-

ня? — спросила Кики. — Может, мы в последний раз увидимся...

— Они придут, — ответила Изабель, подливая еще вина им обеим. — И довольно говорить об этом. Мы еще повидаемся. Это не последний раз.

Кики решительно кивнула.

— Да, ты права, конечно. Вряд ли я смогу вернуться в свое время, я просто стану... ну... жить в более мокром месте.

Они обменялись улыбками и выпили еще вина.

— Ундины, а ты не расскажешь мне о твоём времени?

Кики пожала плечами.

— Конечно!

И тут она вдруг поняла, что не знает, как рассказать о двадцать первом веке средневековой женщине, которая никогда не покидала свой дом и не бывала даже в соседних деревнях.

— А ты хотела узнать что-то конкретное? — спросила она, надеясь на подсказку.

— Я хочу узнать, как в твоё время готовят еду, — уверенно ответила старая служанка.

Кики улыбнулась.

— Это тебе бы понравилось. Ладно, сейчас ты услышишь о супермаркетах и микроволновках.

Девушка как раз закончила рассказ о ресторанах быстрого питания — Изабель слушала ее, разинув рот, — когда в дверь дважды стукнули.

Кики громко кашлянула и только потом откликнулась хриплым голосом:

— Кто там?

— Сэр Андрас.

Кики чихнула.

— Подожди немного.

Изабель открыла вонючий кувшин.

— Пора начинать, — прошептала она, быстро плеснула щедрую порцию густого желтоватого снадобья на льняной лоскут и принялась энергично им размахивать. Кики усилила эффект, громко кашляя.

Наклонившись, Кики встряхнула волосами, превратив их в бесформенную массу, и сильно потерла давно уже пришедший в норму нос. Потом схватила с кровати одеяло, набросила его на плечи и, громко шаркая ногами, пошла к двери.

— погоди! — прошипела Изабель и положила перепачканный зельем лоскут на шею девушке. Кики чуть не задохнулась, и теперь ей уже не надо было нарочно изображать чихание.

Когда девушка приоткрыла дверь, из носа у нее просто хлестал водопад. Она выглядела всклокоченной и бледной, а пахло от нее, как от горшка с застоявшейся мочой. В коридоре стояли сэр Андрас и настоятель Уильям; они о чем-то совещались вполголоса. При звуке открывающейся двери они замолчали и разом повернулись к девушке. Кики с удовольствием отметила, как мигом изменилось лицо сэра Андраса и с каким отвращением посмотрел на нее настоятель. Осмелев, Кики сделала полшага вперед, в коридор. Мужчины поспешно отступили.

— Сэр Андрас! Аббат Уильям! — гнусаво проговорила Кики. — Как я рада видеть вас обоих! Не хотите ли войти?

— Нет! — слишком быстро ответил рыцарь. — Нам совсем не хочется утомлять тебя.

— Это было бы слишком уж неприлично, если бы сэр Андрас вошел в твою спальню, даже и в моем со-

провождении, — сказал священник, томно помахивая пальцами перед носом, как будто рассчитывал таким образом уберечься от заразы.

— Ох, — с грустью сказала Кики. Ей пришлось сделать паузу, чтобы вытереть нос тыльной стороной ладони. — Вы уверены? В конце концов, мы с сэром Андрасом обручены.

— Это будет законно, только если твой отец прибудет сюда и благословит ваш союз, — возразил аббат Уильям. — Как раз это мы с сэром Андрасом и обсуждали только что.

— Но я уверена, что мой отец... а-а-апчхи! Одобрит это, — сообщила Кики, довольная, что заставила мужчин отступить еще на шаг назад.

— Я тоже в этом не сомневаюсь, — поспешил сказать сэр Андрас. — А теперь ты должна отдохнуть и восстановить силы.

— Да, — подтвердил аббат Уильям, брезгливо поморщившись от запаха припарки. — А твоя служанка Изабель доставит тебе все, чего пожелаешь. — Мужчины уже пятились подальше от двери. — Желаем тебе спокойной ночи и быстрого выздоровления.

— Помолитесь за меня! — крикнула Кики им вслед. Она не расслышала их ответ — так быстро они отступили.

Едва захлопнув дверь, Кики поспешила снять с шеи вонючую тряпку. Смеясь, девушка протянула лоскут старой служанке.

— Нет, ты подумай, они даже не захотели зайти ко мне!

— Да уж, не слишком-то много они проявили внимания, — кивнула Изабель, и ее хриплый смех присоединился к веселому хохоту девушки.

— Зато они сказали, что ты можешь принести мне все, чего я пожелаю. — Кики схватила пустой кубок и театральным тоном воскликнула: — А я желаю побольше вот этого чудесного вина! Оно излечивает. И еще мне нужна хорошая компания. Как ты думаешь, остальные женщины окажутся достаточно храбрыми, чтобы не побояться заразы и навестить меня?

— Уж конечно. Тем более что принцессы имеют право на нескольких сиделок. — Изабель изобразила придворный реверанс, снова развеселив Кики. — И я спешу повиноваться тебе, моя леди.

Прихватив опустевший кувшин, Изабель поспешила к двери, и можно было подумать, что она стала вдруг в три раза моложе.

Глава двадцать восьмая

Несколько часов спустя женщины удобно расположились на полу спальни среди разбросанных одеял и соломенных тюфяков. Изабель вернулась в комнату девушки в сопровождении еще трех «сиделок». По дороге в кухню старой служанке пришлось ненадолго прервать шахматную партию, в которую углубились сэр Андрас и настоятель. Она объяснила мужчинам, что принцессе стало хуже и одна Изабель не справится и что присматривать за девушкой придется, судя по всему, всю ночь. Мужчины с готовностью согласились, чтобы к принцессе Ундине отправился весь монастырский женский состав. Изабель, пересказывая разговор, весьма похоже изображала притворно сострадательный голос настоятеля, когда он отдавал распоряжение женщинам провести ночь в комнате принцессы. Изабель предложила мужчинам проводить девушку в течение ночи. Но настоятель пояснил, что будет гораздо полезнее, если все это время они будут мо-

литься за принцессу Ундину. Хотя сэр Андрас, похоже, искренне переживал за девушку, он все же поспешил согласиться с настоятелем, что принцессе гораздо полезнее отдохнуть без гостей и что она сама вряд ли захочет, чтобы к ней кто-то заглядывал.

И разумеется, отпала необходимость сторожить у двери и под окном принцессы. Даже если бы принцесса поправилась настолько, чтобы ускользнуть из монастыря — в чем Изабель сильно усомнилась, — все же ей это не удалось бы, потому что в спальне на всю ночь останутся четыре пожилые женщины.

Девушку охватило прекрасное чувство свободы, она выпила потрясающего вина, принесенного старой женщиной. Вся компания смеялась и разговаривала, не обращая внимания на позднее время. Изабель посвятила подруг в тайну Кики, и женщины не могли удержаться от вопросов о родном времени девушки, об обычаях и верованиях ее мира. Их лица разгорелись от волнения не меньше, чем от вина.

— Мне лично очень понравилось разучивать танец крошечных цыплят, — сообщила Гвенит, обмахивая ладонью разгоряченное лицо.

— Танец маленьких утят, — хихикнув, поправила ее Кики.

— Танец маленьких утят, — повторила Гвенит. Глаза старухи сверкали.

Кики усмехнулась, глядя на нее.

— Дайте мне чуть-чуть передохнуть, и я вас научу еще одному танцу. — Она вопросительно вскинула брови. — А как вам песня, под которую его танцуют?

Все четыре женщины восторженно заохали. Кики подумала, что это похоже на ночную пирушку ее род-

ного времени. И год, стоявший на дворе, не имел никакого значения; женская дружба объединила их на празднике жизни, и эта дружба была вечной. Пока женщины оживленно обсуждали, что бы им хотелось узнать еще, Кики негромко напевала, пытаясь припомнить все слова классической песни Ареты Франклин «Respect». Когда они с лучшей подругой Сэнди были капитанами команд болельщиков, они придумали подчеркнуто сексуальный танец, который под эту песню исполняли на общем собрании колледжа перед началом атлетических соревнований — для поднятия духа команд; Кики была уверена, что вспомнит все движения. Девушка окинула взглядом свою нынешнюю команду. Им наверняка понравится...

— Нет, Бронвин, ты должна прищелкивать пальцами обеих рук одновременно, в такт со словами, и... ну да, перед тем как вы скидываете головы и поете «совсем немного, совсем немного», — снова принялась объяснять Кики старой женщине.

— Ундина, и после этого мы начинаем вилять задницами? — спросила Гвенит.

Но Изабель ответила раньше:

— Да. Мы виляем задницами и одновременно задираем головы.

Кики с трудом подавила улыбку. Старые леди с жаром бросились разучивать движения танца и слова «Respect». И она была вынуждена признать, что у четырех немолодых женщин обнаружились приличные голоса и природное чувство ритма.

— Внимание! — сказала Кики, и женщины затихли. — Думаю, мы готовы попробовать еще раз, все с самого начала?

В свете горевших свечей четыре седые головы как будто засияли нимбами, когда энергично кивнули в ответ на предложение девушки.

— Бронвин, ты не сможешь танцевать, держа в руке кубок! — напомнила подруге Изабель.

Бронвин улыбнулась, продемонстрировав дырку на месте двух утраченных зубов, и подмигнула Кики, прежде чем осушить до дна свой кубок и отбросить его в сторону.

— Подпевка, занимаем свои места! — начальственным тоном произнесла Кики, и женщины поспешно выстроились в ряд за ее спиной. — Готовы?

— Готовы, Ундина! — дружно ответили четыре голоса.

Улыбаясь до ушей, Кики развернулась и принялась извиваться всем телом, как бы крутя невидимый обруч и одновременно напевая; с дружным «Оп!» подпевка поддержала девушку, изображая средневековую версию классической мелодии, а чуть позже все пятеро рухнули на кровать, умирая от смеха.

— В твоём родном мире женщины, наверное, часенько веселятся, — сказала наконец Линелле с завистью.

— Да, конечно. Но я, честно говоря, никогда не была такой счастливой, как здесь и сейчас.

Женщины просияли улыбками, переглядываясь. Бронвин пьяно икнула, и все опять покатались со смеху.

— Расскажи нам о своём возлюбленном, — попросила Линелле.

Кики удивленно посмотрела на нее. До сих пор женщины расспрашивали только о прошлом Кики, о ее человеческой жизни в другом мире. И Кики думала,

что им неловко и непривычно говорить о ее жизни в теле русалки. Но теперь и Бронвин, и Гвенит поддерживали просьбу Линелле. И Изабель ободряюще кивнула. На сердце у Кики потеплело.

— Ну,— негромко начала она,— Дилан отличается от здешних мужчин...

Линелле фыркнула.

— Да уж конечно отличается, детка.

— Ну да,— брякнула Бронвин.— Он же рыба.

Изабель ткнула ее локтем в бок и шикнула. Бронвин сделала виноватое лицо.

— Вообще-то он млекопитающее,— с улыбкой глядя на Бронвин, сказала Кики.— Вроде дельфина или кита. А когда я сказала, что он отличается от здешних мужчин, я имела в виду не его тело.— Кики коснулась головы.— Он вот здесь другой.— Потом ее ладонь легла на грудь над сердцем.— И здесь тоже. Он добрый и порядочный. Он не смотрит на меня как на вещь, которой можно обладать, которую можно использовать. Он видит во мне равную, даже больше, чем равную.

— Он просто любит тебя,— сказала Линелле.

— Да, но для него это не значит, что он может командовать мной или убивать то, что во мне есть особенного, чтобы превратить меня в некий идеал женского совершенства, как он его понимает.

— Это скорее похоже на сэра Андруса,— заметила Изабель.

— И на многих других наших мужчин,— добавила Бронвин. Изабель и Гвенит согласно кивнули, однако Линелле о чем-то задумалась.

— Мой муж не был похож на сэра Андруса,— сказала она вдруг.— Мне кажется, он больше походил на твоего тритона.

Глаза девушки изумленно раскрылись, а Линелле горестно улыбнулась.

— Да, я не всегда была такой.— Здоровой рукой она показала на искаленную, беспомощно висевшую вдоль тела.— Это случилось вскоре после того, как я вышла замуж. И он мог прогнать меня, но не сделал этого...— Глаза старой женщины наполнились слезами, она глотнула вина и откашлялась, прежде чем продолжить.— Он был добрым человеком. И для меня было большим счастьем стать его женой.

— Как для тебя будет большим счастьем стать женой твоего Дилана,— сказала Изабель.

— За любовь! — воскликнула Линелле, поднимая кубок.

— За любовь! — откликнулись остальные женщины, улыбаясь друг другу.

Они выпили молча, и каждая углубилась в воспоминания, но вскоре Линелле нарушила тишину очередным вопросом.

— А он...— Она замялась и быстро оглянулась на других женщин, как бы в поисках поддержки.— Он... Тебе нравится, когда он тебя трогает?

Кики почувствовала, как внезапно загорелось ее лицо, и вино тут было ни при чем.

— Когда он прикасается ко мне, меня как будто охватывает пламенем...

Женщины дружно испустили счастливый вздох.

— Ундина! — Голос Линелле дрожал от волнения.— А почему бы тебе не пойти к нему этой ночью?

— Я должна ждать до завтра. К этому времени решится вопрос с Сарпедоном,— ответила Кики.

— Да, чтобы соединиться с ним навсегда, стоит подождать еще немного,— согласилась Линелле.— Но почему бы просто не повидаться?

Кики охватило радостное возбуждение.

— Ну... наверное, можно было бы, только я должна быть очень осторожна.

— Мы ведь уже об этом позаботились. Ни настоятель, ни рыцарь этой ночью не будут тебя искать, — сказала Изабель.

— Да, но воины стоят на постах, ожидая уикингов, — напомнила Бронвин.

— Верно, — согласилась Изабель. — Но они смотрят в сторону моря, боясь вторжения. И вряд ли они заметят одну быстроногую девчонку, которая к тому же умеет прятаться в волнах.

— Твой тритон будет поблизости сегодня? — спросила Гвенит.

Девушка кивнула.

— Да, мне надо только позвать его.

— Но ты не должна звать слишком громко! — встревожилась Гвенит.

Кики рассмеялась, встала и закружилась на месте, радуясь.

— Мне вообще не нужно звать его вслух; я позову его сердцем. — Всегда, подумала она. Он будет ждать вечно.

— Так иди к нему! — предложила Линелле.

— Да, — хором произнесли Бронвин и Гвенит.

Кики повернулась к Изабель.

Материнским жестом старая служанка отвела светлые волосы с лица девушки.

— Мы будем здесь. А если настоятель или сэр Анд-рас поинтересуются твоими делами, мы скажем, что ты выпила вина и теперь лежишь без чувств, потому что слишком ослабела от болезни. Да еще сунем им под нос припарку. Иди к своему возлюбленному.

— Тогда помогите мне придвинуть комод к окну, — решительно сказала Кики. — Кто-нибудь знает, где мои башмаки?

Женщины засуетились. Комод занял позицию под окном, а мягкие башмаки девушки очутились на ее ногах. Она уже была в одной сорочке, так что ей не пришлось терять время, ожидая, пока Изабель справится со сложной системой шнурков на роскошном платье.

Прежде чем вскарабкаться на комод, Кики обняла всех женщин по очереди.

— Как это романтично! — прошептала Линелле ей в ухо.

— И прекрасно, — добавила Бронвин.

— И волнует, — сообщила Гвенит.

— Иди, и да будет с тобой благословение Божьей Матери. — Изабель крепко обняла девушку.

Кики поцеловала ее в щеку.

— Я буду осторожна.

— Но ты должна вернуться до рассвета, чтобы воины не заметили тебя.

— Вернусь. Не тревожьтесь. — Она еще раз обняла Изабель и повернулась к окну, но вдруг остановилась. Поддавшись внезапному порыву, она сняла серебряную цепочку и надела ее на шею Изабель. Янтарная капля лениво качнулась.

— Пусть будет у тебя, пока я не вернусь, — сказала Кики; у нее вдруг выступили слезы, она нежно коснулась амулета богини.

Старая женщина, не в силах выговорить ни слова, лишь молча наблюдала, как девушка взобралась на комод, используя вместо ступенек выдвинутые ящики.

Кики осторожно выглянула в окно. Ночь была темной; густые тени укрыли монастырь плащом черного

бархата. В слабом свете тоненького месяца едва можно было рассмотреть деревья и дорожки.

— Кого-нибудь видишь? — шепотом спросила Изабель.

Кики помотала головой.

— Тогда беги быстрее, — поторопила ее старая служанка.

Задержав дыхание, Кики забралась на подоконник, развернулась и бесшумно спрыгнула на мягкую землю. Она слышала невнятное бормотание в комнате и заметила лицо Изабель в окне. Лунный луч блеснул на серебряной цепочке.

— Что ты делаешь? — прошипела Кики.

— Смотрю, все ли в порядке, — шепотом ответила Изабель. — Теперь беги к своему возлюбленному.

Кики улыбнулась, послала Изабель воздушный поцелуй и побежала через лужайку, отделявшую монастырь от каменистого утеса. Дорога была хорошо ей знакома. Она то и дело посматривала на вершину утеса, беспокоясь, как бы кто-нибудь из воинов сэра Андраса не заметил ее, — но на утесе никого не было, вокруг царила тишина, и вскоре ноги девушки коснулись прибрежного песка.

— *Дилан!* — Все ее сердце обратилось в зов, когда она сбрасывала с себя башмаки и сорочку. — *Дилан! Я здесь! Прошу, приди ко мне!*

Кики пошла вперед. Прохладная вода ласкала ее ноги, как в чудесном эротическом сне, и Кики охватило мучительное желание сменить тело на русалочье и исчезнуть в манящих глубинах. Она подавила несвоевременный порыв, задрожав от усилий, которые для этого понадобились.

Завтра, пообещала она себе. Я должна подождать всего лишь до завтра, а потом уже никогда не расстанусь с телом русалки.

— *И со мной.* — Голос Дилана прозвучал в ее сознании за мгновение до того, как тритон появился на поверхности воды в нескольких футах от девушки.

— Мне снится или ты действительно здесь? — спросил он.

— Ну, ты можешь проверить. Если ты ко мне прикоснешься и я это почувствую, тогда это не сон, — ответила Кики.

Не успела она проплыть и метра, как Дилан подхватил ее в теплые объятия. Их тела радостно встретились. Кики затрепетала от наслаждения, ощутив горячие губы тритона.

— Чувствуешь их? — Горячее дыхание Дилана коснулось ее лица.

— Я всего тебя чувствую, — ответила Кики.

— Тогда мне не приснилось, это действительно ты. Мне так хотелось этого...

— Я сегодня не могу задержаться надолго. — У Кики перехватило дыхание, когда Дилан поцеловал ее в шею. — Сэр Андрас думает, что я больна, так что искать меня не станет, но его воины бродят вокруг, ждут викингов.

Дилан засмеялся, уткнувшись лицом в плечо девушки, потом легонько прикусил мочку ее уха.

— Да, я очень веселился, наблюдая за твоим представлением на берегу.

— Ну, не могла же я ему позволить поцеловать меня, — сказала Кики. Она не хотела говорить Дилану, что рыцарем овладел Сарпедон. Незачем было тра-

тить на это короткие минуты свидания, ни к чему было заставлять Дилана тревожиться.

Дилан обхватил ладонями ее лицо.

— Да, ты уж не позволяй ему тебя целовать. — И тритон поцеловал ее в губы, без труда стерев воспоминания о бесцеремонности сэра Андраса.

— Я сегодня должна вернуться еще до рассвета, — сказала Кики, прижимаясь к тритону и наслаждаясь необычным, весьма эротическим ощущением от его тела.

— Мне хочется почувствовать тебя изнутри... — Голос Дилана слегка охрип от страсти.

— Да! — Кики прикусила его нижнюю губу.

Тритон застонал, и Кики ощутила его напряженную плоть, прижимавшуюся к ее бедрам. Она передвинулась, чтобы он мог без труда скользнуть внутрь, но Дилан покачал головой.

— Не здесь. Не так. Это ведь в последний раз, когда у тебя еще человеческое тело. Так что нам не следует торопиться, поддаваясь бездумной страсти. Мы должны смаковать каждое мгновение...

Кики пощекотала языком его шею.

— А я и смакую.

Дилан засмеялся, но в его смехе слышалось желание.

— Идем со мной, моя сирена; я покажу тебе, что значит смаковать.

— Я согласна. Ты ведь мой самый любимый учитель, — кивнула девушка, прижимаясь к его груди.

Тритон, мощно ударяя хвостом по воде, поплыл вдоль берега. Кики закрыла глаза, наслаждаясь ощущением скользящей вокруг нее воды и обнаженной кожей возлюбленного. Когда же она вновь почувство-

вала под ногами песчаное дно, ее глаза изумленно распахнулись.

Они лежали, наполовину в воде, в той самой маленькой бухточке, усыпанной камнями, которую Кики обнаружила утром этого дня. Изогнутый полумесяц бросал на землю слабый волшебный свет, отражавшийся в спокойной воде вокруг них. Дилан прижимался к ней всем телом, он гладил ее солеными влажными руками...

Девушку охватили разом и жар, и холод, и слабость...

— Думаю, это ты — сирена, соблазняющая людей, — сказала она, нежно касаясь золотой плоти, готовой к любви.

Дилан приглушенно хмыкнул и передвинулся так, чтобы они оба легли на бок, лицом друг к другу, и чтобы Кики с легкостью могла ласкать его.

— Я уж никак не могу быть сиреной. Ведь это я попал под твои чары, — сказал тритон.

Он провел ладонью по бедру девушки и начал ласкать ее между ногами... Потом он опустил ниже и коснулся Кики губами, дразня ее поцелуями, подбираясь к горячему влажному центру. И вот он уже словно пожирал ее, его язык продолжал очерчивать круги, ускоряя ритм, пока наконец Кики не сжала изо всех сил его плечи и не содрогнулась всем телом в завершающем экстазе.

Тритон снова передвинулся и обнял девушку. Она, переполненная чувствами, захваченная его силой, стала целовать его в губы, в то время как ее руки ласкали тритона, как он перед тем ласкал ее.

— Твое тело не перестает меня изумлять, — прошептала Кики, почти не отрываясь от его губ.

Помня, каким чувствительным становится тело, когда она приобретает облик русалки, девушка касалась тритона лишь кончиками пальцев. Дыхание Дилана участилось, Кики ощущала, как в его теле нарастает напряжение; Дилан покрылся потом, таким же соленым, как вода, мягко плескавшаяся вокруг них. Когда же губы девушки осторожно, неторопливо двинулись вниз по его телу, туда, где человеческая кожа соединялась с сияющим золотом кожи тритона, Дилан задрожал, стиснув зубы.

Потом он стремительным движением поднял ее, и вот уже он лежал сверху, опираясь на локти... В ночном небе обрисовался силуэт его могучего тела, и Кики увидела темные глаза Дилана, горевшие нестерпимым желанием. Она открылась навстречу и, забросив ноги ему на спину, выгнулась, молча требуя слияния. Дилан погрузился в нее, Кики яростно встретила его толчок. Он впился губами в ее рот, теперь они были единым целым и двигались все быстрее и быстрее. И Кики опять ощутила нарастающее в ней восхитительное напряжение, а когда тритон содрогнулся в оргазме, ее собственное тело взорвалось наслаждением и ночь разлетелась вдребезги...

Потом Кики уютно устроилась на груди Дилана. Тритон нежно страхнул с ее плеч налипший песок, и его рука замерла у грациозного изгиба длинной шеи.

— Теперь я поняла, что значит — смаковать, — промурлыкала Кики.

Грудь Дилана мягко задрожала — он хихикнул.

— Мне бы хотелось еще больше продлить наслаждение. — Кики почувствовала, как он пожал плечами. — Но я не смог устоять перед тобой, сирена.

Кики подняла голову и посмотрела на него.

— Сирены — это русалки?

Дилан захохотал и обнял девушку.

— Нет. Сирены — это водяные нимфы.

— Не русалки?

— Определенно не русалки. — Он поцеловал ее в лоб. — Но они обольщают тех, кто полон эротическими желаниями. — И он весьма многозначительно посмотрел на девушку.

— А ты уверен, что они женского рода? Они очень уж похожи на тебя, — поддразнила его девушка.

Дилан улыбнулся.

— Сирен мужского рода не существует.

— Ты, наверное, просто меня дурачишь, — заявила Кики, притягивая к себе голову Дилана. Она поцеловала его в губы, прижавшись к нему всем телом, так, что почувствовала биение его сердца у своей груди.

— Если ты будешь и дальше целовать меня вот так, мы не сможем вернуться до рассвета. — Голос Дилана зазвучал низко от вновь охватившего его желания.

Кики вздохнула и чмокнула его в нижнюю губу.

— Остался всего один день.

— Всего один день, — повторил он, осторожно целуя ее.

Возвращаясь вдоль берега обратно к утесу, на котором стоял монастырь, они не разговаривали. Кики снова покоилась на груди возлюбленного, глядя в ночное небо, уже начавшее менять оттенок из-за близившегося рассвета. Тут вдруг ей в голову пришла некая мысль, и девушка, отведя глаза от неба, принялась смотреть по сторонам.

— Знаешь, а в последнее время я что-то не видела моего друга дельфина. А ты его встречал? — спросила она Дилана.

Дилан немножко подумал, потом покачал головой.

— Нет, мне не попадался этот малыш.

— Ну, наверное, его не стоит винить в том, что он держится подальше отсюда, особенно после того, как Андрас запустил в него камнем, — решила Кики.

— Вообще-то он никогда надолго не оставлял Ундину. Я уверен, он где-то здесь. — Дилан махнул рукой в сторону моря. — Ждет возвращения своей принцессы.

— Надеюсь, что ты прав, — сказала Кики, стараясь подавить беспокойство.

По воде вокруг них побежала зыбь, а шум волн, бьющихся о берег, сказал Кики, что они уже совсем недалеко от монастыря; Дилан повернул и медленно поплыл к берегу.

— Здесь ты уже можешь встать, — сказал он.

Кики нащупала ногами дно, но не разомкнула объятий.

— Небо светлеет, — напомнил он и поцеловал ее в лоб.

— Лучше бы оно этого не делало, — пробормотала Кики.

Дилан обхватил ладонями лицо девушки.

— Тогда и этот последний день никогда не минует. Помни, любимая, когда кончится день — наступит ночь...

— И тогда я приду к тебе... навсегда, — закончила она.

В их поцелуе прозвучало нежное обещание. Но прежде чем направиться к берегу, девушка взяла Дилана за руку, соединив их пальцы, и сказала:

— Повтори еще раз, как долго ты готов меня ждать.

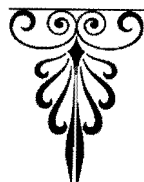
— Вечно, Кристина. Я буду ждать тебя вечно.

Он поднес ее руку к губам и поцеловал в ладонь. И очень неохотно отпустил ее. Кики повернулась и пошла к пляжу.

Вокруг уже начало светлеть по-настоящему, и девушка без труда отыскала свою сорочку. Она как раз отряхивала с нее песок, когда над берегом разнесся резкий голос:

— Хватайте шлюху!

Глава двадцать девятая

Из небольшой рощицы у подножия утеса с торжествующим видом вышел настоятель. Неподалеку от него топтались смущенные монахи. А рядом с аббатом Уильямом стоял сэр Андрас, так близко, что в слабом свете близкого утра их тела как будто слились. Лицо рыцаря выглядело как бледное пятно, на котором виднелись только глаза, ярко светившиеся серебром ненависти. Рыцарь крепко держал плачущую Изабель.

— Они ворвались в твою комнату, — всхлипывала старая служанка. — Мы не смогли их остановить. Они сказали, что должны убедиться, что ты на месте.

Голос сэра Андраса прозвучал слишком громко, усиленный демонической мощью Сарпедона:

— Я знал, что эта шлюха отправилась к своему любовнику. Я знал это! Хватайте ее!

Один из воинов поспешил повиноваться его приказу.

Кики показалось, что при появлении всех этих людей она превратилась в камень. Она лишь прижала сорочку к груди, пытаясь прикрыть наготу. Ей хотелось броситься обратно в море, но ноги отказались повиноваться. Воин быстро преодолел несколько ярдов, что их разделяли, и схватил девушку за руку, с силой вонзив ногти в нежную кожу.

— Возможно, мы немного развлечемся, прежде чем тебя сожгут, — злобно прошипел он, и его глаза нагло обшарили обнаженное тело Кики. От зловонного дыхания воина девушку чуть не стошнило.

— Дотронься до нее еще раз, и ты не уйдешь с этого острова живым! — Голос Дилана разнесся над волнами с такой силой, что воин пригнулся — а потом с разинутым ртом уставился на тритона.

Дилан поднялся над водой, и его мощный хвост сверкал и переливался, словно охваченный огнем.

— Демон! — истерически завизжал аббат Уильям. — У этой шлюхи демон в любовниках!

— Убить его! — рявкнул сэр Андрас, и почти в то же мгновение леденящий свист разрезающей воздух стрелы донесся с той стороны, где стояли воины рыцаря.

Оцепенение мигом покинуло девушку. Воин, державший ее, все еще таращился на тритона, и Кики без труда заехала ему коленом в пах, одновременно освободив руку. Развернувшись, она помчалась к воде.

— Остановите ее, дураки! — заорал сэр Андрас.

— Быстрее, Кристина! — крикнул Дилан, уклоняясь от следующей стрелы.

Кики слышала, как за спиной воин хрюкал и рычал, с трудом поднимаясь на ноги. Она оглянулась через плечо и увидела, что сэр Андрас стремительно мчится

через пляж, целясь в Дилана из лука, а его глаза горят безумным огнем. В тот миг, когда рыцарь спустил тетиву, Кики достигла воды. Вытянув руки над головой, словно олимпийский ныряльщик, она прыгнула вперед, отчаянно призывая к жизни свое русалочье тело. И тут же радостный жар преображения охватил ее с головы до ног, и она легко упала в волны. Гибкое тело русалки скользнуло под самой поверхностью, одним ударом сильного хвоста она ушла вперед, к Дилану. Она вырвалась на воздух, как будто ею выстрелили из пушки.

И стрела, предназначенная Дилану, пронзила ее левое плечо. Девушку обожгло болью, она без сил упала на руки возлюбленному. Отчаянный крик Дилана эхом отразился от берега. Сквозь боль, туманившую глаза, Кристина оглянулась на пляж.

Сэр Андрас стоял, неестественно выпрямившись, абсолютно неподвижно. А его рот раскрылся будто сам собой в чудовищном гневном вопле.

— Нет! — В этом голосе не осталось уже ничего, что напоминало бы о рыцаре. — Не ее! Ты не мог ранить ее!

Сэр Андрас упал на колени, его тело задергалось, словно сотни червей копошились под кожей. А потом из его рта с треском вырвалось облако тьмы. Оно меняло форму, увеличивалось, наполнялось отвратительной влагой, подкрадывалось к морю. Когда край облака коснулся воды, тьма сгустилась и словно втянула в себя что-то. И вот уже с оглушающим ревом над водой встал Сарпедон, обретший собственное тело, полный сил.

Он повернулся лицом к людям, раздувшись от гнева и отвращения.

— Несчастные твари! Вы осмелились причинить зло дочери самого Лира! Так знайте, что вам пришел конец!

Сарпедон опустил могучую руку в море, и вода вскипела и забурлила, покрываясь пеной. Люди в ужасе наблюдали, как из моря появилось чудовище со множеством щупалец. Оно схватило завизжавшего монаха, оказавшегося слишком близко от воды, одним движением сломало спину несчастному и швырнуло безжизненное тело так, что оно ударилось об утес. Потом монстр бросился на рыцаря. Сэр Андрас, готовясь к битве, вскочил на ноги и выхватил меч. Его воины с криком бросились вперед, чтобы встать рядом.

Но тут гигантское тело загродило от Кики картину сражения, и Сарпедон навис над ней и Диланом, как башня.

— Игры закончились, Ундина. Пора тебе занять надлежащее место моей подруги. — Сарпедон говорил обманчиво спокойным тоном.

У Кики закружилась голова. Дилан все еще поддерживал ее, и Кики с каким-то отстраненным любопытством отметила, что вода вокруг них окрасилась алым. Наверное, это моя кровь, лениво подумала она, борясь с желанием закрыть глаза и погрузиться в волны.

— Держись подальше от нее, Сарпедон, — непреклонным тоном сказал Дилан. Он перехватил девушку так, чтобы его собственное тело оказалось между нею и Сарпедоном.

Сарпедон захохотал.

— Да неужели сын простого смертного думает, что сможет выстоять против силы богов?

Кики моргнула, чтобы видеть поотчетливей, и придвинулась поближе к Дилану.

— Мы вместе выстоим против тебя, Сарпедон. А когда сегодня вечером сюда придет Лир, он тоже нас поддержит. — Кики и сама удивилась тому, как чисто и сильно прозвучал ее голос.

Губы Сарпедона изогнулись в злобной усмешке.

— Ах, я и забыл, что нашему отцу отправляли весточку. Вот только беда какая случилась... дельфин-говец встретил безвременную кончину *до того*, как сумел доставить просьбу богини земли. Но это неважно. Я вполне готов дать ответ вместо нашего отца. Так что, как видите, я собираюсь рассудить от его имени.

По телу Кики пробежала холодная дрожь страха.

— Нет. Ты не можешь заменить его.

Гигантский тритон придвинулся ближе к ним.

— Ты во многом ошибалась, Ундина. И сейчас тоже ошибаешься.

На берегу раздался пронзительный крик. Сарпедон повернулся, злобно смеясь, и посмотрел на тварь, вызванную со дна моря: тварь стиснула воина, поймавшего Кики.

— Видишь, как я наказываю тех, кто обижает тебя? — сказал Сарпедон.

— Заставь его прекратить это! — закричала Кики. Голос у нее надломился от ужаса.

Глаза Сарпедона удивленно расширились.

— Но они собирались убить тебя! Почему ты просишь пощадить их?

— Потому что нельзя вот так пользоваться силой!

— Это всего лишь правосудие, — фыркнул Сарпедон.

— Это не правосудие... это месть! А месть свойственна только тем, кто слишком уж раздулся от собственной воображаемой значимости! Ты просто мерзкая жаб! Меня тошнит от тебя, я никогда не буду тебе принадлежать!

Сарпедон как будто стал еще больше от переполнявшего его гнева.

— Никогда — это очень долго. Возможно, ты передумаешь, если увидишь свою человеческую подружку в руках моего посланца.

И тритон приказал на странном языке, который Кики, к своему удивлению, поняла:

— Убить старуху!

И в то же мгновение морское чудовище захлестнуло щупальцем шею Изабель... но амулет богини вспыхнул и засветился, заставив спрута отступить. Старая женщина бросилась бежать, но Сарпедон выкрикнул еще одну команду — и щупальце обвилось вокруг ноги старой женщины. Изабель потеряла равновесие и тяжело упала на песок. Тварь поволокла ее к воде.

— Нет! — отчаянно закричала Кики.

— Никогда, говоришь? — проревел Сарпедон. — Посмотрим, каким долгим будет твое «никогда», если ты увидишь, как умирают твой любовник и твоя подружка!

Сарпедон захватил в горсть клок морской пены — и та тут же отвердела и превратилась в кинжал. Гигантский тритон наклонился, и Кики забарахталась, стараясь удержаться на поверхности воды, ибо лишилась поддержки Дилана, — Дилан отпустил ее и метнулся навстречу гиганту. Два тритона столкнулись со звуком, подобным удару грома.

— Ундина! — В голосе Изабель звучал беспредельный ужас.

Морская тварь, похоже, играла со старой женщиной, медленно подтаскивая несчастную к краю воды, где поблескивала клювастая черная голова; в раскрытом клюве виднелись острые зубы. Последний оставшийся воин и сэр Андрас посылали стрелу за стрелой в пульсирующее тело монстра, но тварь, похоже, была безразлична к ним.

Громкие рыдания раздались с утеса, и Кики посмотрела наверх. Там, цепляясь друг за друга и отчаянно плача, стояли Линелле, Гвенит и Бронвин. А вокруг них теснились монахи. Некоторые из них опустились на колени, молясь, но большинство просто стояли в бессильном молчании. Аббата Уильяма среди них не было.

Дилан зашипел от боли, и взгляд Кики мгновенно вернулся к возлюбленному. Кинжал Сарпедона рассек мускулы на груди Дилана.

— Это лишь начало, а то ли еще будет, сын человека! Моя Ундина увидит, как я разрежу тебя на куски, — сказал Сарпедон.

Дилан не отступал. И когда он заговорил, его голос прозвучал спокойно:

— Ты можешь убить меня, Сарпедон, но тебе никогда не завоевать ее любовь. Ты вечно будешь вызывать у нее отвращение.

Сарпедон резко рассмеялся.

— Вечность — это очень долгое время. Она забудет тебя.

Вечность... Это слово эхом отозвалось в уме Кики. Именно это обещал ей Дилан. И есть только один способ остаться с ним навечно — встать сейчас рядом.

Не обращая внимания на боль, она ударила хвостом по волнам и поднялась во весь рост.

Я дочь богини, сказала она себе, и я заявляю о своем праве... Сильным голосом, наполнившим утренний воздух, она обратилась с призывом к своей матери.

— Гея! Твоя дочь нуждается в тебе! Помоги мне, Великая Мать!

А потом, пустив в ход магию, что таилась в русалочьем теле, Кики протянула руку и поймала клочок пены, пузырящейся вокруг нее.

— Дайте мне оружие! — приказала она водам. И в то же мгновение в ее руке очутилась рукоятка ножа. Но его лезвие было не светлым, как морская пена, — оно светилось алым цветом ее пролитой крови.

— Дилан! — крикнула она своему возлюбленному, и оба тритона замерли, обернувшись к русалке.

— Держи! — сказала она, бросая ему кинжал.

Дилан ловко поймал его и улыбнулся девушке, благодаря. И тут же сосредоточился на Сарпедоне.

— Это тебе не поможет, — прорычал Сарпедон, и они снова закружили друг возле друга, и их ножи посверкивали в утреннем свете.

Кики ощутила движение воздуха за долю секунды до того, как увидела богиню. Гея вышла из пены у подножия утеса. Гнев ее был ужасен; воздух вокруг великой богини трещал и искрился. Рыцарь и его воины уронили оружие и упали на песок перед ней. Но она не обратила на них внимания. Ее взгляд устремился к морскому чудовищу, тащившему Изабель... до страшных зубов оставалось всего несколько дюймов.

Богиня вытянула руку — и из вспышки ярко-зеленого, как листва, света возникло копьё. Гея выхвати-

ла его из воздуха и метнула прямо в разинутую пасть монстра. Копье ударило спрута с такой силой, что проткнуло насквозь тело твари и выскочило сзади, а за ним хлынул фонтан крови и потрохов.

— Убирайся назад в темные глубины, где ты родился! — приказала Гея.

Монстр судорожно дергался. Выпустив Изабель, он погрузился в воду, окруженный черными грязными клубами. Изабель с трудом поднялась на ноги, но идти не смогла и тут же упала снова у ног Геи. Богиня опустила на колени и провела сияющей рукой над телом старой женщины.

— Все, моя Изабель, боли больше нет.

Глаза Изабель распахнулись от удивления, когда она, подняв голову, посмотрела на Гею и узнала ее. Старая женщина благоговейно перекрестилась.

— Спасибо тебе, Святая Мать!

Гея мягко коснулась головы Изабель. И тут же встала, глядя на море. Серебристый плащ развеивался за ее спиной, белый шелк полупрозрачного платья трепетал от мощной энергии богини. Она подошла к краю воды — и песок стремительно потек вперед, мгновенно твердея под ее нежными ногами; и вот уже Гея стояла на длинном узком мысе, выдававшемся в море.

Не более чем в футах от нее два тритона сцепились в безмолвной схватке, и каждый стремился завершить бой смертельным ударом. На теле Дилана уже было несколько ран, он истекал кровью. Казалось, он закутался в алый плащ...

— ДОВОЛЬНО!

Слово ударило с физически ощутимой силой, заставив зашевелиться волосы на голове Кики. Между тритонами встала стена ослепительного белого света,

разбросав их в стороны. Кики поспешно подплыла к Дилану.

Сарпедон повернулся к богине, поднявшись над водой так, что навис над узким мысом.

— Это тебя не касается, богиня суши! — рявкнул он. — Я здесь главный, когда нет моего отца!

— Глупый несмышлениш. — В голосе богини звучала откровенная жалость. — Я терпела твои безобразия только из любви к твоему отцу. Но твоя ненависть зашла слишком далеко.

Гея протянула к небу прекрасные руки, соединив их в запястьях. Над ней тут же возникло вращающееся облако силы, сверкавшее, как бриллиантовая пыль.

— ЛИР! ЗЕМЛЯ ТРЕБУЕТ ТВОЕГО ПРИСУТСТВИЯ, КОГДА ОНА БУДЕТ ВЕРШИТЬ СУД НАД ТВОИМ СЫНОМ!

Произнеся это, Гея плавным движением опустила руки, направив вытянутые пальцы к воде. И облако взорвалось, как фейерверк, и пролилось в волны, и эхо слов богини разнеслось над океаном.

Сарпедон побледнел, но заговорил все так же раздраженно.

— Мой отец тебе не ответит! Он не какое-нибудь дитя суши, чтобы бегом выполнять твои приказы! — Сарпедон засмеялся. — К тому же он слишком занят, разбираясь в той истории на островах. Мы с богом акул об этом позаботились.

Гея грустно покачала головой, глядя на Сарпедона.

— Лир отсутствует потому, что ты это подстроил. Я это знала, и мне давно следовало вмешаться. Сегодня случились смерти, в которых совсем не было необходимости. Причина их — твоя ненависть, сын Лира, но я могла это предотвратить. И эту печаль, эту вину

мне придется нести в себе. Но в присутствии или в отсутствии твоего отца, я буду судить тебя — и исполню приговор.

— У тебя нет права наказывать меня, земное существо! — прорычал Сарпедон. — Я морской бог! В водных просторах все мои желания исполняются, моим приказам повинуются! Я буду обладать Ундиной, а всем этим несчастным тварям придется отойти в сторону, или они познают мой гнев!

Но тут...

Прежде чем богиня успела ответить, вода вокруг них забурилась и вспенилась. В небо взметнулся столб сверкающих брызг. Толстая колонна вращалась, плавно меняя цвет — сначала она была прозрачной, как стекло, потом стала бирюзовой, как воды отмелей, потом потемнела, став черно-синей, как океанские глубины. Потом колонна вдруг раскололась, как будто разрезанная пополам молнией, и из расщелины возник гигантский мужчина, державший в руке массивный черный трезубец. На голове гиганта возлежала корона из золотых раковин, усыпанных мерцающими жемчужинами. Серебряные волосы бога были точно такого же оттенка, как отражение лунных лучей в воде, и каскадом падали ему на плечи, смешиваясь с роскошными волнами бороды. Тело гиганта укрывал просторный плащ цвета морской волны, оставляя открытой могучую грудь. Гигант вышел из расколотой колонны и направился к Гее, шагая по воде; Кики задохнулась при виде его величия.

Гея заговорила первой, протянув богу изящную руку, — и бог склонился над ней, нежно поцеловав.

— Лир, Земля приветствует тебя. — Голос богини звучал тепло, интимно.

— Море отвечает тебе тем же, — сказал гигант. — Давно мы с тобой не виделись. — Лир говорил с нескрываемой любовью. Потом он огляделся вокруг и нахмурился. — И что тут у нас происходит, Мать-Земля... заблудшие детки не слушаются?

— Отец, эта земная богиня вмешивается в дела моря! Ее это не касается! — брякнул Сарпедон.

— Сарпедон, твой тон оскорбителен. Гея не вмешивается в чужие дела. Поосторожней, бойся сделать Землю своим врагом! — Лицо Лира застыло, и, хотя голос продолжал звучать спокойно, выговор был жестким.

Он посмотрел в бурлящие воды, и глаза бога морей гневно сузились, когда он увидел раненую Ундину.

— Кто осмелился тронуть мое дитя?

Волны вздрогнули от слов Лира, а язык Кики вдруг стал толстым и неповоротливым. Но вместо нее ответил Дилан, смело посмотревший прямо в глаза великому морскому богу:

— Стрела, ранившая твою дочь, предназначалась мне. И хотя выпустил эту стрелу не Сарпедон, именно его ревность заставила человека попытаться убить меня.

— Ундина, — Лир повернулся к девушке. — Что здесь произошло?

Кики глубоко вздохнула, подавив страх и боль, терзавшую ее плечо и разбегавшуюся по всему телу. Когда она заговорила, ее голос звучал высоко и странно, как будто принадлежал не ей.

— Прежде всего ты должен знать, что я не настоящая Ундина. Мы с твоей дочерью поменялись телами, потому что ей невыносимо было здесь и потому что...

Ее перебил Лир:

— Обман и хитрость! — Он резко повернулся к Гее. — Это ты устроила?

Гея спокойно коснулась руки морского бога.

— Позволь ей закончить, Лир. В теле твоей дочери сейчас душа другой девушки, и, в отличие от Ундины, она глубоко и искренне любит море.

Лир прищурился, однако коротко кивнул и снова посмотрел на русалку.

— Хорошо, я выслушаю.

Кики попыталась улыбнуться, но ее губы могли только кривиться от боли. Тут рука Дилана коснулась ее руки. Девушка ухватилась за нее, черпая силу.

— Ундина хотела обменяться телами с кем-то из людей не просто потому, что ее тянуло к земле; главная причина была в том, что она хотела бежать от Сарпедона.

— Она лжет, отец! — закричал Сарпедон.

— Молчать! — приказал сыну Лир. И, смягчив тон, обратился к Кики: — Продолжай, дитя.

— Я теперь слишком хорошо понимаю, что чувствовала Ундина. И первое, что мне пришлось делать, когда я очутилась в ее теле, — отбиваться от попытки изнасилования... вот им! — Девушка кивнула в сторону Сарпедона.

— Еще большая ложь, отец! — взорвался Сарпедон. — Мне незачем было брать ее силой, она сама хотела меня! А потом решила позабавиться с этим жалким человеческим сыном, а я просто устал ждать, когда она наиграется досыта. И теперь я заявляю, что она всегда была моей!

— Любовь — это не то, чем можно обладать и что может возникнуть по приказу, — вмешалась Гея, и в

ее голосе прозвучало презрение. — И если здесь кто-то и лжет, так это ты, Сарпедон. — Гея вскинула руку ладонью вверх, и в воздухе возник блистающий овал. — Взгляни на правду, бог всех морей. — Богиня вытянула безупречно очерченные губы и легонько дунула в сверкающее зеркало. И в то же мгновение по его поверхности поплыли картины, как кадры кинофильма в темном зале.

Сначала появилось изображение авиакатастрофы, и Кики увидела, как ее затягивает под воду и как она обменивается душами с прекрасной русалкой. Потом они увидели, как Сарпедон пытается овладеть русалкой, потом — магический переход Кики во временное человеческое тело. Зеркало показало, как Дилан спас ее, а потом сэр Андрас обнаружил девушку и вынес на берег. Быстро промелькнули сцены пребывания Кики в монастыре и то, как Гея отправляла к Лиру гонцов, и еще они увидели гибель преданного посланца-дельфина от руки Сарпедона... Зеркало показало и то, как девушка обнаружила в церкви статую Девы Марии, и ее растущую дружбу с женщинами, и то, как сурово общался с ней аббат Уильям.

Потом изображение расплылось, а когда зеркало снова прояснилось, они увидели, как из колодца появляется размытая, призрачная фигура Сарпедона. Зеркало показало, как тритон вселился в тело рыцаря, и хаос, который влияние Сарпедона породило среди людей.

У Кики закружилась голова, когда она увидела в зеркале себя... Дилан показывал ей подводные чудеса. Она вновь ощутила все волшебство его любви, заново родившейся в зеркале, и воспряла духом, опять

услышав, как ее возлюбленный повторяет обещание ждать ее вечно.

Потом картинка опять изменилась, зеркало показало, как люди обнаружили Кики и ее возлюбленного, а Сарпедон материализовался из тела сэра Андраса. Последней сценой, появившейся на зеркальной поверхности, стала сцена призыва Лира Геей, ее просьба явиться и присутствовать при суде над его сыном. Потом все исчезло, и Гея снова дунула на зеркало, заставив его раствориться в клубе светящегося дыма. Над волнами повисла тишина.

Лир заговорил первым, обращаясь к богине:

— Я не услышал ни одного из твоих призывов. — Он грустно покачал головой. — Сарпедон не сумел бы скрыть их от меня. Я сам позволил себе устраниться.

Гея понимающе кивнула.

— Я знала, что Сарпедон пытается помешать мне, но не хотела выступать против твоего сына. Мы оба в ответе за наши ошибки.

— Да. И слишком многим пришлось заплатить вместо нас. — Морской бог посмотрел на берег.

Сэр Андрас и последний из его воинов все еще были там; они съежились, сидя на песке, их глаза остекленели от представшего им зрелища. Бронвин, Линелле и Гвенит подошли к Изабель, и четыре женщины стояли, взявшись за руки. Большинство монахов давно сбежали с утеса, но двое остались и молились, преклонив колени. Настоятеля нигде не было видно.

Лир посмотрел на Гею и спросил:

— Хочешь ли ты поменяться ролями, чтобы осуществилось истинное правосудие?

Богиня вопросительно вскинула брови.

— Что ты предлагаешь?

— Я предлагаю, чтобы я судил в твоих владениях, а ты — в моих.

Гея заколебалась лишь на мгновение.

— Согласна.

Лир повернулся к людям на берегу. Сначала он сосредоточил суровый взгляд на сэре Андрасе.

— Моя воля такова: рыцарь и его оруженосец должны вернуться в свое королевство в глубине суши целыми и невредимыми. — Лир немного помолчал, в его глазах блеснуло лукавство, и он добавил: — Сэр Андрас, ты скоро узнаешь, насколько драгоценны женщины. Отныне и навсегда ты будешь производить на свет только дочерей, а они, в свою очередь, будут рожать только девочек. И тебе следует быть мудрым и всегда помнить: богиня земли присмотрит, чтобы ты хорошо обращался со своими дочерьми.

Лицо рыцаря лишилось последних остатков краски, сэр Андрас даже как будто уменьшился в размерах; и тут же он и его воин бросились бежать с берега со всех ног.

Потом Лир обратился к женщинам.

— Мудрые женщины, я благодарен вам за дружбу, которой вы одарили мою дочь, и потому дарю вам этот монастырь. — Лир величественно взмахнул рукой, и внезапно серые скучные стены на утесе изменились — камни стали белыми, светящимися, точно жемчуг. Все четыре женщины, стоявшие у воды, восторженно вскрикнули. — Вы увидите также, что я изменил кое-что внутри, чтобы украсить ваш новый дом. — Лир ласково улыбнулся женщинам. Потом посмотрел наверх, и его голос донесся до монахов, что все еще стояли на коленях на краю утеса. — Вы, мужские особи,

можете остаться, но знайте: эти женщины вам больше не служанки. Живите с ними бок о бок в мире, как равные, или же уходите с этого острова и не гневите бога всех морей!

После этого Лир оглядел песчаный берег и обнаружил наконец трясущуюся фигуру, прятavшуюся за старым бревном.

— Эй, настоятель! Тебе не спрятаться от богов. Встань и выслушай свой приговор.

Дрожа всем телом, аббат Уильям поднял голову и с трудом встал на ноги. На его лице виднелись следы слез, а красная ряса была перепачкана рвотой.

Гея осторожно коснулась руки Лира. И мягко произнесла:

— Возможно, его нам следует судить вместе? В конце концов, это наше дитя.

Глаза настоятеля чуть не выскочили из орбит от ужаса, он мотал головой, в панике отказываясь понять услышанное.

Лир нахмурился.

— Прекрати распускать сопли, Уильям! Вспомни! — приказал он и взмахнул рукой, осыпав дождем брызг берег и настоятеля.

Лицо аббата Уильяма изменилось, он растерянно заморгал, как будто только что пробудился от тяжелого сна.

— Я же говорила тебе, нам не следовало лишать его воспоминаний, — сказала Гея.

Лир вздохнул.

— Но он всегда был самым сложным из наших детей. Он не мог оставаться в море, но и суше он не принадлежал. И что ты предлагаешь сделать с ним теперь?

Гея задумчиво постучала по подбородку изящным пальцем. Потом ее глаза сверкнули, на лице вспыхнула победоносная улыбка.

— Предлагаю, чтобы следующее столетие он провел с Цернунносом, помогая ему охранять врата подземного мира. Возможно, сотня лет в компании умерших научит нашего сына ценить красоту жизни и поможет лучше относиться к себе и другим.

— Блестяще! — воскликнул Лир и трижды ударил трезубцем о воду. При третьем ударе земля под Уильямом разверзлась и поглотила бывшего настоятеля, а потом быстро сомкнулась вновь, заглушив его отчаянный визг.

— Теперь твоя очередь, Мать-Земля, — сказал Лир.

— Я постараюсь проявить такую же мудрость, какую только что проявил повелитель морей, — сказала богиня с великодушной улыбкой.

Гея и Лир повернулись к морским жителям. Сначала Гея посмотрела на двоих возлюбленных. Когда она заговорила, ее голос наполнился материнским теплом.

— Ундина и Дилан... ваша любовь сильна и неподдельна. Хотя мне грустно, что моя любимая дочь предпочла воду, ваш союз доставил мне огромную радость. Я благословляю ваши жизни и ваше соединение. Пусть даже вечность не ослабит ваши чувства.

Кики почувствовала, как благословение богини окутало ее, и сердце наполнилось счастьем, когда Дилан осторожно обнял ее израненными руками.

Потом богиня обернулась к Сарпедону, чье лицо потемнело от ярости и недоверия, и взгляд Геи стал

суровым. Сарпедон беспокойно поглядывал то на Лира, то на богиню земли, как будто ожидал, что его отец вот-вот вмешается и остановит Гею.

— Сарпедон, тебе позволялось слишком многое, и твои поступки слишком долго оставались безнаказанными. Поскольку ты так дерзко воспользовался колодцем, питающим монастырь, и полагал, что насильем и хитрыми уловками поймаешь в свои сети любовь, в твоём наказании отразятся твои дурные дела. Я приговариваю тебя к заключению в каком-нибудь колодце на ближайшее столетие. И твоё тюремное место будет находиться вдали от моря, так что ты не сможешь питаться его силой, чтобы причинять зло тем, кто будет пользоваться этим колодцем. Ты будешь заперт в глубине суши, в колодце замка, известного своими строгими порядками. Это земли Кайр Лайона, из них много десятилетий назад изгнали всяческую магию. Так что тебя и не узнают, и не испугаются. Я желаю, чтобы это наказание научило тебя ценить свободу настолько, чтобы позволять и другим быть свободными.

Гея вскинула руку, призывая силы правосудия, но Сарпедон змеиным движением выбросил вперед кулак — и его сверхъестественная сила разбила песчаный мыс, на котором стояла богиня. Песок рассыпался под её ногами, и Гея с удивленным вскриком упала в воду. Взмахнув толстым хвостом, Сарпедон заставил воду кружиться и бурлить, сомкнувшись над головой богини.

Взревев от ярости, Лир смахнул бурлящий поток и подхватил Гею на руки.

Сарпедон опустил руки в воду, словно ища скрытое в волнах сокровище.

В его голосе звучало теперь настоящее безумие:

— Если она не достанется мне, то и никому не достанется!

Сумасшедший тритон выдернул руку из воды. В кулаке он сжимал то самое копьё, которое Гея создала, чтобы убить морское чудовище. И стремительным движением Сарпедон швырнул копьё в Кики.

Дилан видел, как летит копьё, и время для него как будто остановилось. Он не мог допустить, чтобы Сарпедон убил Кристину. Она нуждалась в защите... и цена не имела значения.

За долю мгновения до того, как копьё должно было пронзить тело Кристины, Дилан извернулся и бросился вперед, закрывая девушку собой. Кики почувствовала, как судорожно дернулся её возлюбленный, когда копьё вонзилось в его спину, и с ужасом увидела окрашенный алым конец копья, вышедший из груди тритона.

Её отчаянный крик слился с яростным ревом морского бога. Лир метнул в своего сына трезубец, и тот вонзился в грудь Сарпедона. Глаза Сарпедона успели расшириться от испуга, а мгновением позже его тело начало таять и растекаться, пока не утратило форму тритона, превратившись в воду, из которой оно и было создано.

В два гигантских шага морской бог очутился рядом с Диланом. Он выкрикнул приказ, и вода затвердела так, что смогла удерживать Гею, поспешившую к ним по застывшим волнам. Оба божества опустились на колени рядом с раненым тритоном.

Дилан, собрав остатки сил, послал Гее одну-единственную мысль:

— Не надо ей знать. Я с радостью заплачу эту цену.

Гея знала, что смена тела на человеческое слишком ослабила Дилана. И теперь даже сила всех богов не могла его спасти. Богиня закрыла глаза, наполнившись слезами, и кивнула.

— *Моя дочь ничего не узнает.*

Тело Дилана бессильно обвисло на руках Кики. Его глаза были закрыты, дыхание стало отрывистым. Кровь лилась из-под острия копья. Лир схватился за древко копья, что торчало из спины тритона, словно намереваясь выдернуть его, но Гея остановила его:

— Ты лишь причинишь ему еще больше боли. — Голос богини прозвучал низко, в нем слышалось страдание.

— О чем это ты? — Кики почти кричала, близкая к истерике. — Конечно, его надо выдернуть! Как еще мы можем спасти его?

Бесконечно нежным жестом Гея коснулась залитой слезами щеки русалки.

— Я не могу его спасти, Кристина.

— Но ты должна! Ты же богиня! — всхлипнула Кики. — Ты должна знать, как его спасти!

Из глаз богини показались слезинки. И пока она говорила, слезы стекали по ее щекам, оставляя за собой сверкающий, как бриллианты, след.

— Его ранило мое собственное копье, оружие, сотворенное моей рукой как орудие разрушения. Я не могу исцелить рану, нанесенную моей же рукой.

— Но не ты же его бросила!

— Я его сотворила, и этого достаточно. Я не могу ничего изменить, — печально сказала Гея.

Кики стремительно обернулась к Лиру.

— Тогда ты его спаси, ты ведь тоже бог!

Повелитель морей обменялся взглядом с Геей. И когда он заговорил, на него как будто свалился груз многих столетий.

— Я не могу исправить разрушения, причиненные богиней земли. Даже боги и богини подчиняются всеобщим законам вселенной.

— Так поверните время назад! Сделайте же что-нибудь! — закричала девушка.

— Кристина... — Дилан говорил едва слышным шепотом. Он судорожно дернулся, пытаясь повернуться лицом к девушке. — Они не могут мне помочь.

Он кашлянул, и кровь из раны потекла сильнее.

— Тише, тише! — Кики прижала ладонь к его губам. — Не разговаривай. Береги силы. Мы что-нибудь придумаем.

Дилан едва заметно качнул головой.

— Я знал, что выбираю, когда очутился на пути этого копья. И я выбрал это сам. — Он помолчал, прерывисто дыша. — И я бы снова сделал то же самое.

Тритон закрыл глаза, борясь с новым приступом боли.

— Нет, Дилан! — Кики покрыла его лицо поцелуями. — Ты не можешь умереть! Ты не можешь меня бросить! Помни, — всхлипнула она, — ты обещал мне вечность!

Губы тритона на мгновение изогнулись в улыбке, он открыл глаза.

— Я все так же жду тебя. Навечно, Кристина.

Грудь тритона приподнялась в последнем вздохе, дрожащая рука коснулась залитой слезами щеки девушки.

— Навечно...

И с этим словом жизнь покинула тело Дилана, и Кики осталась одна, цепляясь за оболочку своего любимого, пока и она, как тело Сарпедона, не начала бледнеть и растекаться, возвращая воде ее создание.

Кики пыталась удержать уходящие, как песок сквозь сито, сверкающие краски, оранжевое пламя, быстро расплывающееся по волнам.

— Идем, дитя, — сказала Гея и взяла Кики за руку, останавливая бессмысленное движение.

Гея раскрыла дочери объятия, но даже сострадание богини не могло смягчить боль потери, охватившую Кики, и русалка рыдала так отчаянно, словно ее душа рассеивается вокруг вместе с телом Дилана.

А потом еще чьи-то руки присоединились к рукам богини. Они были нежнее, намного старше... это были руки, повидавшие слишком много горестей и печалей.

— Я знаю, дитя. Я знаю...

Кики подняла голову и посмотрела в залитое слезами лицо Изабель. И почувствовала, что вокруг нее есть еще кто-то. Да, рядом с Изабель, по грудь в воде, стояли Бронвин, Линелле и Гвенит; они делились с девушкой своей силой и согревали ее любовью. Кики рыдала от боли и чувства утраты, но теперь понимала, что окружившие ее женщины не дадут ей уйти вслед за возлюбленным.

Гея, охваченная отчаянием, протянула руку к тому месту, где стрела вонзилась в тело русалки.

— Позволь мне исцелить хотя бы эту рану, дочь, — сказала Гея. Но, еще не коснувшись окровавленной стрелы, богиня вдруг заколебалась. И медленно отвела руку. — Надо подождать. Правосудие еще не свер-

шилось. — Гея посмотрела на Лира. — Ход событий слишком сильно изменился, должен измениться и приговор.

Повелитель морей устало кивнул.

— Этот приговор будет отличаться от вынесенных прежде, потому что сегодняшние события изменили меня навсегда. — Все слушали Гею в полном молчании, и даже Лир, казалось, затаил дыхание, ожидая следующих слов богини. — За твою храбрость и преданность, моя любимая дочь, я велю тебе самой выбрать твой будущий путь. — Лицо Кики просветлело, но Гея быстро продолжила: — Я не могу отменить смерть твоего возлюбленного, и эта печаль навечно останется со мной, но я могу предложить тебе две дороги.

— И какие же? — спросила Кики дрожащим голосом.

— Ты можешь остаться здесь, в этом мире и в этом времени, как русалка и божество морей или как любимая дочь земли и божество моего королевства. Ты можешь править рядом с Лиром или со мной, и дни твои будут наполнены обязанностями божества.

— Вечно? — только и спросила Кики.

— Вечно, — заверила ее Гея.

— А другой путь?

— Я верну тебя в твой прежний мир и в твое прежнее время — в то место, где случилась катастрофа, за мгновение до того, как обломок самолета увлек тебя под воду. Ты выживешь и продолжишь человеческую жизнь.

— Но что случится с Ундиной, если я решу вернуться в свой мир? — спросила Кики.

Заговорил Лир, и его голос был полон горя.

— Моего сына больше нет. Это так же нельзя изменить, как и смерть Дилана. Если Ундины вернется ко мне, она сможет сама выбрать свою судьбу. То ли она останется в море со мной, то ли присоединится к своей матери на суше, все равно с ней всегда пребудет мое благословение. Я больше не стану пытаться управлять жизнью моих детей.

— Но есть еще одно, что тебе следует знать, прежде чем ты сделаешь выбор. — Гея говорила в полной тишине. — И это в нашей власти... — Тут она посмотрела на Лира, и тот медленно кивнул, соглашаясь. — Мы можем стереть эту часть твоей памяти.

— Ты хочешь сказать, я вернусь назад в то же самое мгновение, когда меня затянуло под воду, и вы можете заставить меня забыть все, что случилось со мной здесь? И как будто ничего не было, как будто мы с Ундиной никогда не менялись местами? — недоверчиво спросила Кики.

— Да, — кивнула богиня.

Кики вдруг совершенно успокоилась. Она закрыла глаза и вспомнила дни и ночи, что она провела на острове Калди. А потом ее глаза резко распахнулись.

— Я знаю, чего я хочу, — решительно произнесла она.

— Так скажи мне, дочь моя. Вынеси свой собственный приговор.

— В этом мире я полюбила; я думала, что наконец-то нашла место, с которым никогда не захочу расстаться, нашла свой настоящий дом. Но теперь я понимаю, что нельзя отыскать свой дом вовне, где бы мы ни жили и что бы ни делали... Мы всегда несем свой дом внутри нас. — Кики глубоко вздохнула. — Прости меня, Ве-

ликакая Мать. — Она посмотрела на Гею и на Изабель. — Я не могу жить целую вечность без него, будь я хоть богиней. И я теперь знаю, что истинный мой дом — внутри меня. Поэтому я хочу отправиться в свой прежний мир. И я хочу помнить... все, о вас и о нем. — Кики закончила почти шепотом.

— Очень хорошо, — одобрила богиня.

— Мы будем скучать по тебе, Ундины, — сказала Изабель за всех женщин, а те лишь кивали и утирали льющиеся по щекам слезы.

Кики обняла каждую из них.

— Заботьтесь друг о друге и о других женщинах тоже, — попросила Кики.

— Возьми это обратно. — Изабель попыталась вернуть девушке янтарный амулет, но Кики покачала головой.

— Нет, сохрани это на память обо мне.

— Мы и так никогда тебя не забудем, — возразила Изабель.

Кики повернулась к Лиру. Она осторожно коснулась руки повелителя морей, так же как до этого делала Гея.

— Мне было приятно с тобой познакомиться.

— Мне тоже, дитя. У тебя нет теперь амулета твоей матери. Позволь подарить тебе один из моих собственных.

Морской бог опустил руку в волны и достал из воды тонкую золотую цепочку. На цепочке висела изысканная жемчужина, переливавшаяся оттенками расцветного неба. Лир надел цепочку на шею девушки и поцеловал Кики в лоб.

— Помни меня, — печально произнес он. — И знай, что если ты будешь нуждаться в утешении, тебе надо

будет только найти воду. В любом из миров она примет тебя в отцовские объятия.

И наконец Кики повернулась к богине. Она думала, что после смерти Дилана ее сердце уже не сможет болеть сильнее, но когда Гея пригладила ей волосы и стерла слезы с ее лица, Кики ощутила, как внутри у нее открылась новая рана.

— Нет, дитя, — сказала Гея, охватывая ладонями лицо Кики. — Пусть расставание не принесет тебе нового горя; мне этого не вынести. Даже в далеком мире я буду присматривать за тобой. Ты сможешь найти меня в деревьях и цветах и в тех целебных растениях, которые ты так любишь. И когда бы ни взошла над тобой полная луна, посмотри на нее — и ты увидишь отражение моего лица.

Кики подавила рвущиеся наружу рыдания, ей казалось, что она сейчас просто умрет от печали.

Словно прочитав ее мысли, богиня быстро, решительно заговорила:

— Ты все это выдержишь. Ты дитя моего духа, и твои силы велики.

Девушка кивнула, и по ее щекам опять потекли слезы.

Гея нежно поцеловала ее в губы.

— Благословляю тебя, дочь. Всегда помни, что тебя возлюбила богиня и что ты хранишь в себе магию Божественной Женственности.

Лир шагнул вперед и встал рядом с Геей. Бессмертные разом вскинули руки к небу.

— Я призываю под мою власть Силу. Я Земля, тело и душа. — Голос Геи стал могучим. В ответ на ее призыв воздух вокруг богини задрожал от наполнившей его энергии.

— Я призываю под мою власть Силу. Я Море, дыхание и жизнь. — Лир заговорил вслед за Геей, и вода вокруг него засветилась.

— Однажды мы соединились, чтобы породить дитя, — произнесла Гея.

— Теперь мы соединяемся, чтобы вернуть дитя в родной мир, — продолжил Лир.

— Возвращайся в мир людей, — это сказала Гея.

— Неся с собой благословение мира богов, — это сказал Лир.

— ТАК МЫ СКАЗАЛИ; ТАК И БУДЕТ.

Бессмертные произнесли последние слова вместе, и Кики почувствовала, как ее будто втянуло в мощный поток энергии или подхватило могучее течение. Вокруг вспыхнул ослепительный свет, Кики крепко зажмурила глаза. Ее тело потащило вперед с такой силой, что она лишилась дыхания. Снова и снова ее тянуло и встряхивало, как будто она угодила в гигантский водоворот, только он не втягивал ее, а выбрасывал куда-то вверх. Запаниковав, Кики попыталась закричать, но в рот ей тут же хлынула соленая вода... и вдруг ее голова выскочила на поверхность, и девушка, кашляя и отплевываясь, попыталась отдышаться и удержаться на плаву.

Она услышала два шумных всплеска, и неподалеку от нее появилась еще чья-то голова рядом с безжизненным телом, на которое был надет спасательный жилет.

Дежавю было таким сильным, что Кики едва совладала с внезапным головокружением.

— Туда!

Отчаянно моргая, Кики увидела, что полковник показывает на оранжевый плот, дрейфовавший футах в сорока перед ними.

— Плыви! Мы должны как можно дальше уйти от самолета! — Он двинулся к плоту, сильно взмахивая руками и таща за собой неподвижное тело.

Кики наконец сообразила, что именно эти слова полковник говорил ей и в прошлый раз. А тело... это было тело Шона. Еще один мужчина, который погиб из-за нее. Кики снова задохнулась, на этот раз от рыданий, а не от морской воды. Ее мысли запутались в лабиринте боли и воспоминаний.

Устрашающе знакомый взрыв раздался за спиной, и она развернулась в воде — как раз вовремя, чтобы во второй раз увидеть гибель самолета. Он был огромен, страшен и в своей агонии зловеще напомнил ей морского монстра, которого вызвал Сарпедон.

И как-то отстраненно Кики вдруг осознала, что тонущий самолет находится слишком близко от нее.

Но на этот раз ей было все равно. Она видела слишком много смертей. Так почему бы ей не расслабиться и не отдаться на волю событий? По крайней мере, теперь она не боялась воды. Кики чувствовала себя невыносимо усталой. Она закрыла глаза и перестала бороться, погрузившись в воду и ожидая, когда что-то железное ухватит ее за лодыжку.

Но тут что-то толкнуло ее, и она лениво удивилась. Она не помнила ничего такого...

Толчок повторился — настойчиво, упрямо, и вскоре Кики уже отплевывалась и хватала ртом воздух, отчаянно размахивая руками, в то время как ее решительно вынесло на поверхность и потащило вперед... рядом она ощутила два странно знакомых тела, скользких и мускулистых...

Но такого просто не может быть, подумала она. Это не может происходить на самом деле.

— Ничего себе! Ты это видишь? — Темноволосый капитан, державший в руке плоское желтое весло, показал в сторону Кики.

Даже полковник, втаскивавший на плот безжизненного Шона, замер и посмотрел на девушку.

Кики ударилась об оранжевый спасательный плот. Капитан схватил ее за руку и втащил на борт. От бесцеремонного рывка вновь проснувшаяся боль обожгла ее тело, и Кики содрогнулась, когда из раны на плече хлынул теплый поток крови.

— То же самое плечо, — пробормотала она, глядя на красные пятна, выступившие на мокрой желто-коричневой рубахе. — Тело другое, а плечо то же самое...

Слова сорвались с ее губ, но Кики не ощутила их как свои собственные, как не ощущала и это тело своим. И где-то в глубине ее души, под грузом потрясения и горя, возник истерический смех.

— Черт, да у тебя на плече рана! Но что это за звери такие? — спросил старший сержант, показывая на скользкие серые тени, уплывавшие от плота.

— Дельфины, — ответила Кики, нервно хихикая. — Это дельфины.

— Ну, поцелуй меня в задницу и назови меня Санта-Клаусом! Я в жизни не видал ничего подобного. Эти чертовы рыбы спасли тебе жизнь! — воскликнул старший сержант, хлопая себя по бедру.

— Ну, вообще-то они млекопитающие, а не рыбы, — выговорила Кики между приступами истерического смеха и пытаясь сделать глубокий вдох. — И они, похоже, думают, что я до сих пор принцесса.

Мужчины разом замолчали и уставились на хихикающую девушку.

— Э-э... сержант, — мягко заговорил полковник. — Дай-ка мне взглянуть на твое плечо.

Он стал осматривать рану, и от жуткой боли истерика у Кики прошла.

— Да, тебе, должно быть, чертовски больно, — сказал полковник. — Ладно, у меня есть перевязочный пакет, сейчас остановим кровотечение, а то тебе придется плохо.

Кики хотелось сказать, что ей наплевать, что она предпочла бы умереть, но полковник уже отвернулся и начал искать перевязочные материалы в аварийной сумке.

— Выглядит так, будто сквозь нее какая-нибудь долбаная стрела проскочила, — сообщил старший сержант, но полковник велел ему заткнуться и проваливать.

— Ну-ка, прикуси вот это. — Полковник протянул девушке деревянную лопатку, и Кики послушно вошла в нее зубы. — Ты старайся думать о чем-нибудь постороннем, а я уж потороплюсь, — сказал полковник. — Готова?

Кики слабо кивнула и закрыла глаза, думая о лунной ночи, когда светящиеся неоновым светом рыбки изображали из себя свечи, а мир вокруг был полон новизной любви. Она видела лицо Дилана, склонявшегося над ней и целующего ее, и на мгновение почти ощутила живой, соленый вкус его тела...

Боль пронзила ее насквозь, вдребезги разбив все мысли, перед глазами вспыхнули ослепительные искры. А потом ее поглотило блаженство темноты. Кики потеряла сознание.

— Держись, сержант! Мы тобой занимаемся!

Ровное гудение пропеллера вертолета и боль в плече привели девушку в сознание. Она открыла глаза и

увидела, что над ней хлопочет врач из спасательной команды, ободряюще бормоча что-то; в руке он держал шприц. В следующую секунду игла вонзилась в бедро. Боль от укола не могла сравниться с той болью, что терзала плечо Кики.

— Ну вот, теперь будет лучше. Ты просто расслабься, и мы мигом поднимем тебя в вертушку.

Он говорил мягким тоном, утешая, и одновременно пристегивал Кики ремнями к специальным носилкам. Потом поднял большой палец, подавая команду тем, кто был в воздухе над ними, и Кики почувствовала, как тошнотворно наклонилось ее ложе, когда ее поднимали со спасательного плота на зависший на месте вертолет.

Ее подняли на борт первой, но и другие не заставили себя ждать. Затуманенными морфином глазами Кики наблюдала, как втащили в вертолет тело Шона, за которым быстро поднялся старший сержант, потом внутри очутились лейтенант, капитаны и, наконец, полковник.

А когда они улетали от места катастрофы, взгляд Кики остановился на сапфировой синеве морской воды, все еще видимой через открытую дверцу вертолета. И всей душой она пожелала увидеть всплеск оранжевого золота, скользящего под поверхностью волн вслед за вертолетом и вечно ожидающего ее возвращения.

Глаза девушки наполнились слезами, горячие ручейки потекли по щекам.

— Эй, сержант, с тобой все будет в порядке, — сказал врач, накладывавший на ее руку жгут для внутреннего укола. — Мы доставим тебя домой и ты будешь в полном порядке!

Ф. К. Каст

Кики открыла рот, чтобы сказать, что она уже никогда не будет в полном порядке, но тут с другого конца вертолета донесся крик:

— Ох, черт! Джонсон! Давай быстро сюда, помощь нужна! Этот парень жив!

Медик, хлопотавший над Кики, быстро сделал ей укол и, сняв жгут с руки девушки, бросился на помощь коллеге.

Кики смутно понимала, что вся эта медицинская суета происходит над телом Шона, но ее мысли путались, она ни на чем не могла сосредоточиться.

И ей казалось, что она знает, почему это так. Это не имело отношения ни к потере крови, ни к боли, ни даже к морфину. Это было из-за того, что, хотя ее тело и оставалось живым, ее сердце умерло. Оно умерло в другом мире и превратилось в ничто, растворившись в море.

Морская синева перед глазами начала угасать, темнея, и вскоре девушку накрыла серая мгла... она укутала Кики, как одеяло, погрузив в глубокий сон без сновидений.

Часть третья

Глава тридцатая

Девять месяцев спустя

— Ох, я вас умоляю! Это же все просто полная чушь! — воскликнула Кики и запустила книгу через комнату, чуть не угодив в лиловую орхидею, распустившую волшебный цветок на кофейном столике. — Ганс Христиан Андерсен, Т. С. Элиот, Лукреций, Теннисон, да еще и этот чудовищный Де ла Мот! Ух! Да ни один из них и близко к правде не подошел!

Кики вздохнула и пошла за книгой, еще больше рассердившись из-за того, что ее пришлось доставать из-под кушетки. Нашупав ее наконец, девушка отправилась напрямик в кухню, к мусорному ведру, по пути уставясь на заглавие томика.

— «Романтические сказки»! Ха! — фыркнула она и подняла крышку ведра. Но, как обычно, не смогла заставить себя действительно выбросить книгу. Покачивая головой и ругаясь под нос, она прошла в пустую комнату.

— И что же тут романтического, в этой дурацкой истории? Как обычно, у русалки даже и души-то собственной нет, и на ней должен жениться какой-нибудь болван, чтобы она эту душу обрела! А уж в этой сказочке он еще и предает ее ради другой женщины, а она все так же по нему тоскует!

Кики осмотрела новенькие книжные полки, ища место для тонкой книжки. Наконец девушка втиснула ее между чудесно иллюстрированным изданием «Русалки: морские нимфы» и томиком Оскара Уайльда. Потом изучила взглядом свою постоянно расширяющуюся коллекцию.

— Столько слов, и ни капли правды! Ни один из вас ничего не понимает, даже намек нет! Вот если бы вы ощутили магию его улыбки...

Кики не произнесла вслух его имени; она даже мысленно его не произносила. Она просто не могла. Хотя прошло уже целых девять месяцев, она чувствовала себя все такой же опустошенной и хрупкой. Если бы она позволила себе слишком много думать о пустоте, образовавшейся у нее внутри, то вся видимость благополучия, которую Кики старалась поддерживать ради других, разлетелась бы вдребезги, Кики была уверена в этом. И как ей жить потом?

Поэтому Кики обшаривала книжные магазины и Интернет, разыскивая любые упоминания о русалках. А потом жадно глотала страницы, как будто искала там некий спасательный круг. Возможно, это действительно было так. Книги поддерживали в ней гнев и разочарование, а с ними было легче жить, чем с пустотой и отчаянием.

Кики уже обращалась к сети и для начала обшарила «Амазон», используя термин «тритон». Выскочили

два ответа: аудиокolleкция лучших хитов Этель Трит и какая-то игрушка на тему «Победителей Вселенского Зла» — «Три тона». После этого Кики пользовалась для поиска только словами «русалка» и «мифология».

Когда Кики обнаружила ссылку о выходе нового издания «Романтических сказок», ее охватило почти невыносимое чувство предвкушения; она купила книгу, открыла ее... Реклама в «Амазоне» утверждала, что в классической сказке Де ла Мота говорится о русалке Ундине. Говорилось, что это «история о водяной нимфе, которая полюбила, обрела душу и таким образом познала человеческие страдания». Но, как обычно, прочитав сказку, Кики осталась разочарованной и раздраженной.

— Это просто еще одна поучительная аллегория, написанная каким-то глупым ничтожеством, — в отчаянии сказала Кики.

Потом она в очередной раз вздохнула и потеряла розовый шрам, тянувшийся через плечо, поморщившись от тупой боли, охватившей руку. Затем посмотрела на часы. Было почти девять вечера. Пятница. Роскошный, почти олимпийских размеров, бассейн при жилом комплексе должен быть пустым в такое время, даже несмотря на августовскую жару. Это было как раз то, что надо.

Пока Кики надевала закрытый купальник «Спидо» и торопливо завязывала в хвост отросшие до плеч каштановые волосы, она как будто наяву слышала голос матери, разносившийся по квартире: «Дорогая моя, хорошенькая девушка вроде тебя не должна проводить в одиночестве вечер пятницы. Это не слишком полезно для души».

Золотая цепочка, висевшая на шее Кики, блеснула в свете лампы в ванной, и губы девушки сложились в горькую улыбку. Она погладила гладкую, мерцающую округлость огромной жемчужины. Потом посмотрела на себя в зеркало, делая вид, что разговаривает с матерью.

— С моей душой все в порядке, мама. Она просто далеко отсюда.

Представив, как была бы удивлена мать такими словами, Кики сжала губы. Ей не нравилось вспоминать, какое потрясение пережили ее родители, узнав, что она попала в авиакатастрофу. Они не отходили от нее ни на шаг все время, пока она находилась в госпитале, а когда Кики выписали и она вернулась в свое подразделение в Тинкере, мама поехала с ней и жила у нее еще два месяца, помогая проходить болезненный курс реабилитации. И уж конечно, Кики ни за что на свете не сказала бы матери ничего такого, что встревожило бы ее еще больше... а это значило, что она никогда не рассказала бы ей, что жаждет очутиться в другом мире и в другом времени.

Кики покачала головой. Нет, она не позволит депрессии победить... она не желает стать угрюмой тенью. В последние девять месяцев она чувствовала себя так, словно пыталась породить на свет некое новое «я», и постоянно напоминала себе, что процесс рождения всегда причиняет боль. Это просто еще одна сторона жизни.

Кики заставила себя улыбнуться, набросила на плечи купальный халат, прихватила полотенце и сумку с купальными принадлежностями и поспешила к двери. Вода могла поднять ей настроение. Так всегда случалось.

По лестнице как раз поднималась миссис Руниан, и Кики помахала ей рукой, приветствуя.

— Отправляешься на ночное купание, дорогая? — спросила соседка.

— Да, мэм.— Кики тепло улыбнулась женщине. Они с соседкой очень сблизились за то время, пока Кики восстанавливала силы. И девушка чувствовала себя польщенной, что удостоилась дружбы еще одной мудрой женщины.

— Что ж, вечер сегодня чудесный. Полная луна, и небо чистое.

Кики удивленно посмотрела вверх. Луна цвета сливочного масла, круглая и роскошная, едва показалась над зеленым поясом, окружавшим жилой комплекс.

— Да, вы правы. Я и забыла, что сегодня полнолуние.

На службе Кики готовилась к очередной проверке Центра коммуникаций. Она всего три месяца работала в полную силу и была так занята, что совершенно не следила за лунными фазами. И теперь она очень обрадовалась, что будет плавать в прекрасном свете полной луны.

Миссис Руниан хитро улыбнулась девушке и потерла кончик носа.

— Ты уж сегодня гляди в оба. В полнолуние иной раз случаются странные вещи.

— Я помню, миссис Руниан. И еще я помню, что мы завтра вечером собирались вместе посмотреть фильм,— сказала Кики и поспешила вниз.

— Отлично, юная леди. И ты принесешь шампанское! — весело сказала ей вслед старая женщина.

Кики все еще улыбалась, когда входила в нарядные кованые ворота, за которыми находился бассейн. И ра-

достно вздохнула. Как она и предполагала, в бассейне никого не было. Кики никогда не переставала удивляться, как быстро обитатели дорогого жилого комплекса утратили интерес к этому прекрасному месту.

А ведь бассейн был великолепен. Он представлял собой огромный прямоугольник, выложенный плиткой цвета аквамарина, с ручной росписью по бортику; роспись изображала резвящихся рыбок. С одной стороны бассейна имелась встроенная джакузи, с другой — фонтан и каскадный водопад. Под тентами стояли аккуратными кругами дорогие шезлонги и стеклянные столики. По краю бассейна выстроились кушетки, заваленные подушками.

Кики скинула халат и достала из сумки защитные очки. Халат и сумку она бросила на ближайшую кушетку. И наконец направилась к самой глубокой части бассейна.

Этим вечером бирюзовая вода была освещена сверху так же хорошо, как и снизу. Словно потайные фонари, скрытые в нишах лампы бросали таинственный зеленоватый свет сквозь спокойную воду, а на поверхности играли и танцевали лунные лучи, вдыхая жизнь в это спокойствие и придавая сходство с океанским простором.

Когда Кики в последний раз видела отражение луны в океане, она как раз была в объятиях...

Кики судорожно вздохнула и быстро обуздала свои мысли. Она не была готова к внезапно нахлынувшим болезненным воспоминаниям. За прошедшие девять месяцев она обнаружила, что память способна сыграть плохую шутку, и научилась удерживаться от воспоминаний, ввергавших ее в водоворот боли, остававшейся все такой же острой... она позволяла себе вспоминать

лишь отдельные моменты, по одному зараз, и только тогда, когда специально к этому готовилась: А сегодня она не была готова, и желание снова увидеть Дилана застигло ее врасплох.

Кики потеряла глаза, решительно говоря себе, что она совсем не плачет. Она продолжает жить своей жизнью. Потом она подняла голову и посмотрела на луну.

— Надеюсь, ты меня видишь, — сказала она. — Ты права; я это сделала. Я сильная.

Легкий ветерок коснулся девушки, пощекотав ей шею, потом промчался над бассейном, и поверхность воды покрылась легкой рябью.

Кики улыбнулась.

— Спасибо, Великая Мать, что не позволяешь мне забыть о магии, что по-прежнему живет во мне.

На душе стало легче, Кики надела очки и глубоко вдохнула. А потом грациозно прыгнула в воду. Работая ногами, она повернула к поверхности и поплыла через бассейн, мерно взмахивая руками.

Кики вспоминала, как были поражены ее друзья и родные внезапно возникшей у девушки любви к плаванию. Когда рана в плече достаточно зажила, первой просьбой Кики было отвезти ее к воде — к любой воде, — чтобы она могла поплавать.

— Но, дорогая, ты ведь никогда не любила воду! — воскликнула тогда ее мать, смущенная необычной просьбой дочери.

— И ты никогда не умела хорошо плавать, — добавил отец.

Но Кики настаивала, и с разрешения лечащего врача она начала плавать в бассейне под руководством физиотерапевта.

Теперь Кики стала отличной пловчихой; ее физиотерапевт заявил, что у девушки большие способности к плаванию. Тогда Кики рассмеялась, а потом, гораздо позже, когда она была одна и лежала в постели, эти слова заставили ее разрыдаться.

Продолжая отсчитывать взмахи рук, Кики оттолкнулась от бортика, чувствуя, как тело начинает понемногу расслабляться. В воде Кики всегда чувствовала себя в безопасности. Лир был прав; вода принимала ее в отцовские объятия... даже если она плавала всего лишь в бассейне, построенном людьми. И Кики всегда болезненно стремилась к убежищу, даруемому водой. Гибель С-130 стала главной новостью тех дней, особенно после того, как журналисты узнали, что Кики спасли дельфины, а Шон воскрес из мертвых. К ужасу Кики, репортеры со всего мира охотились за ней и всем хотелось услышать ее «личное мнение о трагедии». Видимо, фраза «оставьте меня в покое» вообще не входила в лексикон журналистов, их этому не учили.

Кики оставалось лишь надеяться, что репортеры не будут так же назойливо приставать к Шону. После того как их подняли в вертолет, Кики его не видела. Ее отправили в военно-морской госпиталь в Италии, и она сразу попала под нож хирурга. А Шон очутился на военно-воздушной базе в Германии. До Кики лишь изредка доходили какие-то вести о нем — она знала, что Шон полностью поправился и что врачи называют это истинным чудом.

Но ее терзало чувство вины за то, что он чуть не умер. Она даже послала ему открытку... один раз. Кики отправила ее в его военную часть в Талсе. И до сих пор морщилась, вспоминая ту чушь, что написала то-

гда... она неловко благодарила его за то, что он поменялся с ней местами, и приносила совершенно неуместные извинения. Шон не ответил, да Кики ничего другого и не ожидала.

Кики сбилась с ритма и постаралась выбросить из головы мысли о катастрофе. Стояло полнолуние, она была одна, ее окружало надежное пространство воды. И этим вечером ей только и нужно было, что взмахивать руками, работать ногами и дышать... грести, дышать, грести, дышать...

Когда она подняла голову над водой для очередного вдоха, ей показалось, что в лунном свете мелькнула какая-то тень. Облако, разочарованно подумала девушка. Прогноз вроде не обещал дождя, но летом в Оклахоме погода менялась слишком часто. Кики удвоила усилия. Если ей придется слишком быстро выйти из бассейна, то она, по крайней мере, будет уверена, что неплохо поработала.

Какой-то звук донесся до нее сквозь плеск воды, но сначала Кики не обратила на него внимания, решив, что это просто отзвук далекого грома. Но звук оформился в слова:

— Сержант Канади!

Кики стиснула зубы и остановилась поблизости от мелкого края бассейна. Мужчина стоял в нескольких ярдах от нее. Сквозь мокрые защитные очки Кики смутно видела, что он высок и худощав. Но снимать очки девушка не пожелала.

— Что надо? — резко спросила она.

— Вы сержант Канади? Сержант Кристина Канади?

Голос мужчины показался ей смутно знакомым, и Кики решила, что это, видимо, один из тех репортеров,

что доставали ее в последние несколько месяцев, выпрашивая интервью.

— Послушайте, вам тут нечего делать!

— Я просто спросил, вы ли Кристина Канади. Та Кристина Канади, что попала в авиакатастрофу.

— Я не желаю разговаривать с...

Она резко замолчала, рассмотрев его наконец. Да, он был высок и худощав, он был даже слишком худым. На нем были поблекшие джинсы и свободный пуловер. Над правым нагрудным карманом была пришита эмблема. Лунный свет коснулся ее, отчетливо обрисовав голову индейского вождя... это был хорошо знакомый девушке значок подразделения F-16 в Талсе.

У нее похолодело в животе.

Его волосы были подстрижены по-военному коротко, он был чисто выбрит... Розовый выпуклый шрам тянулся от линии волос к левому глазу, потом вниз, через красиво очерченную скулу, и исчезал за ухом.

— Шон?..

Он нахмурился и замялся, прежде чем ответить. Кики показалось, что он нервничает.

— Да, но я... — Он развел руками и вздохнул, словно не находя слов.

Кики вытаращилась на него, потом, внезапно устыдившись, поспешила отвести взгляд. У него же было такое серьезное ранение... Чудо, что он вообще может ходить и говорить, поэтому нечего удивляться, что он путается в словах и смущается, пытаясь что-то сказать. Кики снова посмотрела ему в глаза и осторожно улыбнулась.

— Как думаешь, может, мне выбраться из бассейна и мы поболтаем?

Шон кивнул, и Кики поплыла от него к лесенке. Выбираясь из воды, она оглянулась на Шона и крикнула через плечо:

— Можешь подождать немножко, пока я вытрусь и надену халат?

— Я буду ждать тебя вечно, Кристина.

Слова Шона заполнили собой всю ночь.

Кики, словно ее внезапно ударили под лопатку, вздрогнула и согнулась. Ее нога не попала на последнюю ступеньку лестницы, и девушка свалилась обратно в воду. Задышавшись, она всплыла на поверхность, но, прежде чем успела глотнуть воздуха, сильные руки подхватили ее и подняли на край бассейна; она села, совершенно обессиленная, откашливая воду, которой успела наглотаться, и таращась на бледного мужчину, присевшего на корточки рядом с ней.

— Я бы никогда не позволил тебе утонуть, — тихо сказал он.

— Почему? — Кики потрясла головой, отпатываясь от Шона. — Почему ты это сказал?

— Кристина, я... — Шон потянулся к ней, но она быстро уклонилась.

— Прошу, перестань! — Она шипела, как разгневанная змея. — Я знаю, ты сильно пострадал, и понимаю, что именно я в этом виновата. Но ты не должен так говорить!

Лицо Шона подернулось тенью печали. Когда он заговорил, его голос звучал ровно, словно Шон пытался урезонить расстроенного ребенка.

— Когда-то я сказал тебе, что сам сделал выбор и что снова сделал бы то же самое. И тут ничего не изменилось. Ты ни при чем, любовь моя.

— Вот! — закричала Кики, стремительно вскакивая. Она обхватила себя руками, словно боялась, что вот-вот разлетится вдребезги. — Вот что я имела в виду! Не смей так говорить!

Шон медленно поднялся и осторожно шагнул к ней, но Кики отпрыгнула, и он остановился, протянув вперед руки, как бы предлагая перемирие.

— Я не могу этого не говорить. Мои слова — чистая правда, — сказал он.

— Зачем ты это делаешь? И как тебе это удастся? — Кики почувствовала, что начинает дрожать всем телом.

— Кристина, ты меня не узнаешь? — тихо спросил он.

— Я знаю, чьи слова ты произносишь, но он мертв! Я сама видела, как он умер там, в другом мире! — Кики всхлипнула и закрыла лицо ладонями.

Шон подошел к ней и обнял. Сначала Кики сопротивлялась, но вскоре затихла и просто стояла неподвижно, онемев от боли в незнакомых объятиях.

— Вижу, мне придется тебя убеждать. — Кики ощутила теплое дыхание Шона на мокрых волосах. — Тогда позволь мне описать некое место. Ты легко узнаешь этот уголок, потому что подобных ему просто не существует. Там скалы горделиво выстроились в круг посреди чистых вод; и над этим кольцом вместо свода — небо.

Он говорил, и Кики подняла голову, чтобы заглянуть в глубину его светло-карих глаз.

— Воду там освещают люминесцирующие рыбки, и еще там множество волшебных морских коньков, кружащихся в брачном танце. — Он ласково улыбнул-

ся девушке. — Именно там ты впервые принадлежала мне, и я думал, что знаю тебя целую вечность... что ты была частью меня еще до того, как мы встретились во время шторма, который вызвала твоя мать. И я буду любить тебя вечно, Кристина.

Очень осторожно, как будто боясь, что он исчезнет от слишком быстрого движения, Кики протянула руку и коснулась его щеки.

— Но как?.. — спросила она.

Он повернул голову и поцеловал ее в ладошку.

— Я не знаю, но мне нравится думать, что это дар богини. Прости, что мне понадобилось так много времени, чтобы найти тебя. Быть человеком очень странно. — Он немного помолчал и рассмеялся, и это был такой знакомый смех, что сердце Кики затрепетало в ответ. — Когда люди умирают, их тела не растворяются в воде. Они остаются целыми, как будто ждут, что какая-то другая душа вселится в них, но это тело было... — Он пожал широкими плечами. — Оно было сильно повреждено, и мне понадобилось гораздо больше времени на его исцеление, чем я предполагал. Многие говорили, что его вообще не исцелить, но они ведь не знали, что я должен выполнить данное тебе обещание.

— Дилан... — выдохнула Кики.

— Да, любовь моя, — ответил Дилан.

Кики вдруг почувствовала, как не отпускавшая ее боль вдруг рассыпалась и исчезла. И на ее месте возникло чувство бесконечной радости. А потом глаза девушки изумленно распахнулись.

— Это же полная противоположность тем историям о русалках, которые написали люди! — воскликнула она.

Ф. К. Каст

Он вопросительно посмотрел на нее.

— Да, во всех этих историях русалок спасала любовь человека с суши... а если он русалку не любил, она погибала.

Улыбка Дилана была как отражение ее собственной улыбки.

— Похоже, что люди тут здорово ошибались. Это женская любовь спасает душу тритона.

— Или они просто спасают друг друга,— предположила Кики.

— Как мы с тобой, Кристина.

— Навеки.

— Навеки,— заверил ее он.

И когда Дилан коснулся губами ее губ, в их ушах зазвучали магические звуки радостного смеха богини.

Содержание

Часть первая	11
Часть вторая	87
Часть третья	463